

593
K14
Н. А. КАЗАКОВА

ЗАПАДНАЯ
ЕВРОПА
В РУССКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ
XV—XVI

ВЕКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
Ленинградское отделение

Н. А. КАЗАКОВА

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА
В РУССКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ
XV—XVI ВЕКОВ

*Из истории
международных
культурных
связей России*

Под редакцией
академика Д. С. ЛИХАЧЕВА

Научная библиотека
Удмуртского
государственного
университета
г. Ижевск

3

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

В монографии исследуется один из важных аспектов культурных связей России с Западной Европой в период образования и укрепления Русского централизованного государства — информация о западноевропейских странах, имевшаяся в русской письменности XV—XVI вв. На основе анализа дипломатической документации, летописей и хронографов, памятников русской оригинальной и переводной литературы устанавливается, что русские политические деятели и книжники располагали значительным комплексом сведений о Западной Европе.

Издание рассчитано на историков.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Древняя Русь, Россия всегда была связана с другими европейскими странами в различных сферах общественной жизни — экономической, политической, культурной. Эти связи то крепили, то слабели, видоизменялись, но никогда не прерывались.

В первые века русской истории особенно тесными были контакты с Юго-Восточной Европой, с балканскими странами, с Венгрией, Чехией, Польшей. Киевская Русь являлась внешнеполитическим партнером этих стран, порой враждебным, но чаще дружественным. Правившая в Киеве династия Рюриковичей была связана матримониальными узами с королевскими и княжескими домами названных стран.¹ Тесная культурная близость существовала между восточными и южными славянами: можно говорить о едином для них литературном (церковнославянском) языке, единой письменности, общем фонде литературных произведений; этой общностью были охвачены в древнейший период частично западные славяне — чехи и словаки, распространялась она и на румын.²

Интенсивные связи существовали и с Северной Европой: через Русь проходили торговые пути, соединявшие Арабский восток и Византию со скандинавскими странами; варяжские князья, дружинники и купцы принимали участие в строительстве Древнерусского государства, создаваемого классом местных, славянских феодалов.

Контакты с западноевропейскими странами были менее тесными, но и они имели место. О торговле Руси с немецкими землями упоминают ранние таможенные уставы (Раффельштеттен-

---

¹ Подробнее см.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

² Подробнее см.: *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979, с. 5—13.

ский устав 903 г.), важным центром торговли Руси с Германией в XI в. был Регенсбург, который с давних пор являлся исходным пунктом дорог в славянские земли. Сила и могущество Киевского государства, самого обширного государства Европы, обусловили заинтересованность королевских домов западноевропейских стран в установлении династических связей с Киевом: дочь Ярослава Анна, вышедшая замуж за французского короля Генриха I, стала королевой Франции; внучка Ярослава Евпраксия вышла замуж за германского императора Генриха IV; Гита, дочь последнего англосаксонского короля Гаральда, бежавшая вместе со всей его семьей из Англии после завоевания ее норманнами, стала женой киевского князя Владимира Мономаха. Русь хорошо знали не только скандинавские саги, известия о ней встречаются в памятниках немецкой, английской, французской письменности того времени.³

Широта международных связей Киевской Руси позволила выдающемуся русскому писателю XI в. митрополиту Илариону с полным правом написать свои знаменитые слова о том, что Русская земля «ведома и слышима есть всеми четырьмя концами земли».⁴

Со второй половины XI в. Русь вступает в период феодальной раздробленности. Княжеские усобицы ослабляют страну, а в середине XIII в. она становится жертвой татарского завоевания, сопровождавшегося страшным разорением. Татарское завоевание и последующее татарское иго надолго замедлили поступательное развитие Руси. Они оказали отрицательное влияние и на состояние внешних сношений Руси. Если ее связи с Юго-Восточной Европой и Балканами в XIII—XIV вв. были сохранены, чему способствовала этническая и религиозная общность, если через Новгород и Псков поддерживались сношения со странами Балтийского региона, особенно со Швецией и ганзейскими городами, то контакты с Западной Европой по существу оказались прерванными. В ослаблении связей с Западом сыграл роль также конфессиональный момент: происшедший в 1054 г. окончательный раскол христианской церкви на восточную, православную, к которой принадлежала и русская церковь, и западную, католическую, в которую входили национальные церкви западноевропейских стран.

Постепенно Русь оправлялась от постигшей ее катастрофы, развивались производительные силы, и на основе экономического прогресса в XIV—XV вв. происходит процесс политического объединения русских земель. В конце XV—начале XVI в. создается Русское централизованное государство, сразу ставшее важным

³ Подробнее см.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т.* Внешняя торговля Древней Руси. — История СССР, 1967, № 3, с. 84—108; *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси.

⁴ *Розов П. П.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — *Slavia*, год. XXXII (1963), сеф. 2, стр. 164.

фактором политической жизни Европы. Одновременно возникают условия для расширения, а в ряде случаев и возобновления связей (в том числе и культурных) Руси с западными странами.

Международные культурные связи — понятие многоплановое. Его существенной составной частью является вопрос об информации, имеющейся в одной стране о других странах.

Исследователи давно отметили, что в XV—XVI вв., в период образования и укрепления Русского централизованного государства, в странах Запада существовал живой интерес к России. В. О. Ключевский писал по этому поводу: «Ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно описана путешественниками из Западной Европы, как отдаленная лесная Московия».⁵

Сочинения иностранцев о России не раз являлись объектом обстоятельных исследований. Но противоположный вопрос — какие сведения имелись в допетровской России о Западной Европе — остается до сих пор почти не изученным. Традиционную для дореволюционной историографии точку зрения на культурные отношения Московского государства с Западной Европой очень точно сформулировал академик А. И. Соболевский: «У нас господствует убеждение, что Московское государство XV—XVII вв. боялось иноземцев и было как бы отгорожено от Западной Европы стеною, до тех пор, пока Петр Великий не прорубил в Европу окна. Трудно сказать, откуда взялось у нас это убеждение; можно отметить лишь то, что оно держится еще крепко».⁶ Мнение, о котором А. И. Соболевский писал в 1903 г., бытует и сейчас в некоторых кругах западной историографии.⁷

Опровержение господствующей точки зрения о культурной изоляции России от Западной Европы в допетровское время являлось одной из целей труда А. И. Соболевского «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы». Книга сохраняет большую ценность и сейчас, но она касается лишь одного вида русской письменности, содержащего сведения о Западе, — переводной литературы, кроме того, библиографические материалы не могут заменить соответствующую

---

⁵ Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пгр., 1918, с. 5.

⁶ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903, с. 38. — Приведенное высказывание А. И. Соболевского было перенесено в его книгу из речи, произнесенной 10 мая 1898 г. на торжественном акте Археологического института в Петербурге (Соболевский А. И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1899).

⁷ О живучести этого мнения свидетельствуют сделанный Г. Штёклем на заседании Общества по изучению земли Северный Рейн-Вестфалия доклад «Изображение Запада в древнерусских летописях» и особенно обсуждение этого доклада (Stöckl G. Das Bild des Abendlandes in den altrussischen Chroniken. — Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen, H. 124. Köln u. Opladen, 1965).

щего исследования. Некоторые советские авторы, историки и литературоведы, ставили вопрос о сведениях о Западной Европе, имевшихся в русской письменности XV—XVI вв., но лишь применительно к отдельным памятникам или даже отдельным известиям.⁸ Общая картина отражения жизни Западной Европы в русской письменности XV—XVI вв. до сих пор отсутствует.⁹ А между тем создание такой картины важно и для характеристики уровня развития древнерусской культуры, и для понимания духовного мира русских людей, и степени контактов России с Западом.

Автор настоящей книги попытался восполнить имеющийся в исторических исследованиях пробел и путем выявления и анализа источников, включающих сведения о западноевропейских странах, дать ответ на вопрос: что знали в России о Западной Европе в XV—XVI вв.¹⁰

В процессе работы над книгой автор неоднократно пользовался советами чл.-кор. АН СССР В. И. Рутенбурга, А. Д. Люблинской, Я. С. Лурье и А. Н. Немилова. Всем им автор приносит свою сердечную благодарность.

---

⁸ Исключение составляет лишь статья академика М. П. Алексеева «Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв.» (Уч. зап. ЛГУ, серия истор. наук, вып. 15, 1947, с. 43—109), в которой обобщаются сведения об Англии, имевшиеся в русской письменности названного времени; однако основное внимание автор уделяет не интересующему нас периоду, а XVII в. — Остальная литература по отдельным вопросам избранной нами темы будет указана далее при рассмотрении этих вопросов.

⁹ М. А. Алпатов во введении к своей книге «Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв.» (М., 1973, с. 33) пишет, что у него, как у автора, «были такие моменты, когда очень хотелось рассказать читателю, что же именно знал русский человек о Западе». Но освещение этого вопроса в многоплановой монографии М. А. Алпатова занимает немного места. Применительно к XV—XVI вв. автор касается его дважды: в четвертой главе, где дается известная по работам исследователей, предшественников М. А. Алпатова, характеристика русских литературных памятников, возникших в связи с Флорентийским собором, и в пятой главе, где анализируются известия Никоновской летописи о Западной Европе. Весь остальной круг русских источников, содержащих известия о Западе, остается вне поля зрения М. А. Алпатова, очевидно, потому, что в проблеме «Россия и Запад» его интересует в первую очередь историографический (в рамках XII—XVII вв.) аспект.

¹⁰ Под Западной Европой мы понимаем Англию, Нидерланды, Францию, Испанию, Италию и Империю («Священную римскую империю германской нации»). Хотя Империя территориально относилась скорее к Центральной Европе, но она играла настолько значительную роль в жизни Западной Европы, что рассматривать западноевропейскую проблематику, игнорируя Империю, невозможно.

Глава I

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СЕРЕДИНЫ XV в.

Возобновление контактов Руси с Западной Европой в XV в. было связано в известной мере с участием русского посольства в деятельности Ферраро-Флорентийского собора, на котором была провозглашена уния западной, католической, и восточной, православной, церквей. Заключение унии было обусловлено, с одной стороны, стремлением папства к подчинению себе православной церкви, а с другой — угрозой турецкого завоевания Византии.

Государство турок-османов, возникшее в Малой Азии в конце XIII в., очень скоро превратилось в сильнейшую державу Ближнего Востока. Турки распространяли свою власть не только в Малой Азии, но и на Балканском полуострове. Уже Орхан, сын основателя Османского государства Османа, в 1354 г. овладел европейским берегом Дарданелл. Наследник Орхана султан Мурад I завоевал Фракию и в 1365 г. перенес свою столицу в Адрианополь. Турки оказались в непосредственной близости к Константинополю, столице Византийской империи. В конце XIV в. данниками турок стали Сербия, Болгария, Валахия. Наступление турок на Балканы было временно приостановлено в начале XV в. вследствие удара, нанесенного туркам Тимуром, но при султане Мураде II (1421—1451) оно возобновилось с новой силой. В 1422 г. Мурад II осадил Константинополь, правда неудачно. Но при дворе византийского императора Иоанна VIII Палеолога прекрасно понимали, что снятие осады Константинополя — это временная передышка и что если Византия не получит помощи извне, то для ее сочтены. В этих условиях у византийского правительства и руководства византийской православной церковью созрела мысль обратиться за помощью к Западу, заплатив за нее ценой церковной унии.

Решение правящих кругов Византии пришлось как нельзя более кстати для римского папы Евгения IV. Рим находился в это время в затруднительном положении, так как в Базеле

с 1431 г. заседал поддерживаемый германским императором собор католической церкви, стремившийся к ограничению власти папы. В этих условиях уния — в случае ее осуществления — способствовала бы не только распространению влияния католической церкви на православном Востоке, но и усилению позиций папы внутри самой католической церкви. Для решения вопроса об унии был созван объединенный собор католической и православной церквей, который начал свою работу в Ферраре в 1438 г., а затем перенес ее во Флоренцию. Там после ожесточенных дебатов 6 июля 1439 г. была провозглашена уния. В работе Ферраро-Флорентийского собора участвовала, как мы указывали, и делегация русской церкви.

Глава русской делегации митрополит Исидор, грек по национальности, являлся сторонником унии. Во Флоренции Исидор подписал акт о церковной унии, после чего он был назначен папой легатом для Литвы, Лифляндии и России, а позже, в декабре 1439 г., сделан кардиналом. Однако на Руси уния встретила враждебное отношение: когда посольство с собора возвратилось в Москву, Исидор был схвачен и брошен в заключение, откуда ему удалось бежать в Литву, а затем в Константинополь. В 1448 г. на соборе русских епископов митрополитом был избран рязанский епископ Иона, и русская церковь стала автокефальной. Русские политические и церковные круги в вопросе об унии были единодушны: они правильно поняли, что уния несет с собой угрозу подчинения русской церкви власти папы, а потому ее отвергли.

* * *

Помимо церковно-политических последствий, участие русского посольства в Ферраро-Флорентийском соборе имело литературные отклики. Участниками посольства были написаны четыре произведения, авторы которых изложили в них то, что они видели и что нашли достойным описания. Эти произведения представляют большой интерес и как памятники, отражавшие первые впечатления русских людей от знакомства с Западом, и как источники сведений о нем для древнерусских читателей. Наибольшую ценность в этом плане имеет «Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг.», содержащее описание путешествия русского посольства во Флоренцию и обратно на Русь. «Хождение» известно в научной литературе под разными названиями: «Путешествие митрополита Исидора», «Путешествие Симеона Суздальского», «Дневник путешествия митрополита Исидора», «Путевые заметки неизвестного суздальца», «Хождение на Флорентийский собор», «Хождение во Флоренцию». Мы будем употреблять последнее название, ибо оно наилучшим образом (в пределах, возможных для названия) характеризует памятник, определяя его жанр и указывая географическую цель описанного в нем путешествия.

«Хожделение» ввел в научный оборот Н. И. Новиков, опубликовавший его текст по списку Синодальной библиотеки.¹ Второе издание «Хождения» принадлежит И. Сахарову; по словам издателя, оно осуществлено по Чершковскому и Басовскому спискам.² И. Сахаров снабдил издание заголовком — «Путешествие Симеона Суздальского в Италию» — и приписал таким образом «Хождение» творчеству суздальского переезжика Симеона, являющегося автором «Повести о восьмом (Ферраро-Флорентийском. — И. К.) соборе».

Первым исследователем, серьезно занявшимся изучением «Хождения», был А. Павлов. Он не ограничился анализом текста памятника в двух имевшихся в его время изданиях (Н. И. Новикова и И. Сахарова), а обратился к спискам. А. Павлов привлек два неизвестных ранее списка — Синодального собрания № 46 (ныне № 46/177), в котором путешествие доводится, как и в изданиях Н. И. Новикова и И. Сахарова, до столицы Венгрии Буды, и Музейного собрания № 939, включающего описание последнего отрезка пути от Буды до Суздаля.³

Тексты, изданные Н. И. Новиковым и И. Сахаровым, А. Павлов отнес к двум разным редакциям «Путешествия митрополита Исидора в Италию» (так А. Павлов называет «Хождение во Флоренцию»), предложив именовать их Новиковской и Сахаровской. В результате сравнения обеих редакций А. Павлов пришел к следующим выводам.

1. Новиковская редакция не знает своего автора, который говорит о себе не иначе, как «мы»; в Сахаровской редакции автор не раз называет себя «Симеоном» (один раз «Симеоном, иноком из Суздаля»), что побуждает отождествлять автора «Путешествия» с автором «Повести о восьмом соборе», бесспорно принадлежащей суздальскому перею Симеону.

2. В Сахаровской редакции есть несколько вставок из «Повести» (А. Павлов называет 8 вставок); за исключением этих вставок, придающих «Путешествию» тон и характер полемиического сочинения, в издании И. Сахарова остается то же самое, что и у Н. И. Новикова: краткие путевые заметки, автор которых интересовался более иноземными диковинами, чем религиозными вопросами.

¹ ДРВ, ч. VI. Изд. 2-е. М., 1788, с. 27—48.

² Сахаров И. 1) Путешествия русских людей в чужие земли, ч. I. Изд. 2-е. СПб., 1837, с. 87—112; 2) Сказания русского народа, т. II. СПб., 1849, с. 81—88.

³ А. Павлов установил также, что указание И. Сахарова, повторенное А. Горским и К. Новоструевым (*Горский А. и Новоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел II, т. 2. М., 1859, с. 209—210*), на издание Н. И. Новиковым текста списка Синодального собрания № 329 (ныне № 448/144) является неправильным, так как в этом списке находится только начало произведения (*Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, с. 92, прим. 2*).

3. В Сахаровской редакции налицо все пропуски и ошибки, какие открываются в Новиковской редакции при сравнении ее с рукописями той же редакции (А. Павлов приводит пропуски, а из ошибок самую яркую: слова «Христа ради», читающиеся в рукописях в сокращенном виде, у Н. И. Новикова и И. Сахарова переданы как «хасрад», с пояснением у Н. И. Новикова — «госпиталь», у И. Сахарова — «а по нашему рекше — богадельня»); по поводу общих для изданий Н. И. Новикова и И. Сахарова пропусков и ошибок А. Павлов замечает: «По неимению списков Сахаровской редакции мы не беремся объяснять эти странные совпадения».

4. В Сахаровской редакции по сравнению с Новиковской имеются некоторые сокращения (А. Павлов называет четыре места, выпущенных в Сахаровской редакции).⁴

Подводя итоги результатам сопоставлений Сахаровской и Новиковской редакций, А. Павлов приходит к заключению: Сахаровская редакция есть, с одной стороны, распространение Новиковской вставками из «Повести о восьмом соборе», а с другой — сокращение первоначального текста путевых заметок от Москвы до Флоренции и обратно.

Задаваясь далее вопросом, не мог ли Симеон Суздальский, названный в Сахаровской редакции в качестве автора «Путешествия», быть составителем первой анонимной (Новиковской) редакции этого памятника, А. Павлов дает на него отрицательный ответ. Основанием для такого заключения послужили различия между «Путешествием» Новиковской редакции и «Повестью о восьмом соборе», несомненно принадлежащей Симеону: первое представляет собой объективные и бесстрастные заметки, второе — антилатинское полемическое сочинение; отождествлять авторов обоих произведений не позволяют и имеющиеся в них фактические несовпадения (разное число заседаний Флорентийского собора, расхождения в некоторых датах и т. д.). По мнению А. Павлова, путевые заметки принадлежат земляку Симеона — суздальцу, который, очевидно, был мирянином (что подтверждается вышеуказанным характером сочинения), дьяком или боярином суздальского епископа. По поводу возникновения Сахаровской редакции А. Павлов высказывает лишь осторожное предположение: «Не произошла ли она таким образом, что Симеон воспользовался записками своего земляка, чтобы дополнить их вставками из своей повести?»⁵ Выводы А. Павлова послужили в той или иной степени основой для дальнейших суждений о литературной истории «Хождения во Флоренцию».

Ф. И. Делекторский дополнительно к заключениям А. Павлова высказал два предположения. Первое предположение

---

⁴ Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян, с. 92—95.

⁵ Там же, с. 95—97.

касается вопроса о первоначальном тексте «Хождения». Ф. И. Делекторский считает, что «Путевые записки неизвестного суздальца» (так автор называет «Хождение») сохранились в полном объеме в списке Музейного собрания № 939, доводящем изложение до возвращения русского посольства в Суздаль, и список этот «именно в силу своей законченности, цельности есть верная копия оригинала»; что касается списков, в которых текст заканчивается описанием Буды,⁶ то они возникли, по мнению Ф. И. Делекторского, вследствие того, что какой-нибудь русский книжник опустил при переписке заключительную часть текста с описанием пути от Буды до Суздаля, так как счел ее неинтересной (здесь почти исключительно указываются расстояния от одного населенного пункта до другого). Второе предположение Ф. И. Делекторского относится к Сахаровской редакции «Хождения». Пришпывая вывод А. Павлова о том, что эта редакция возникла в результате, с одной стороны, расширения текста путевых заметок вставками из «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского, а с другой — их сокращения, Ф. И. Делекторский указывает, что в Сахаровской редакции «Хождения» «Повесть» была использована в той ее редакции, которая находится в составе «Слова избрана на латыню», полемиического произведения, написанного в 1461 г. Если о Симеоне Суздальском как о возможном авторе Сахаровской редакции «Хождения» А. Павлов говорит лишь в форме осторожного вопроса, то Ф. И. Делекторский авторство Симеона считает несомненным и рассматривает текст, изданный И. Сахаровым, как сочинение Симеона, возникшее в результате произведенного Симеоном соединения текста путевых заметок неизвестного суздальца с текстом принадлежащей Симеону «Повести» в редакции «Слова» («Слово избрано на латыню» является, по мнению Ф. И. Делекторского, также сочинением Симеона Суздальского).⁷

А. Д. Щербина основное внимание уделяет решению вопроса о происхождении Сахаровской редакции «Хождения во Флоренцию». Опираясь на наблюдения А. Павлова о наличии в Сахаровской редакции тех же пропусков и ошибок, что и в издании Н. И. Новикова по сравнению с имеющимися рукописями, А. Д. Щербина путем сопоставления изданий Н. И. Новикова и И. Сахарова устанавливает еще одно важное обстоятельство — факт внесения в текст произведения в Сахаровском издании добавлений, которые были сделаны Н. И. Новиковым в скобках с целью пояснения неясных мест и слов. Например, у Н. И. Новикова: «...оттоле на Жунскую (Шконскую или Шонскую)

---

⁶ Ф. И. Делекторский дополнительно к уже известным спискам называл список сборника Московской духовной академии № 80 (*Делекторский Ф. И. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии.* — ЖМНП, 1895, июль, с. 7, прим. 1).

⁷ Там же, с. 5—10, 29—37.

землю, и оттоле на Свипцкую (Шведскую)», у И. Сахарова: «оттоле на Шконскую землю и оттоле на Шведскую»; у Н. И. Новикова: «... есть град Нурбек (Нирнберг)», у И. Сахарова: «... есть град Нирнберг» (таких случаев А. Д. Щербина отмечает 22).⁸ Это обстоятельство неоспоримо доказывает, по мнению А. Д. Щербины, что в Сахаровской редакции «Путешествия» («Хождения») использован текст издания Н. И. Новикова. Факт использования И. Сахаровым текста издания Н. И. Новикова, с одной стороны, отсутствие рукописей с текстом Сахаровской редакции — с другой, побудили А. Д. Щербину сделать вывод о том, что Сахаровская редакция была создана самим издателем путем произвольной обработки текста Новиковского издания, в первую очередь путем включения в него отрывков из «Повести о посылном соборе» Симеона Суздальского. Что касается Черниковского и Басовского списков, положенных, по утверждению И. Сахарова, в основу его издания, то они являются вымышленными. При этом А. Д. Щербина ссылается на установленные в научной литературе факты произвольной подправки, а иногда и сочинения И. Сахаровым изданных им текстов песен, сказок, хождений и других письменных памятников, а также на факты указания издателем несуществующих рукописей.⁹

Все списки «Путешествия» («Хождения»), по мнению А. Д. Щербины, восходят к одной редакции, первичной, в которой оно доводится лишь до Буды, лишняя часть (от Буды до Суздаля) в одном только списке является позднейшим прибавлением, сделанным автором «уже со слов кого-нибудь»; этим объясняется краткость последней части, которая идет «вразрез с общим характером самого „Путешествия“». В отличие от А. Павлова и Ф. И. Делекторского, полагавших, что автором «Путешествия» («Хождения») был неизвестный суздалец-мирянин, А. Д. Щербина считает неизвестного суздальца, члена свиты суздальского епископа Авраамия, духовным лицом, о чем свидетельствует его склонность к описанию церквей и монастырей.¹⁰

Выводы А. Д. Щербины о характере Сахаровского издания не смог учесть в новом издании текста «Хождения» В. Малинин, опубликовавший памятник в 1901 г., за год до появления исследования А. Д. Щербины. В. Малинин издал «Хождение во Флоренцию» по списку Софийского собрания № 1464, доводящему изложение до Буды, с подведением вариантов по списку № 1465 того же собрания, Новиковскому и Сахаровскому изданиям.¹¹

---

⁸ Щербина А. Д. Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии. Одесса, 1902, с. 11—12.

⁹ Там же, с. 7—24; ср.: Пыпин А. Н. Подделки рукописей и народных песен. — Памятники древней письменности, СХХVII. 1898. с. 23—32.

¹⁰ Щербина А. Д. Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии. с. 4—5, 19—20.

¹¹ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, с. 70—87.

(считая, таким образом, списки, пазванные И. Сахаровым, реально существовавшими).

Публикацией В. Малипина и исследованием А. Д. Щербины заканчивается изучение «Хождения во Флоренцию» в русской дореволюционной историографии.

Значительный интерес проявляют к «Хождению» современные западногерманские исследователи. В 1954 г. Г. Штёкль издал текст «Хождения» в переводе на немецкий язык (перевод сделан с издания В. Малипина) и снабдил свою публикацию подробными комментариями.¹² Издание Г. Штёкля является единственным до сих пор комментированным изданием памятника. Перевод «Хождения» на немецкий язык послужил толчком к появлению ряда посвященных ему статей. Л. Мюллер проанализировал часть «Хождения», описывающую проезд русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор через Германию.¹³ Г. Людат тщательно рассмотрел отрывки «Хождения», содержащие описания Любека.¹⁴ Западногерманские исследователи подчеркивают дневниковый характер «Хождения», отсутствие у его автора религиозной полемики и предвзятого отношения к Западу и ценность в силу этого «Хождения» как исторического источника, рассказывающего о том, как беспристрастный русский человек увидел полтысячелетия назад западный мир;¹⁵ вместе с тем западногерманские ученые отмечают, что описаниям неизвестного автора «Хождения» наряду с колоритностью свойственна наивность.¹⁶

Из советских исследователей «Хождением» специально занимались Н. И. Прокофьев, Н. В. Мощинская и автор настоящих строк.

Н. И. Прокофьев, не изучавший рукописной традиции «Хождения», вслед за исследователями XIX в. признает существование двух редакций произведения — Новиковской и Сахаров-

---

¹² Reisebericht eines unbekannten Russen (1437—1440), übersetzt, eingeleitet und erklärt von Günther Stökl. — In: Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Byzantinische Geschichtsschreiber, Bd. II. Verlag Styria—Graz—Wien—Köln, 1954 (далее — *Stökl G.*), S. 151—189.

¹³ Müller L. 1) Ein Russe bereist 1438 die Salzstrasse. — In: Lauenburgische Heimat. Zeitschrift des Heimatbund und Geschichtsvereins Herzogtum Lauenburg N. F., H. 9. Ratzeburg, Dezember, 1955; 2) Günther Stökl. Reisebericht eines unbekannten Russen (1437—1440), übersetzt, eingeleitet und erklärt. — In: Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Verlag Styria, Graz, Wien, Köln (1954) = Byzantinische Geschichtsschreiber, herausgegeben von Endre v. Ivánka, Bd. II, 191 S.; fr. br. 6. — DM. Herbert Ludat. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters. — In: Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde, Bd. XXXV (1955), S. 74—84. — Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte, Bd. 80, 1956 (далее — Müller L. Рецензия на работы Г. Штёкля и Г. Людата); 3) «Und die Paläste überaus wunderbar...». — Kieler Nachrichten, 1957, 5. Februar.

¹⁴ Ludat H. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters.

¹⁵ Stökl G., S. 151; Ludat H. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters, S. 72, 78.

¹⁶ Ludat H. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters, S. 77; Müller L. «Und die Paläste überaus wunderbar...».

ской — и автором первой считает неизвестного суздальца, второй — Симеона Суздальского. Основное внимание Н. И. Прокофьев уделяет анализу путевых впечатлений неизвестного автора, однако этот анализ не является достаточно полным, поскольку «Хождение во Флоренцию» — это лишь одно из ряда древнерусских «Хождений», которых касается Н. И. Прокофьев.¹⁷

Н. В. Мощинская в специальной статье рассмотрела вопрос о личности автора «Хождения во Флоренцию» и пришла к выводу, что автором было духовное лицо из свиты суздальского епископа Авраамия, входившего в состав русского церковного посольства на Ферраро-Флорентийский собор.¹⁸

В автореферате кандидатской диссертации, посвященной исследованию «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского и «Хождения во Флоренцию» неизвестного суздальца, Н. В. Мощинская касается ряда вопросов, связанных с изучением «Хождения».¹⁹ Она повторяет высказанное в своей предшествующей статье мнение о неизвестном суздальце как о духовном лице, подчеркивает ценность его путевых впечатлений и останавливается на истории текста «Хождения». Н. В. Мощинская указывает, что ею учтено 17 списков «Хождения», но называет только шесть: Академический (БАН, 16.8.13), ОЛДП, Q.63, Погодинский № 1571, Синодальный № 46/177, Черниковский, Басовский. Списки «Хождения» Н. В. Мощинская разделяет на три варианта: «Первый вариант содержит после описания горячих ключей города Будина перечисление городов и населенных пунктов от Будина до Суздаля. Основной список первого варианта — БАН, 16.8.13... Второй вариант Хождения не сохранил описания последнего участка пути русской делегации и заканчивается на Будине. Вероятно, переписчики опускали эту часть, считая ее маловажной и неинтересной. Основной список второго варианта — ГПБ, ОЛДП, Q.63 (XVI в.). Третий, сокращенный вариант представлен списком ГПБ, собрания Погодина № 1571. Наблюдения над текстами списков показывают, что Хождение на протяжении своего существования значительно не изменилось. Текст подвергнулся в основном лишь малозаметной обработке,

---

¹⁷ Прокофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв. — В кн.: Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970, с. 191—204.

¹⁸ Мощинская Н. В. Об авторе Хождения на Флорентийский собор в 1439—1441 гг. (даты указаны ошибочно, нужно: в 1437—1440 гг. — Н. К.). — В кн.: Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970, с. 288—300.

¹⁹ Мощинская Н. В. «Повесть об осьмом соборе» Симеона Суздальского и «Хождение на Ферраро-Флорентийский собор неизвестного суздальца» как литературные памятники середины XV в. Автореф. канд. дисс. М., 1972 (далее — Мощинская Н. В. Автореферат). В книге «Вопросы русской литературы» (М., 1970) напечатана статья Н. В. Мощинской «Хождение неизвестного суздальца на Ферраро-Флорентийский собор 1436—1440 гг.». Название статьи ошибочно, так как в ней речь идет не о «Хождении», а о «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского; ошибочна также первая дата: нужно 1437 г.

перефразировке, дающей иные чтения». По поводу Сахаровской редакции «Хождения» Н. В. Мощинская придерживается того же мнения, что и А. Д. Щербина, считая ее созданием издателя.²⁰ Из приведенных суждений Н. В. Мощинской, изложенных в разделе ее автореферата, посвященном истории текста «Хождения», следует, что «Хождение» на всем протяжении своей истории существовало в одной редакции, представленной тремя вариантами. Однако в конце автореферата, говоря о помещенных в приложении к диссертации текстах исследуемых памятников, Н. В. Мощинская указывает, что «Хождение» неизвестного суздальца представлено полной редакцией.²¹ Но если Н. В. Мощинская называет подготовленный ею к изданию текст «Хождения» полной редакцией, то, следовательно, существовала и неполная редакция памятник, а не просто варианты его текста, о которых идет речь выше. Нам кажется, что в автореферате Н. В. Мощинской нет должной четкости в понимании автором основных этапов истории текста «Хождения».

В 1970 г. автор настоящей работы опубликовал «Хождение во Флоренцию» по Академическому списку (БАН, 16.8.13) с подведением вариантов по списку ГБЛ, Музейное собрание № 939 (в этих списках изложение доводится до возвращения в Суздаль).²² В результате обследования рукописных хранилищ Москвы и Ленинграда автору удалось выявить в дополнение к 11 упоминавшимся в литературе спискам «Хождения во Флоренцию» (ГИМ, Синодальное собрание № 448/144 и № 46/177; Черниковский, Басовский; ГБЛ, собр. Московской духовной академии № (5)80; ГПБ, Софийское собрание № 1465 и 1464, ОЛДП, Q.63, собр. Погодина № 1571; ГБЛ, Музейное собрание № 939; Академический, БАН 16.8.13) еще 9 списков (ГПБ, Софийское собрание № 1453, собр. Погодина № 1557, 1572, 1596, 1606, Q.1.1366; ГБЛ, собр. Московской духовной академии № 6(81), Троицкое собрание № 801 и 805). Кроме того, учтено имеющееся в литературе указание на существование еще в конце XIX в. в составе Соловецкого сборника № 31(46) списка «Сказания о градах от Великаго Новаграда до Рима»,²³ являющегося, как мы будем говорить дальше, одной из редакций «Хождения во Флоренцию». ²⁴ Из неопубликованной диссертации Н. В. Мо-

²⁰ Мощинская Н. В. Автореферат, с. 10—12.

²¹ Там же, с. 15.

²² Казакова П. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор». — ТОДРЛ, т. XXV, 1970 (далее — «Хождение»), с. 60—72.

²³ Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, с. 132; Русский Н. В. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Св. землю русского игумена Даниила в начале XII в. — ЧОИДР, 1891, кн. III, с. 67—72. — Местонахождение Соловецкого сборника № 31 (16) в настоящее время неизвестно.

²⁴ На связь «Сказания о градах» с Флорентийским собором обратил внимание также Я. С. Лурье (Лурье Я. С. [Рец. на] Повесть о Дмитрии Басарге и его сыне Борзосмысле. Исследование и подготовка текстов

щипской заимствовано указание на список БАН, Устюжское собрание № 10.²⁵ Таким образом, в настоящее время в научной литературе названы 22 списка «Хождения во Флоренцию».

Из этого числа следует исключить списки Черниковский и Басовский, использованные, по словам И. Сахарова, в его издании, поскольку А. Д. Щербина убедительно доказал (о чем говорилось выше) их вымышленный характер. К аргументации А. Д. Щербины добавим, что при изучении рукописной традиции «Хождения» нам не удалось выявить ни одного списка, хотя бы отдаленно напоминающего текст Сахаровского издания. Следовательно, в нашем распоряжении находится 20 списков «Хождения».

Все обследованные списки «Хождения во Флоренцию» могут быть разбиты на четыре группы.²⁶

К первой группе относятся два списка — Академический XVI в. и Музейный № 939 XVII в., — содержащие описание путе-

---

М. О. Скрипиля. Л., «Наука», 1959. — Изв. АН СССР, серия литературы и языка, т. XXIX, № 4, 1970, с. 349, прим. 3).

²⁵ Выявлением списков «Хождения» автор настоящей работы занимался давно и к 1970 г. учел 13 списков (см.: «Хождение», с. 62, прим. 11). Параллельно аналогичную работу вела Н. В. Мошинская, которой известно, согласно автореферату ее диссертации, 17 списков, но в автореферате названо, как уже отмечалось, только 6 списков. В находящейся в ГБЛ диссертации Н. В. Мошинской названо 18 списков «Хождения во Флоренцию»: БАН 16.8.13; ГПБ, ОЛДП, Q.63; ГИМ, Синодальное собрание № 144/448, 323/561, 177/46; ГПБ, Софийское собрание № 1453, 1464, 1465; ГПБ, собр. Погодина № 1596, 1571, 1572, 1606, 1557; ГБЛ, ф. 173, собр. Московской духовной академии № 5 (80), 6 (81), 28 (224); ГБЛ, Музейное собрание № 939; БАН, Устюжское собрание № 10. При сравнении перечней выявленных нами и Н. В. Мошинской списков «Хождения» устанавливается, что Н. В. Мошинская не учла списки Троицкого собрания № 801 и 805, ГПБ, Q.14366 и Соловецкого сборника № 31 (46); что автор настоящей работы не учел списки Устюжского собрания № 10, Московской духовной академии № 28 (224), Синодального собрания № 323/561. Но в рукописи Синодального собрания № 323/561 текст «Хождения» отсутствует, имеется «Летописная повесть о Флорентийском соборе» (см.: Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел II, т. 3. М., 1862, с. 643—667). В рукописи Московской духовной академии № 28 (224) текст «Хождения во Флоренцию» также отсутствует, имеются отрывки из одной из редакций «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского (см.: Леонид, архимандрит. Сведения о славянских рукописях, поступивших из хранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. М., 1887, с. 130—131). Следовательно, к выявленным нами спискам «Хождения во Флоренцию» диссертация Н. В. Мошинской добавляет один список — БАН, Устюжское собрание № 10.

²⁶ Описание всех списков «Хождения» см.: Казакова Н. А. Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг. (списки и редакции). — ТОДРЛ, т. XXX, 1976, с. 73—94. — Здесь отсутствует лишь описание Устюжского списка № 10, поскольку во время написания работы этот список был автору неизвестен. Список, датируемый второй половиной XVII в., находится в сборнике, описание которого см.: Исторические сборники XV—XVII вв. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 2. М.—Л., 1965, с. 235—238.

шествия русского посольства от Москвы до Флоренции и из Флоренции в Сузаль.

Вторая группа, самая многочисленная, представлена 12 списками: Софийский № 1464 XVI в., Софийский № 1465 XVI в., ОЛДП, Q.63 XVI в., Погодинский № 1557 XVI в., Погодинский № 1572 XVI в., Погодинский № 1596 XVI в., Московской духовной академии № 5(80) XVII в., Московской духовной академии № 6(81) XVII в., Синодальный № 46/177 XVII в., Устюжский № 10 XVII в., Погодинский № 1606 XVII в., ГИБ, Q.1.1966 XIX в. Эти списки начинаются, как и списки первой группы, известием о выезде русского посольства из Москвы, но обратный путь посольства прослеживается в них лишь до столицы Венгрии — Буды.²⁷

Третья группа включает два списка: Троицкий № 805 XVI в. и Соловецкий № 31(46) XVII в. (последний список до наших дней не сохранился и известен лишь по описаниям рукописных собраний). Списки третьей группы, имеющие заголовок «Сказание о градах от Великаго Новаграда и до Рима», начинаются с иронически уничижительного описания Новгорода и заканчиваются известием об отъезде из Флоренции участников собора.

К четвертой группе относятся два списка: Погодинский № 1571 XVI в. и Троицкий № 801 XVII в. В начале текста этих списков помещено указание на расстояния от Новгорода до Пскова, от Пскова до Риги и от Риги до Любека, в конце — после известия о приезде в Феррару — перечень православных участников собора.

Помимо названных 18 списков «Хождения во Флоренцию», сохранились еще два отрывка его текста (в сборнике Софийского собрания № 1453 XVII в. и в сборнике Синодального собрания № 448/144 XVI в.).²⁸ Ввиду краткости отрывки не могут быть отнесены к какой-либо группе списков «Хождения» и поэтому не представляют интереса для изучения истории его текста.

Попытаемся теперь ответить на вопрос, списки какой группы из предложенной нами классификации списков «Хождения во Флоренцию» представляют его первоначальную редакцию. Совершенно очевидно (если исходить лишь из приведенных нами сведений о начальном и конечном тексте каждой группы списков), что списки третьей и четвертой групп отражают более поздние этапы истории текста «Хождения». Следовательно, ответ на поставленный вопрос следует искать путем сопоставления первой и второй групп списков.

Текст второй группы списков в значительной части совпадает с текстом первой группы. Совпадение сохраняется (с не-

²⁷ Исключение составляет список собр. Погодина № 1606, текст которого завершается известием о выезде участников посольства из Венеции. О причинах отнесения этого списка ко второй группе списков «Хождения во Флоренцию» см. далее.

²⁸ См.: Казикова Н. А. Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг., с. 84.

большими разночтениями) вплоть до известия о выезде русского посольства из Загреба. Последующий отрывок, содержащий описание пути от Загреба до Буды, имеет расхождения в тексте второй группы по сравнению с текстом первой группы, о чем мы скажем далее. Описание же пути от Буды до Суздаля, читающееся в тексте первой группы, в списках второй группы, как уже неоднократно указывалось, отсутствует.

Напомним, что по вопросу о том, текст каких списков следует считать первоначальным, в литературе высказывались две точки зрения: Ф. И. Делекторский и П. В. Мощинская считали, что первоначальным является текст, включающий описание пути до Суздаля (т. е. списки первой группы), и что в списках, доводящих изложение до Буды (т. е. списки второй группы), описание последнего отрезка пути было опущено; А. Д. Щербина придерживался противоположного мнения: он полагал, что текст, заканчивающийся описанием Буды, был первичным и к нему позже с чьих-то слов добавили описание пути от Буды до Суздаля.

Чтобы точнее разобраться в последовательности текстов первой и второй групп списков, сопоставим их начиная с того места, где тексты расходятся, и кончая описанием Буды, на котором заканчивается текст списков второй группы:

Академический (БАН, 16.8.13)
(первая группа)

Софийский № 1465
(вторая группа)

От Загреба до Раковца 4 мили. А от Раковца до Крижца 3 мили. От Крижца до Копрыницы 3 мили. От Копрыницы до реки Даравы милья. Та убо река у рубежа Словенской земли с Угорскою землею. От реки Дъравы до града Закона милья. А от Закона до града Чергу 2 мили. А от града Чиргу до града Сегистя 3 мили. А на тех трех мильях ехати до Шегездя лесом все. И ту есть разбой велик волми, без переима и человек dospешных едва мочи проехати, иже бог поможет; ту и шубу разбили в Федорову субботу; а выезжжают на тот разбой ис Чиргова от Шегездя и от всех сторон. А от Шегездя от Иляши милья. А от Иляши до Дюд 5 миль великих; и на тех мильях есть же разбой велик. А от Дюд до Коршеди до Вепшина 4 мили. А от Вепшина до Белагорода 3 мили. А от Белагорода до Мартомвашеря 4 мили. А от Мартомвашеря до Будина 4 мили. И тои есть град столный и угорскаго кърльвства, и стоит на славной реце Дунаи (Далее следует описание пути от Будина до Суздаля. — Н. К.).²⁹

От Загреба до града Раковца 20 миль. От Раковца до Крижа 15 миль. От Вепши до Белого града 15 миль. Тои убо град стоит в поле чисте, красен, велик, ту бо ставят короля. От Белого моря до Будина 40 верст. Тои убо град стольный есть угорского короля на славной реце Дунаи, а красен убо и велик, и посади по обе стране реки. Королев двор стоит в граде велики крепок и хороши. И есть убо на посаде за градом кладязь, кипит аки в котле горяча водою и зиме и лете.³⁰

²⁹ Хождение, с. 70.

³⁰ ГПБ, Софийское собрание № 1465, л. 239. — Текст приводится по наиболее раннему списку второй группы.

В приведенных отрывках содержится описание пути от Загреба до Буды. Оно построено по принципу перечисления географических (преимущественно населенных) пунктов с указанием расстояний между ними. (Здесь мы употребляем формы, читающиеся в текстах анализируемых списков). В Академическом списке названы следующие географические пункты: Загреб, Раковиц, Крижиц, Копрыница, река Дарава, Закон, Чиргов (Черга), Сегисть (Шегезядь), Иляши, Дюды, Корешдь, Вепшин, Белгород, Мартонвашерь, Будин. В Софийском списке ряд этот более короткий: Загреб, Раковц, Криж, Вепша, Белый Город, Будин; населенные пункты, расположенные между Крижем (Крижиц) и Вепшей (Вепшин), не упомянуты. Далее в Академическом списке последовательно указываются расстояния от одного пункта до другого, в Софийском же списке этот принцип дважды нарушен: 1) не указано расстояние между Крижем (Крижиц) и Вепшей (Вепшин); характерно, что этот перерыв в указании расстояний приходится на то место Софийского списка, где отсутствуют названные в Академическом списке населенные пункты, расположенные между Крижицем и Вепшином, что наводит на мысль о пропуске текста в Софийском списке; 2) не указано расстояние между Белым Городом и следующим за ним в Софийском списке Будинном, но вместо того неожиданно указывается расстояние от Белого (т. е. Адриатического) моря, которое в предыдущей части отрывка не фигурирует, до Будина. Отсутствие названий части населенных пунктов в Софийском списке и нарушение в нем принципа последовательности в указании расстояний между географическими пунктами свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что текст Софийского списка (вторая группа) является по отношению к тексту Академического списка (первая группа) вторичным.

Вторичный характер в Софийском списке имеет, как нам кажется, и описание Белого Города³¹ и Буды. В Академическом списке описание Белгорода и Буды отсутствует (о последнем сказано лишь, что он стоит на Дунае и является столицей Венгерского королевства), что соответствует характеру рассматриваемого отрывка — перечисление населенных пунктов с указанием расстояний между ними. В Софийском же списке о Белгороде сказано, что он «стоит в поле чисте, красен, велик, ту бо ставят короля»; описание Буды еще более подробное: указывается, что город — столица Венгрии, находится на Дунае, «красен убо и велик» (тот же литературный штамп, что и при описании Белгорода), имеет «посады» по обе стороны реки, далее описываются королевский «двор» и горячие ключи под Будой. Представляется, что описания Белгорода и Буды, выпадающие из общего стиля

³¹ Белый Город Софийского списка и Белгород Академического списка — это город Секенпфехервар (немецкое название — Stuhlweissenburg), в котором происходила коронация венгерских королей.

анализируемого отрывка, были добавлены позднее. Эти наблюдения также подтверждают правильность мнения, впервые высказанного Ф. И. Делекторским, о том, что текст «Хождения», содержащий описание путешествия до Суздаля (списки первой группы), является первоначальным и что в списках, доводящих изложение до Буды (списки второй группы), заключительная часть текста с описанием пути от Буды до Суздаля была опущена.

Думается, что составитель протографа списков второй группы, совершая обе операции — перерабатывая отрывок, содержащий описание пути от Загреба до Буды, и опуская последнюю часть текста с описанием пути от Буды до Суздаля (сухое перечисление населенных пунктов и расстояний), — руководствовался одинаковыми побуждениями: сделать текст более интересным и занимательным для читателя. Перед нами, таким образом, целенаправленная переработка текста. И хотя она не сопровождалась изменением идеологической направленности или стиля произведения, но за счет исключения неинтересных для читателя отрывков возникли настолько существенные изменения в фактическом содержании памятника, что они дают возможность рассматривать проведенную переработку как новую редакцию. Поскольку главным признаком этой редакции являлось сокращение текста, постольку естественно назвать ее сокращенной редакцией. Но переработка для сокращения текста «Хождения» имела место в истории памятника и позже (о чем мы будем еще говорить), поэтому анализируемую сейчас нами редакцию (списки второй группы) целесообразно именовать первой сокращенной редакцией, текст же, представленный списками первой группы (Академический и Музейный), предшествующий ее возникновению, следует определять как первоначальную редакцию.

По своему жанру первоначальная редакция «Хождения во Флоренцию» представляет типичный образец древнерусских «Хождений»: в ее тексте перечисление географических пунктов (через которые проезжали путешественники) с указанием расстояний между ними перемежается с очерковыми описаниями виденного, а также с выражением чувств и переживаний автора.

Время возникновения первоначальной редакции совпадает со временем путешествия русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор (выезд из Москвы 8 сентября 1437 г., возвращение в Суздаль 29 сентября 1440 г.).³² О том, что «Хождение» велось во время этого путешествия и позже не перерабатывалось, свидетельствует тот факт, что автор без всяких переходов, обобщений описывает различные явления: заседания собора и торг на

---

³² Н. И. Новиков в своем издании «Хождения» дает перевод имеющихся в нем дат на современное летосчисление. Издатель исходит, оче-

папском дворе, изготовление шелковых тканей и принятие унии, вид церквей и устройство зверинца и т. д. Характерные для каждого города детали, подробности в описании строений и украшений также нельзя было передать по памяти.³³ Дневниковый характер «Хождения» подтверждают и точные даты, в нем приводимые, и неизменно указываемые даже между самыми мелкими пунктами расстояния, удержатъ которые в памяти было невозможно.

Поскольку первоначальная редакция «Хождения» заканчивается известием о возвращении в Суздаль, постольку представляется несомненным, как это полагают исследователи, что автор входил в состав свиты суздальского епископа Авраамия. Мы тоже присоединяемся к точке зрения А. Павлова и Ф. И. Делекторского, считавших автора «Хождения» мирянином, светским чиновником суздальского епископа. В пользу нее свидетельствует интерес автора к различным сторонам жизни западных стран, а главное — его откровенная религиозная индифферентность и отсутствие у него антилатинских настроений (что мы постараемся показать дальше). Приводимая же А. Д. Щербиной и Н. В. Мощинской аргументация в доказательство принадлежности автора к духовным лицам (указание на его склонность к описанию церквей и религиозных святынь) не представляется убедительной, так как, во-первых, эта склонность в «Хождении во Флоренцию» отнюдь не превалирует, во-вторых, святыни охотно описывали и те древнерусские путешественники, о которых доподлинно известно, что они были мирянами (например, гость Василий в своем «Хождении» на Ближний Восток, отно-

---

видно, из предположения об употреблении в «Хождении» сентябрьского года и датирует, в частности, выезд посольства из Москвы (который, согласно тексту «Хождения», произошел «лета 6945... на рождество святых богородицы») 8 сентября 1436 г., приезд в Феррару — 18 августа 1437 г., первое заседание собора в Ферраре — 8 октября 1437 г., провозглашение акта об унии во Флоренции — 6 июля 1438 г., выезд посольства из города Сеньи на Средиземном море (последняя дата, имеющаяся в тексте, изданном Н. И. Новиковым) — 7 января 1439 г. (ДРВ. Изд. 2-е. Ч. VI, с. 27, 36, 37, 42, 47). Эти даты являются ошибочными: как известно, заседания собора в Ферраре начались в 1438 г., провозглашение акта об унии имело место во Флоренции 6 июля 1439 г. Ошибки, возникшие у Н. И. Новикова, исчезнут, если считать, что в «Хождении» употреблен мартовский год: тогда выезд из Москвы придется на 8 сентября 1437 г., приезд в Феррару — на 18 августа 1438 г., начало заседаний собора в Ферраре — на 1438 г., провозглашение унии во Флоренции — на 6 июля 1439 г., выезд из Сеньи — на 7 января 1440 г., возвращение в Суздаль (о котором в тексте, изданном Н. И. Новиковым, речи нет) — на 29 сентября 1440 г. Несомненно, что в «Хождении» был использован мартовский календарный год.

³³ Мощинская Н. В. Об авторе «Хождения на Флорентийский собор» в 1439—1441 гг., с. 295—296. — Указанная в заглавии статьи Н. В. Мощинской датировка «Хождения» 1439—1441 гг. является, как мы уже указывали, ошибочной.

сящемся к 1466 г.). Дополнительный довод Н. В. Молдинской — ссылка на два отрывка из «Хождения во Флоренцию», в которых речь идет о посещении автором монастырей, доступных только для духовных лиц,³⁴ тоже кажется нам спорным. Первый отрывок, где сообщается о посещении автором в составе свиты митрополита Исидора женского монастыря в Дерпте («а от мирян никако же к ним не ходит, но токмо же нам у них бывшим с господином...»), свидетельствует скорее о светском происхождении автора, так как подчеркивается, что он был в монастыре в виде исключения («токмо»). Во втором отрывке, рассказывающем о посещении участниками русского посольства мужского монастыря во Флоренции, закрытого для мирян («... ни миряне к ним не ходят николи же... в том же монастыре был господин, и нам ту же бывшим...»), также отмечается, что автор «Хождения» попал в монастырь вместе с митрополитом Исидором, перед спутниками которого открывались все двери.

Чтобы проанализировать путевые впечатления автора «Хождения» и дать оценку восприятию русским человеком середины XV в. жизни других европейских стран, необходимо проследовать за нашим автором по его длинному пути и попытаться показать, что именно он сумел увидеть в раскрывшейся перед ним картине западного мира.

Русское посольство на собор, возглавляемое митрополитом Исидором, выехало из Москвы 8 сентября 1437 г. В состав посольства, помимо Исидора, входили уже упоминавшиеся суздальский епископ Авраамий и суздальский иерей Симеон, затем архимандрит Вассиан, архидиакон Григорий³⁵ и другие неизвестные нам лица. Численность посольства русские источники определяют в 100 человек, письмо великого магистра Тевтонского ордена эрмландскому епископу в Базель от 16 января 1438 г. — в 200 человек³⁶ (в это число, очевидно, входил состав как самого посольства, так и свиты митрополита, и обслуживающего персонала большого обоза, которого требовало все предприятие). Первую длительную остановку в 9 дней посольство сделало в Твери, где к нему присоединился посол великого князя Тверского Фома.³⁷

---

³⁴ Там же. См.: Хождение, с. 87—88.

³⁵ Архидиакон Григорий, приверженец Исидора, назначенный им в 1458 г. своим преемником и ставший в 1461 г. киевским митрополитом.

³⁶ Повесть Симеона Суздальского об осьмом (флорентийском) соборе. — В кн.: Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян, с. 199; Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, Bd. IX. Riga u. Moskau, 1880, № 252, S. 150; ср.: Karge P. Die Reise der russischen Konzilgesandten durch die Ordenslande. 1438. Januar—Mai. — In: Altpreuussische Monatsschrift. Neue Folge, 98. Bd. Königsberg, 1895 (далее — Karge P.), S. 402.

³⁷ Хождение, с. 62—63.

Из Твери через Торжок, Волочек и далее по реке Мсте путешественники 7 октября достигли Новгорода, где пробыли 7 дней, а затем направились в Псков, куда прибыли 6 декабря (в день св. Николая).³⁸ Г. Штёкль полагает, что в тексте «Хождения» срок пребывания посольства в Новгороде указан ошибочно: 7 дней вместо 7 недель (фактически до 25 ноября, так как 100 км, отделяющие Псков от Новгорода, можно было проехать за 10 дней, а отнюдь не за два месяца, как это получается у автора «Хождения»³⁹). В Пскове посольство пробыло также 7 недель.⁴⁰ Длительные остановки в Новгороде и Пскове, заполненные, по словам автора «Хождения», торжественными богослужениями и пирами, были вызваны, очевидно, тем, что здесь, в городах, расположенных близ западных границ Руси, Исидор вырабатывал маршрут путешествия и сносился с орденскими властями в Ливонии и Пруссии, а также с великим князем Литовским на предмет получения от них охранных грамот для проезда через владения Ордена и Литву. Из охранный грамоты великого магистра Тевтонского ордена Павла Русдорфа, его письма и письма великого князя Литовского Сигизмунда видно, что Исидор собирался ехать на собор сухопутным путем через Ливонию, Литву, Пруссию.⁴¹

Из Пскова посольство выехало 24 января (день памяти св. Тимофея) 1438 г., пересекло русско-ливонскую границу и вступило на территорию Дерптского епископства. Автор «Хождения» записал: «Первыи град немецкий Коспир бискупа Юрьевского».⁴² П. Карге считает, что «Коспир»⁴³ — это ливонский замок Нейгаузен, расположенный к юго-западу от Псковского озера, у самой русско-ливонской границы. Г. Штёкль предлагает рассматривать «Коспир» как измененную форму «Костер» — русского названия замка Фербек, находившегося на р. Эмбах между Чудским озером и Дерптом.⁴⁴ Мы полагаем, что прав Г. Штёкль, так как самый удобный путь из Пскова в Дерпт зимой, когда замерзали реки и озера, проходил по реке Великой, Псковскому, Теплому, Чудскому озерам и далее по р. Эмбах. Во всяком случае именно этим путем зимой 1480 г. двигалось псковское войско, взявшее на «Омовже реке» (Эмбахе) «Костер немецкой» и затем осаждавшее Дерпт.⁴⁵

Если Фербек — «первыи град немецкий», с которым столкнулись путешественники, — был только замком, то Дерпт оказался

³⁸ Там же, с. 63.

³⁹ *Stöckl G.*, S. 175, A. 17.

⁴⁰ Хождение, с. 63.

⁴¹ *Karge P.*, S. 492—493; см. там же документы № I—III, с. 500—502.

⁴² Хождение, с. 63.

⁴³ Здесь и далее в кавычках даны географические названия, читающиеся в «Хождении».

⁴⁴ *Karge P.*, S. 495; *Stöckl G.*, S. 175, A. 21.

⁴⁵ Псковские летописи, вып. I. Приготовил к печати А. Насонов. М.—Л., 1941, с. 77.

первым западным городом, который они увидели.⁴⁶ Он произвел на них большое впечатление своими каменными зданиями, столь контрастировавшими с деревянными строениями русских городов.⁴⁷ «Град же бе Юриев камен велик, полаты же в нем велимичюдны», — записал автор «Хождения». Автор подчеркнул наличие в Дерпте многих церквей и монастырей и особо отметил существование в нем русских, «христианских», церквей: «Церкви же христианские бе у них две: святыи Никола и святыи Георгий».⁴⁸ Русские церкви в ливонских городах являлись не только местами религиозного культа, но и (из-за отсутствия русских купеческих подворий) организующими центрами русского купечества на чужбине: при них имелись складские помещения для товаров, а также помещения для праздничных трапез и т. д. В русско-ливонских отношениях конца XV—XVI в. вопрос о русских церквях в ливонских городах играл очень важную роль, так как великокняжеское правительство постоянно добивалось создания для русских церквей наиболее благоприятных условий.⁴⁹ Запись автора «Хождения» о существовании в Дерпте в 1438 г. двух церквей — св. Николая (церкви, как мы это знаем из более поздних известий, новгородцев) и св. Георгия (церкви псковичей) — является древнейшим свидетельством источников об этих церквях, а потому имеет немалую ценность.

Из Дерпта через Вольмар («Володимерь град») путь посольства лежал к Риге, расстояние до которой наш автор определяет в 250 верст. По поводу этого отрезка пути он лишь замечает: «А от Юрьева сехал к Ризе, много градов видехом. И ехал на Володимерь град».⁵⁰ Несмотря на лакоизм, автор сумел в записи передать особенность заселения страны, через которую он проезжал: относительную частоту населенных пунктов («много градов видехом»), очевидно, как городов, так и местечек.

Посольство пробыло в Риге три месяца — с 4 февраля по 5 мая 1438 г.⁵¹ Длительное пребывание в Риге было обусловлено тем, что Исидор ожидал от великого князя Литовского ответа на свою просьбу об охранной грамоте для проезда через литов-

---

⁴⁶ В XV в. русские люди — новгородские и псковские купцы и послы — часто бывали в Ливонии. В Дерпте имелся даже специальный Русский конец, в котором проживали русские купцы и другие представители русской национальности (см.: Казакова И. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975, с. 139—140). Но участники церковного посольства, жители Северо-Восточной Руси, видели западный город впервые.

⁴⁷ Мы имеем в виду жилые дома, так как каменные церкви на Руси существовали издавна.

⁴⁸ Хождение, с. 63.

⁴⁹ Казакова И. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, с. 138—139.

⁵⁰ Хождение, с. 63.

⁵¹ Там же, с. 63—64. — Указывая время пребывания посольства в Риге с 4 февраля по 5 мая, автор «Хождения» ошибочно определяет его в 8 недель.

ские владения. В конце апреля от Сигизмунда была получена охранная грамота с сопроводительным письмом, в котором великий князь писал, что не включает в грамоту Самогитию (Жмудь), так как не может гарантировать безопасный проезд через нее. И охранная грамота Сигизмунда (несохранившаяся), и его письмо от 26 марта были пересланы через великого магистра Тевтонского ордена Павла Русдорфа, который в письме от 10 апреля советовал Исидору ввиду отказа Сигизмунда включить в охранную грамоту Самогитию обсудить с властями Ливонского ордена и рижским архиепископом вопрос о дальнейшем маршруте; одновременно великий магистр сообщал, что архидиакону Григорию, которого Исидор уже раньше с частью людей и лошадьми отправил по сухопутной дороге, выдана охранная грамота для проезда через Пруссию.⁵² Очевидно, в результате совещания с рижским архиепископом и орденскими чинами Исидор отказался от своего первоначального плана ехать через Литву и Пруссию и отправился дальше в Любек вместе с оставшейся при нем свитой по морю.

Путь возглавляемого архидиаконом Григорием митрополичьего обоза, двигавшегося через Курляндию, Жмудь, Пруссию, Померанию, вендские города, описал автор «Хождения»: «А кони митрополича гнали берегом от Риги к Любку на Курскую землю, и попереk Жмотские земли 3 днп, и оттоле на Прусскую, и оттоле на Баморьскую землю, и оттоле на Жунскую землю, и оттоле на Висмертскую, и оттоле к Любку. И в Любек приехав един день господин в корабли, а с конми брегом, а поехали с конми из Риги за шесть недель до поезда до митрополича».⁵³ О маршруте митрополичьего обоза сообщает и охранная грамота великого магистра на имя архидиакона Григория, в которой названы следующие города: Штольп (Stolp), Плаве (Schlawe), Кеслин (Köslin), Кольберг (Colberg), Трептов (Treptow), Волин (Wollin), Вольгаст (Wolgast), Грейфсвальд (Greifswald), Штральзунд (Stralsund), Риббенитц (Ribbenitz), Росток (Rostock), Висмар (Wismar), Любек (Lübeck).⁵⁴ Описание пути митрополичьего обоза в «Хождении» менее детально, в нем не названы города. А между тем в последующем тексте «Хождения» автор, рассказывая о путешествии по Западной Европе, последовательно называет города, через которые проезжало русское посольство. Это различие объясняется, как мы думаем, тем, что автор не участвовал в проезде обоза из Риги в Любек, а сделал свою запись со слов кого-то из участников. По несмотря на то

⁵² Karge P., S. 496—497; см. там же документы № III V.

⁵³ Хождение, с. 65. — «Курская земля» — Курляндия, «Жмотская» — Жмудь, «Баморьская» — Померания, «Жунская» — по мнению исследователей, Штральзундская, название произошло от окончания «зунд» (*Stökl G.*, S. 178—179, A. 48), «Висмертская» — Висмарская (от города Висмар), «Любок» — Любек.

⁵⁴ Karge P., Dok. № IV, S. 502.

что запись представляет собой сведения из вторых рук и не отличается детальностью, она интересна, так как является первым в русской письменности описанием пути из Ливонии в Германию через прибрежные земли, расположенные у Балтийского моря.

Через 6 недель после отъезда из Риги митрополичьего обоза двинулся в дальнейший путь и митрополит Исидор с сопровождавшими его духовными лицами, в числе которых был и суздальский епископ Авраамий со своими помощниками. Во время морского путешествия разразилась буря, сменившаяся густым туманом у «острова Свитскихлих» («Свитскихлих» — очевидно, «шведский»: «остров Свитскихлих» означал, по-видимому, Готланд). Автор образно описывает бурю, когда «корабль волнами покрывашеся, и градьцу верховному в валех бывшу», а затем штиль и туман: «Но не единова тацеи бури бывши, и потом тма бысть на мори велика, а ветру не веющую».⁵⁵ Рассказ о морской буре в нашем «Хождении» представляет интерес как одно из ранних в русской литературе описаний этого необычного для жителей преимущественно континентальной Руси явления природы.

19 мая 1438 г. путешественники прибыли в Любек. Как всегда, наш автор отметил пройденное расстояние: «От славнаго града Любка морем тысяща верст, а бегом полторы тысящи»⁵⁶ (здесь автор указывает расстояние в обратном порядке: не от Риги до Любека, как ехало посольство, а от Любека до Риги).

Любек, глава оформившегося во второй половине XIV в. Ганзейского союза, был связан с городами Северо-Запада России, в первую очередь с Новгородом, давними и тесными торговыми связями. В XII в. русские купцы посещали Любек,⁵⁷ но в XIII—XIV вв. в связи с развитием пиратства и господством Ганзы на Балтийском море поездки русских в Любек прекратились (во всяком случае источники о них ничего не сообщают) и были заменены плаваниями любекских и других ганзейских купцов в Новгород. Члены свиты митрополита Исидора были первыми русскими, после долгого перерыва посетившими город на р. Траве. Любек, самый цветущий, богатый и красивый город Северной Германии, не мог не произвести на них сильного впечатления. Автор «Хождения» называет его «славным градом» — определение, которое он применит только еще один раз — по отношению к Флоренции. О некоторых других городах Германии он будет писать — «величеством подобен Любоку». Любек, таким образом, во время путешествия автора надолго останется для него эталоном большого и процветающего города.

⁵⁵ Хождение, с. 64.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Привилегия Фридриха I 1188 г. освобождала от пошлины при торговле в Любеке паряду с представителями прочих народов и русских (Hansisches Urkundenbuch, Bd. I. Halle, 1876. № 33).

Описание Любека в «Хождении» начинается с передачи общего впечатления от города и его окрестностей: «И видехом град велми чюден, и поля бяху, и горы невелики, и садове красны, и полаты велми чюдны, позлащены врѣхы, и монастыри в нем велми чюдны и силни». Автор особо оговаривает торговое значение города: «И товара в нем всякого полно». Подробно описывает посещения церквей и монастырей, которые он совершал, находясь в числе помощников суздальского епископа, сопровождавшего митрополита Исидора. В одном из монастырей русским путешественникам показали библиотеку, включавшую более тысячи книг, о чем автор «Хождения» счел нужным сделать специальную запись. Особенно поразило путешественников религиозное представление на евангельскую тему — дары волхвов младенцу Христу.⁵⁸ По поводу характера представления и его места мнения исследователей расходятся: некоторые русские ученые полагают, что в Любеке Исидор и его свита наблюдали сценическое представление — мистерию, подобную тем, которые они позже видели во Флоренции;⁵⁹ западногерманские исследователи считают, что путешественникам было показано механическое представление. По мнению Г. Штёкля, это были механические рождественские ясли (*mechanisierte Weihnachtskrippe*), находившиеся скорее всего в монастыре францисканцев; по мнению Г. Людата, — фигурное устройство, связанное с механизмом часов знаменитой любекской церкви св. Марии.⁶⁰

В Любеке автора «Хождения» чрезвычайно заинтересовали городское благоустройство и технические сооружения, прежде всего водопровод и фонтаны: «А воды приведены в него (Любек. — Н. К.), текут по всем улицам по трубам, а иные ис столпов студены и сладки текут». Отметим он и устройство, подающее воду из реки в водопровод: «И ту видехом на реце устроено колесо, около его сто сажень,⁶¹ воду емлет из реки и пускает на все дома». Описал автор и другое находившееся по соседству сооружение: приводимое силой воды в движение колесо, заставлявшее работать мельницу и сукновальню; запись о нем гласит: «И на том же вале колесо мало, тоже мелеть и сукна точет крас-

⁵⁸ Хождение, с. 64.

⁵⁹ История русской литературы, т. II, ч. I. М.—Л., 1945, гл. II, § 3 (автор В. П. Адрианова-Перетц), с. 232; *Прокофьев Н. И.* Русские хождения XII—XV вв., с. 199. — П. О. Морозов думал, что русские видели в Любеке кукольное представление (*Морозов П. О.* История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, с. 25).

⁶⁰ *Stökl G.*, S. 78, A. 46; *Ludat H.* Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters, S. 80—82.

⁶¹ Трудные для понимания слова «около его сто сажень» Г. Штёкль объясняет как указание на расстояние от монастыря (где русские были перед тем, как увидели водозаборное устройство) до водозаборного устройства; Л. Мюллер — как указание на ширину водной поверхности около водочерпающего колеса (*Stökl G.*, S. 157; *Müller L.* Рецензия на работы Г. Штёкля и Г. Людата, S. 275).

ные». Г. Людат полагает, что русский автор описал водозаборное колесное устройство, подававшее воду в любекский водопровод, которое было сооружено в начале XV в. на Гюкстерской плотине («am Hükterdamm»), а также существовавшие уже в XIV в. на той же плотине («на том же вале») сукновальню и три мельницы для помола зерна.⁶² Заканчивает автор изложение своих впечатлений от Любека следующей записью: «Ту же видехом два зверя люты в полате, у окна прекованы железы».⁶³ Обычно эту фразу понимают как описание зверинца, который автор видел в Любеке.⁶⁴ Но Г. Людат отмечает, что зверинцев в Любеке в это время еще не было. Речь может идти лишь об экзотических животных, присланных рату Любека в дар.⁶⁵

Из Любека русское посольство выехало 6 июня («в пятюк Троицины недели»), пробыв в нем около трех недель.⁶⁶ Относительно продолжительное пребывание в Любеке было связано, вероятно, с тем, что Исидор собирал здесь сведения о продолжавшем, вопреки распоряжению папы, свою деятельность Базельском соборе и о начавшем заседать в апреле 1438 г. соборе в Ферраре, созванном для осуществления церковной унии. Надо думать также, что в Любеке Исидор выработал маршрут через Германию в Италию.

Выехав из Любека «на конех» (митрополичий поезд, отныне двигавшийся по суше, состоял как из всадников, так и из людей, ехавших в повозках), посольство в тот же день достигло города Мёльна, отдаленного от Любека, по словам автора «Хождения», на «4 мили» (немецкая миля, которой автор пользуется для исчисления пути по Германии, равна 7.5 км). В Мёльне посольство провело только ночь. Несмотря на короткую остановку автор сумел рассмотреть и описать озерно-речную систему около Мёльна. Он отметил, что город расположен на озере и что на «другой стороне» (противоположной от Любека⁶⁷) «приведена

⁶² *Ludat H. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters*, S. 78—79.

⁶³ Хождение, с. 64.

⁶⁴ *Прокофьев Н. И.* Русские хождения XII—XV вв., с. 199.

⁶⁵ *Ludat H. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters*, S. 82—85.

⁶⁶ Г. Штёкль и Г. Людат считают, что посольство выехало из Любека 13 июня. Возражая им, Л. Мюллер указывает, что названная в тексте «Хождения» дата выезда из Любека («пятюк Троицины недели») означает пятницу Троицыной недели и приходится либо на пятницу после Троицы, 6 июня, либо на пятницу перед Троицей, 30 мая; последняя дата возможна в силу того, что, согласно греческой хронологии, пятница Троицыной недели могла быть и перед Троицей (*Stöckl G.*, S. 179, A. 51; *Ludat H. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters*, S. 76; *Müller L.* Рецензия на работы Г. Штёкля и Г. Людата, S. 275). Мы полагаем, что русское посольство выехало из Любека 6 июня, так как, согласно древнерусской хронологии, Троицына неделя следует после Троицы (*Степанов Н. В.* Календарно-хронологический справочник. — ЧОИДР, 1917, кн. первая, с. 60—61).

⁶⁷ *Müller L.* Ein Russe bereist 1438 die Salzstrasse, S. 4.

река боле 20 верст из великыя реки Елевы». ⁶⁸ Г. Штёкль считает, что здесь речь идет о созданном в 1390—1398 гг. канале, связавшем при использовании озера Мёльп Эльбу и Траве. ⁶⁹

Из Северной Германии в Италию путь посольства пролегал через города Люнебург, Брауншвейг, Магдебург, Лейпциг, Эрфурт, Бамберг, Форхгейм, Нюрнберг, Аугсбург, Инсбрук. Русские путешественники проехали, таким образом, всю Германию с севера на юг. Темпы движения посольства были довольно быстрыми. Так, отрезок пути в 675 км от Любека до Бамберга путешественники преодолели за 23 дня, выехав из Любека 6 июня и приехав в Бамберг (точнее, уже находясь там) 29 июня («праздник святых апостол Петра и Павла»). Скорость движения была обусловлена, вероятно, тем, что Исидор, узнавший, конечно, в Любеке о начавшейся работе собора в Ферраре, спешил принять в нем участие.

Темпы движения русского посольства, исключавшие возможность сколько-нибудь длительных остановок, являются, на наш взгляд, причиной краткости (по сравнению с описанием Любека) заметок автора «Хождения» об остальных немецких городах. Автор ничего не пишет о посещениях церквей, монастырей, общественных зданий, как он это делал в Любеке, очевидно, потому, что подобные посещения не имели или почти не имели места. Он делает замечки лишь о том, что особенно бросалось в глаза во время проезда или коротких остановок в немецких городах.

О Люнебурге («Луньбрег»), известном городе Ганзейского союза, автор в общей форме пишет: «Тои убо град величеством подобен естъ Любку», а затем дает замечательное по своей детальности описание люнебургских фонтанов, украшенных медными, позолоченными статуями, из глаз, ушей, ноздрей, рук которых били струи воды. Реалистичность статуй автор передал словами: «Те бо люди видети просте, яко живи суть». Интересно, что автор обратил внимание не только на внешний вид фонтанов, но и на их практическое значение, добавив к своему описанию статуй фонтанов замечание: «Те бо люди напояють весь град тои и скот». ⁷⁰

Отметив, что расстояние от Люнебурга до Брауншвейга («Бруньзвиг») составляет 16 миль, автор описание этого цветущего ганзейского города, столицы Брауншвейгского герцогства, начинает также с краткого общего впечатления: «И тои град величеством вышши тех градов прежних». Специально останавливается он на поразивших его островерхих черепичных кровлях зданий Брауншвейга, сравнивая черепицы с хорошо ему известным на родине покрытием из лемеха, т. е. вырезан-

⁶⁸ Хождение, с. 65.

⁶⁹ *Stökl G.*, S. 179, A. 53.

⁷⁰ Хождение, с. 65.

ными из осины особой формы дощечками, которыми покрывались кушолы церковной и других крупных сооружений. И еще одну черту облика Брауншвейга передает автор: капалы, берега и дно которых были выложены камнем («морованы камением»), и фонтаны (уже без описания их), «яко же и в предписанных градах».⁷¹

Из Брауншвейга посольство проследовало в город «Батмер», находящийся от Брауншвейга на расстоянии 11 миль. Западно-германские исследователи полагают, что «Батмер» — это искаженное название Магдебурга.⁷² Высказанное мнение подтверждается тем, что в одном списке «Хождения» середины XVI в. вместо «Батмера» читается «Мальброк»⁷³ — форма, более близкая к правильному названию Магдебурга. Из Магдебурга путь посольства пролегал через города Саксонии — Лейпциг («Липес») и Эрфурт («Афрат»).

Заметки нашего автора о Магдебурге, Лейпциге и Эрфурте лаконичны. Магдебург он сравнивает с Любеком, применяя свой любимый эталон для обозначения крупного, цветущего города; отмечает наличие в Магдебурге мощеных улиц, палат и «вод», очевидно каналов. О Лейпциге замечает, что он «велим велик», правильно подчеркивая масштабы крупнейшего города Саксонии. Характеристика Эрфурта более подробная: «... велик и чуден, и имением многым и хитрым рукоделием преумножен; и такового товара и хитра рукоделиа ни в коем граде в предписанных не видехом».⁷⁴ При описании Эрфурта автор обращает внимание не столько на его внешний вид, сколько на его торговое значение и высокий уровень развития в нем ремесел. Тем самым автор показывает, что ему свойствен был интерес не только к «иноземным диковинам», бросающимся в глаза, но и к экономической жизни западных городов в тех случаях, когда он имел, по-видимому, возможность с нею ознакомиться.

Из Эрфурта путь посольства лежал в Бамберг («Бемибъ-верег»), главный город Бамбергского епископства. Обилие духовенства и многочисленность религиозных процессий, характерные черты жизни крупного епископского центра, отразил наш автор, записав в своем труде: «И ту видехом: ходили с кресты по граду триста попов».⁷⁵

Южнее Бамберга (за одну милю от него) путешественники посетили город, который автор называет «Понтом» или «Понтенском», а реку около него — «Тиском», добавляя: «И того ради зовется той град именем Понтенск. И той убо град окааннаго Пилата. В том бо граде вотчина его и рождение, и по граде

⁷¹ Там же.

⁷² *Stöckl G.*, S. 179, A. 56; *Müller L.* Ein Russe bereist 1438 die Salzstrasse, S. 5.

⁷³ ГБЛ, Троицкое собрание № 805, л. 415.

⁷⁴ Хождение, с. 65.

⁷⁵ Там же.

зовется Понтийский Пилат». ⁷⁶ В этой лаконичной записи нашла отражение распространенная в средние века в ряде западных стран (Франция, Германия, Швейцария) легенда о Понтии Пилате, рассказывающая, что римский прокуратор Иудеи, вынесший, согласно евангелию, смертный приговор Христу, был родом либо из Галлии (Лион, Вьенн), либо из Германии (Майнц, Форхгейм). Версия форхгеймского происхождения Пилата бытовала и в памятниках письменности, и в местных преданиях расположенного близ Бамберга небольшого баварского городка Форхгейма, который русское посольство должно было посетить на пути из Бамберга в Нюрнберг. ⁷⁷ Нет никакого сомнения, что именно в Форхгейме автор «Хождения» сделал приведенную выше запись, переделав при этом название города в «Понт», чтобы объяснить таким образом прозвище Пилата «Понтийский». «Хождение во Флоренцию» является единственным в древнерусской литературе памятником, донесшим до русского читателя отзвук одной из легенд западного средневековья. ⁷⁸

Проехав Форхгейм, посольство попало в Нюрнберг («Нурбех»), главный город Баварии. Автор отмечает величину города и мощь его укреплений («велики велик и крепок»), многочисленность населения и обилие товаров («И людий в нем много и товара»), красоту белокаменных зданий, каналов и фонтанов.

Указав, что Нюрнберг стоит «среди Аламанские земли» (Южной Германии), автор дает чрезвычайно интересное ее описание: «Аламанская земля, то есть не иная вера, ни ины язык, по естъ едина вера латиньская, а язык немецкий же, но разнo, яко и Русь сербы, тако и оне с немьци». ⁷⁹ Здесь автор характеризует население Южной Германии с вероисповедной и языковой точек зрения. Правильно отметив его общность в этом отношении с населением Северной Германии, которое автор называет «немцами» («есть едина вера латиньская, а язык пемецкии же»), он в то же время очень тонко подмечает различие между языком Северной Германии (средненижнемецким) и языком Южной Германии (средневерхнемецким). Чрезвычайно метко он сравнивает это различие с языковым различием между русскими и сербами («но разнo, яко и Русь сербы, тако и оне с немьци»). Рассматриваемый отрывок весьма показателен для характеристики личности нашего анонимного повествователя: он обладал определенной эрудицией в вопросе о славянских языках и сумел

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ *Creizenach W. Legenden und Sagen von Pilatus. — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Bd. 1. Halle, 1874; Müller G. A. Pontius Pilatus der fünfte Prokurator von Judäa und Richter Jesu von Nasareth. Stuttgart, 1888.*

⁷⁸ *Казакова Н. А., Мавлеев Е. В. Отражение западной легенды о Понтии Пилате в «Хождении во Флоренцию» 1437—1440 гг.». — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 94—98.*

⁷⁹ Хождение, с. 65—66.

удачно ее применить для того, чтобы объяснить русскому читателю разницу между говором населения Северной и Южной Германии. Замечательно, что он эту разницу уловил, не зная, конечно, немецкого языка, что является доказательством его тонкой наблюдательности и недюжинного ума.

Продолжая свой путь по Южной Германии, путешественники прибыли в другой крупный центр — город Аугсбург. По поводу Аугсбурга автор делает исторический экскурс: «И от того града (Нюрнберга. — *Н. К.*) 17 миль есть град во имя Августа царя, его же из начала тли царь Пустинный нача и създа на славной реце Дунай, и того ради зовется град том Август, а по немецки же Авспрок».⁸⁰ Здесь правильные сведения об основании Аугсбурга, полученные автором, возможно, от его немецких собеседников (Аугсбург вырос из основанной в 15 г. до н. э. римской колонии *Augusta vindelicorum*), переплелись с его собственными ошибочными соображениями, в результате которых создание Аугсбурга он связал с византийским императором VI в. Юстинианом, чье имя было хорошо известно на Руси. Неправильно автор указывает и местоположение Аугсбурга на «славной реце» Дунае, в то время как город находится на реке Лех.⁸¹ Ошибка автора, возможно, обусловлена тем, что Лех является притоком Дуная, а Дунай был хорошо известен русским по их связям с южными славянами и Византией; недаром Дунай автор называет «славной рекой». Значение Аугсбурга, в XV в. одного из торговых и финансовых центров не только Германии, но и Европы, автор подчеркивает словами: «И величеством превъзде всех предписанных градов». Особое впечатление на нашего повествователя произвели церкви Аугсбурга, украшенные множеством фресок. В одной из церквей путешественники увидели изображение императора Юстиниана и других «царей римских» (очевидно, византийских), «угорских и алманских».⁸²

Дальнейший от Аугсбурга путь наш автор описывает следующим образом: «А от того града до Полониных гор 10 миль. А от Полониных гор до князя, зовомого дука, 15 миль, и городок дръжит Жунбрюк невелик».⁸³ Очевидно, проехав Тирольские Альпы (Альпийские горы названы «Полонинными»), наши путешественники попали во владения герцога (автор передает его титул словом «дука» — от латинского *dux*) Тирольского, в то время Фридриха IV Габсбурга.⁸⁴ После крупных городов Германии столица герцогства — город Инсбрук — показалась автору «Хождения» небольшим городом, и он записывает о ней — «невелик».

⁸⁰ Там же, с. 66.

⁸¹ *Stökl G.*, S. 180, A. 62.

⁸² Хождение, с. 66.

⁸³ Там же.

⁸⁴ *Stökl G.*, S. 180, A. 65.

Инсбрук был последним немецким городом, через который проехали путешественники. Дальше путь лежал через Альпы в Италию. Италию автор называет «Фряжской землей», употребляя обычное для нее в древнерусской литературе обозначение. Маршрут проходил через Тренто («Фреанда»), Падую («Павда») к Ферраре. Альпы — первые настоящие горы, с которыми столкнулись русские, произвели на них глубокое впечатление. «Горы же те не ту суть, но от Черного моря пошли даждь и до Белаго (Адриатического. — *Н. К.*) моря, яко зовутся пояс земный, камены. Толико же высоты суть, облаци вполъ их ходят, и облаци от них ся взимают. Снези же лежат на них от сотворения гор тех; лете же вар и зной велик в них, но снег же не тааше»,⁸⁵ — так описал автор «Хождения» горные вершины, покрытые вечными снегами и окутанные облаками, которые он наблюдал в разгар жаркого лета.

В Феррару, где происходили заседания собора, русское посольство прибыло 18 августа («по Госпожине дни на 3 день»). Поскольку собор был целью путешествия русского церковного посольства, постольку наш автор не мог не уделить ему внимания. Он останавливается на составе собора и числе заседаний (см. рис. 2).

О католической части собора автор лишь замечает: «На соборе же ~~седе~~ римский папа Еугений, а с ним 12 кардиналов и архиепископы, и епископы, и капланы, и мнихы»; участников же православной части он называет персонально: не только императора Иоанна, его брата — деспота Дмитрия и патриарха Иосифа, но и 22 митрополитов (перечислены поименно); из епископов назван Авраамий Суздальский; заканчивается этот перечень четырьмя послами (представлявшими, очевидно, государей) — трапезундским, грузинским («иверским»), тверским Фомой и валахским Миколой. В поименном перечислении православных участников собора сказалась православная принадлежность автора. За характеристикой состава собора следует перечень в хронологической последовательности заседаний собора, причем указывается только порядковый номер заседания и его дата. Таким образом, автор перечисляет 14 заседаний собора — с 8 октября и до 13 декабря.⁸⁶

Описание собора, сообщаящее лишь о составе собора и дающее перечень его заседаний, чрезвычайно показательно для целей труда автора: он останавливается лишь на внешней стороне собора, дает как бы журнал его деятельности, не касаясь обсуждавшихся вопросов. Ф. И. Делекторский разницу в описании собора в труде нашего автора и в «Повести о восьмом соборе»

⁸⁵ Хождение, с. 66.

⁸⁶ Там же, с. 66—67. — Исходная дата перечня заседаний собора — 1-е заседание 8 октября 1438 г. — в «Хождении» ошибочна. Заседания собора начались еще 9 апреля 1438 г.

Симеона Суздальского объясняет тем, что суздальский епископ Авраамий, отправляясь в далекое путешествие на собор, составил литературную дружину, одному из участников которой, неизвестному суздальцу, поручил вести дневник путешествия, а другому, инок Симеону, — составить описание деятельности собора.⁸⁷ Но если присоединиться к предположению Ф. И. Делекторского, весьма правдоподобному, то следует признать, что в том, как неизвестный автор выполнил свое задание, сказались, несомненно, его личные вкусы и наклонности: доведя сухой, сделанный как бы по обязанности перечень заседаний собора до 13 декабря, автор затем с интересом, явно оживляясь, переходит к описанию того, что он видел в Ферраре.

Детальнейшим образом автор описывает поразившие его часы с фигурным устройством, помещавшиеся на часозвоне на папском дворе, по-видимому у городского рынка («пад торгом»), колоритно рассказывая о том, как во время боя колокола ежечасно из дверей колокольни показывались фигуры трубящих ангелов. Непосредственно за описанием часов следует обстоятельная запись цен на продукты в Ферраре: «И в том же граде ясти купихом: яловица 20 золотых, боров пять золотых, а золотой по 30 грошей, а боран два золотых: гусь 3 гроши, курия 3 гроши, хлеба 9 проскур на грошь, сыр по золотому». За этой записью — известия о пятнадцатом (по счету автора) заседании собора, состоявшемся 10 января 1439 г., на котором было объявлено о переносе собора из Феррары во Флоренцию⁸⁸ (перенос был вызван свирепствовавшей в Ферраре эпидемией чумы).

Изложенная нами часть «Хождения», посвященная Ферраре, в которой известия о заседаниях собора, часах, ценах, опять о заседаниях собора излагаются без всякой системы и логических переходов, ярко иллюстрирует дневниковый характер «Хождения», не подвергнувшегося потом литературной обработке.

Из Феррары папа выехал, согласно тексту «Хождения», 16 января, а вслед за ним двинулись и православные участники собора: патриарх Иосиф — 26 января и митрополит Исидор — 27-го; патриарх и митрополит поехали «рекою Повою (По. — Н. К.), в судех на пиз». Отрезок пути от Феррары до Флоренции обозначен кратко — через города⁸⁹ Ардженту («Ржента»), Аббацию («Обатша»),⁹⁰ Конселиче («Селжа»), Луго («Алуга»),

---

⁸⁷ Делекторский Ф. И. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии, с. 5.

⁸⁸ Хождение, с. 67.

⁸⁹ При идентификации названных в «Хождении» итальянских городов мы пользовались переводом и комментариями Г. Штёкля к его изданию «Хождения», а также консультацией В. И. Рутенбурга, которому выражаем искреннюю признательность.

⁹⁰ В. И. Рутенбург считает, что «Обатша» происходит от итальянского Abbazia — монастырь. «Градом» «Обатней» автор «Хождения» мог назвать населенный пункт, расположенный около какого-нибудь крупного монастыря.

Фаенцу («Фенза»), Борго ди Битано («Бряга») и, наконец, не поддающийся идентификации город «Берену». Называя города, автор не сообщает никаких сведений о них, указывая лишь расстояние (при этом в римских милях, 1 миль равна 1472 метрам⁹¹), и только о «Берене» пишет: «А река под ним Ирнець быстра велми, через ее мост камен; и садов множество масличных, и место красно меж гор».⁹² Во время переезда из Феррары во Флоренцию путники пересекли Апеннины, и автор вновь описал горы и тяжелый путь через них: «А все горы камены высоти, а путь тесен и тяжек велми, зань же возы не ходят, но на вьюках возять». Отметил он и находившиеся на склонах гор виноградники: «И вино родится в горах тех велми добро и сладко и красно».⁹³

Во Флоренцию митрополит Исидор прибыл, согласно тексту «Хождения», 4 февраля. Мы полагаем, что в текст вкралась ошибка, должно быть не 4-е, а 14-е, и вот почему: расстояние от Феррары до Флоренции в 147 миль, по исчислению автора (т. е. примерно 200 км), русское посольство вряд ли могло проехать за неделю (из Феррары выезд помечен 27 января), так как путь проходил через горы, где движение было медленным; кроме того, если считать, что русское посольство прибыло 4 февраля, тогда будет непонятно, почему византийская делегация, выехавшая из Феррары на день раньше русской, прибыла во Флоренцию только 17 февраля. Если же считать, что русское посольство прибыло во Флоренцию 14 февраля, то все эти неясности исчезают.

Во Флоренцию русское посольство пробыло до 6 сентября 1439 г., и его участники имели достаточно времени, чтобы осмотреть город, восторженным описанием которого начинается «флорентийская» часть «Хождения».

Мы уже отмечали, что Флоренция — единственный, помимо Любека, город, к которому автор «Хождения» применяет эпитет «славный». Описание Флоренции, как и других крупных городов, он начинает с характеристики общего облика города, подчеркивая красоту его церковных и гражданских зданий: «Тои же славный град Флоренза велик зело, и такова не обретохом во предписаных градах: божници в нем красны зело и велици, и полаты в нем устроены белым каменем, велми высоки и хитры». Называет автор и реку Арно, протекающую через город, и знаменитый мост на ней Ponte Vecchio, по обеим сторонам которого располагались лавки: «И посреди града того течет река велика

⁹¹ Stökl G., S. 183—184, A. 85.

⁹² Хождение, с. 67. — Г. Штёкль считает, что под Береной можно подразумевать горный проход Ronchi di Berna. Если же отвлечься от названия «Берена» и обратиться к наименованию «Ирнець», то описание города подойдет к Понтессье (Pontessieve), находящемуся восточнее Флоренции при впадении Сьева (Sieve) в Арно (Stökl G., S. 183—184, A. 86).

⁹³ Хождение, с. 67.

и быстра велми, именем Рна; и устроен на реце той мост камен, широк велми, и с обе страны моста устроены полаты». В соответствии с духом времени автор много места отводит описанию церквей и монастырей. Но особое восхищение у него вызвала больница (*spedale di Santa Maria Nuova*): «И в ней за тысящу кроватей, а и на последней кровати перины чюдны и одеяла драгы; то ж устроено Христа ради⁹⁴ маломощным пришецем и странным и иных земель; тех же боле кормят и одевают, и обувают, и омывают, и дръжат честно». Поразила автора роскошная церковь, «божница» с колокольной, имени которой он не называет: «И есть во граде том божница устроена велика, камень морьмор бел, да черн; и у божницы той устроен столп и колоколница, такоже белы камень морьмор..., и ходихом в столп той по лествице, и сочтохом степеней 400 и 50».⁹⁵ Несомненно, автор имел в виду знаменитый собор Санта Мариа дель Фьоре, строительство которого с участием лучших итальянских архитекторов (Филиппо Брунеллески) продолжалось с XIII по XV в.; в отделке собора широко использован темный и белый мрамор. Рядом с собором была воздвигнута чудесная колокольня — квадратная башня высотой 81 метр работы Джотто.⁹⁶

К описанию церкви Санта Мариа дель Фьоре непосредственно примыкает, без всякой логической связи, как это характерно для нашего «Хождения», запись о зверинце: «В томъ же граде видехом лютых зверии 22».⁹⁷ Пишет автор и о деревьях, которые он видел во Флоренции, трогательно сравнивая их с деревьями, произраставшими на его далекой родине: «Ту же видехом древие, кедры и кипарисы; кедр, как руская сосна, много походило, и кипарис корою яко липа, а хвосою яко ель, но мало хвоя кудрява и мягка, а шишки походили на сосновую».⁹⁸

Автор рисует не только внешний облик Флоренции и ее достопримечательности, но останавливается и на ее экономической жизни. Он отмечает развитие торговли («Товара же всякого множество») и особенно ремесла, называет производство ценных, затканых золотом тканей («В том же граде делают камки и аксамиты с златом») и дорогих сортов сукон («И ту же сукна скорлатные делают»); пишет о производстве оливкового масла («...множество и садов масличных, и тех маслиц деревяное масло»), а после известий о возобновлении заседаний собора делает специальную запись о разведении шелковичных червей для изготовления шелка («В том же граде видехом черви шолковыя, да и то видехом, как шолк той емлють с них»)⁹⁹.

---

⁹⁴ В нашем издании вместо «Христа ради» стоит ошибочное чтение «хасрад» (Хождение, с. 67).

⁹⁵ Там же, с. 67—68.

⁹⁶ Прокофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв., с. 201—202.

⁹⁷ Хождение, с. 68.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

После описания Флоренции автор переходит к деятельности собора, как и раньше, перечисляет заседания (называя их порядковые номера и даты) собора, происходившие в феврале—мае, ничего не говоря при этом об обсуждавшихся на них вопросах. Исключение автор делает лишь для заседания собора 5 июля 1439 г., на котором был подписан акт о церковной унии: «Месяца нулиа в 5 собору бывшу велику и тогда написаха грамоты събора их, како веровати в святую Троицу, и подписа папа Еугений и царь греческий Иоан, и вси кардиналове, и митрополиты подписаха на грамотах конждо своею рукою».¹⁰⁰ О крупнейшем церковноисторическом событии своего времени автор сообщает совершенно спокойно, в порядке простой регистрации факта, как он это делает в непосредственно примыкающей к известию о церковной унии записи о шелковичных червях. В одинаковом характере этих двух записей исследователи справедливо усматривают доказательство религиозной индифферентности автора и его равнодушия к богословским вопросам.¹⁰¹ Вслед за записью о шелковичных червях автор сообщает о торжественном богослужении в соборе Санта Мариа дель Фьоре («в соборной божнице в имя пречистыя богоматере») 6 июля 1439 г., на котором была публично провозглашена уния, об отъезде из Флоренции 26 августа византийского императора и о богослужении 4 сентября в церкви Иоанна Предтечи, где был проклят неподчинившийся папе Базельский собор: «И прокля събор базмезиский Аламанские земли, занеже не пришли на собор к папе, а учинили себе собор, не хотя повинутися папе; и того дея их прокля».¹⁰² Обо всех этих событиях автор пишет бесстрастно, лишь отмечая факты.

6 сентября, после того как митрополит Исидор и Авраамий Суздальский «благословилися у папы», посольство двинулось из Флоренции в обратный путь на Русь. Из Флоренции путь вел в Венецию через города Скарперию («Корпий»), Фиренцуолу («Флоренц»), Капренно («Кравениа»), Болонью, Феррару («Фару»). Из Феррары посольство двигалось по реке По («рекою Повою») и далее, как полагает Г. Штёкль, по системе каналов достигло города Кьоджа («Кеза»), расположенного у Адриатического моря («Белого»). «Тот град у Белого моря на брезе, ту родится соль крупна», — так в «Хождении» описана добыча соли путем выпаривания морской воды, которая велась в районе Кьоджи.¹⁰³

---

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ История русской литературы, т. II, ч. 1, с. 232—233.

¹⁰² Хождение, с. 68—69.

¹⁰³ Там же, с. 69. — В рассматриваемом отрывке «Хождения» «Фара» один раз упоминается как река, в других случаях — как город (так можно думать на основании контекста). Г. Штёкль предлагает считать, что «Фара» — это Феррара, в подобном случае расстояние между городами (Хождение, с. 69) будет достаточно точно соответствовать реальным. Про-

Расстояние от Кьоджи до Венеции в 25 миль путники проехали морем. Описание Венеции — одно из интереснейших в «Хождении». «А той град стоит на мори, а суха пути к нему нет, а от берега 13 миль стоит в море. Среди его проходят корабли и катарги, а по всем улицам воды, ездят в барках», — так автор передал неповторимый облик Венеции с ее каналами, по которым скользили гондолы и другие суда. Отметив величину города («велми град той велик»), красоту и великолепие его архитектуры («и полаты в нем чюдны, а иные позлачены»), автор специально останавливается на главной достопримечательности города — соборе св. Марка: «Есть в граде том црковь камена, святыи Марко Еуангелист, и столпы в неи морованы, имущи мрамор всяк цветом; а иконы в неи чюдны, Гречин писал мусиею, и до верху видети велми чюдно, а внутри резаны святыи на мраморе велми хитро; а сама велика церковь. А над предними дверми изнутри поставлены 4 кони медяны, позлащены, велики, видети, яко живи, и повешены два змия великы убиты». С бережливым вниманием путешественник из далекой Руси подметил и величину храма, и богатство его мраморной отделки, и мозаики, исполненные византийскими мастерами, и мраморные статуи святых, и, наконец, знаменитую квадригу коней, украшавшую главный портал собора. Передал он доступными для него средствами и реалистичность конных статуй («видети, яко живи»). Упомянул автор и окружающие Венецию острова с расположенными на них церквями и монастырями, один из которых путешественники посетили.

Венеция, «царица Адриатики», в то время была крупнейшим центром международной торговли, через который осуществлялся товарообмен между Западом и Востоком. И наш путешественник правильно это отмечает: «И товару в нем всякого полно, занеже корабли приходят изо всех земель, от Иерусалима, и от Царяграда, и от Азова, и ис Турские земли, и ис Срачин, и из Немец».¹⁰⁴ Согласно свидетельству автора «Хождения», восточные связи Венеции были особенно разнообразны. Если из ее западных торговых контрагентов названа лишь одна Германия, то в числе восточных перечислены Палестина, Византия, Турция, страны Арабского востока («Срачины»); не забыта и далекая венецианская колония Тана, названная в соответствии с принятым в русских источниках наименованием Азовом.

В Венеции русское посольство было долго — с 15 сентября по 22 декабря 1439 г. Г. Штёкль считает, что такая длительная остановка была связана с пребыванием в Венеции императора Иоанна VIII и греческого посольства, с которыми, возможно, мит-

---

тив этого предположения могут возразить, что автор хорошо знает Феррару и в первой части «Хождения» ее название пишет правильно. Но в текст могли вкрасться позднейшие искажения (Stöckl G., S. 186—187, A. 106, 107).

¹⁰⁴ Хождение, с. 68—69.

рополит Исидор намеревался через Константинополь вернуться на Русь,¹⁰⁵ по поехал другим путем — через Хорватию, Венгрию, Польшу, Литву. Надо полагать, что выбор этого пути для возвращения из Италии был обусловлен тем, что еще 17 августа Исидор был назначен папским легатом для Литвы, Лифляндии и Руси.

Из Венеции морем путешественники направились к городу Поречи¹⁰⁶ («Печера»), расположенному на западном берегу полуострова Истрия, затем к Поле («Пола»), о соляных промыслах которой автор записал: «Ту бо родитєя соль на море месяца июля и августа» (автор отметил месяцы, когда особенно интенсивно происходил процесс выпаривания воды и осаждения соли). Наличие соляных промыслов он зафиксировал и для города Осеро («Осора»), куда путешественники проследовали из Поля. В Сенье («Сена»), следующем «граде», русские 17 января 1440 г. покинули корабли и двинулись дальше уже сухопутной дорогой.¹⁰⁷

От Сеньи путь посольства шел в северо-восточном направлении к Загребу. На этом отрезке автор называет ряд «градов», но все они, исключая Загреб, были маленькими селениями с крепостями.¹⁰⁸ Наблюдая хорватов, через земли которых проезжало посольство, автор отмечает родство их языка с русским и в то же время другое, чем у русских, вероисповедание: «И в тех градах живут хавратяне, языка с Руси, а вера латыньская». О Загребе он пишет: «Тои град велик и красен» — и отмечает его подвластность венгерскому королю: «А дрѣжава угорьскаго царя».¹⁰⁹ В Загребе путешественники увидели бежавшего сюда после завоевания Сербии войсками Мурада II сербского деспота Георгия Бранковича: «В сем граде видехом серпьскаго цесаря деспода с царицею его и с детми, зане пленено бысть царьство его Серпьское от турьскаго царя Амурата».¹¹⁰ Так, в связи с описанием того, что видели путешественники («видехом серпьскаго цесаря деспода»), на страницы «Хождения» пропикла турецкая тема и будущие его русские читатели узнали о подчинении туркам близкого им по языку и вере славянского государства.

Описание следующего отрезка пути через Венгрию в нашем «Хождении» очень лаконично: называются лишь населенные пункты (правда, в большом количестве) и расстояния между ними. Исключение автор делает только для нескольких венгерских городов, сообщая о них некоторые сведения: о Буде («Будине») замечает, что это — «град столный» Венгерского королевства, находится на реке Дунае; для Люблева отмечает его погра-

---

¹⁰⁵ *Stökl G.*, S. 187—188, A. 111.

¹⁰⁶ Так по-хорватски; по-итальянски — Паренцо.

¹⁰⁷ Хождение, с. 70.

¹⁰⁸ *Stökl G.*, S. 188, A. 121.

¹⁰⁹ Хорватско-венгерская уния 1402 г. передала хорватскую корону венгерскому королю.

¹¹⁰ Хождение, с. 70.

ничное с Польшей положение и чеканку в нем денег: «И есть в нем дело вугорские пенязи, новци зовутся, по 3 на золотой».¹¹¹

Проезжая через Польшу—Литву, русское посольство посетило крупнейшие города — Краков, Львов, Галич, Вильно — и большое число мелких населенных пунктов. Но никаких сведений о них автор не дает, лишь в связи с упоминанием Кракова замечает: «Ту бо видехом коряля Володислава и брата его Казимира».¹¹² Очевидно, в Кракове польский король Владислав и его брат великий князь Литовский Казимир устроили прием для русского посольства, поскольку митрополит Исидор был назначен папским легатом для Литвы, Лифляндии и Руси.

По русской территории путь посольства пролегал через Смоленск, Дорогобуж, Вязьму, Можайск, Москву и закончился он в Суздале, куда путешественники вернулись 29 сентября 1440 г. после трехлетнего странствования. Об этом отрезке пути автор также ничего не сообщает, за исключением указания населенных пунктов и расстояний между ними.¹¹³

Последняя часть «Хождения», начиная от известия о выезде из Загреба, отличается от основной части и по своему содержанию, и по манере изложения. Здесь полностью исчезают, как мы это старались показать, очерковые описания виденного и выражения чувств и переживаний автора. Текст превращается в дорожник в точном смысле слова и, кроме перечня географических пунктов и расстояния между ними, ничего не содержит (за исключением немногих отмеченных нами отклонений от этого правила). Чем объясняется эта перемена, сказать трудно. Может быть, по каким-нибудь причинам, например в силу болезни основного автора, его сменил помощник, не обладавший достаточными литературными способностями и остротой видения, а может быть, автор к концу пути утомился и свел поэтому свой труд к ведению дорожника.

За время долгого странствования автор многое сумел увидеть и запечатлеть в своем произведении. Как и всякий путешественник, попавший в незнакомую страну, он подмечал в первую очередь то, что бросалось в глаза. Автор правильно передал новый для него облик западных городов с их каменными зданиями, черепичными кровлями, капалами, фонтанами. Он сумел воспроизвести и неповторимые черты, которые придавали отдельным городам особенности их географического положения, например расположенной на островах Венеции. Привлекли его внимание и выдающиеся памятники архитектуры и живописи, как церковь Санта Мариа дель Фьоре во Флоренции, собор св. Марка в Венеции, храм в Аугсбурге, с фресками, изображающими римских, немецких, венгерских королей. Не остался безразличным русский

---

¹¹¹ Там же, с. 70—71.

¹¹² Там же, с. 71.

¹¹³ Там же, с. 71—72.

путешественник и к картинам иной, чем на родине, природы: грозная буря и затем полный штиль под пеленой тумана на море, величественные, сверкающие на солнце снежные вершины гор.

Но автор увидел не только внешний облик чужих стран. Он сумел разглядеть и черты жизни населявших их народов. Внимание автора привлекли в первую очередь занятия городского населения — торговля, ремесло. Он подчеркивает торговое значение Любека, Эрфурта, Нюрнберга, Флоренции, ярко показывает международные торговые связи Венеции, скрупулезно записывает цены на продовольственные товары в Ферраре. Русский путешественник отметил высокий уровень развития ремесла в Эрфурте и особенно во Флоренции; для последней он специально выделяет шелководство и шелкоткацкое ремесло (изготовление шелковых тканей занимало важное место в ремесленном производстве Флоренции; цех шелкоделов, возникший в 1218 г., являлся одним из старейших). Сделал автор запись и о чеканке монет в венгерском городе Люблеве, сопроводив ее пересчетом венгерских денег на русские. Но особенно заинтересовал путешественника необычный для его родины способ соледобычи путем выпаривания морской воды под солнечными лучами; наличие соляных промыслов он отметил для ряда городов Адриатического побережья (Кьоджи, Пола, Оссеро). Сельское хозяйство получило меньшее отражение на страницах «Хождения» (может быть, потому, что русское посольство делало остановки в городах, и наш автор имел возможность наблюдать жизнь преимущественно городского населения). Лишь в нескольких местах своего труда, говоря об окружающих города ландшафтах, автор в общей форме пишет о полях и садах «красных». Во время проезда через Италию он специально отмечает только разведение оливковых садов во Флоренции с целью изготовления масла и виноградарство.

Любопытные наблюдения автор сделал, как уже указывалось, и по поводу этнических и языковых особенностей населения отдельных стран.

Нашли в «Хождении» отражение и исторические события того времени. Это были главным образом, поскольку автор являлся участником церковного посольства, события церковной истории — работа Ферраро-Флорентийского собора, уния западной и восточной церквей, проклятие папой Базельского собора. Коснулся русский путешественник и турецкой темы, отметив один из этапов наступления турок на земли южных славян. Назвал он и ряд государственных и церковных деятелей Запада и Византии: рижского архиепископа Геннинга Шарпенберга, римского папу Евгения IV, константинопольского патриарха Иосифа, византийского императора Иоанна VIII, его брата — деспота Дмитрия, турецкого султана Мурада II, сербского деспота Георгия Бранковича, польского короля Владислава, великого князя Литовского Казимира и, наконец, всех (22) присутствовавших на соборе православных митрополитов и некоторых католических епископов.

Все эти разнообразные сведения об экономике, культуре, природе, языке и религии, исторических событиях и исторических деятелях были положены на тщательно выделанную автором основу произведения — дорожник, включающий приводимые с неуклонной методичностью названия населенных пунктов (их многие десятки) и расстояния между ними.

О культуре и жизни западных стран автор «Хождения» пишет с большим уважением, искренне, хотя часто и наивно, восхищаясь достижениями западноевропейской техники и культуры. У него нет ни тени враждебности по отношению к западному миру, хотя этот мир был католическим и наш путешественник попал в него в момент, когда вопрос о церковной унии способствовал подъему ортодоксально-православных настроений. Православная принадлежность автора сказывалась лишь в поименном перечислении православных духовных лиц — участников собора, в назывании католических церквей словом «божницы» (православные всегда называются церквями), русского православного населения Дерпта — «христианами», да в мимоходом сделанном замечании о том, что уния означала «прощение» латинян греками.¹¹⁴ Известный автор предстает со страниц своего труда как человек, лишенный религиозной узости и нетерпимости и с большой любознательностью всматривавшийся во впервые раскрывавшийся перед ним мир. «Хождение» представляет большой интерес как первый памятник, отразивший непосредственные впечатления русского человека XV в. от знакомства с Западной Европой.

Мы уже отмечали, что списки «Хождения» подразделяются на четыре группы. Списки первой группы представляют только что проанализированную первоначальную редакцию произведения, списки второй — первую сокращенную редакцию, главную особенность которой составляет отсутствие описания последнего отрезка пути от Буды до Суздаля.

Первая сокращенная редакция сохранилась, как мы полагаем, в двух видах. Первый вид представлен 10 списками, заканчивающимися описанием Буды (см. выше), второй вид — списком собр. Погодина № 1606, завершающимся известиями о выезде русского посольства из Венеции и возвращении затем на родину. Появление этого списка было вызвано, очевидно, теми же причинами, что и первой сокращенной редакции в целом — стремлением исключить отрывки, неинтересные для читателя (текст, следующий за известием о выезде русского посольства из Венеции, менее интересен, чем предшествующий, так как в нем отсутствуют очерковые описания виденного, характерные для предыдущей части текста). Не выделяя Погодинский список № 1606 в отдельную редакцию, потому что от списков, заканчивающихся описанием Буды, он отличается отсутствием лишь сравнительно

---

¹¹⁴ Там же, с. 69.

небольшого заключительного отрывка, мы определяем его как список второго вида первой сокращенной редакции.

Датировать первую сокращенную редакцию трудно. Несомненно, что нижней гранью ее датировки является время создания первоначальной редакции — 1437—1440 гг., верхней — время, к которому относится наиболее ранний сохранившийся список первой сокращенной редакции — Софийский список № 1465 начала XVI в. Таким образом, первая сокращенная редакция возникла между 40-ми годами XV в. и началом XVI в. Думается, что возникновение ее следует отнести скорее к началу XVI в.

В начале XVI в. в связи с созданием Русского централизованного государства и расширением контактов с Западом в русской письменности возрастает интерес к западноевропейским странам: в летописях увеличивается число известий о них, в сборниках и среди дополнительных статей летописей появляется статья «Европейской страны короли», дающая представление о системе европейских государств, в 20-х годах переводится «Письмо Максимилиана Трансильвана», содержащее описание путешествия Магеллана, а также «Сказание о брани венециан противу турецкого царя», повествующее о турецкой угрозе Европе (см. главу II). В атмосфере возрастания интереса к Западной Европе у кого-либо из русских книжников легко могла возникнуть мысль о переработке «Хождения во Флоренцию» путем удаления из него сухих, неинтересных частей текста. И, может быть, не случайно, что из 11 сохранившихся списков первого вида первой сокращенной редакции 4 списка (Софийский № 1465, Софийский № 1464, Погодинский № 1572, ОЛДП, Q.63) приходятся на первую половину XVI в. Но, конечно, приурочивание создания первой сокращенной редакции к началу XVI в. является лишь гипотезой.

Еще более гипотетичными представляются суждения о времени возникновения второго вида первой сокращенной редакции. Единственный известный список этого вида — Погодинский № 1606 — находится в сборнике XVII в., включающем преимущественно географические и исторические статьи.¹¹⁵ Не создан ли был рассматриваемый вид первой сокращенной редакции «Хождения» специально для этого сборника? Тогда станет понятным, почему второй вид первой сокращенной редакции «Хождения» не получил широкого распространения.

Тексты третьей (Троицкое собрание № 805) и четвертой (собр. Погодина № 1571 и Троицкое собрание № 801) групп списков отличаются от текстов второй группы (первая сокращенная редакция) не только отсутствием еще большей части окончания (в третьей группе изложение доводится до Флоренции, в четвертой — до Феррары), но и сокращением всего оставшегося текста. Чтобы направление переработки, а также соотно-

---

¹¹⁵ Казакова Н. А. Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг., с. 82.

шение четырех групп списков были ясно видны, приводим перечень эпизодов, имеющихся в первоначальной и первой сокращенной редакциях (в части, содержащей описание путешествия до Флоренции) и в третьей и четвертой группах списков:

Первоначальная и первая сокращенная редакции	Третья группа списков	Четвертая группа списков
1. Путь от Москвы до Новгорода.	Ироническое описание Новгорода.	
2. Пребывание в Новгороде.		
3. Пребывание в Пскове.		
4. «Град немецкий Коспир».		
5. Описание Юрьева.		
6. Путь от Юрьева до Риги.		
7. Пребывание в Риге.		
8. Плавание по морю от Риги до Любека.		
9. Описание Любека.	Расстояние от Новгорода до Пскова, от Пскова до Риги и от Риги до Любека. Краткое описание Любека.	
10. Путь митрополичьего обоза по суше от Риги до Любека.		
11. Путь от Любека до Люнебурга.		
12. Описание Люнебурга.	Краткое описание Люнебурга.	Еще более краткое описание Люнебурга.
13. Описание Брауншвейга.	Описание Брауншвейга.	
14. Описание Магдебурга («Батмера»).	Описание «Мальброка», почти совпадающее с описанием «Батмера».	
15. Описание Лейпцига и Эрфурта.	Почти то же.	
16. Пребывание в Бамберге.	То же с небольшими сокращениями.	
17. Описание Форхгейма.	То же с небольшими изменениями и сокращениями.	
18. Описание Нюрнберга.	Описание Нюрнберга.	
19. Характеристика Аламанской земли.	Описание Аугсбурга.	Характеристика Аламанской земли.
20. Описание Аугсбурга.	Характеристика Аламанской земли.	Описание Аугсбурга.
21. Путь через Альпийские горы.	То же с некоторыми изменениями.	Почти то же с некоторыми изменениями.
22. Приезд в Феррару на собор, перечень православных митрополитов — участников собора и описание его заседаний.	Приезд в Феррару на собор.	Приезд в Феррару на собор и перечень православных митрополитов — участников собора.

23. Описание часов во дворце папы в Ферраре.	
24. Цены на продукты питания.	
25. Решение о перенесении собора во Флоренцию.	
26. Путь от Феррары во Флоренцию.	Расстояние от Феррары до Флоренции.
27. Описание Флоренции.	Краткое описание Флоренции.
28. Описание заседаний собора. (Далее в первоначальной редакции следует описание путешествия от Флоренции до Суздаля, в первой сокращенной редакции — до Буды).	Известие об отъезде участников собора на родину.

Сопоставление показывает, что текст третьей группы (Троицкое собрание № 805) по сравнению с текстами первоначальной и первой сокращенной редакций претерпел значительные изменения. Отвлекаясь пока от иронического описания Новгорода, с которого начинается текст третьей группы, отметим, что в нем 1) описание путешествия от Новгорода до Любека заменено указанием расстояний; 2) выпущены почти все описания пути по Западной Европе, за исключением пути через Альпийские горы; 3) сокращены описания Любека (за счет изъятия, главным образом, описания церквей и монастырей) и Люнебурга; 4) выпущены все известия, касающиеся Феррары, за исключением известия о приезде на собор; 5) сокращено описание Флоренции (полностью опущены описания церквей и монастырей); 6) описание заседаний собора во Флоренции и путешествия из Флоренции на Русь заменено кратким сообщением об окончании собора и возвращении его участников на родину («восвояси»). Все эти изменения показывают, что переработка текста при создании протографа третьей группы списков «Хождения» шла по линии дальнейшего сокращения. Но сокращение проводилось не просто ради сокращения. В результате сокращения от текста «Хождения» остались (если не считать описания пути через Альпийские горы и краткие известия о приезде или выезде из того или иного города) лишь описания западных — немецких и итальянских — городов. Получилось действительно «Сказание о градах» (как называются списки третьей группы), проникнутое к тому же интересом только к светским памятникам. Вместе с тем «Сказанию» была придана ярко выраженная идейная окраска: западноевропейские города с их подчеркнутыми красотой и благоустройством противопоставлялись Новгороду, с убийственной характеристики которого

начинается «Сказание»: «Новград стоит, стен у него нет; были древяны и те погорели», далее отмечаются неурядицы в Новгороде («меншии их (бояр. — *Н. К.*) не слушают») и скверные наклонности новгородцев («сквернословы, плохы, а пьют много и лихо»). Составитель текста третьей группы списков «Хождения» использовал «Хождение во Флоренцию» для того, чтобы создать памфлет на Новгород. Поэтому мы считаем этот текст новой, очень своеобразной редакцией «Хождения во Флоренцию». Поскольку наиболее яркой особенностью ее является противоновгородская направленность, постольку мы и предлагаем называть эту редакцию антиновгородской.

Между текстами антиновгородской редакции и четвертой группы списков «Хождения» имеются различия. В тексте четвертой группы отсутствуют описания Новгорода, некоторых немецких городов (Брауншвейга, Магдебурга, Лейпцига, Эрфурта), а также Флоренции, читающиеся в антиновгородской редакции. В то же время по сравнению с последней в тексте четвертой группы есть дополнительный отрывок — перечень православных митрополитов, участников собора в Ферраре. Но наряду с различиями между обоими текстами обнаруживается много общего: совпадает читающееся в обоих текстах указание расстояний от Новгорода до Пскова, от Пскова до Риги и от Риги до Любека (которым заменено имеющееся в первоначальной и первой сокращенной редакциях описание путешествия русского посольства от Москвы до Любека); совпадают или очень близки описания немецких городов (Любека, Люнебурга, Форхгейма, Нюрнберга, Аугсбурга), «Аламанской земли», пути через Альпийские горы, а также известие о приезде в Феррару на собор. Столь значительная близость сохранившегося списка антиновгородской редакции (Троицкий № 805) спискам четвертой группы (Погодинский № 1571 и Троицкий № 801) свидетельствует о том, что как первый, так и вторые списки восходят к общему протографу. С нашей точки зрения, таким протографом был созданный неизвестным книжником текст антиновгородской редакции, переработку которой представляют списки четвертой группы.

В пользу предположения о первичности антиновгородской редакции говорят следующие данные: наличие в начале ее текста описания Новгорода, после которого логично следует отсчет расстояний от Новгорода («От Великого Новграда до Пскова два девяноста верст. А от Пскова до Риги три девяноста верст. А от Риги до Любека города морем семсот верст, а берегом тысяча верст»); наличие описания Флоренции и заключительной фразы о возвращении участников собора из Флоренции на родину, благодаря чему текст имеет форму законченного произведения; отсутствие перечня православных митрополитов — участников собора в Ферраре, который читается в тексте четвертой группы и в произведении, содержащем описание городов, выглядит чуждым элементом.

Составитель протографа четвертой группы списков «Хождения во Флоренцию», перерабатывая текст антиновгородской редакции, с одной стороны, произвел его дальнейшее сокращение, а с другой, — пользуясь списком первоначальной или первой сокращенной редакции, сделал дополнения, освещающие деятельность Ферраро-Флорентийского собора. Очевидно, он хотел создать краткий вид «Хождения», но отображающий в то же время работу собора. Поскольку созданная им обработка текста отличается от антиновгородской редакции и по фактическому содержанию, и по идейной окраске (отсутствие антиновгородской направленности), постольку мы рассматриваем ее как новую редакцию «Хождения», которую называем второй сокращенной редакцией. Она дошла до нас в дефектном виде. Доказательством этого служит перечень православных митрополитов, участников собора в Ферраре, которым завершаются тексты Погодипского № 1571 и Троицкого № 801 списков. Этот перечень имеет смысл только как составная часть описания деятельности Ферраро-Флорентийского собора, и, несомненно, что такое описание в протографе второй сокращенной редакции имелось. Но вследствие механической утраты последней части текста возник дефектный вид рассматриваемой редакции, представленный Погодипским № 1571 и Троицким № 801 списками.

Каким временем датируются антиновгородская и вторая сокращенная редакции «Хождения во Флоренцию»? Датирующие данные для определения времени создания антиновгородской редакции содержатся в описании Новгорода, с которого начинается ее текст: «Новград стоит, стен у него нет; были древяны и те погорели; и костры также возгорели, не покрыты. А ворот нет, хто хочет, тот идет и выидет, а сторожеи нету. А река Волхов течет из озера Ильмеря сквози город да в Ладоское озеро. А бояре в нем меншими людьми наряжати не могут, а меншии их не слушают. А люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо; только их бог блюдет за их глупость». В качестве правящего слоя Новгорода, которому, правда, «меньшие люди» в момент, когда писал составитель антиновгородской редакции «Хождения», не оказывали послушания, но который тем не менее рассматривался составителем как правящий, названы бояре. Это обстоятельство заставляет отнести составление антиновгородской редакции к периоду новгородской самостоятельности, но, естественно, к позднему ее этапу — после 1437—1440 гг., так как в эти годы была создана первоначальная редакция «Хождения во Флоренцию», раньше которой «Сказание о градах» появиться не могло.

Время создания антиновгородской редакции «Хождения» характеризовалось далее, как это следует из описания Новгорода, внутренними неурядицами в нем и опустошениями, причиненными пожарами. Нам кажется, что эти признаки ведут к 40-м годам XV в. В 1442 г. Новгород поразили страшные пожары, опустошившие значительную часть города и вызвавшие беспорядки;

под 1445 г. новгородский летописец внес запись о дороговизне хлеба, продолжавшейся десять лет, голоде, несправедном суде; в 1447 г. из-за литья неполноценных денег в Новгороде вспыхнул «мятежь велик». ¹¹⁶ Таким образом, 40-е годы XV в. отмечены в истории Новгорода большими пожарами и выступлениями низов против бояр. Возможно, что все эти события отрицательно сказались на внешнем облике Новгорода и упадке в нем сторожевой службы, о чем язвительно писал составитель рассматриваемой редакции «Хождения», хотя более чем вероятно, что с его стороны имело место необъективное отношение к Новгороду. Именно о таком отношении свидетельствует и характеристика нравов новгородцев: «...сквернословы, плохы, а пьют много и лихо; только их бог блюдет за их глупость». Такую характеристику мог дать лишь человек, занимавший резко отрицательную позицию в отношении Новгорода и новгородцев.

Кем же был автор рассматриваемой редакции «Хождения»? Трудно допустить, чтобы он был новгородцем: вряд ли новгородец, к какой бы части общества он ни принадлежал, стал бы давать такое уничижительно ироническое описание своего родного города и своих земляков. Думается, что автор антиновгородской редакции «Хождения» был москвичом. 40—50-е годы XV в. — время напряженных отношений между Новгородом и Москвой, которые особенно обострились из-за поддержки Новгородом Дмитрия Шемяки в период феодальной войны на Руси второй четверти XV в. ¹¹⁷ В связи с этим памятникам московской литературы середины и второй половины XV в. свойственно пренебрежительно отрицательное отношение к новгородцам. Так, рассказ московских летописей о победе москвичей над новгородцами во время похода Василия Темного на Новгород в 1456 г. проникнут полным презрением к боеспособности новгородцев, а в «Послании» митрополита Ионы в Новгород 1448—1459 гг. указывается, что там царят «ярость и свары и прекословие», виновниками которых были «збродни пьянчивые и кровопролитные человеки». ¹¹⁸ Эти характеристики удивительным образом перекликаются с уничижительно ироническим описанием Новгорода в рассматриваемой редакции «Хождения», что является дополнительным аргументом в пользу ее принадлежности московскому книжнику. ¹¹⁹

---

¹¹⁶ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 423—425; Новгородская IV летопись. — ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 443—444.

¹¹⁷ *Бернадский В. И.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, с. 247—257.

¹¹⁸ Московский летописный свод конца XV в. — ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 275; Послание Ионы, митрополита Московского и всея Руси, в Великий Новгород о боях усобиных. — РИБ, т. VI, 1880, стб. 549.

¹¹⁹ Подробнее см.: *Казакова Н. А.* «Сказание о градах от Великого Новгорода и до Рима». — В кн.: Памятники русской культуры. Новые открытия. 1975. М., 1976, с. 16—21. — В связи с рассмотрением Новгородского

Хронологические рамки создания второй сокращенной редакции «Хождения во Флоренцию» определяются временем составления антиновгородской редакции, т. е. серединой XV в., и датой наиболее раннего из известных списков второй сокращенной редакции — Погодинского списка № 1571, относящегося к середине XVI в. Думается, что вторая сокращенная редакция возникла скорее в первой половине XVI в., когда у русских книжников обозначился интерес к составлению кратких произведений о зарубежных странах (например, статьи «Европейской страны короли» (см. главу II), «Татарским землям имена»¹²⁰), которому отвечала по своему характеру вторая сокращенная редакция «Хождения во Флоренцию».

Проведенный нами анализ основных этапов истории текста «Хождения во Флоренцию» позволяет сделать следующие выводы.

1. Если отвлечься от прощического описания Новгорода в антиновгородской редакции памятника, придавшего ему характер памфлета на Новгород, то на всем протяжении истории текста «Хождения» оставалась неизменной его сущность — произведения, имевшего целью фиксацию виденного за рубежом, чтобы донести до читателя сведения о чужих городах и землях.

2. Переработка текста шла по линии его сокращения, выпускались в первую очередь неинтересные для читателя отрывки, содержавшие перечень населенных пунктов и расстояний между ними (редакции первая сокращенная, антиновгородская, вторая сокращенная); сокращение происходило также за счет исключения отрывков, посвященных описанию религиозных святынь, церквей и монастырей, деятельности Ферраро-Флорентийского собора (редакции антиновгородская и частично вторая сокращенная).

Таким образом, основная тенденция в развитии текста памятника заключалась в придании ему большей занимательности и в выявлении его светского характера. Создание же антиновгородской редакции «Хождения» путем включения в его состав уничижительного описания Новгорода представляло собой отклонение от главного направления рукописной традиции произведения.

И характер переработок текста «Хождения», и число их в течение одного столетия показывают, что в рассматриваемый период произведение жило интенсивной жизнью и вызывало в русском

летописца, находящегося в сборнике Троицкого собрания № 805, А. Н. Насонов упоминает «Сказание о градах», приводит начало и конец его текста и пишет, что содержание «Сказания» обличает в авторе человека, ненавидевшего «меньших», описывавшего население своего города в черных красках и восторгавшегося всем иноземным (Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (Новые материалы). — III, IV, 1955, с. 255). Соглашаясь с тем, что составителю «Сказания» было свойственно преклонение перед всем иноземным, мы полагаем, как об этом уже говорилось, что составитель был москвичом.

¹²⁰ Казакова Н. А. «Татарским землям имена». — ТОДРЛ, т. XXXIV, 1979.

обществе большой интерес. Отмеченное явление объясняется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что в XV—первой половине XVI в. «Хождение во Флоренцию» являлось по существу единственным русским литературным памятником, рассказывающим о ряде европейских стран. Со второй половины XVI в. положение меняется: в это время были осуществлены переводы с польского на русский язык «Всемирной хроники» Мартина Бельского, включающей описание европейских стран, а в XVII в. появляются в переводе на русский язык «Космографии» Меркатора и других западноевропейских картографов и географов. Интерес к «Хождению» снижается, и оно больше не подвергается переработкам.¹²¹ Но тем не менее «Хождение» продолжает привлекать внимание русских книжников и читателей и в связи с этим переписывается: из 20 известных нам списков «Хождения» (в это число включены не дошедший до наших дней список Соловецкого собрания № 31 (46) и списки двух отрывков «Хождения») 7 списков приходятся на первую половину—середину XVI в.,¹²² 12 списков — на конец XVI—XVII в.¹²³ и 1 список относится к XIX в.¹²⁴ Мы полагаем, что в конце XVI—XVII в., когда в России появились переводные ученые сочинения, дающие гораздо более глубокие знания о Западной Европе, «Хождение» стало играть роль занимательного сочинения, кратко и вместе с тем эмоционально передающего впечатления русского путешественника от Запада, поэтому памятник продолжал бытовать в русской письменности. Списки «Хождения» исчезают в XVIII в., когда оно перестает удовлетворять возросшие культурные запросы русского общества.

Интересны наблюдения над составом сборников, включающих текст «Хождения».

Наиболее ранние списки «Хождения» находятся в составе сборника Софийского собрания № 1465 (датируется началом XVI в.) и сборника № 1464 (относится к 20—30-м годам XVI в.). Вряд ли будет преувеличением сказать, что оба сборника, одинаковые по составу, представляют собой любопытное явление русской культуры первой половины XVI в.

Сборники начинаются с Палеи исторической, содержащей изложение ветхозаветной истории; за ней следуют краткие статьи:

¹²¹ В XVII в. создается лишь особый вид первой сокращенной редакции «Хождения», представленной Погодинским списком № 1606.

¹²² Академический (БАН, 16.8.13), Софийский № 1465, Софийский № 1464, ОЛДП, Q.63, Погодинский № 1571, Погодинский № 1572, Троицкий № 805.

¹²³ Погодинский № 1557, Погодинский № 1596, Погодинский № 1606, Музейный № 939, Троицкий № 801, Московской духовной академии № 5 (80), Московской духовной академии № 6 (81), Синодальный № 46/177, Синодальный № 448/144, Соловецкий № 31 (46), Софийский № 1453, Устюжский № 10.

¹²⁴ ГПБ, Q.1.1366. — Список этот случайный и не свидетельствует о продолжении после XVII в. рукописной традиции «Хождения».

«Имена ветрам», «Имена великим рекам», «Имена великих гор», сообщающие определенный ряд географических сведений; далее статьи, связанные по своему содержанию с Ветхим и Новым заветом, в их числе статьи исторического характера: «А се судии Израильтєскыи», «А се царие Иерусалимьскыи», «А се Самаритєскыи цари»; затем группа памятников антилатинской полемики, возникших главным образом в связи с Флорентийским собором (в их числе и «Повесть о восьмом соборе» Симеона Суздальского); далее ряд хождений: Игнатия Смольнянина, во Флоренцию 1437—1440 гг., Арсения Солунского; заключаются сборники любопытной статьей «О Египте, граде велицем», представляющей собой запись рассказа русского путешественника конца XV в.,¹²⁵ и перечнями европейских королей (составлен между 1506 и 1523 гг. — см. главу II) и «татарских земель» (относящемся предположительно ко времени не позднее начала XVI в.).¹²⁶ Таким образом, сборники, включая ряд обязательных для средневековой культуры религиозных статей, отличались в то же время светской направленностью и ярко выраженным историко-географическим уклоном. Состав сборников отражал многообразие интересов русских книжников начала XVI в. и их стремление к познанию окружающего мира, лежащего, в частности, за пределами родины.

Оба сборника были составлены в Кирилло-Белозерском монастыре, причем сборник № 1464 представляет собой копию сборника № 1465, снятую спустя 10—15 лет после его составления.¹²⁷ Факт появления в Кирилло-Белозерском монастыре за короткий срок двух историко-географических сборников свидетельствует о том, что этот монастырь в начале XVI в. являлся своего рода культурно-просветительным центром. Кирилло-Белозерский монастырь не был исключением. Подобного рода сборники составлялись и в других местах, о чем говорит состав третьего раннего сборника, включающего текст нашего «Хождения» (БАН, 16.8.13, сборник относится ко второй четверти XVI в.). В число статей сборника, место возникновения которого неизвестно, входит цикл произведений о Флорентийском соборе, хождения — Игнатия Смольнянина, во Флоренцию 1437—1440 гг., Стефана Новгородца, игумена Данила, сказание о «граде Египте», «О повгородских церквах и пятинах» и другие.¹²⁸ Не случайно во всех трех сборниках (Софийском № 1465, Софийском № 1464, Академическом — БАН,

¹²⁵ Казакова Н. А. К изучению «Сказания о граде Египте». — ТОДРЛ, т. XXVI, 1971, с. 256—259.

¹²⁶ Постатейное описание сборников см.: Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека, вып. III. СПб., 1910, с. 268—276.

¹²⁷ Казакова Н. А. Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг., с. 79—80.

¹²⁸ См.: Исторические сборники XV—XVIII вв. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 2. М.—Л., 1965, с. 118—121.

16.8.13), появление которых отражало светскую просветительную струю в развитии русской культуры начала XVI в., находится наше «Хождение»: этот факт свидетельствует о том, что современники рассматривали его как важный и интересный в познавательном отношении памятник.

Во всех трех рассмотренных нами сборниках, помимо разнообразных статей историко-географического характера, находится, как мы отмечали, цикл произведений о Флорентийском соборе, с которым было связано и появление нашего «Хождения». Таким образом, уже состав самых ранних сборников с текстом «Хождения» во Флоренцию позволяет установить, что у русских книжников и читателей существовал двоякий интерес к памятнику: с одной стороны, как к произведению, рассказывающему о «чужих землях», с другой — как к источнику сведений о Флорентийском соборе. Таким же мотивом было обусловлено и включение текста «Хождения» в сборник Музейного собрания № 939 XVII в., который по своему составу близок к сборнику БАП, 16.8.13.¹²⁹

Анализ других сборников с текстом «Хождения во Флоренцию 1437—1440 гг.» также показывает, что включение в них «Хождения» определялось либо интересом к Флорентийскому собору, либо склонностью к историко-географическим знаниям. И в том, и в другом случаях распространение списков «Хождения» способствовало расширению кругозора русских людей XV—XVII вв.

* * *

В нескольких рукописных сборниках XVI—XIX вв. находится небольшая, но любопытная заметка. Не имея заглавия, она начинается словами: «До града Ферары путь писан наперед. А от Ферары града до Рима великаго града 50 миль». Далее указывается, что Рим расположен на реке Тибре («Тивере»), в 12 милях от моря, и что автор со своими спутниками на конях в течение двух дней объезжал город, проехав при этом 32 мили. Затем сообщаются сведения о Риме: о церквах св. Петра и св. Павла, их размерах, о находящихся в них и в церкви Иоанна Предтечи мощах святых, о крещении там императора Константина и его крестильнице из зеленого мрамора. Далее следует многозначительная фраза: «Церкви же в нем (Риме. — *П. К.*) были велии велики и позлащенные верхи и полаты чюдны. И то все порушилося, запустения ради». В заключение автор сообщает, что русские путешественники видели императорский дворец («дом царев») и дворец Евфимия («дом Еуфимианов велик велии»¹³⁰).

¹²⁹ См.: Музейное собрание рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1961, с. 150—152.

¹³⁰ Какой архитектурный памятник подразумевал составитель «Заметки» под дворцом Евфимия, мы сказать не можем.

Заканчивает свою краткую заметку автор словами: «А иного не писахом».

Рассматриваемая заметка представляет собой первое в русской литературе описание Рима. Оно лаконично и ограничено в своем содержании, но ряд сведений географического — о местоположении Рима — и историко-культурного порядка — о его исторических и архитектурных памятниках — в описании есть. Обращает внимание наблюдение автора о запустении Рима. Рим XIV—первой половины XV в. действительно находился в состоянии упадка: экономика переживала застой, население катастрофически уменьшалось, здания ветшали и разрушались. По сравнению с процветающими Флоренцией и Феррарой Рим представлял собой печальный контраст. И русский путешественник это правильно подметил.

Заметку о Риме впервые опубликовал по списку XIX в., находящемуся среди выписок из рукописных книг Новгородской Софийской библиотеки (ГБЛ, собр. Румянцева № 35, л. 16 об.—17 об.), А. Востоков. Вторично ее издал по списку начала XVI в. Софийского сборника № 1465 В. Малинин.¹³¹ Обе публикации были осуществлены без всяких комментариев и пикаких откликов в русской научной литературе не вызвали. В зарубежной литературе единственная попытка интерпретации текста «Заметки» принадлежит Г. Штёклю. Он считает, что фрагмент с описанием Рима первоначально входил в состав путевого дневника («Хождения во Флоренцию»), куда он был занесен его автором на основе записок одного из участников русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор, посетившего Рим; впоследствии фрагмент из текста «Хождения» был исключен.¹³²

Гипотеза Г. Штёкля не представляется до конца убедительной. Несомненно, «Заметка о Риме» была написана участником русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор. Но мы полагаем, что поездку в Рим совершил и записал впечатления о нем сам автор «Хождения»: автор «Заметки» говорит о себе как о лице, побывавшем в Риме, и его труд в стилистическом отношении совпадает с «Хождением» (отметим повторение одних и тех же выражений: «позлащенные верхи», «полаты чудны»). Но эту небольшую заметку автор «Хождения» в его текст не включил, ибо «Хождение» представляло собой дневник (быть может, полуофициального характера) поездки русского посольства, куда вносились описания лишь тех городов, через которые проезжало посольство во главе с митрополитом Исидором, в Риме же оно не было. Поэтому «Заметка о Риме» с самого начала возникла как отдельный памятник, поэтому автор счел нужным начать ее

---

¹³¹ *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, с. 41; *Малинин В.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, приложение, с. 88.

¹³² *Stöckl G.*, S. 181—182, A. 70.

с указания на существование своего другого труда: «До града Феррары путь писан наперед». Эта фраза, являющаяся прямой ссылкой на «Хождение» (в котором описывается, в частности, путь русского посольства до Феррары), не должна была присутствовать в тексте «Заметки», если бы она представляла собой фрагмент «Хождения», ибо в «Хождении» подобная фраза отсутствует (в тексте «Хождения» ни разу не встречаются указания на то, что путь до какого-либо города «писан наперед», такие указания были не нужны, ибо «Хождение» включало последовательное описание всего пути русского посольства).

Не может служить доказательством первоначальной принадлежности описания Рима тексту «Хождения во Флоренцию» и читающаяся в списках первой сокращенной редакции фраза: «А о Риму мало что после написано». Это показывает сопоставление соответствующих мест текста первоначальной и первой сокращенной редакции «Хождения»:

Первоначальная редакция
(Хождение, с. 86)

И ту есмя наехали папу Римского Еугения, от Рима за 50 миль; ту же и святого царя Греческого Иоанна, и святого патриарха Иосифа вселенского, и святыи вселенский собор.

Первая сокращенная редакция
(Малинин В. Старец
Елеазарова монастыря
Филофей и его послания.
Приложения, с. 81)

И ту есмя наехали папу Римского Еугения, от Рима за 50 миль. А о Риму мало что после написано. Ту же и святого царя Греческого Иоанна, и святого патриарха Иосифа вселенского, и святыи вселенский собор.

Из сопоставления следует, что фраза, о которой идет речь, является вставкой, разрывающей текст с перечислением высоких участников соборов, которых русское посольство застало в Ферраре. Очевидно, эту вставку сделал составитель первой сокращенной редакции «Хождения», имевший в своем распоряжении тексты и «Хождения», и «Заметки о Риме». Показательно, что составитель первой сокращенной редакции «Хождения» ограничился приведенной отсылкой и не включил «Заметку о Риме» в текст «Хождения».

О том, что «Заметка о Риме» не входила в текст «Хождения», свидетельствуют и наблюдения над ее рукописной традицией. Дополнительно к опубликованным спискам Румянцевскому № 35 и Софийского сборника № 1465 нам удалось выявить еще два списка «Заметки» — сборники БАН, 16.8.13 и ГБЛ, Музейное собрание № 939. Румянцевский список ввиду его позднего происхождения (XIX в.) и отсутствия сведений о составе сборника, в который входил протограф списка, не дает оснований для решения вопроса о соотношении «Хождения» и «Заметки о Риме». Сборник БАН, 16.8.13, хотя и ранний (2-я четверть XVI в.) и включает тексты обоих памятников, тоже не имеет значения для поставленной нами цели, так как «Заметка о Риме» вписана

скорописью конца XVI в. (т. е. спустя более полу столетия после составления сборника) на оставшихся незаполненными листах (л. 135—136). Что касается Софийского сборника № 1465, самого раннего (начало XVI в.), то текст «Хождения» занимает в нем л. 230—239, а «Заметка о Риме» написана на л. 246—246 об. другим почерком, нежели «Хождение», но принадлежащим одному из основных писцов сборника. Это свидетельствует о том, что составители сборника не только не рассматривали «Хождение» и «Заметку» как одно произведение, но даже не уловили между ними тематической связи, вследствие чего поместили их в разных частях сборника. В Музейном сборнике № 939 (середины XVII в.) «Заметка о Риме» (л. 58—58 об.) следует непосредственно за «Хождением» (л. 43 об.—58), и оба произведения написаны одной рукой. Таким образом, составитель Музейного сборника № 939 уловил тематическую связь между обоими памятниками и поэтому поместил их рядом, но он не сделал попытки вставить описание Рима в то место «Хождения», где ему полагалось быть по смыслу (после описания Феррары); следовательно, и составитель Музейного сборника № 939 не считал интересующие нас памятники одним произведением. Отмеченные наблюдения над сборниками с текстом «Заметки о Риме» позволяют сделать заключение о том, что в рукописной традиции «Хождение во Флоренцию» и «Заметка о Риме» воспринимались как отдельные произведения, что является доводом в пользу нашего предположения об их раздельном возникновении.¹³³

* * *

Перу участника посольства на Ферраро-Флорентийский собор принадлежит еще одно произведение, известное под названием «Исхождения Авраамия, епископа Суздальского». Вслед за рукописной традицией исследователи считают автором произведения Авраамия, находившегося на епископской кафедре в Суздале в 30—40-х годах XV в.

По-видимому, Авраамий занимал видное место среди русских церковных иерархов 30-х годов XV в., и поэтому был включен в состав русского посольства на собор, который должен был решить вопрос об унии церквей. Автор «Хождения во Флоренцию», принадлежавший, как мы уже указывали, к свите Авраамия, подчеркивает участие своего господина в посольстве, отмечает его присутствие на заседаниях собора, на торжественных трапезах, но никаких сведений, которые могли бы дать материал для характеристики Авраамия, не сообщает. Симеон Суздальский,

---

¹³³ Казакова Н. А. Заметка о Риме русского путешественника середины XVI в. — ТОДРЛ, т. XXXII, 1977, с. 252—255; там же публикация памятника.

автор «Повести о восьмом соборе», ринует Авраамия противником унии, которого Исидор за его противодействие бросил в темницу; только после семидневного пребывания в ней Авраамий поставил свою подпись под актом об унии.¹³⁴

О литературных трудах Авраамия, за исключением приписываемого ему «Исхождения», ничего неизвестно. Но содержание и стиль «Исхождения» дают основание считать Авраамия человеком, наделенным литературными способностями, любознательным, эмоциональным, умеющим воспринимать виденное и передавать его.

«Исхождение Авраамия Суздальского» в рукописях встречается, за исключением одного случая (о нем мы скажем дальше), в виде двух отрывков, один из которых рассказывает о мистерии «Благовещение», другой — «Вознесение».

Существует пять изданий «Исхождения». П. И. Новиков опубликовал по неизвестному списку текст описания мистерии «Благовещение».¹³⁵ А. Востоков по копии рукописи XVI в. Коттониянской библиотеки в Лондоне издал два находящихся в этой рукописи отрывка из описания мистерии «Вознесение».¹³⁶ Н. С. Тихонравов также напечатал текст описания мистерии «Вознесение» по незадуманному списку середины XVII в.¹³⁷ А. Попов вновь издал описание мистерии «Благовещение» по принадлежавшей ему рукописи XVI в. с подведением вариантов по списку Синодального собрания № 272 XVII в. и Новиковскому изданию.¹³⁸ Н. И. Прокофьев опубликовал текст описания мистерии «Благовещение» по списку XVII в. ЦГАДА, ф. 181, № 591 с подведением вариантов по спискам Новиковского и Поповского изданий, а также спискам ЦГАДА, ф. 181 № 13/14 (из библиотеки Волынского), БАН, Тек. пост. № 496, собр. Целепи № 50, ГПБ, собр. Погодина № 1952 и 1571; Н. И. Прокофьевым осуществлено также новое издание текста мистерии «Вознесение» по списку

¹³⁴ Повесть Симеона Суздальского об осьмом (Флорентийском) соборе. Исидоров собор и хождение его. — В кн.: Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян, с. 206.

¹³⁵ ДРВ, ч. XVII. Изд. 2-е. М., 1791, с. 178—185.

¹³⁶ Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, с. 338—339. — А. Востоков отнес оба отрывка к путевым заметкам Авраамия Суздальского. П. С. Тихонравов определил, что первый из изданных А. Востоковым отрывков посвящен описанию мистерии «Вознесение», по поводу же второго высказал предположение, что он является частицей описания мистерии «Рождества Иоанна Предтечи» или какой-либо другой духовной драмы (Тихонравов Н. С. Новый отрывок из путевых записок суздальского епископа Авраамия (1439). — Вестн. Об-ва древнерусского искусства, 1876, № 11—12, отд. III, с. 37). Н. И. Прокофьев установил, что второй изданный А. Востоковым отрывок тоже представляет собой часть описания мистерии «Вознесение», так как целиком входит в состав вновь найденного Н. И. Прокофьевым списка описания этой мистерии (Прокофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв., с. 205).

¹³⁷ Тихонравов Н. С. Новый отрывок. . ., с. 41—42.

¹³⁸ Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875, с. 399—406.

XVIII в. БАН, Тек. пост. № 496 с подведением вариантов по спискам Востоковского и Тихонравовского изданий, а также Погодинскому № 1571 и 1572, ГПБ, Q.XVII, 321.¹³⁹

При изданиях текста памятника использовано в общей сложности (в качестве основных списков и при подведении вариантов) 13 списков. Три из этих списков известны только по соответствующим изданиям (Новиковскому, Тихонравовскому, Поповскому), подлинник изданного А. Востоковым списка находится в Лондоне, использованный А. Поповым для разночтений список Синодального собрания № 272 обнаружить в настоящее время в составе Синодального собрания не удалось, остальные 8 списков находятся в рукописных хранилищах Москвы и Ленинграда. Таким образом, из 13 списков «Исхождения Авраамия Суздальского», привлеченных издателями, в настоящее время существуют реально (в печатном или рукописном виде) 12: Новиковский, Востоковский (или Лондонский), Тихонравовский, Поповский, Погодинский № 1571, 1572, 1952, ГПБ, Q.XVII, 321, БАН, Тек. пост. № 496, БАН, собр. Целепи 50, ЦГАДА, ф. 181, № 591, ЦГАДА, ф. 181, № 13/14. Нам удалось обнаружить дополнительно еще 6 списков «Исхождения»: ГПБ, F.XVII, 38, ГПБ, Q.I.788, ГБЛ, Троицкий № 801, ГИМ, Забелинский № 419, 451, Уваровский № 1547 — и увеличить, следовательно, число учтенных списков до 18.¹⁴⁰

Списки «Исхождения Авраамия Суздальского» могут быть разбиты на три группы: списки первой группы содержат описание обеих мистерий — «Благовещения» и «Вознесения», второй — «Благовещения», третьей — «Вознесения».

Исследователи уже давно высказали мысль о том, что первоначальный вид «Исхождения Авраамия Суздальского» включал описание обеих мистерий. Еще Н. С. Тихонравов отметил, что в прямой связи с заключительной фразой рассказа о представлении мистерии «Благовещение» «Се же чудное то видение и хитрое делание видеком во граде, зовомом Флорензе: елико можахом своим малоумнем вместити, написахом противу тому видению, якоже видеком; иного же немощно и списати, заπε пречюдно естъ и отнюдь несказати» находится начало отрывка о мистерии «Вознесение»: «Се же ипо чюднейше видение видеком в том же преименитом граде Флорентии». Н. С. Тихонравов сделал также вывод о том, что «язык той и другой статьи и особенно термины,

¹³⁹ См.: Литература Древней Руси и XVIII век. М., 1970, с. 252—264. — П. О. Морозовым были названы неизвестные в то время списки «Исхождения» из собр. Погодина № 1557, 1571, 1572, 1952 (*Морозов П. О.* История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, с. 28, прим. 1). Три последних списка были использованы Н. И. Прокофьевым в его издании. Список собр. Погодина № 1557 у П. О. Морозова назван ошибочно: текст «Исхождения» в названной рукописи отсутствует.

¹⁴⁰ Описание списков «Исхождения Авраамия Суздальского» см.: *Казакова Н. А.* Исхождение Авраамия Суздальского (списки и редакции). — ТОДРЛ, т. XXXIII, 1979.

употребляемые в них для обозначения различных подробностей сценической обстановки, убеждают окончательно в принадлежности обеих статей перу одного лица». В этой связи особенно интересно наблюдение Н. С. Тихонравова о наличии в обоих отрывках редкого слова «самокачно», встречающегося еще лишь в одном памятнике — «Хождение игумена Даниила», правда, в другой форме — «мокачно».¹⁴¹

Наблюдения и аргументацию Н. С. Тихонравова продолжил Н. И. Прокофьев. Он указал, что в двух списках «Исхождения Авраамия Суздальского» (БАН, Тек. пост. № 496 и Погодинском № 1571) оба очерка следуют один за другим и что в некоторых новых списках второго очерка («Вознесение») имеются ссылки на первый («Благовещение»), например: «И есть среди церкви тая, якоже в прежеписанной церкви. А тая бы церковь Благовещенская и монастырь вне града, а сия же церковь Вознесения во граде».¹⁴²

По нашему мнению, для доказательства предположения о том, что описания обеих мистерий первоначально входили в состав одного произведения, особое значение имеет текст Погодинского списка № 1571, где оба описания не просто следуют одно за другим, как это отметил Н. И. Прокофьев, а слиты в одно произведение: за последними словами фразы, обычно заключающей текст описания мистерии «Благовещение» («Се же все чудное то и хитрое делание видехом во граде, зовомом Флоренза; и елико можахом своим малоумнем вместили, и написахом противу же тому деланию, яко видехом; немощно и списати, зане чудно есть и отнюдь не сказанно»), на той же строке с маленькой буквы, лишь немного отступя, начинается текст описания мистерии «Вознесение» («еже иное другое чуднейшее видение видехом в том же преименитом и великом граде Флорензе»)¹⁴³ При чтении Погодинского списка № 1571 становится очевидным, что последняя фраза отрывка «Благовещения» и первая фраза отрывка «Вознесения» составляли первоначально единый текст, посредством которого осуществлялся переход от рассказа о мистерии «Благовещение» к рассказу о мистерии «Вознесение». Именно поэтому позже, когда этот текст разорвался, описание мистерии «Вознесение» стало начинаться с фразы (точнее, с отрывка фразы), предполагающей существование предшествующего текста.¹⁴⁴ Изложенные наблюдения позволяют, как нам кажется, сде-

---

¹⁴¹ Тихонравов Н. С. Новый отрывок..., с. 37—38 и прим. 2 в правом столбце с. 37.

¹⁴² Прокофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв., с. 206—207.

¹⁴³ ГПБ, собр. Погодина № 1571, л. 88 об. — Отметим, что текст описания мистерии «Благовещение» начинается в сборнике по-иному — с новой строки и большой киноварной буквы.

¹⁴⁴ Не случайно так начинается не только большинство списков отрывка «Вознесения» (три из пяти), но и самые ранние списки (два списка XVI в.).

лать заключение о том, что Погодинский список № 1571 (кстати, список ранний, середины XVI в.) восходит к первоначальной редакции «Исхождения Авраамия Суздальского», включавшей рассказы об обеих мистериях. В пользу предположения о первичности текста списка собр. Погодина № 1571 говорит и его начальная фраза, называющая точно место, где автор наблюдал представление мистерии «Благовещение» — церковь монастыря св. Марка во Флоренции. В остальных списках с описанием мистерии «Благовещение» это указание отсутствует,¹⁴⁵ и они начинаются со слов о мудром итальянце, устройтеле представления мистерии (в Погодинском списке № 1571 фраза о мудром итальянце — «хитром фрязине» — является второй); о месте представления сообщается дальше, причем точно оно не называется: говорится лишь, что представление было в некоем монастыре в церкви во имя Богородицы.

Поскольку в состав «Исхождения Авраамия Суздальского» входили описания двух мистерий, постольку в процессе своей литературной истории текст произведения легко распался на две части (отрывок, передающий представление «Благовещения», и отрывок, передающий представление «Вознесения»), каждая из которых стала жить своей самостоятельной жизнью. Когда произошло распадение, трудно сказать, но в середине XVI в. оно уже существовало: к этому времени относятся древнейшие списки описания мистерии «Благовещение» (Забелинский № 419) и мистерии «Вознесение» (Погодинский № 1572). По-видимому, отрывок «Благовещение» интересовал русских книжников и читателей больше, чем отрывок «Вознесение»: первый встречается в 12 списках, второй — в 4.

В книжной среде оба отрывка воспринимались как самостоятельные литературные произведения, и в сборниках они всегда существуют отдельно. Лишь в списке БАН, Тек. пост. № 496 (начало XVIII в.) оба отрывка следуют один за другим,¹⁴⁶ но каждый из них имеет свое заглавие и после заключительной фразы текста традиционное «аминь», которое писцы ставили в конце переписываемых ими произведений. Все это свидетельствует о том, что как составителем, так и переписчиками сборника БАН, Тек. пост. № 496 отрывки «Благовещение» и «Вознесение» воспринимались как отдельные произведения; просто при переписке они были помещены рядом. Поэтому находящийся в сборнике БАН, Тек. пост. № 496 список описания мистерии «Благовещение» мы будем считать 13-м списком этого отрывка, а на-

¹⁴⁵ Указание на монастырь св. Марка как на место представления мистерии «Благовещение» имеется еще в Троицком списке № 801, связанном с Погодинским списком № 1571.

¹⁴⁶ О Погодинском списке № 1571 мы сейчас не говорим, так как этот список, как мы указывали, восходит к первоначальному виду «Исхождения», в котором описания обеих мистерий существовали в виде единого произведения.

ходящийся в том же сборнике список описания мистерии «Вознесение» — 5-м списком соответствующего отрывка.

Поскольку в рукописной традиции «Исхождения Авраамия Суздальского» рассказ о мистерии «Благовещение» и рассказ о мистерии «Вознесение» существовали отдельно (за исключением списка собр. Погодина № 1571), постольку мы предлагаем рассматривать их в качестве особых редакций «Исхождения», называя первый — редакцией «Благовещение», второй — редакцией «Вознесение».

Мистерию «Благовещение» Авраамий Суздальский смотрел, как следует из текста Погодинского списка № 1571, в церкви монастыря св. Марка (монастыря доминиканцев), мистерию «Вознесение» — в церкви Вознесения неназванного автором монастыря. П. С. Тихонравов и А. Н. Веселовский полагают, что мистерию «Вознесение» Авраамий Суздальский видел в церкви монастыря del Carmine, где она регулярно ставилась и в последующее время.¹⁴⁷

Русский путешественник подробно излагает содержание мистерий, в основе которых лежали два евангельских рассказа: 1) об объявлении деве Марии архангелом Гавриилом вести о предстоящем рождении ею сына божия, 2) о вознесении на небо Христа. Хотя канвой для мистерий, являвшихся основным видом театральных зрелищ средневекового Запада, служили сюжеты библейской истории, но под пером драматургов они проходили известную обработку и превращались в духовные драмы. Исследователи попытались установить, представление каких именно духовных драм видели русские путешественники. Сопоставляя детальное описание мистерии «Благовещение» у Авраамия Суздальского с итальянскими духовными драмами, А. Н. Веселовский пришел к выводу, что русские путешественники видели пьесу «*Rappresentazioni della Annunziazione di Nostra Donna*», приписываемую Фео Белькари (Feo Belcari) и напечатанную в сборнике, составленном д'Анкона «*Sacre rappresentazioni dei secoli XIV—XV e XVI*» (р. 169—181). Итальянский оригинал второй мистерии установить труднее, так как описание ее у Авраамия Суздальского короче, чем описание первой мистерии. П. О. Морозов высказал лишь осторожное предположение о том, что не является ли описанная русским путешественником мистерия «Вознесение» пьесой «*Rappresentazione dell'Ascensione*», автором которой также считается Фео Белькари.¹⁴⁸ Тот факт, что исследователи на основании описания Авраамия Суздальского сумели высказать предположение о том, какие именно итальянские пьесы видели во Фло-

¹⁴⁷ Тихонравов П. С. Новый отрывок..., с. 39; Wesseloſsky A. Italienische Myſterien in einem russiſchen Reiſebericht des XV. Jahrhunderts. Russische Revue. — Monatsschrift für die Kunde Russlands, Bd. X. SPb., 1877, S. 439.

¹⁴⁸ Wesseloſsky A. Italienische Myſterien..., S. 432—433; Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия, с. 27.

ренции русские путешественники в 1439 г., свидетельствует о точности описания суздальского епископа и о его большой наблюдательности.

Авраамий Суздальский, описывая мистерии, передает не только их сюжеты и ход действия, но и подробности сценической обстановки: длину и ширину помоста (сцены), цвет и рисунок занавеса, одеяния действующих лиц, декорации, световые и шумовые эффекты, технические приспособления, при помощи которых осуществлялись сложные для того времени перемещения. Создателем всей этой «хитрости» Авраамий в начале произведения называет «некоего человека хитра, родом фрязина», который устроил «многим людям на удивление дело хитро и чудно».¹⁴⁹ Может быть, под «хитрым фрязином» («мудрым итальянцем») следует подразумевать знаменитого итальянского зодчего и инженера Филиппо Брунеллески, о котором известно, в частности, что он создал машины для постановки мистерии «Благовещение».¹⁵⁰

Театральные представления, которые русские люди видели впервые, произвели на них огромное впечатление. Авраамий Суздальский пишет о них без всякого предубеждения, с большим эмоциональным настроением, как о «красном и чудном видении», которое «умилило и отнюдь неизреченная веселия исполнено».¹⁵¹ Живой и увлекательный рассказ Авраамия Суздальского о «чудном видении» пользовался неизменным успехом у древнерусских читателей: сохранилось, как мы указывали, 18 списков произведения; из них 5 списков — XVI в., 9 — XVII в., 2 — XVIII в., 1 — XIX в., 1 — неизвестного времени.

Наблюдения над литературным окружением «Исхождения» и составом сборников, включающих его текст, позволяют сделать заключение о том, в какой связи памятник привлекал внимание древнерусских книжников и читателей.

В двух сборниках (Погодинском № 1571 середины XVI в. и Троицком № 801 XVII в.) «Исхождение Авраамия Суздальского» переписано вслед за «Хождением во Флоренцию 1437—1440 гг.», что свидетельствует о стремлении составителей сборников предоставить читателям оба памятника, повествующих о поездке русского церковного посольства на Флорентийский собор. В сборниках БАН, собр. Целихи 50 и ГИМ, собр. Забелина № 451 XVII в. «Исхождение» помещено после «Повести о восьмом соборе Симеона Суздальского», освещающей деятельность Флорентийского собора и участие в нем русского посольства во главе с митрополитом Исидором; заголовок обоих списков «Исхождения» — «Хождение Авраамия Суздальского на осмый собор с тем же митрополитом Исидором в лето 6945» — показывает, что составители

¹⁴⁹ Исхождение Авраамия Суздальского. — В кн.: Литература Древней Руси и XVIII век, с. 254.

¹⁵⁰ Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. СПб., 1876, с. 334.

¹⁵¹ Исхождение Авраамия Суздальского, с. 256.

сборников рассматривали оба памятника как тематически единый литературный цикл (в тексте «Исхождения» упоминания Флорентийского, восьмого, собора, как и митрополита Исидора, нет, и совершенно очевидно, что оба упоминания попали в заголовок произведения из соседней «Повести о восьмом соборе»). В сборниках собр. Забелина № 419 XVI в., ЦГАДА, ф. 181, № 591, ГПБ, F.XVII, 38 и Q.I.788 XVII в., БАН, Тек. пост. № 496 начала XVIII в., собр. Уварова № 1547 начала XIX в. никаких произведений, связанных с Флорентийским собором, кроме «Исхождения Авраамия Суздальского», нет. А между тем в заголовке его списков, находящихся в названных сборниках, сообщается, что Авраамий совершил «хождение» (или «исхождение») на восьмой собор в 6945 г. вместе с митрополитом Исидором. Наличие этого заголовка в рассматриваемых списках объясняется несомненно тем, что протограф (или протографы) названных списков находился (или находились) в сборнике (или сборниках), в котором (или которых) текст «Исхождения» следовал непосредственно за «Повестью о восьмом соборе» Симеона Суздальского и обязан этому соседству своим заголовком. Сделанные наблюдения дают, как нам кажется, все основания для вывода о том, что «Исхождение» интересовало первоначально древнерусских книжников как памятник, связанный с Флорентийским собором и рассказывающий об одном из эпизодов поездки русского церковного посольства на собор. «Исхождение Авраамия Суздальского» привлекало к себе внимание и по другим причинам.

Рукопись из Погодинского сборника № 1952 с текстом «Исхождения» содержит также отрывок из «Хождения Игнатия Смольнянина в Царьград» (они помещены рядом), в рукописи из Погодинского сборника № 1572, включающей список «Исхождения», находится также статья «О человецех незнаемых» (самоедах),¹⁵² в сборнике ЦГАДА, ф. 191, № 581 — статьи о «Святогорских» (Афонских) монастырях, «О человецех незнаемых». Хотя эти статьи сообщали о жизни и порядках разных уголков известной русским книжникам ойкумены, но все они объединялись одной темой — описанием «чужих земель». Эта тема особенно ярко и многогранно представлена в сборнике ГПБ, Q.XVII.321, содержащем в числе прочих статей Космографию Козьмы Индикоплова, более позднюю Космографию с описанием Старого и Нового света, Хождение из Сибири в Китайское царство, путь от Москвы до Царьграда и Иерусалима и, наконец, наше «Исхождение». Таким образом, в названные сборники «Исхождение Авраамия Суздальского» включалось как памятник, повествующий о «чужих землях», отвечающий стремлению древнерусского человека к познанию других стран.

---

¹⁵² Оба Погодинских сборника составлены из разных рукописей. Мы говорим только о тех входящих в их состав рукописях, которые содержат текст «Исхождения».

В заключение отметим, что с середины XV и до середины XVII в., вплоть до 1635 г., когда русский посол в Польше кн. Львов-Ярославский записал в статейном списке о виденном им у польского короля спектакле о Юдифи, спасшей Иерусалим от ассирийского царя Олоферна,¹⁵³ «Исхождение Авраамия Суздальского» оставалось единственным в древнерусской литературе памятником, рассказывающим о театральных представлениях; автором это было сделано так живо и увлекательно, что памятник и после появления в России во второй половине XVII в. собственного театра продолжал жить — переписываться и рассказывать читателям о чудесном зрелище в далекой «Фряжской земле», в «преименитом и великом граде Флорензе».

Для исследователей «Исхождение» интересно как произведение, сохранившее впечатления русского человека XV в. от соприкосновения с театральной культурой Запада.

Последнее сочинение, возникшее в связи с путешествием русского церковного посольства на Ферраро-Флорентийский собор, — это «Повесть о восьмом соборе» суздальского иеромонаха Симеона.

По мнению исследователей, авторским вариантом сочинения Симеона следует считать текст, имеющий заглавие «Исидоров собор и хождение его».¹⁵⁴ Отличительной особенностью этого текста, крайне редко встречающегося в рукописях, является наличие в нем значительных автобиографических элементов. Симеон рассказывает о притеснениях, которые он терпел в Италии со стороны митрополита Исидора из-за своего отрицательного отношения к унии, о бегстве в декабре 1439 г. из Венеции при возвращении русского церковного посольства на родину, о пребывании в 1440 г. у архиепископа Евфимия в Новгороде, куда Симеон пробрался из Италии, о приезде затем к смоленскому князю Юрию Лугвевичу, который, вопреки своему слову, заключил Симеона в оковы и выдал митрополиту Исидору.¹⁵⁵ Наличие зна-

---

¹⁵³ Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия, с. 28.

¹⁵⁴ Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян, с. 102—103; Делекторский Ф. И. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о флорентийской унии, с. 15—16; Щербина А. Д. Литературная история русских сказаний о флорентийской унии, с. 28—30; Моштинская Н. В. 1) Хождение неизвестного суздальца на Ферраро-Флорентийский собор 1436—1440-х годов (статья названа так, как мы уже указывали, ошибочно: в ней речь идет не о «Хождении», а о «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского. — Н. К.), с. 88; 2) Литературная история «Повести об осьмом Ферраро-Флорентийском соборе» Симеона Суздальского. — В кн.: Вопросы русской литературы. М., 1971, с. 48, 49.

¹⁵⁵ Повесть Симеона Суздальского об осьмом (Флорентийском) соборе. Исидоров собор и хождение его, с. 206—207.

чительных автобиографических элементов в рассматриваемом виде произведений — несомненный признак авторской редакции.

В свое сочинение Симеон включил и сведения о том, как он его создавал. Находясь на соборе в Ферраре и Флоренции, он вел записи соборных прений, имевшие, вероятно, протокольный характер («и мне ту бывшу попу именем Симеону, то вся видевши и слышавши, и писавшу ми в той час их словеса и прения»).¹⁵⁶ В Новгороде при дворе архиепископа Евфимия Симеон обработал записи («дошедши ми святаго владыки Евфимия богоспасаемого Великого Новаграда, списах сия, яже видех и слышах, како во Фрязской земли во граде Флорентии...»¹⁵⁷), придав им, очевидно, характерную для его произведения публицистическую направленность, о которой мы будем говорить дальше. Однако, по убедительному мнению Л. В. Черепнина, окончание авторской работы над сочинением Симеона следует датировать 1447 г.: не ранее этого года, так как только в 1447 г. Василий II вернул себе великое княжение, что сделало возможным написание похвалы великому князю Московскому, включенной в текст сочинения Симеона, и не позднее, потому что Симеон не упоминает избрания русским митрополитом в 1448 г. Ионы — события, которое в силу содержания и идейной направленности произведения обязательно должно было бы получить в нем отражение. Завершение труда Симеона приходится на время пребывания его в Троице-Сергиевой лавре, куда, согласно свидетельству «Жития» Сергия Радонежского, после низложения Исихора был направлен освобожденный из оков Симеон.¹⁵⁸

Рассказывая о Ферраро-Флорентийском соборе, Симеон сообщает о нем данные фактического порядка, а также характеризует расстановку политических сил и картину политической борьбы, происходившей на соборе.

Комплекс фактических данных, имеющийся в «Повести о восьмом соборе», беднее, нежели в западных и греческих источниках,¹⁵⁹ по ряд необходимых сведений он включает. Симеон называет имена наиболее видных участников собора: византийского императора Иоанна VIII и его брата — деспота Дмитрия, деятелей католической церкви — папы Евгения IV, кардинала Джулиана Чезарини, епископов Андрея Родосского и Иоанна Болонского, Амброджо Траверсари; представителей православной церкви — константинопольского патриарха Иосифа, митрополитов Марка Эфесского, Виссариона Никейского, Дорофея Митиленского, Исидора Русского и др. Автор указывает общее число заседаний собора в Ферраре — «17 зборов» (цифра, близкая к истине), но не

¹⁵⁶ Там же, с. 198.

¹⁵⁷ Там же, с. 199.

¹⁵⁸ Черепнин Л. В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии. — Средние века, вып. 25. М., 1964, с. 178—179.

¹⁵⁹ Об источниках по истории Ферраро-Флорентийского собора см.: Рамм В. Я. Папство и Русь в X—XV веках. М.—Л., 1959, с. 225—228.

фиксирует внимания на каждом заседании и не ставит своей целью протокольное воспроизведение деятельности собора.

Главное значение труда Симеона заключается, как это справедливо отметил Л. В. Черепнин, не в его фактической стороне, а в нарисованной автором картине политической борьбы. При этом Симеон сосредоточивает внимание лишь на нескольких фигурах, но каждая из них выступает в его изображении как воплощение определенной церковнополитической программы. Олицетворением вопиющей католической церкви является папа Евгений IV, стремившийся посредством унии подчинить восточную, православную, церковь и православные страны и не гнушавшийся в отношении своих противников никакими средствами — от грубого давления до подкупа. Образ папы отмечен «великой гордостью» и «буйством латинским». Верным пособником папы был русский митрополит Исидор, обещавший подчинить папе всех русских князей и ловко использовавший свои связи с греками для того, чтобы добиться заключения унии. Византийский император Иоанн VIII Палеолог изображен политическим деятелем, придерживавшимся политики лавирования между латинофильствующей и ортодоксальной византийскими партиями; в конце концов, хотя и неохотно, он соглашается на унию. Героем Симеона является Марк Эфесский, непримиримый противник унии и борец за независимость православной церкви. Он бесстрашно выступает не только против папы, но и против латинофильствующих греческих церковников и самого императора Иоанна VIII. Заканчивает свое произведение Симеон панегириком великому князю Московскому Василию Васильевичу, отказавшемуся признать унию и заточившему Исидора. Таким образом, идее мирового господства папства Симеон противопоставляет идею независимости Русского государства.¹⁶⁰

Сосредоточив внимание на описании происходившей на соборе борьбы церковнополитических партий, Симеон, в отличие от автора «Хождения во Флоренцию», почти ничего не пишет о странах и народах, с которыми соприкасались участники русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор. Лишь сообщая о перенесении собора из Феррары во Флоренцию, он кратко передает впечатления от пути («все по горам, а те высоки бо быша горы») и от Флоренции («велик бо бе град и много в нем богатства, и божицы велми велики, и мнози монастыри, и полаты украшены златом»), считая нужным тут же отметить: «И того всего не могу исписати, по се о сборе пишу».¹⁶¹ Представляет интерес перечень католических народов, чьи представители участвовали в соборе. Этот перечень фигурирует в «Повести» Симеона дважды:

---

¹⁶⁰ Черепнин Л. В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии, с. 180—183.

¹⁶¹ Повесть Симеона Суздальского об осьмом (Флорентийском) соборе. Исидоров собор и хождение его, с. 204.

в первый раз названы «фрязове, аламани, катаяне, френцузове, мамериане, медилеане, немцы, много поморского языка латиньскаго», во второй — «фрязове, френцузове, медилеане, аламани, немци, югры, чехи, ляхи, римляни».¹⁶² Здесь названия народов — итальянцы («фрязове»), французы («френцузове»), южные немцы («аламани»), немцы в целом («немци»), каталонцы («катаяне»), британцы («мамериане»),¹⁶³ венгры («югры»), чехи, поляки («ляхи») — перемежаются с названиями жителей городов — миланцы («медилеане»), римляне. Несмотря на несовершенство и отсутствие единого принципа составления, перечень знакомил русских читателей с этническим составом католического мира.

«Повесть о восьмом соборе», рассказывающая о Флорентийском соборе и об отказе великого князя Московского признать его решения, неизменно привлекала внимание русских книжников, создававших ее новые переработки. Исследователи выделяют две редакции «Повести». Первая редакция представлена двумя видами: первый вид — это уже рассмотренный нами, восходящий к авторскому варианту, известный под названием «Исидоров собор и хождение его», датируемый 1447 г.; второй вид, возникший вскоре под пером московских книжников, включает некоторые изменения и дополнения, не носящие, однако, принципиального характера (списки второго вида имеют заголовок «Инок Симеона нерея суздальца повесть, како римский папа Евгений состави осмый собор с своими единомышленники»¹⁶⁴).

Создание второй редакции «Повести о восьмом соборе» связано с появлением нового литературного произведения — «Слово избрано от святых писаний, еже на латыню, и сказание о составлении осмаго собора латыньскаго, и о извержении Сидора Прелестнаго, и о поставлении в русской земли митрополитов, о сих же похвала благоверному великому князю Василию Васильевичу всея Руси»¹⁶⁵. «Слово» датируется 1461—1462 гг. Его автором одни исследователи (Ф. И. Делекторский) считают того же Симеона Суздальца, другие (А. Павлов) — Пахомия Серба. «Слово» распадается на две части: первая часть представляет собой не что иное, как «Повесть о восьмом соборе», вторая — рассказ о поставлении на Москве митрополитов Ионы и Феодосия при участии великого

¹⁶² Там же, с. 200—201.

¹⁶³ Г. Штёкль, проанализировавший упоминания западных народов в летописной редакции «Повести» Симеона Суздальского, о которой мы еще будем говорить, полагает, что «калатины» — это каталонцы, а «беребеане» — британцы (*Stökl G. Das Bild des Abendlandes...*, S. 19, A. 47; см. также: ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 254). Летописному «калатины» в рассматриваемой сейчас редакции «Повести» Симеона Суздальского соответствуют «катаяне», а летописному «беребеане» — «мамериане»; отсюда наше истолкование этнических наименований, читающихся в «Повести» Симеона.

¹⁶⁴ Издано А. Н. Поповым, см.: Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян, с. 344—359.

¹⁶⁵ Там же, с. 360—395.

князя. «Повесть о восьмом соборе» в составе «Слова» теряет свою автобиографичность и приобретает характер исторической аргументации в пользу законности вновь установившегося на Руси церковного порядка, поэтому текст «Повести» в составе «Слова» выделяют в особую, вторую редакцию. Эта редакция тоже делится на два вида: первый вид, о котором мы говорим, находится в составе «Слова избрана на латыню», второй вид возник в результате включения в сокращенном виде «Повести» в редакции «Слова» в состав летописных сводов, отчего этот вид получил название летописной повести о Флорентийской унии.¹⁶⁶

«Повесть о восьмом соборе» Симеона Суздальского, претерпев сложную эволюцию, оказалась частью летописных сводов конца XV—XVI в. и в качестве таковой продолжала нести русскому читателю сведения о важнейшем событии церковнополитической истории Европы XV в.¹⁶⁷

---

¹⁶⁶ Делекторский Ф. И. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии, с. 37—40, 16—29; Щербина А. Д. Литературная история русских сказаний о Флорентийской унии, с. 33—35 (в отличие от Ф. И. Делекторского А. Д. Щербина первым видом второй редакции «Повести о восьмом соборе» считает летописную повесть, которая по составлению была использована при написании «Слова избрана на латыню», в результате чего возник второй вид второй редакции «Повести о восьмом соборе»). Н. В. Мошинская определяет как две самостоятельные редакции те варианты «Повести», которые прежние исследователи считали двумя видами первой редакции: 1) «Исидоров собор и хождение его», 2) «Инока Симеона, перяя Суздальца повесть, како римский папа Евгений составлял осмый собор со своими единомысленики». Первую часть «Слова избрана на латыню» и летописную повесть, которые Ф. И. Делекторский и А. Д. Щербина считали двумя видами второй редакции «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского, Н. В. Мошинская из литературной истории «Повести» исключает, рассматривая «Слово» как самостоятельное произведение (Мошинская Н. В. Литературная история «Повести о осьмом Ферраро-Флорентийском соборе» Симеона Суздальского). По существу, Н. В. Мошинская повторяет схему своих предшественников, давая ее составным частям лишь иное название. Нам терминология Делекторского—Щербины представляется более убедительной.

¹⁶⁷ Краткая характеристика произведений флорентийского цикла как памятников литературы путешествий дана в статье: Казакова Н. А. Европейские страны в записках русских путешественников середины XV в. — Вопросы истории, 1977, № 6, с. 37—48.

Глава II

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XV—НАЧАЛА XVI в.

Конец XV—начало XVI в. — важный этап в истории Европы. Это эпоха оформления централизованных монархий, складывания и противоборства союзов европейских государств, сложных дипломатических комбинаций. Для политической жизни Европы рассматриваемого периода была характерна также угроза нашествия турок, уже вступивших к началу XVI в. в пределы Центральной Европы.

В сфере духовной жизни конец XV—начало XVI в. были ознаменованы крупными достижениями. Одно за другим совершались великие географические открытия, раздвигавшие горизонты человечества, происходило развитие гуманизма, началась Реформация. Одновременно, преодолевая государственные перегородки, усиливались культурные контакты, возрастал интерес европейских народов друг к другу.

Разительно меняются в результате объединения русских земель и создания Русского централизованного государства роль и значение России в жизни Европы. Сильное Русское государство, создавшееся во второй половине XV в., сразу стало важным фактором международной жизни Европы. С одними европейскими государствами у него сложились дружественные отношения, с другими — напряженные.

Наиболее острые отношения существовали у России с Великим княжеством Литовским, состоявшим с конца XIV в. в унии с Польским королевством. Под властью Великого княжества Литовского находилась часть русских, украинских и белорусских земель, и возвращение их в состав Русского государства являлось одной из насущных задач его внешней политики. Эта задача была в известной степени решена в результате войн конца XV—начала XVI в., после которых Русскому государству были возвращены земли в верховьях Оки, Чернигово-Северское княжество, Смоленск. И хотя в 20—30-е годы военные действия между Россией и Польшей—Литвой не возобновлялись, но отношения между

ними сохраняли напряженный характер и регулировались временными перемириями.

Напряженность в отношениях с Польшей—Литвой обусловила стремление России к сохранению мирного статуса с Ливонией. После русско-ливонской войны 1501—1503 гг., вызванной попыткой Ливонского ордена нанести удар по Русскому государству, ливонские ландесгерры (Орден и епископы) должны были отказаться от агрессивных планов в отношении русских земель и пойти на серьезные уступки в вопросе о создании благоприятных условий для развития русской торговли в Ливонии. Это создало предпосылки для длительного мира на русско-ливонской границе, продержавшегося вплоть до 50-х годов XVI в., когда правительство Ивана IV выдвинуло задачу освобождения выходов в Балтийское море путем овладения ливонскими портами.

После русско-шведской войны 1495—1497 гг., вызванной нежеланием Швеции возвращать России западные карельские погосты, отошедшие к Швеции по Ореховецкому договору 1323 г., отношения между Россией и Швецией сохраняли в целом мирный характер, хотя и не были лишены напряженности, так как вопрос о границе на Карельском перешейке оставался неурегулированным.

Тесный союз, оформленный договором 1493 г. (подтвержденным в 1506 и 1516 гг.), сложился между Россией и Данией. Предпосылки этого союза заключались, с одной стороны, в противоречиях, существовавших у обоих государств со Швецией (у России из-за пограничных вопросов, у Дании — из-за стремления Швеции к освобождению из-под датского владычества), а с другой — в борьбе с Ганзой, которую вели Дания и Россия с целью освобождения своей внешней торговли от засилья ганзейского купечества.

Сношения между Россией и Империей завязались в 80-х годах XV в. В конце XV—начале XVI в. они были весьма оживленными, ибо Габсбурги, соперничавшие с Ягеллонами из-за венгерской короны, стремились к союзу с Россией. Кульминационной точкой сближение России с Империей достигло в 1514 г., когда между ними был подписан направленный против Польши договор. Однако вскоре после заключения договора Габсбурги меняют свою политику. Урегулировав с Ягеллонами вопрос о венгерской короне, Габсбурги стремятся добиться заключения русско-польского мира, чтобы вовлечь оба государства в антитурецкую коалицию. Привлечение России к борьбе с Турцией становится главной задачей габсбургских дипломатов в отношении России.

Аналогичные планы лелеял и Рим. Папы Александр VI, Лев X и Климент VII неоднократно обращались к великому князю Московскому с призывом выступить против турок. Рим мечтал также о соединении западной, католической, и русской, православной, церквей, чего ему не удалось добиться посредством Флорентийской унии.

Планы соединения церковей русское правительство решительно отвергло. Оно уклонилось также от присоединения к антитурецкой лиге, создаваемой усилиями Империи и Рима, ибо борьба с Турцией, не угрожавшей непосредственно России (Россия не входила в число государств, намеченных Портой для завоевания), не соответствовала ее интересам.

Расширение и укрепление дипломатических сношений России с европейскими государствами, выход ее на широкую арену политической жизни Европы сопровождалось развитием культурных контактов. В Москву в большом числе приглашаются иностранные специалисты — архитекторы, пушечники, врачи. Особенно тесные культурные связи устанавливаются между Москвой и итальянскими государствами — Венецией, Римом, Миланом, куда в первую очередь направлялись русские посольства для приглашения мастеров.

Следствием развития политических и культурных контактов между Россией и Западом явилось возрастание у них взаимного интереса и стремления к более углубленному взаимопознанию. На Западе в конце XV—первой половине XVI в. появляется ряд сочинений, посвященных России (Барбаро, Контарини, Матвея Меховского, Иоганна Фабра, Павла Иовия, Альберто Кампензе, Сигизмунда Герберштейна и др.), создаются специальные карты России (Вальдземиллера, Аньезе, Гастальди, Бернарда Ваповского, Антония Вида). Расширяются возможности и для проникновения в Россию известий о Западной Европе. Если в середине XV в. известия о Западе читались лишь в литературных произведениях, возникших в связи с участием русской церковной делегации в работе Ферраро-Флорентийского собора, то теперь эти известия встречаются в гораздо более широком круге источников — посольских делах, летописях, памятниках русской оригинальной и переводной литературы.

★ ★ ★

На посольские дела (документы внешних сношений России XV—XVII вв.) как на источник информации о западноевропейских странах обращали внимание отдельные исследователи. Под этим углом зрения А. Г. Брикнер проанализировал статейные списки русских посольств XVII в. в Италию, а М. П. Алексеев — русских посольств XVII в. в Англию. В публикации «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.» Я. С. Лурье дал комментарии к статейным спискам посольств Ф. Н. Писемского (1582—1583 гг.) и Г. И. Микулина (1700—1701 гг.) в Англию, а В. И. Райцес — к статейному списку посольства П. И. Потемкина (1667—1668 гг.) во Францию. В специальной статье Я. С. Лурье рассмотрел известие русских посольских дел о Варфоломеевской ночи. М. А. Алпатов в статье «Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в.» (включен-

ной позже в его монографию «Русская историческая мысль и Западная Европа в XII—XVII вв.») использовал для ответа на поставленный вопрос статейные списки ряда русских посольств XVII в.¹

Все названные исследователи единодушны в мнении о том, что посольские дела имеют большую ценность в качестве источника, в котором отлагались известия о западноевропейских странах.² Но в перечисленных нами работах изучаются преимущественно статейные списки XVII в., из более ранних статейных списков рассматриваются в полном объеме лишь списки некоторых посольств XVI в. в Англию, другая (помимо статейных списков) документация посольских дел не используется. Отсутствует также сравнительная характеристика посольских дел как источника сведений о Западной Европе для различных хронологических отрезков изучаемого периода.

Автор настоящей работы поставил своей целью выявить и изучить всю информацию о западноевропейских странах, сохранявшуюся в посольских делах XV—XVI вв. (посвященных сношениям с этими странами) в целом, а не только в статейных списках. Он попытался также сделать некоторые наблюдения историковедческого характера, позволяющие судить об эволюции посольских дел как источника известий о Западной Европе.

Посольские дела отлагались в Посольском приказе. Посольский приказ в качестве особого учреждения, ведавшего сношениями России с другими государствами, официально был создан в 1549 г. До этого внешними сношениями ведали ближние великокняжеские бояре и особые «посольские» дьяки, а соответствующая документация хранилась в Казне или Казенном дворце, выполнявшем среди различных функций и функцию основного государственного архива.³

¹ Брикнер А. Г. Русские дипломаты-туристы в Италии. — Русский вестник, 1877, № 3, 4, 7; Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв., с. 43—109; Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954, с. 386—417, 426—441; Лурье Я. С. Известие о Варфоломеевской ночи в русских «посольских делах» XVI в. — В кн.: Вопросы истории религии и атеизма, VI. М., 1958, с. 216—230; Аллатов М. А. 1) Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. — В кн.: История и историки. М., 1966, с. 89—129; 2) Русская историческая мысль и Западная Европа в XII—XVII вв. М., 1973, с. 323—363.

² Датский ученый К. Расмуссен вопрос об уровне информации о Западе, имевшейся в Посольском приказе в XVI в., рассмотрел на основе посольских книг сношений России с Польшей и Великим княжеством Литовским. При этом автор использовал не все материалы книг, а лишь вопросник, содержащийся в наказах послам, отправлявшимся в Польшу и Литву, в силу чего картина отражения жизни Запада в документации Посольского приказа получилась, как нам представляется, обедненной (Rasmussen K. On the information level of the muscovite posol'skij prikaz in the sixteenth century. — Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 24. Wiesbaden, 1978, S. 87—99).

³ Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961, с. 136—144.

Важнейшую часть документации Посольского приказа составляли посольские книги. Они включали копии всех документов, связанных с посещением России иностранными послами и управлением за границу русских послов. Первая группа документов, освещавшая пребывание иностранных послов в России, содержала тексты верительных («верующих») грамот прибывших послов, привезенные ими грамоты иностранных государей великому князю Московскому, «списки» речей послов, распоряжения об испомещении послов на специальных подворьях, описания аудиенций у великого князя, ответы великого князя, передаваемые через бояр послам, «опасные» (охранные) грамоты послам для проезда через русскую территорию и т. д. Вторую группу документов, связанную с русскими посольствами за границу, составляли «верующие» грамоты русских послов, «памяти» (наказы) им, грамоты великого князя иностранным правителям, подорожные грамоты, определявшие путь послов по русской территории и обеспечивавшие их всем необходимым, охранные грамоты, которые заранее русское правительство получало от иностранных государей для проезда послов по подвластной им территории, донесения послов и, наконец, статейные списки — отчеты послов о выполнении данных им поручений. Ранние статейные списки были краткими и не имели достаточно четкого оформления.

И первая, и вторая группа документов посольских книг наряду с подробнейшим описанием дипломатических сношений России с иностранными государствами содержат сведения об этих государствах. В документах первой группы интересующие нас сведения встречаются в грамотах иностранных государей, в речах их послов и в пересказанном виде в ответах великого князя. Хотя источники этих сведений иностранного происхождения, но через делопроизводство Посольского приказа они вошли в состав русской письменности. В документах второй группы известия об иностранных государствах встречаются иногда в грамотах великого князя и наказах послам (здесь эти известия представляют собой обычно краткое изложение либо официальных сведений, привезенных иностранными послами, либо информации, полученной русским правительством другими путями), но чаще — в статейных списках. Последние особенно интересны, ибо отражают восприятие того, что происходило за рубежом, русской стороной — русскими путешественниками-дипломатами. Кроме того, отчеты русских послов были относительно свободны от влияния интересов иностранной дипломатии, сквозь призму которой проходила информация о зарубежных делах, доставляемая иностранными послами.

Московское правительство уделяло большое внимание сбору информации о тех государствах, с которыми оно поддерживало сношения. Обязательной составной частью наказов посылаемым за рубеж русским послам являлось предписание о сборе известий о положении дел в государстве, в которое они направлялись. Ча-

сто, не дожидаясь возвращения послов, правительство требовало от них присылки соответствующих «вестей» с пути. Так, в памяти Юрию Траханиоту и Михаилу Кляпику, отправленным послами в мае 1492 г. к римскому королю Максимилиану Габсбургу (сыну императора Фридриха III), предписывалось: «Отписать им из Кольвани к великому князю с Чиркою, каковы будут вести про Максимиана про короля... и о всем о тамошнем деле им отписать... А как, даст бог, Юрьи и Михайло море переидут к Любку, и им из Любка к великому князю отписать... каковы будут вести про Максимиана про короля, и о всем о тамошнем деле им к великому князю отписать. А как, даст бог, Юрьи и Михайло дойдут до короля, а будет им лзе, и им к великому князю оттоле послати человека своего, а с ним отписать про Максимиана про короля, каково его дело, да и о всем о тамошнем деле им к великому князю отписать».⁴ В наказы послам включались также предписания о сборе информации не только о государствах, в которые послы направлялись, но и о других, чьи дела интересовали московское правительство.

Для сбора сведений о состоянии зарубежных дел русское правительство использовало не одни официальные дипломатические каналы. Так, о заключении между римским королем Максимилианом и королем Чешским и Венгерским Владиславом Ягеллоном в 1491 г. мира в Пожони (Братиславе), которым закончилась война за обладание венгерским престолом, в Москве узнали от приехавших из-за рубежа «людей» (вероятно, купцов), а также от Мущата, посла волошского воеводы Стефана.⁵ Очевидно, купцов и других иностранцев, по каким-либо причинам попавших в Москву, в соответствующих московских канцеляриях расспрашивали о состоянии дел в интересовавших русское правительство государствах и сообщаемые вести записывали.

За конец XV—начало XVI в. из посольских дел, касающихся сношений России со странами Западной Европы, сохранились лишь книги сношений с Империей, так называемые «цесарские книги». «Цесарские книги» начинаются с 1488 г. К сожалению, в них имеется большая лакуна — с 1519 по 1572 г. Таким образом, для интересующего нас в настоящей главе периода книга дает материалы лишь за тридцатилетие — с 1488 по 1518 г.

Тематически материалы «цесарских книг» за 1488—1518 гг. группируются вокруг двух стержневых вопросов: 1) о заключении союза между Россией и Империей (сношения 1488—1492 и 1504—1509 гг.), 2) о переговорах по поводу заключения мира между Россией и Польшей при посредничестве Империи (сношения 1515—1518 гг.).

Поводом к возникновению сношений между Россией и Империей явилось известное путешествие немецкого рыцаря Нико-

⁴ ПДСДР, т. I. СПб., 1851, стб. 86.

⁵ Там же, стб. 90—91.

лая Поппеля, в 1486 г. побывавшего в Москве и привезшего к себе на роднцу известия о могущественном государстве, существующем на востоке Европы. Император Фридрих III Габсбург и его сын римский король Максимилиан по достоинству оценили эти известия, и в 1489 г. в Москве появилось имперское посольство, представленное все тем же Николаем Поппелем, с изъявлением от имени императора великому князю Московскому «любви и приятельства» и предложением королевской короны, а также проекта выдачи замуж дочерей Ивана III за германских князей. Королевскую корону Иван III отвергнул,⁶ но послал к императору ответное посольство.

Так завязались сношения России и Империи, сближение между которыми было вызвано, как мы уже указывали, в значительной степени противоречиями, существовавшими у обоих государств с польско-литовскими Ягеллонами: у России — из-за судеб русских, украинских и белорусских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского, у Империи — из-за венгерской короны, на которую после смерти в 1490 г. венгерского короля Матьяша претендовали и Габсбурги, и Ягеллоны. Весной 1491 г. между Россией и Империей был заключен договор, по которому обе стороны обязались помогать друг другу против Ягеллонов. Но договор остался на бумаге, ибо 7 ноября того же 1491 г. между Владиславом Ягеллоном, королем Чешским (с 1471 г.) и Венгерским (с 1490 г.), и Максимилианом Габсбургом было заключено соглашение — мир в Пожони, делавшее для Габсбургов пенужной на данном этапе борьбу с Польшей. Охлаждением Габсбургов в связи с этим к союзу с Россией и был вызван, вероятно, перерыв в сношениях между Россией и Империей, продолжавшийся до 1504 г. В этом году сношения возобновились: московскому правительству, недавно заключившему с Великим княжеством Литовским шестилетнее перемирие (1503 г.), для укрепления своих позиций была полезна поддержка Империи, у Габсбургов снова пробудился интерес к союзу с Россией в связи с внутренней борьбой в Венгрии и образованием там сильной антигабсбургской партии.

В документации «цесарских книг» за 1488—1492 и 1504—1509 гг., освещающей сношения России с Империей, есть ряд известий о внешней политике последних. Наибольшее внимание уделяется соперничеству Габсбургов и Ягеллонов из-за Венгрии.

Известия о стремлении Габсбургов овладеть венгерской короной впервые встречаются в «цесарских книгах» в списке посольства⁷ посла Максимилиана Георга фон Турна («Юрия Делатора», как его именует посольская книга) к великому князю Московскому летом 1490 г. В списке выражается желание римского ко-

⁶ Там же, стб. 1—12.

⁷ «Список посольства» — письменное изложение поручения, данного послу правительством его страны.

роля Максимилиана вступить в «связание» (союз) с великим князем Московским «на короля польского и иных, хотяшу ему помешати величеству короля римского в достатки королевства Угорского, истинного и праведного его отчства и наследия». В последующем списке речи Георга фон Турна уточняется, что противником Максимилиана в венгерском вопросе является сын польского короля, чешский король, и что возможно вмешательство в борьбу за Венгрию других сыновей польского короля.⁸ В приведенных известиях исходящей от Габсбургов дипломатической документации, попавшей в русские посольские книги, сформулирован взгляд Габсбургов на Венгрию как на свое законное наследство (Габсбурги свои притязания обосновывали на договоре императора Фридриха III с королем Матьяшем 1463 г., согласно условиям которого в случае отсутствия у Матьяша сына венгерский трон должен был перейти к Фридриху III⁹) и правильно подчеркивается династическое соперничество двух европейских королевских домов (Габсбургов и Ягеллонов) в венгерском вопросе.

Дальнейшая информация содержится в донесении русских послов Юрия Траханиота и Василия Кулешина, отправленных с ответным посольством к Максимилиану в августе 1490 г. Послы, везшие Максимилиану проект окончательной грамоты о союзе между Россией и Империей против Польши, прислали с пути написанное в октябре 1490 г. в Любеке донесение. Они писали, что имперский посол Георг фон Турн, также находившийся в Любеке, сообщил полученные им здесь вести о том, что после короля Матьяша «земля Угорская порознилася на трое: треть ялася за короля за Максимьяна, а треть за королева сына угорского за Матьяшова, а треть ялася за чешьского короля» и что Максимилиан со своей «третью» «пошел доставати все Угорские земли, а чешьской король с другие стороны пошел доставати Угорские же земли все»; сын Матьяша, увидевший слабость своих сил, «бил челом» Максимилиану, Максимилиан в сражении разбил чешского короля, овладел Будой, и чешский король «пошел прочь», но что случилось с «третью» Венгерской земли, которая «изымалася была за чешьского короля», неизвестно. Не ограничиваясь сведениями, полученными от фон Турна, Юрий Траханиот и Василий Кулешин отмечают в конце своего донесения, что «в Любку при нас вестей было много про тож, что король Максимьян Угорскую землю взял».¹⁰ В донесении русских послов очень точно обрисовано положение, сложившееся в Венгрии и вокруг нее после смерти короля Матьяша 6 апреля 1490 г. В Венгрии действительно образовались три партии: сторонников побочного сына Матьяша Яноша Корвина, вскоре разбитого вой-

⁸ ПДСДР, т. I, стб. 28—29.

⁹ История Венгрии, т. I. М., 1971, с. 212.

¹⁰ ПДСДР, т. I, стб. 62—64.

ском государственного собрания Венгрии; сторонников чешского короля Владислава Ягеллона, добившихся избрания его государственным собранием на венгерский трон под именем Уласло II (1490—1516); сторонников Максимилиана из числа магнатов Задунавья и Славонии. Максимилиан, захвативший после смерти Матяша Вепу и Нижнюю Австрию, на первых порах имел успех: в сентябре 1490 г. он вторгся в Венгрию и занял ряд городов (Шопрон, Кесеп, Загреб, Веспрем и в ноябре Секешфехервар).¹¹ Успехи Максимилиана и отражены в донесении русских послов.

В другом донесении, составленном в Нюрнберге в июне 1491 г., Юрий Траханиот и Василий Кулешин после известия о целовании Максимилианом креста на докончальной грамоте о союзе с Россией вновь писали о положении в Венгрии: Максимилиан взял Белгород (Секешфехервар), в котором «ставят» (коронуют) венгерских королей; чешский король находится в Буде и боится выйти оттуда, потому что сил у него мало; Максимилиан, приехавший «из Угорские земли» в Нюрнберг, просил помощи у германских князей, и те обещали помочь.¹² Все эти сведения послы извлекли из разговоров со своими собеседниками при дворе Максимилиана, так как, сообщая новости, они все время сопровождали их словом «сказывают».

Сведения, собранные русскими послами при дворе Габсбургов, рисовали положение дел в Венгрии в благоприятном для Габсбургов свете. Между тем после первоначальных успехов осенью 1490 г. обстановка для них изменилась в худшую сторону. В декабре 1490 г. Максимилиан вынужден был уйти из Венгрии. Задунавье отобрали у него в 1491 г., венгерские войска заняли некоторые австрийские крепости. 7 ноября между Владиславом Ягеллоном и Максимилианом в Пожонн был заключен, как мы уже отмечали, мирный договор, по которому после смерти Владислава в случае отсутствия у него сына венгерская корона переходила к Максимилиану. Венгрия, несмотря на военные успехи, должна была пойти на заключение мира с Габсбургами, чтобы иметь возможность сосредоточить силы против другого претендента на венгерскую корону — Яна Ольбрахта, сына польского короля, вторгшегося в Венгрию летом 1491 г. и окончательно отбитого лишь в 1492 г.¹³

Однако все эти важные события в материалах нового посольства Георга фон Турпа, находившегося в Москве с ноября 1491 г. по апрель 1492 г., совершенно не отражены. В них венгерские дела упоминаются лишь один раз: в речи фон Турпа на аудиенции у великого князя 26 ноября 1491 г. говорится в самой общей форме о том, что Максимилиану «доставати отчства своего

¹¹ История Венгрии, т. I, с. 220—221.

¹² ПДСДР, т. I, стб. 65.

¹³ История Венгрии, т. I, с. 221—222.

Угорского королевства» мешают чешский король и брат его Ольбрахт, дети Казимира, польского короля.¹⁴ В дальнейшем упоминания о Венгрии полностью исчезают. И это неудивительно, ибо говорить о ней означало говорить о мире в Пожони, а его условия противоречили союзному договору между Россией и Империей, заключенному весной 1491 г. Габсбургский дипломат предпочитал молчать.

Но московское правительство, стремившееся к возвращению всех русских земель и находившееся в преддверии решительного столкновения с Литвой—Польшей, было жизненно заинтересовано в получении обстоятельной и правдивой информации о том, как обстоят дела у его союзника против Ягеллонов — Империи. И оно собирало эту информацию всеми возможными путями.

В наказе великого князя Ивана III своим послам к римскому королю Максимилиану Юрию Траханиоту и Михаилу Кляпику, посланным 6 мая 1492 г., предписывается известить Максимилиана о том, что московское правительство знает о примирении его с Владиславом Ягеллоном и что вести об этом привезли «люди» «из Слезские земли из Рославля», «из немец, из Любка и из Колывани» (очевидно, как отмечено выше, купцы), а также посол валашского воеводы Стефана Мушат, побывавший до своего приезда в Москву послом в Буде у Владислава.¹⁵ В памяти Юрию Траханиоту и Михаилу Кляпику перечисляются со слов Мущата места и города, которые «Ласлов»,¹⁶ король Венгерский, держит за собой, «в Цесарской земле», а Максимилиан — в «Угорской земле» (по-видимому, населенные пупкты, захваченные во время военных действий Владиславом в Австрии и Максимилианом в Венгрии), а послам предписывается «пытати», разменялись ли Владислав и Максимилиан захваченными местами и городами, как они это собирались сделать. Далее в памяти следует длинный список епископов, венгерских (27 человек) и хорватских (3 человека) панов, поддерживавших Максимилиана. Закачивается память Юрию Траханиоту и Михаилу Кляпику, касающаяся венгерских дел, предписанием проверить правильность сведений валашского посла Мущаты о том, что сын короля Матьяша Янош находится у Владислава «на своей отчине».¹⁷ Разбираемая нами память поражает обилием и детальностью сведений о борьбе за венгерскую корону и о положении в Венгрии. Думается поэтому, что она имеет ценность не только для характеристики осведомленности русского правительства о зарубежных делах, но, быть может, в какой-то степени и как источник по истории борьбы Габсбургов с Ягеллонами из-за Венгрии.

¹⁴ ПДСДР, т. I, стб. 73—74.

¹⁵ Там же, стб. 85, 90—91.

¹⁶ От венгерской формы «Уласло» — Владислав.

¹⁷ ПДСДР, т. I, стб. 93—94. — Янош Корвин к сентябрю 1490 г. признал власть Владислава (Уласло II).

Наказ Юрию Траханиоту и Михаилу Кляпику предписывал русским послам по пути в Германию собирать, как мы уже отмечали, «вести про Максимилиана про короля... и о всем тамошнем деле» и прислать донесения из Ревеля, Любека и по приезде к римскому королю.

Русские послы добросовестно выполнили данное им поручение. В донесении из Ревеля от 29 июня 1492 г. они подтверждали, что Максимилиан помирился с Владиславом Ягеллоном и «отступил» в его пользу «земли ся Угорские». Осведомленность об этом в Ревеле была, очевидно, настолько широкой, что послы не сочли пужным уточнить источник своей информации, ограничившись общим указанием «сказывают».¹⁸ В донесении от 25 июля из Любека, где русские послы встретились с «гопцом» Максимилиана в Любек «Иваном из Свабии», на основе беседы с ним подробно излагались условия мира в Пожони: 1) Максимилиан отступился в пользу Владислава от земли Венгерской и Хорватской; 2) Владислав обязался уплачивать Максимилиану ежегодно 20 тыс. золотых венгерских (флоринов); 3) после смерти Владислава Венгерское королевство переходит к Максимилиану, а после его смерти к его наследникам; 4) Владислав отступился в пользу Максимилиана от Австрии. В заключение добавлялось, что сын короля Матьяша находится теперь у Владислава.¹⁹ Донесение русских послов правильно передавало условия мира в Пожони,²⁰ за исключением размера контрибуции, которую Венгрия должна была уплачивать Габсбургам. Эта неточность была исправлена в новом донесении Юрия Траханиота и Михаила Кляпики из того же Любека от 25 августа. Отмечая, что пришли «правые вести» «о Угорском миру королю Максимьяну с Владиславом королем», послы вновь перечисляют его условия, называя на этот раз правильную цифру контрибуции с Венгрии — 100 тыс. золотых венгерских. Дополнительно к предыдущему донесению послы указывают, что договоренность о переходе венгерской короны после смерти Владислава к Габсбургам была подтверждена целованием креста не только со стороны Владислава, но и всех панов венгерских и хорватских и всей землей Венгерской и Хорватской, по поводу чего были составлены особые грамоты.²¹ Последнее указание послов передает факт принятия договора в Пожони венгерскими сословиями (Венгрия была сословной монархией) и подтверждения его всеми высшими сановниками королевства посредством специальных грамот.²²

В связи с лакуной в «цесарских книгах» за 1493—1503 гг. известия о борьбе Габсбургов за венгерский престол вновь появля-

¹⁸ Там же, стб. 100.

¹⁹ Там же, стб. 102—103.

²⁰ Ср.: История Венгрии, т. I, с. 221—222.

²¹ ПДСР, т. I, стб. 106—107.

²² Бауэр В. Сношения России с германскими императорами в конце XV и начале XVI столетий. — ЖМНП, 1870, кн. 148, отд. 2, с. 72—73.

ются в них лишь в документации, относящейся к 1504—1509 гг. В списке речей посла Максимилиана Юстуса Кантингера («Едока Кантингера» посольской книги), присланном в 1505 г. из Юрьева, сообщается, что венгерский король Владислав «еще жив, но велики немощи» и что Максимилиан, римский король, «учинил тамо по всем границам стеречи границ».²³ В списке речей князя Михаила Глинского, предложившего Василию III в 1508 г. свое посредничество в сношениях с Империей, указывается, что Максимилиан «мыслит доставати своего отечства, Угорского королевства, потому что Владислав король болен, а сын у него мал. И Владислав хочет, чтобы сына его взяли на Угры, а панове угорские хотят взяти на Угры своего же угрина, а Максимилиан на Угрех хочет посадити из своей руки».²⁴ Сведения Михаила Глинского, проведенного часть жизни в Западной Европе и сохранившего с нею связи после переезда в Россию, правдиво освещают новую вспышку борьбы в Венгрии за судьбу королевского трона: сильная партия венгерских магнатов во главе с Яношем Запольем стремилась к кормилу государственной власти; Владислав в 1508 г. короновал своего двухлетнего сына венгерской короной; и хотя по договору 1506 г. между Максимилианом и Владиславом в случае рождения у последнего сына тот должен был жениться на представительнице дома Габсбургов,²⁵ Максимилиан опасался, что в создавшейся обстановке венгерская корона может ускользнуть из рук Габсбургов. На известиях речей Михаила Глинского заканчивается сохранившаяся в «цесарских книгах» информация о борьбе Габсбургов за Венгрию. Эта информация довольно обстоятельно и в основном правдиво²⁶ освещает один из главных аспектов внешней политики Империи в конце XV—начале XVI в. и существенный вопрос международных отношений в Западной и Центральной Европе.

Во внешней политике Империи, направлявшейся во многом династическими интересами Габсбургов, наряду с венгерским вопросом важную роль в рассматриваемое время играли взаимоотношения с Францией. Они достигли большой остроты из-за судеб Фландрии и Бретани.

В 1477 г. после распада могущественного Бургундского герцогства принадлежавшие ему Нидерланды перешли благодаря браку Максимилиана с дочерью погибшего бургундского герцога Марией в руки Габсбургов. В 1488 г. дворяне и горожане Фландрии подняли восстание против Габсбургов, поддержку им оказал французский король Карл VIII. Помощь против восставшей Фландрии и французского короля Максимилиан пытался найти

²³ ПДСДР, т. I, стб. 130—131.

²⁴ Там же, стб. 151.

²⁵ История Венгрии, т. I, с. 224—227.

²⁶ Лишь в отдельных случаях, когда информация исходила от окружения Габсбургов, имело место, как мы отмечали, преувеличение их военных успехов.

в Москве. По его поручению Георг фон Турн во время посольства в Москву в 1490 г. спрашивал, пошлет ли великий князь своих людей во «Фландрию» или, если надо будет, в другие земли на западе против изменников римскому королю или «их пособников, аще будет король францьский или иные». ²⁷ «Своих людей» в помощь Габсбургам Иван III не послал. Но благодаря обращению Максимилиана в «цесарские книги» оказалось внесенным известие о борьбе Фландрии за свою независимость.

В последующие годы взаимоотношения между Империей и Францией достигли еще большего обострения из-за брачных проектов Максимилиана и французского короля Карла VIII. После смерти своей жены Марии Бургундской Максимилиан обручился с герцогиней Бретонской Анной. Но Карл VIII, стремившийся к более тесному союзу Бретани с французской короной, отказался вступить в брак с дочерью Максимилиана Маргаритой, с которой он был обручен, и принудил герцогиню Анну Бретонскую в 1491 г. выйти за него замуж. Двойное оскорбление, нанесенное Максимилиану, а также то обстоятельство, что Бретонское герцогство выскользнуло из его рук и оказалось связанным личной унией с Францией, побудили Максимилиана объявить войну Франции.

Московская дипломатия проявляла, как это не кажется на первый взгляд страстным, живейшее внимание к бретонскому «делу». В донесении московских послов к Максимилиану Юрия Траханиота и Василия Кулешина из Нюрнберга от 23 июня 1491 г. среди различных новостей сообщается об обручении Максимилиана с дочерью «бретанское кнеини» ²⁸ (имеется в виду обручение с Анной Бретонской). В памяти Юрию Траханиоту и Михаилу Кляпику, отправленным послами к Максимилиану 6 мая 1492 г., предписывается «пытати... чего дела Максимиан помирился (речь идет о заключении в Пожонии мира с Владиславом Ягеллоном. — *Н. К.*), бртанского (sic! — *Н. К.*) ли дела дела или иного для дела... и хочет ли свое дело делати доставати Угорскаго королевства и каково его дело с фрянцозским королем о бртанском деле». ²⁹ Наказ послам показывает, что в Москве правильно понимали значение конфликта с Францией из-за Бретани для всей внешней политики Габсбургов, в частности для политики их в отношении Венгрии, и именно в связи с последней интересовались бретонским «делом»: для московского правительства было важно знать, будут ли Габсбурги, несмотря на бретонское «дело», продолжать борьбу за венгерскую корону, делавшую их союзником Москвы в ее борьбе против Польши — Литвы, или же нет.

В соответствии с наказом Юрий Траханиот и Михаил Кляпик в своих донесениях большое внимание уделяли бретонскому

²⁷ ПДСДР, т. I, стб. 30.

²⁸ Там же, стб. 64.

²⁹ Там же, стб. 91.

«делу». По пути в Германию, из Ревеля, они извещали Ивана III о том, что «ныне валчится (враждует. — Н. К.) Максимьян с фрянцовским королем, что, сказывают, фрянцовский король обрученицу Максимьянову взял на себя, да и землю Бертанскую всю держит фрянцовский король за собою: а дочь Максимьянову, сказывают, отослал назад в Филандрию; а сказывают, государь, что помогают королю Максимьяну все короли и князи на фрянцовского короля по папину благословенью». Далее Юрий Траханиот и Михаил Кляпик со слов приехавшего в Ревель Георга фон Турна уточняли сведения о конфликте Габсбургов с Карлом VIII: Максимилиан помирился с чешским королем «того для», что Максимилиан стал «накрепко валчить» с французским королем из-за Бретани; французский король отнял у Максимилиана его «обрученицу», но «за себя... ее не взял», а держит «в Бертание», дочери Максимилиана французский король от себя не отослал; «землю Бертанскую... король фрянцовской всю взял за себя».³⁰ В следующем донесении, написанном из Любека 25 июля 1492 г., Юрий Траханиот и Михаил Кляпик на основе информации гонца Максимилиана в Любек (уже упоминавшегося нами «Ивана из Свабии») сообщают дополнительные известия о конфликте Империи с Францией: три немецких князя объединились было с французским королем против Максимилиана, но тот пошел на них с войском, и князья «били челом» Максимилиану; Максимилиан договорился со всеми помогающими ему королями и князьями «стати» на французском рубеже «на Рожество Пречистые» (8 сентября); французский король, «сказывают», венчался с «обрученицей» Максимилиана и с дочерью Максимилиана также венчался, но хочет ее отослать к Максимилиану.³¹

Несмотря на то что донесения русских послов содержали известную долю необоснованных слухов (например, о венчании Карла VIII не только с Анной Бретонской, но и с дочерью Максимилиана, а также о том, что Максимилиану против французского короля помогают по благословению папы все короли и князья), в целом они правильно освещали конфликт между Империей и Францией, возникший из-за брачных вопросов, в основе которых лежали притязания на Бретонское герцогство. Об окончании конфликта — мире в Санлисе 1493 г. (по которому Максимилиан получил обратно свою дочь и ее приданое) — известный в «цесарских книгах» пет, так как в документации их имеет место перерыв.

В материалах «цесарских книг» за конец XV—начало XVI в. речь идет еще об одном аспекте внешней политики Габсбургов — прибалтийском. Георг фон Турн во время посольства в Москву в ноябре 1491—апреле 1492 г. говорил, что Данциг, Торн и

³⁰ Там же, стб. 100—101.

³¹ Там же, стб. 103—104.

другие прусские города, которые король польский «изволил», просят Максимилиана принять их под свое «цесарство». Максимилиан же в свою очередь просил великого князя Московского принять прусского и ливонского магистров, а также названные города в свое «соблюденье».³² Чтобы смысл просьбы римского короля стал ясным, укажем, что по Торуньскому миру 1466 г. между Польшей и Тевтонским орденом западные прусские города отошли к Польше, а великий магистр Тевтонского ордена стал вассалом польского короля. Поэтому просьба Максимилиана к великому князю означала попытку разрушить руками Москвы здание Торуньского мира, ущемлявшего интересы не только Ордена, но и Империи.³³ Иван III просьбу Максимилиана не удовлетворил.

Цели политики Империи в отношении России, заключавшиеся в конце XV—начале XVI в. в стремлении к союзу с Россией для борьбы с Ягеллонами (союзный договор был заключен в 1514 г.), после 1514 г. меняются. В 1515 г. в Вене состоялся съезд с присутствием императора Максимилиана, короля Чешского и Венгерского Владислава Ягеллона и короля Польского Сигизмунда I Ягеллона, на котором между Габсбургами и Ягеллонами была достигнута договоренность о судьбах венгерской короны. После венского съезда Габсбурги перешли от враждебных отношений с Ягеллонами к дружественным и поставили своей задачей урегулирование русско-польских отношений, чтобы сделать возможным, как мы уже говорили, вовлечение России в антитурецкую лигу. В связи с этим в информации о Западной Европе, имеющейся в документации «цесарских книг» за 1515—1518 гг., связанной с посредничеством Империи в русско-польских переговорах, центральное место занимает турецкая тема. Чтобы воздействовать на Россию и побудить ее к борьбе с Турцией, габсбургские дипломаты всячески подчеркивали колоссальные размеры турецкой угрозы.

В списке посольства, поданном имперским послом Герберштейном во время аудиенции у великого князя 21 апреля 1517 г., указывается, что турки покорили «царский град Константинополь и всю Греческую землю, царство Босну и наибольшую страну Сербскую, Далматскую, Хорватскую и Славонскую».³⁴ С еще большей рельефностью масштабы турецкого наступления обрисованы в списке посольства, которое новый имперский посол Франциск де Колла «говорил» на приеме у великого князя 27 июля 1518 г. В списке посольства турецкие завоевания перечисляются в трех частях, «в коих разделяется вся вселенная», — в Европе, Азии и Африке. Указывается, что в Европе турки держат Греческую землю («Олантияны, Илирики, Ктоллки,

³² Там же, стб. 74—75.

³³ *Балаян В. Н.* Политика Ивана III в юго-восточной Прибалтике. — Вестник МГУ, серия IX, история, 1964, № 6, с. 89—90.

³⁴ ПДСДР, т. I, стб. 198.

Тебаны, Ласедомонки, Тесали, Боатики, Афинеаны, Кротонники, Дарданики, Коринфаны, Арквиняны, Керсонеаны, Платенсеаны, Туспепканы, Локренсианы, Ортоменианы... Полопоменскую страну»), средиземноморские острова («Еубоку, Митилину, Сталимину, Самию, Змиру, Самондину, Хион, Енос, Тенедон и иные безчисленные острова»), балканские и черноморские страны («Епирон по старине, а ныне зовется Романия, Македонию, Трасию, а ныне Албания, Иасигию, Мизию меньшую и Мизию большую, Сербию, Скопию, Босну, Валахию, Болгарию и большую часть Далмации, Сармацию, Спропию, в коей Кафа, и бесконечные Барбарские острова»). Не воспроизводя дословно читающийся в списке посольства Франциска де Колла перечень стран и областей, завоеванных турками в Азии и Африке, укажем лишь, что в этот перечень правильно включены в Азии — вся Малая Азия, часть Кавказа, Месопотамия, Иудея, в Африке — Египет, Аравия, Берберия.³⁵ «Списки посольств» Герберштейна и Франциска де Колла давали первую в русской письменности картину турецких завоеваний, в частности, что важно для нашей темы, завоеваний в Европе.

Воздействовать на русское правительство, склонить его к вступлению в антитурецкую лигу габсбургские дипломаты пытались не только посредством страшной картины турецких завоеваний, но и путем указания на коалицию союзных и родственных Габсбургам европейских государей. В уже цитированном списке посольства, с которым Герберштейн выступил перед великим князем 21 апреля 1517 г., сообщается, что римский папа «со всею Италейскою землею» ныне «в дружбе и завещанье соединились» с императором; испанский король Карл — внук императора; португальский король — «сродник» матери императора, которая была из португальского королевского дома; король английский давно находится «в дружбе и завещанье» с императором, а в декабре прошлого года между ними было заключено «новое завещанье» и «вечный союз»; датский, шведский и норвежский король женат на внучке императора; король Венгерский и Чешский также женат на внучке императора и находится поэтому в его «руках и во власти»; «король польский положился о всех несогласиях на его цесарское величество» (имеется в виду примирение между Ягеллонами и Габсбургами на съезде в Вене в 1515 г.); даже французский король и венецианцы, враждовавшие с императором (речь идет об итальянских войнах начала XVI в., в которых одно время участвовала Империя), примирились с ним.³⁶ В рассматриваемом известии нашли отражение не только дипломатические комбинации, сложившиеся в Европе во второй половине 10-х годов XVI в., но и система разветвленных династических связей Габсбургов с европейскими королевскими домами, игра-

³⁵ Там же, стб. 366—367.

³⁶ Там же, стб. 199—200.

шая важную роль в политике Габсбургов и являвшаяся средством укрепления их международного положения.

О создании антитурецкой коалиции европейских государств писали в своем статейном списке и русские послы к Максимилиану Владимир Семенов и Истома Малый. Они записали, что во время переговоров в Инсбруке в 1518 г. Герберштейн говорил, что цесарь взял мир с французским королем (заключен в 1515 г.) и «иных государей многих в мир ввел, а папа помирил французского короля с английским, и те все государеве межи собою в миру, опроче венецеев»; и хотят все государи «стоять» против турок, и для этого же хочет император помирить великого князя с польским королем.³⁷ В информации русских послов, источником которой являлось сообщение Герберштейна, правильно зафиксировано мирное затишье, установившееся в отношениях между европейскими государствами в связи с временным прекращением военных действий (после 1515 г.) в ходе итальянских войн.³⁸ Что касается широкой антитурецкой лиги, то ее создание являлось скорее мечтой Габсбургов, нежели реальной действительностью. И русские послы, писавшие об этой лиге, подпали под влияние идей габсбургской дипломатии.

В известиях о наступлении турок, создании антитурецкой коалиции, династических связях Габсбургов освещались общие вопросы политики Габсбургов в 10-е годы XVI в. Наряду с ними в документации посольских книг за 1515—1518 гг. встречаются упоминания и об отдельных ее проявлениях. Так, чтобы побудить великого князя Московского к заключению мира с Польшей—Литвой и передаче Великому княжеству Литовскому Смоленска Герберштейн и другие императорские послы несколько раз говорили о заключении мира между Империей, Францией и Венецией, подчеркивая при этом, что Максимилиан отдал венецианцам Верону³⁹ (по Брюссельскому миру 1515 г., заключенному в ходе итальянских войн, Франция получила Милан, а Венеция — Верону). Для объяснения изменения позиции Империи в отношении Польши (переход от враждебных отношений к дружественным) и воздействия на Россию в том же направлении габсбургские дипломаты ссылались на съезд в Вене в 1515 г.,⁴⁰ на котором, как уже упоминалось, император, король Чешский и Венгерский, а также польский король урегулировали свои разногласия. Не возражая в принципе против урегулирования своих отношений с Польшей—Литвой, московское правительство желало, однако, такого решения спорных вопросов, которое отвечало бы интересам России. Поэтому на постоянную ссылку импер-

³⁷ Там же, стб. 351—352.

³⁸ *Тарле Е. В.* История Италии в новое время. СПб., 1901, с. 50.

³⁹ ПДСДР, т. I, стб. 217, 280, 294.

⁴⁰ Там же, стб. 230. — Съезд в Вене упоминается в информации габсбургских дипломатов и в ответах им великого князя, а также в его грамоте Максимилиану от 25 ноября 1517 г. (там же, стб. 234, 306, 308).

ских дипломатов на мир с Францией и Венецией и отдачу Максимилианом последней Вероны представители русского правительства от имени великого князя говорили, что они не имеют обычая «нашу отчину отдавати»⁴¹ (подразумевался Смоленск).

Из явлений внутривполитической жизни Германии в посольских книгах получила отражение организация власти в Империи. Носителями высшей монархической власти в Священной римской империи германской нации в конце XV—начале XVI в. являлись император и его будущий преемник римский король. Посольские книги четко их различают, называя первого «римским цесарем», а второго (в соответствии с его титулом) — римским королем.⁴² Поскольку в это время московское правительство поддерживало сношения главным образом с римским королем Максимилианом, постольку последний упоминается особенно часто.

Любопытна читающаяся в составе посольских книг заметка о порядке избрания императора: «А се написано памяти для: Выбирают на цесарство на Римское цесаря три светских, а три духовных. Светские: фалскрав князь Филиппусский, княжение его на Рене на реке; да саксонский князь; да маркграф Паморьский, живет блиско Любка. А духовные: бискуп Менць на Рене; да бискуп Трирьский; да бискуп Колонский. А пръвое учинят его королем Римским, да потом цесарем. А выбирают на цесарство из немецких государей кого хотят; а будет спор межн теми, которые выбирают, и они позовутся на чешского короля; кого захочет чешкой король, тот будет цесарь».⁴³ Здесь освещается порядок избрания императора коллегией курфюрстов, существовавший в Германии со времени издания Карлом IV в 1356 г. «золотой буллы». В состав коллегии курфюрстов входили четыре светских и три духовных князя: пфальцграф Рейнский (мы называем курфюрстов в той последовательности, в какой они перечислены в «цесарских книгах»), герцог Саксонский, маркграф Бранденбургский, архиепископ Майнцский, архиепископ Трирский, архиепископ Кельнский, король Чешский. Князья, входившие в избирательную коллегию, в заметке курфюрстами не названы. Но этот термин и значение его посольским книгам известны: в записи речей Поппеля в 1489 г. при изложении проекта выдачи замуж дочерей Ивана III за германских князей в качестве одного из возможных женихов назван герцог Саксонский («сасский князь»), «а есть конверстем теперь, что цесаря выбирают».⁴⁴ В заметке о порядке выборов императора правильно отмечается их характерная особенность: курфюрсты избирали римского короля, который впоследствии, когда императорский трон становился вакантным, увенчивался императорской короной. Как от-

⁴¹ Там же, стб. 299.

⁴² Там же, стб. 16.

⁴³ Там же, стб. 13—14.

⁴⁴ Там же, стб. 12.

клонение от правил деятельности коллегии курфюрстов выглядит указанием на то, что императора выбирают три светских и три духовных князя, а чешский король призывается к участию в выборах лишь в случае споров между курфюрстами. В. Бауэр полагает, что это указание в заметке, написанной скорее всего со слов Поппеля в 1489 г.,⁴⁵ отражает начавшийся между Владиславом Чешским и Габсбургами конфликт из-за Венгрии, в силу которого, в частности, Владислав не был приглашен участвовать в избрании Максимилиана в 1486 г. римским королем.⁴⁶

Помимо коллегии курфюрстов, в посольской книге речь идет еще об одном общеимперском органе власти — рейхстаге, хотя он прямо не назван. В состав рейхстагов входили имперские князья и представители имперских городов. В число имперских князей, заседавших в рейхстагах, включались курфюрсты, более мелкие имперские князья, подчиненные непосредственно императору, и гротмейстеры духовно-рыцарских орденов; имперскими городами назывались города, непосредственно подчиненные императору. Рейхстаг обладал законодательной инициативой, правом вотирировать императору взимание налогов и утверждать издаваемые им законы. Фактическая власть рейхстага была очень слабой.⁴⁷ Рейхстаги в посольской книге упоминаются, как можно думать, дважды. Николай Поппель во время пребывания в Москве в 1489 г., рассказывая о своем возвращении в Германию из путешествия в 1487 г., сказал, что он приехал в Нюрнберг и застал там «царя Римского» и «иных княжат немецких», которым поведал о великом князе Московском и его владениях. В донесении Юрия Траханиота и Василия Кулешина Ивану III из Нюрнберга от 23 июня 1491 г. сообщается, что за четыре дня до прибытия русских послов Максимилиан приехал из Венгрии в Нюрнберг «с князьями ся видети и помочи у них попросити; и князи, господине, все у него были в Норбергу, и ялися ему помогати и послали, господине, людей збирати».⁴⁸ Если первое известие (о встрече Поппеля с императором и «княжатами» в Нюрнберге) прямых указаний на рейхстаг не содержит и мы можем предположить, что Поппель имел в виду рейхстаг лишь потому, что в 1487 г. в Нюрнберге происходил съезд имперских чинов,⁴⁹ то во втором известии, несомненно, нашел отражение факт заседания рейхстага летом 1491 г. и вотиrowания им военной помощи римскому королю.⁵⁰ И габсбургский дипломат, и русские послы, го-

⁴⁵ Заметка припывает к документации посольства Поппеля.

⁴⁶ Бауэр В. Сношения России с германскими императорами в конце XV и начале XVI столетий, с. 63 и прим. 1.

⁴⁷ Неусыгин А. И. Очерки истории Германии в средние века (до XV в.). — В кн.: Неусыгин А. И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974, с. 360—361.

⁴⁸ ПДСДР, т. I, стб. 2, 64—65.

⁴⁹ Бауэр В. Сношения России с германскими императорами в конце XV и начале XVI столетий, с. 59.

⁵⁰ Там же. с. 70.

воря о рейхстаге, называют лишь князей, и это понятно, ибо решающую роль в деятельности рейхстага играли князья, голос представителей имперских городов имел гораздо меньшее значение.⁵¹

В «цесарских книгах», посвященных сношениям России с Империей, доминировали, естественно, сведения о последней. Но наряду с ними встречаются отдельные известия о событиях политического и экономического характера в других регионах Западной Европы. В донесении Юрия Траханиота и Михаила Кляпика из Ревеля от 29 июня 1492 г. есть сведения, ярко иллюстрирующие значение хлебного экспорта из Прибалтики на Запад: «А кораблей, государь, в Колывани было мало, толко три корабля, два любецкие, идут к Любку, а третей колыванской идет в Филандрию с рожью; а сказывают, государь, что в Филандрии рожь дорога, купят по сту золотых ласт (ласт=125 пудам. — *Н. К.*)... А при нас, государь, пришло из замориа кораблей с десять из Любка и из Даньска и из Филандрии, напорожде по рожь; а идут те корабли все к Филандрии с рожью».⁵² В донесении тех же послов из Любека от 25 августа 1492 г. говорится о наступлении турок на Венгрию и о неравенстве сил турецких и венгерских: «А турской, государь, скажут, под Белым городом стоит в Угорской земле, а войска турского, кажут, 200 тысяч, да 60 тысяч; а Владислав король, кажут, против его стоит, а войска угорского, скажут, 60 тысяч».⁵³ В списке речей Юстуса Каптингера, посла Максимилиана к Ивану III в 1505 г., содержится известие о завоевании Испанией Неаполитанского королевства: «А король Филип (регент Кастилии. — *Н. К.*) в прошедшей год взял все кралевство Неапольское, Бугию и Калабрию».⁵⁴ Хотя приведенные известия были единичными и разрозненными, они знакомили московское правительство с важными событиями, происходившими в различных частях Европы.

Анализ «цесарских книг» показывает, что в интересующем нас аспекте — информация о Западной Европе — они освещали преимущественно внешнюю политику Империи, хотя порой каса-

---

⁵¹ Я. С. Лурье считает, что в списке речи посла императора Максимилиана I Антония де Конти (предъявленном в Москве в сентябре 1518 г.), сообщавшего о намерении императора наказать «кардиналов и прочих церковных жите слабое» и привести их «на пръвый образ жития блаженный» (ПДСДР, т. I, стб. 418), заключается намек еще на один важный аспект внутренней истории Германии — Реформацию (*Лурье Я. С.* Известие о Варфоломеевской ночи в русских «посольских делах» XVI в., с. 248—249). Нам представляется, что выпад императора против «слабого жития» высших чипов церкви был обусловлен скорее не влиянием начинающейся Реформации, а противодействием Рима избраннию римским королем внука Максимилиана, испанского короля Карла Габсбурга.

⁵² ПДСДР, т. I, стб. 100.

⁵³ Там же, стб. 106—107.

⁵⁴ Там же, стб. 130.

лись и важных явлений ее внутриполитической жизни. Такой характер известий «цесарских книг» объясняется спецификой посольских книг как исторического источника, возникшего в результате развития внешних сношений России. Решительное преобладание в информации посольских книг сведений о внешней политике стран — контрагентов России — над сведениями об их внутреннем положении является, как мы увидим дальше, характерной чертой всех посольских книг (отражающих сношения России с западноевропейскими странами) в течение всего периода их существования в XV—XVII вв.

В информации о Западной Европе рассмотренных нами «цесарских книг» за конец XV—начало XVI в. четко прослеживаются две струи: одна, исходящая от иностранных, в данном случае габсбургских, дипломатов, другая — от их русских коллег. Сведения, доставляемые иностранными дипломатами, занимали значительное место в общем объеме информации, отложившейся в «цесарских книгах», благодаря чему в ряде случаев политические события освещались в них в выгодном для Габсбургов свете (преувеличение успехов Габсбургов в Венгрии, размеров и силы антигуситской коалиции и т. д.).

Донесения русских послов являлись ответом на полученные ими от московского правительства указы, сохранившиеся в «цесарских книгах» за конец XV—начало XVI в. Указы, в той их части, которая содержала предписание послам собирать сведения о странах — контрагентах России, были краткими и излагались в самой общей форме, например: «отписать ... каковы будут вести про Максимиана про короля, и о всем о тамошнем деле им к великому князю отписать» (см. с. 73). Соответственно указам «вести» русских послов касались почти исключительно Империи. О других европейских странах они сообщали постольку, поскольку эти страны являлись объектами внешней политики Империи. Общей картины международной жизни Европы «вести» послов не давали.

Отличительной чертой донесений русских послов являлась их фактографичность: как правило, в донесениях излагались лишь факты, без их анализа. Такой характер «вестей» русских послов определяется, как мы полагаем, информативным назначением «вестей» (доставить московскому правительству сумму наиболее важных фактов, характеризующих ситуацию за рубежом) и отсутствием у русской дипломатии длительных традиций сношений с Западной Европой, необходимых для выработки у дипломатов соответствующих профессиональных навыков.

Следует отметить, что в рассматриваемых нами «цесарских книгах» (за 1488—1518 гг.) вплоть до 1517 г. отсутствуют статейные списки, фигурируют лишь «грамоты» — донесения послов великому князю, посланные с пути к императору и во время пребывания при его дворе. В какой форме по приезду в Москву послы отчитывались перед великим князем, неизвестно. Думается, по

аналогии с последующим временем, что они представляли ему отчеты — статейные списки, которые в силу каких-то обстоятельств не были включены в состав «цесарских книг».

Первый статейный список, читающийся в «цесарских книгах», принадлежит посольству посла Владимира Племянникова и толмача Истома Малого, отправленных к императору Максимилиану 24 ноября 1517 г. и возвратившихся в Москву 16 июля 1518 г. Статейный список имеет заголовок «А се список, что подали Володимир и Истома великому князю своего приезда и отпуску» и начинается известием о приезде русских послов 23 марта 1518 г. в Инсбрук, где находился император, а заканчивается известием об отправлении их в Вену 21 апреля того же года. Если не считать очень краткого описания встречи послов у Инсбрука, то статейный список целиком посвящен изложению переговоров с императором и его сановниками.⁵⁵ По содержанию статейный список Владимира Племянникова и Истома Малого не выходит, таким образом, за рамки деловой письменности. Можно полагать, что такой характер имели и другие несохранившиеся в составе «цесарских книг» статейные списки русских послов.

Для оценки отлагавшейся в «цесарских книгах» информации о Западной Европе немаловажное значение имеет вопрос о сроках ее поступления. Поскольку основным передатчиком информации являлись послы, постольку, естественно, сроки ее поступления определялись временем, затрачиваемым послами на путешествие из Германии в Москву. В 80—90-х годах XV в. путь имперских послов пролегал от резиденции императора или римского короля через немецкие земли до Любека, затем от Любека морем до Ревеля, от Ревеля к Иван-городу и далее к Новгороду и Москве. Таким же путем ездили из Москвы в Германию великокняжеские послы. В «цесарских книгах» зафиксированы даты отпуски и возвращения русских послов в Москву, в их допоселениях — даты приезда ко двору римского короля; отмечено также время приезда в Москву и отпуски из Москвы имперских послов, по датам их верительных грамот, копии которых включались в «цесарские книги», можно судить о времени выезда послов из резиденции императора или римского короля. Благодаря этому мы знаем, сколько времени послы затрачивали на свои путешествия. Например, Юрий Траханиот, отправленный в 1489 г. в качестве посла к германскому императору Фридриху III, выехал из Москвы 22 марта 1489 г., возвратился — 16 июля 1490 г.;⁵⁶ послы Ивана III к римскому королю Максимилиану Юрий Траханиот и Василий Кулешин выехали из Москвы 19 августа 1490 г., а вернулись 30 августа 1491 г.;⁵⁷ Георг фон Турп («Юрий Делатор»), посол Максимилиана, получивший верительную грамоту 2 июня

⁵⁵ Там же, стб. 343—356.

⁵⁶ Там же, стб. 14, 24.

⁵⁷ Там же, стб. 34, 65.

1491 г. в Нюрнберге, прибыл в Москву 20 ноября того же года.⁵⁸ Таким образом, на путешествие в оба конца у послов уходило от года до 16 месяцев, на путешествие в один конец (за вычетом времени пребывания при дворе императора или римского короля) — около полугода; последний срок подтверждается и временем путешествия Георга фон Турна в 1491 г.

Длительность путешествия послов зависела от многих причин: от несовершенства транспортных средств,⁵⁹ вынужденных продолжительных остановок⁶⁰ и, наконец, от того, что в 80—90-х годах XV в. и начале XVI в. из-за напряженных отношений между Русским государством и Великим княжеством Литовским имперские и русские послы должны были пользоваться кружным путем через Ливонию и Балтийское море.

В середине 10-х годов XVI в., когда при посредничестве Империи начались мирные переговоры между Польшей—Литвой и Русским государством, посольские сношения между Москвой и Империей стали осуществляться по более прямому и короткому пути через литовские и польские земли, что привело к сокращению продолжительности путешествия послов. Так, послы Василия III к императору Максимилиану Владимир Племянников и толмач Истома Малый, выехавшие из Москвы 24 ноября 1517 г., возвратились 16 июля 1518 г.;⁶¹ посол императора к Василию III Франциск де Колла, получивший верительную грамоту 20 апреля 1518 г. в городе Галле, в июле того же года уже прибыл в Москву и 27 июля имел аудиенцию у великого князя.⁶² Срок путешествия послов в оба конца сократился, таким образом, до восьми месяцев, в один конец — до трех с небольшим месяцев, иными словами, сокращение произошло в два раза.

В соответствии с продолжительностью путешествия послов срок поступления информации о западноевропейских делах из Германии в Москву составлял в конце XV—начале XVI в. шесть месяцев, в 10-х годах XVI в. — три—три с половиной месяца. Срок немалый, но расстояния, которые приходилось преодолевать носителям информации, были по тому времени огромными.

Из посольских книг конца XV—начала XVI в. сохранились, как мы указывали, лишь книги сношений с Империей. Но Россия в рассматриваемое время поддерживала контакты и с другими западноевропейскими государствами. И если бы до нас дошли все посольские книги, отражавшие эти контакты, то можно

---

⁵⁸ Там же, стб. 69—70.

⁵⁹ На плавание на корабле от Ревеля до Любека затрачивалось, например, три недели (ПДСДР, т. I, стб. 102).

⁶⁰ Например, Юрий Траханиот и Михаил Кляник в 1493 г., возвращаясь на родину из Германии, прибыли в Любек 30 апреля; 22 мая они еще находились в Любеке, ожидая, когда будет готов нанятый ими для плавания в Ревель корабль (ПДСДР, т. I, стб. 115).

⁶¹ ПДСДР, т. I, стб. 315, 341.

⁶² Там же, стб. 358, 363.

было выявить гораздо больший объем информации о Западной Европе, нежели тот, который нам удалось установить на основе «цесарских книг». Но и содержащийся в интересующем нас аспекте в «цесарских книгах» материал позволяет утверждать, что связанные с посольской службой официальные круги Москвы располагали довольно значительным запасом сведений о Западной Европе. Думается, что эти сведения проникали за стены правительственных канцелярий и становились достоянием более широких слоев русского общества.

* * *

Вторая половина XV—первая половина XVI в. — время наибольшего подъема русского летописания. Летописные своды следовали один за другим. Интенсивность работы летописцев была обусловлена созданием Русского централизованного государства, потребностью осознать прошлое и настоящее Русской земли. Почти все летописание этого периода по своему характеру общерусское, но в его потоке в XV в. прослеживаются два идеологических направления: официальное, великокняжеское, и неофициальное, независимое от великокняжеской власти, связанное с церковными кругами. Преобладает летописание великокняжеское. Независимое летописание было представлено Сводом 1472 г., положенным в основу Ермолинской летописи,⁶³ Ростовским владычным сводом 80-х годов, сохранившимся в Типографской летописи,⁶⁴ и составленным при митрополите Геронтии неофициальным Московским сводом 80-х годов, известным по Софийской II и Львовской летописям.⁶⁵

Составление летописных сводов приурочивалось, как правило, к важным событиям политической жизни. Так, походы на Новгород 1471 и 1477 гг. и присоединение в результате второго похода Новгорода в 1478 г. к Великому княжеству Московскому были

---

⁶³ Независимый свод 1472 г. А. А. Шахматов определяет как Ростовский владычный, Я. С. Лурье — как Кирилло-Белозерский монастырский (*Шахматов А. А.* 1) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904, с. 72—77; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 146—150; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 201—204).

⁶⁴ Ростовский владычный свод 80-х годов А. А. Шахматов датирует 1484 г., Я. С. Лурье — 1489 г. (*Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 284—301; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 215—223).

⁶⁵ Неофициальный свод, отразившийся в Софийской II и Львовской летописях, А. Н. Насонов характеризует как свод митрополита Геронтия и датирует его 1489 г.; Я. С. Лурье считает, что этот свод, не являясь официально митрополичьим, возник в церковных кругах, связанных с митрополичьей кафедрой, в 80-х годах XV в. (*Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества. — Изв. АПН, Отд. гум. наук, 1930, № 10, с. 716—718; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 235—239).

ознаменованы составлением двух летописных сводов — 1471 и 1479 гг.⁶⁶ В 90-х годах XV в., насыщенных крупными внутри- и внешнеполитическими событиями и острой идеологической борьбой, летописные своды создавались с интервалами в 2—3 года; таковы своды 1493, 1495,⁶⁷ 1497 гг.⁶⁸ и, наконец, 1500 г.⁶⁹ Смена летописных сводов имела место и в княжение Василия III. В это время были созданы своды 1508,⁷⁰ 1518,⁷¹ 1520 гг.⁷² и, наконец, 1533 г.⁷³

Летописи являются многоплановым источником, к которому непрестанно обращаются медиевисты-русисты, занимающиеся самыми различными аспектами отечественной истории. Летописные известия о западноевропейских странах всегда используются для изучения сношений России с ними, но сами западные известия летописей предметом специального анализа еще не были.

Первым летописным сводом, в котором содержатся известия о Западе, является Свод 1471 г., представленный Никаноровской летописью.⁷⁴ Ее западные известия касаются сношений России с Италией, обусловленных Ферраро-Флорентийским собором, с одной стороны, и браком Ивана III с Софьей (Зоей) Палеолог — с другой.

⁶⁶ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962; т. XXV. М.—Л., 1949.

⁶⁷ Там же, т. XXVII.

⁶⁸ Под названием «Свод 1497 г.» в XXVIII томе ПСРЛ (М.—Л., 1963) издана Прилуцкая летопись, которую А. И. Насонов и К. Н. Сербина считают летописным сводом, составленным в 1497 г., Я. С. Лурье — одним из видов летописной компиляции, названной им «Летописцем от 72-х язык». Согласно точке зрения Я. С. Лурье, эта компиляция состоит из входящих в состав Лихачевской, Прилуцкой и Уваровской летописей двух частей: текста до 1417 г., близкого к Ермолинской летописи, и фрагмента (за 1417—1477 гг.) великокняжеского Свода 1477 г.; к «Летописцу от 72-х язык» в каждой из названных летописей было добавлено особое окончание, благодаря чему возникли три вида компиляции: Лихачевский вид «Летописца от 72-х язык», завершающийся 1488 г.; Прилуцкий, доходящий до 1497 г., и Уваровский — до 1518 г. (Насонов А. И. 1) Материалы и исследования по истории русского летописания. — ПИ, VI, 1958, с. 252—255; 2) История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 373—374; Сербина К. Н. Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.). — ПИ, XI, 1963; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 139—140).

⁶⁹ Свод 1500 г. в наибольшей степени отразился в Симеоновской летописи (ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913). См.: Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, т. XI, 1955, с. 174—175.

⁷⁰ Свод 1508 г. сохранился в Софийской I летописи по списку Царского (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853).

⁷¹ Свод 1518 г. отражен в Софийской II (ПСРЛ, т. VI), Львовской (ПСРЛ, т. XX, ч. I—II. СПб., 1910—1914) и частично Уваровской летописях (ПСРЛ, т. XXVIII).

⁷² Свод 1520 г. представляют Иоасафовская летопись (М., 1957) и список Оболенского Никоновской летописи.

⁷³ Он лег в основу Воскресенской летописи (первая редакция 1533 г.) и соответствующих частей Никоновской и Львовской летописей (составлены в середине XVI в.).

⁷⁴ ПСРЛ, т. XXVII. — Свод 1471 г. отражен также в Вологодско-Пермской летописи (ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959).

Под 1437 (6945) г. в Никаноровской летописи читается краткое сообщение о приходе из Царьграда в Москву митрополита Исидора и отправлении его в Рим (в летописях Римом тогда называли Италию) на восьмой собор; с этим сообщением связано известие 1440 (6948) г. о возвращении Исидора из Рима с намерением «соединити православие с латинством» и осуждении Исидора при содействии великого князя за измену православию.⁷⁵

Под 1469 (6977) г. сообщается о приходе в Москву из Рима Юрия Грека, предложившего от имени кардинала Виссариона проект брака великого князя Московского с дочерью морейского деспота Фомы, племянницей последнего византийского императора. В ответ Иван III послал в Рим к кардиналу Виссариону и папе Павлу в качестве своего посла московского денежника Ивана Фрязина (Джъана Баттисту дела Вольпе) с поручением «царевну видети». Переговоры в Риме были удачными, и папа отпустил Ивана Фрязина, снабдив его охранной грамотой для проезда послов великого князя в Рим. О возвращении в Москву Ивана Фрязина Свод 1471 г. умалчивает, но сообщает о прибытии 10 сентября 1471 (6980) г. из Венеции Онтон Фрязина (Антонио Джисларди) и Ивана Тревизана (Джъана Баттисты Тревизана), посла «дюкы венецейского Николы Трона». Иван Тревизан прибыл с просьбой пропустить его через владения великого князя к хану Золотой Орды Ахмату, с которым Венецианская республика собиралась заключить союз для борьбы с Турцией. Онтон Фрязин привез охранную грамоту от папы для послов великого князя.⁷⁶ На этом западные известия Никаноровской летописи кончаются. Составитель ее с большим вниманием и, вероятно, порой в собственной интерпретации передавал все, касающееся сватовства Софьи: обращение кардинала, речи Софьи, ее приверженность православию, выразившуюся в решении выйти замуж за великого князя Московского, хотя, конечно, сирота, всецело зависевшая от милости папы, вряд ли сама распоряжалась своей судьбой. Такая позиция составителя Свода 1471 г. объясняется тем, что он проводил официальную точку зрения на брак с Софьей, так как Свод 1471 г. по своей идеологической направленности был великокняжеским.

Большим хронологическим охватом и соответственно большим запасом сведений характеризуется комплекс западных известий Московского свода конца XV в., также великокняжеского по своему характеру (составлен в 1479 г.; опубликованный в XXV томе ПСРЛ Уваровский список свода представляет редакцию начала 90-х годов XV в.⁷⁷). Известие о Флорентийском соборе претерпело в нем радикальные изменения. Вместо краткого сообщения о приходе Исидора в Москву и отправлении его в Рим на

⁷⁵ ПСРЛ, т. XXVII, с. 106, 107.

⁷⁶ Там же, с. 126, 136.

⁷⁷ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 135—136.

восьмой собор в Своде конца XV в. под 1437 г. читается подробный рассказ о Флорентийском соборе. Этот рассказ представляет собой летописную повесть, являющуюся одной из переработок «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского.

«Повесть» в Своде конца XV в. имеет заголовок «О Сидоре митрополите, как прииде из Царяграда на Москву». Она содержит известия о приходе митрополита Исидора из Константинополя на Русь, о данной им великому князю Московскому клятве хранить на созванном папой Евгением IV соборе верность православию, о нарушении Исидором этой клятвы уже в «Юрьеве» (Дерпте), где Исидор целовал «латинский кржж», о ходе восьмого собора и заключении унии, о прибытии Исидора на Русь в качестве папского легата и о низложении его при активном участии великого князя Василия Васильевича за измену православию.⁷⁸

К тому комплексу известных о Флорентийском соборе, который имеется в рассмотренном нами ранее первоначальном варианте «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского, летописная повесть не прибавляет ничего нового, поэтому на ее известиях мы не будем останавливаться. Отметим лишь, что в связи с утратой автобиографических элементов, характерных для первоначального вида «Повести» Симеона Суздальского, в летописной повести отсутствуют те немногие путевые впечатления о путешествии по Италии, которые читались в первоначальном виде сочинения Симеона Суздальского и о которых мы говорили. Имеет некоторые отличия и перечень западноевропейских народов, чьи представители присутствовали на соборе. Если в первоначальном виде «Повести о восьмом соборе» перечислены итальянцы, французы, миланцы, южные немцы, немцы вообще, венгры, чехи, поляки и римляне, то летописная повесть называет «аламан» (южных немцев), «фрязов» (итальянцев), «калатип» (каталонцев), «френчюк» (французов), «беребеан» (британцев), «кофеан» (жителей генуэзской Кафы).⁷⁹ Мы не знаем, чем были обусловлены отличия перечня летописной повести от перечня первоначального вида «Повести о восьмом соборе», но, несомненно, что оба перечня, особенно если их рассматривать вместе, свидетельствуют о том, что русским книжникам середины и второй половины XV в. был известен довольно широкий круг европейских народов.

По мнению Я. С. Лурье, включение «Повести» в Свод 1479 г. было связано с присоединением Новгорода к Москве; в Новгороде накануне его присоединения имелась партия, стоявшая за переход Новгорода под власть великого князя Литовского, и для борьбы с латинофильствующими во вновь созданный летописный свод включается проникнутое антикатолическими тенденциями

⁷⁸ ПСРЛ, т. XXV, с. 253—260.

⁷⁹ Там же, с. 254. — При интерпретации названий народов перечня летописной повести мы пользовались комментариями к нему Г. Штёкля (*Stöckl G. Das Bild des Abendlandes...*, S. 19, A. 47).

произведение.⁸⁰ Включение в Свод 1479 г. переработки «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского, возвеличивавшей великого князя Московского как борца за чистоту православия, диктовалось также стремлением к укреплению в идеологическом плане позиции великокняжеской власти.

К летописной повести о Флорентийском соборе по содержанию примыкает следующее за ней известие 1440 (6448) г. о возвращении митрополита Исподора из Рима в Москву и осуждении его за измену православию.⁸¹ Это известие дублирует конец повести о Флорентийском соборе. Дублировка объясняется тем, что при составлении Свода 1479 г. в использованный при этом более ранний свод, в котором под 1440 г. имелось известие о возвращении Исподора, была вставлена «Повесть» о Флорентийском соборе.

Сведения Свода 1471 г. о сватовстве Софьи в 1469—1471 гг. (прибытии в Москву Юрия Грека с предложением руки Софьи, ответной миссии в Рим Ивана Фрязина, приезде посла Венецианской республики Ивана Тревизана, а также Оптона Фрязина с охранной грамотой папы для проезда послов Ивана III) повторяются в Своде конца XV в.⁸² Далее следуют новые известия: 16 января 1472 (6980) г. из Москвы в Рим за Софьей был послан Иван Фрязин. В Риме папа «Систюсь» (Сикст IV) и кардинал Виссарион оказали Ивану Фрязину «честь велику», а братья Софьи, Андрей и Мануил, богато его одарили. 24 июня Софья в сопровождении свиты из греков и римлян двинулась в далекий путь (см. рис. 3). 1 сентября она была в Любеке, 21-го (после 11-дневного плаванья по бурному морю) — в Ревеле, 6 октября — в Дерпте, 11-го — в Пскове и 25-го — в Новгороде. 12 ноября Софья прибыла в Москву, где состоялось ее бракосочетание с великим князем.⁸³

После комплекса известий 1469—1472 гг. о сношениях России с папским престолом по поводу брака Ивана III и с Венецианской республикой в связи с намерением последней вступить в союз с Золотой Ордой против турок Свод конца XV в. в течение двух лет об Италии ничего не сообщает. Сведения о ней снова появляются в 1474 (6982) г. В этом году 25 апреля в Москву прибыл (побывавший в Италии в 1473 г.⁸⁴) Онтон Фрязин, передавший Ивану III просьбу венецианского дожа не задерживать в Москве посла Венеции Ивана Тревизана (он вызвал недовольство великого князя, а потому задерживался) и разрешить ему проезд

---

⁸⁰ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, с. 370—372.

⁸¹ ПСРЛ, т. XXV, с. 260—261.

⁸² Там же, с. 281, 292. — Когда, говоря о близости известий различных летописей, мы употребляем глаголы «повторяются, совпадают, восходят», то текстальные различия неприципиального порядка мы не учитываем.

⁸³ ПСРЛ, т. XXV, с. 293, 296, 298—299.

⁸⁴ Пирлинг П. Россия и папский престол. М., 1912, с. 210—211, 215—217.

в Золотую Орду; просьба была выполнена, и с известием об этом 24 июля вместе с Онтоном Фрязином был отправлен в Венецию первый русский посол Семен Толбузин. В поручения Семену Толбузину входила не только передача ответа великого князя на просьбу венецианского сената об Иване Тревизане, но, по-видимому, и вербовка итальянских специалистов. Во всяком случае, когда 26 марта 1475 (6983) г. Семен Толбузин возвратился в Москву, он «привел с собою мастера муроля, кои ставит церкви и полаты, Аристотеля именем, тако же и пушечник тои нарочит лити их и бити ими, и колоколы и иное все лити хитр велми», — так сообщил летописец о появлении в Москве знаменитого Аристотеля Фьораванти. Еще до возвращения Семена Толбузина, 14 августа 1474 г. из Рима от братьев Софыи, сыновей деспота Морейского, прибыл Дмитрий Грек, отпущенный обратно в том же году. Последнее известие изданного Уваровского списка Свода конца XV в. о русско-итальянских отношениях — это известие 1480 (6988) г. о приходе в Москву из Рима шурипа великого князя Андрея, сына деспота Морейского Фомы.⁸⁵

Помимо сношений с Италией, Свод конца XV в. освещает сношения России с Империей, завязавшиеся в конце 80-х годов. В Уваровском списке Свода конца XV в. о сношениях с Империей имеются четыре известия: 1) о приходе 9 июля из Рима посла великого князя Юрия Траханиота вместе с Юрием Делатором (Георгом фон Турном), послом римского короля Максимилиана, сына императора Фридриха, с поручением «о любви и о дружбе и о братстве»; 2) об отпуске 19 августа Юрия Делатора и отправлении с ним послов великого князя к Максимилиану Юрия Траханиота и дьяка Василия Кулешина «взяти с ним (Максимилианом. — Н. К.) любовь и докончание» (в издании Уваровского списка Свода конца XV в. в XXV томе ПСРЛ оба известия датированы 1487 г.); 3) о возвращении в августе 1491 (6999) г. Юрия Траханиота и Василия Кулешина вместе с послом Максимилиана Юрием Делатором и об обмене в Москве окончательными грамотами с золотыми печатями короля и великого князя и целовании грамот; 4) об отпуске в 1492 (5000) г. «того же месяца» (по контексту апреля) посла Максимилиана Юрия Делатора и отправлении с ним великокняжеских послов Юрия Траханиота, Михаила Кляпика Еропкина, Ивана Волка Курицина.⁸⁶

Сопоставление издания Свода конца XV в. с Посольской книгой сношений с Империей показывает, что известия первого об обмене посольствами между Россией и Империей в 1487 г. являются ошибочными: посольства, о которых идет речь в известиях № 1 и № 2, на самом деле имели место в 1490 г.⁸⁷ Приурочение их к 1487 г. в издании Свода конца XV в. появилось вследствие де-

⁸⁵ ПСРЛ, т. XXV, с. 301, 303, 327.

⁸⁶ Там же, с. 331—333.

⁸⁷ ПДСР, т. I, стб. 24, 34.

фектности Уваровского списка: как отмечено издателями, в рукописи отсутствует один лист,⁸⁸ в результате чего к известиям 1487 (6995) г. оказались присоединенными в издании последние известия 1490 (6998) г., не имеющие в рукописи обозначения года (обозначение года находилось, очевидно, на утерянном листе). Если отвлечься от указанной ошибки, возникшей при издании Свода конца XV в., то известия его содержат правильные сведения о сношениях с Империей в 1490—1492 гг., ознаменовавшихся заключением в 1491 г. союзного договора.

Известия Свода конца XV в. о сношениях России с западноевропейскими странами, начиная с Флорентийской унии и кончая событиями 1492 г., повторяет Симеоновская летопись (текст доходит до 1493 г.),⁸⁹ также представляющая великокняжеское летописание конца XV в. В Симеоновской летописи есть все названные нами известия Свода конца XV в., и с ними известия Симеоновской летописи совпадают, как правило, текстуально.⁹⁰ Это дает основание утверждать, что источником рассматриваемых известий Симеоновской летописи был Свод конца XV в. По сравнению с ним Симеоновская летопись включает две группы новых известий — за 1487 (6995) — 1490 (6998) и 1493 (7001) гг.

Известия за 1487 (6995)—1490 (6998) гг. следующие: о приходе в 1489 (6997) г. «от римского цесаря Фредерика» (императора Фридриха III) посла Николая (Николая Поппеля) «о любви и дружбе» и об отправлении с ним великокняжеского посла Юрия Траханиота к императору «с любовью»; о войне между римским королем Максимилианом и чешским королем Владиславом за венгерское наследство в 1490 (6998) г.; о приходе зимой того же года в Москву брата Софьи Андрея Морейского, а с ним вместе послов великого князя Дмитрия и Мануила Ралевых, привезших с собой целую дружину иностранных мастеров; об отпуске той же зимой «в свою землю» Андрея Морейского.⁹¹

Напомним, что текст Уваровского списка Свода конца XV в. за 6995—6998 гг. дефектный: в нем имеются начало известий за

⁸⁸ ПСРЛ, т. XXV, с. 331, прим. +.

⁸⁹ ПСРЛ, т. XVIII, с. 176—188, 190, 219—220, 235—237, 241, 243—245, 248.

⁹⁰ Различие имеется лишь в одном случае: в Своде конца XV в. под 1491 (6999) г. сообщается о возвращении в августе в Москву от римского короля Максимилиана великокняжеских послов Юрия Траханиота и Василия Кулешина и прибытии вместе с ними посла Максимилиана Юрия Делатора (ПСРЛ, т. XXV, с. 332). В Симеоновской летописи читается названное известие, кроме того, под 1491 (7000) г. находится известие о прибытии в Москву 18 ноября Юрия Делатора (ПСРЛ, т. XVIII, с. 275—276). В Посольской книге сношений с Империей сообщается о прибытии в Москву 30 августа 1491 г. Юрия Грека и Василия Кулешина и о приезде 20 ноября того же года в Москву посла Максимилиана Юрия Делатора (ПДСДР, т. I, стб. 65, 69). К данным Посольских дел ближе известия Симеоновской летописи: в ней правильно сообщается о прибытии Делатора в ноябре 1491 г. и ошибочно (очевидно, в результате заимствования из Свода конца XV в.) о прибытии его же в августе 1491 г.

⁹¹ ПСРЛ, т. XVIII, с. 272—273.

6995 г. (это место текстуально совпадает с соответствующим местом Симеоновской летописи⁹²) и окончание известий за 6998 г. (по составу близкое к Симеоновской летописи⁹³), остальная же часть текста за 6995—6998 гг. отсутствует ввиду потери в рукописи одного листа. Поскольку текст Свода конца XV в. перед и после пропущенного листа почти полностью совпадает с текстом Симеоновской летописи и западноевропейские известия Свода конца XV в. целиком повторяются Симеоновской летописью, постольку мы считаем, что текст листа, пропущенного в Уваровском списке Свода конца XV в. (или во всяком случае западноевропейские известия пропущенного отрывка), можно восполнить за счет соответствующего текста (или соответствующих известий) Симеоновской летописи. Мы думаем поэтому, что первые три известия Симеоновской летописи за 6995—6998 гг. (о посольстве германского императора в Москву в 1489 г., о войне за венгерское наследство в 1490 г., о прибытии в Москву в том же году Андрея Морейского с Ралевыми), которые находятся в Симеоновской летописи в отрывке, отсутствующем в Своде конца XV в., имелись и в последнем. Что касается известия об отпуске в 1490 г. из Москвы «в свою землю» Андрея Морейского (оно находится в Симеоновской летописи в окончании известий за 1490 г., имеющемся и в Своде конца XV в.), то отсутствие его в Своде конца XV в. может быть объяснено либо тем, что его там вообще не было, либо случайным пропуском при переписке. Нам представляется более вероятным последнее объяснение, поскольку, как установлено, Симеоновская летопись повторяла западноевропейские известия Свода конца XV в.

Вторая группа известий Симеоновской летописи о сношениях с западноевропейскими странами, отсутствующая в Своде конца XV в., выходит за его хронологические рамки. Это известия 1493 (7001) г. о посылке в Венецию в «Медиалан» (Милан) Мапуила Ангелова и Данилы Мамырева и о возвращении от римского короля Максимилиана великокняжеских послов Юрия Траханнота, Михаила Кляпика и Ивана Волка Курицина.⁹⁴

Обзор известий о западноевропейских странах Свода конца XV в. и Симеоновской летописи показывает, что великокняжеское летописание конца XV в. уделяло значительное внимание западным связям России. И это закономерно. Вторая половина XV в. — время выхода России на арену европейской политической жизни, расширения и упрочения сношений русского правительства с Западом. И происходивший процесс не мог не найти отражения на листах официальных летописей.

⁹² ПСРЛ, т. XXV, с. 334; т. XVIII, с. 272.

⁹³ Окончание известий за 6998 (1490) г., сохранившееся в Своде конца XV в., отличается от аналогичного места Симеоновской летописи отсутствием известий об отпуске на родину Андрея Морейского и посылке Иваном III посла в Валахию (ПСРЛ, т. XXV, с. 334; т. XVIII, с. 273).

⁹⁴ ПСРЛ, т. XVIII, с. 278—279.

Известия о сношениях России с западноевропейскими странами — Италией, Империей — появлялись в летописях по мере того, как возникали сами сношения. Летописцы в своих трудах отразили главное: заключение союзного договора с Империей в 1491 г., переговоры с папским престолом по поводу брака Ивана III и с Венецией в связи с намерением последней создать антитурецкую коалицию, развитие русско-итальянских культурных контактов. Но вместе с тем составители летописей проявили односторонний подход к предмету своего изложения: они фиксировали сами сношения, факты прибытия и отпуска иностранных и русских послов, лишь очень коротко сообщая о целях посольств и содержании переговоров (исключение составляет изложение событий, связанных с браком Ивана III с Софьей Палеолог, ввиду особой важности его для московского великокняжеского дома). О самих странах, контрагентах России, их внутри- и внешнеполитической жизни сведений в летописях почти нет. Думается, что это было обусловлено особенностями летописного жанра: вниманием летописцев к истории в первую очередь России (поскольку летописи — это труды по отечественной истории), с одной стороны, и присущими летописанию лаконичностью и фактографичностью — с другой.

Лишь в одном случае летописцы отступают от принятого ими принципа и передают события, касающиеся только Запада. Под 1490 (6998) г. мы читаем: «И въсхоте Максимян, римский король, и над Угорскою землею королевство дръжати; панове же угорские и земля вся не въсхотеша его, послаша к Владиславу к королю Чешскому, Казимиру сыну, короля Полсого, и взяша его с Чешского королевства на Угорское королевство. Максимян же, римский король, с Владиславом взя мир и докончание, Белаграда сступиша Владиславу, а Виенна и вся Авъстръская земля Максимяну бысть»⁹⁵ (см. рис. 4). Здесь рассказывается о войне между Максимилианом Габсбургом и чешским королем Владиславом Ягеллоном за венгерскую корону и о достигнутом между ними соглашении — заключении мира в Пожони.⁹⁶ Непосредственно России события в Венгрии не касались, но русское правительство и русская дипломатия проявляли к ним большое внимание, ибо Россия была заинтересована в союзе с Империей против польских Ягеллонов, а венгерские дела отвлекали Максимилиана от выполнения его союзных обязательств. Отражением этого внимания явилась рассматриваемая летописная запись.

Точные даты (с указанием чисел) приезда и отъезда послов побуждают высказать предположение о том, что летописцы, внося в свой труд известия о внешнеполитических сношениях России,

---

⁹⁵ Там же, с. 272.

⁹⁶ Напомним, что, согласно миру в Пожони 1491 г., после смерти Владислава Ягеллона (ставшего в 1490 г. королем Венгрии) венгерская корона должна была перейти к Максимилиану Габсбургу.

пользовались посольскими делами.⁹⁷ Это предположение подтверждается сопоставлением посольских книг сношений с Империей с соответствующими летописными записями: совпадают изложение целей посольств (в летописях даны лишь лаконичные формулировки), имена послов, даты их приезда и отъезда (в последних в единичных случаях есть расхождения в несколько дней). Произвести аналогичное сопоставление для летописных записей о сношении с Италией мы не смогли, ибо из посольских книг конца XV—начала XVI в. сохранились лишь книги сношений с Империей. Но, внося в свои труды сведения о русско-итальянских отношениях, летописцы также обращались к посольским делам.

Если великокняжеское летописание конца XV в. проявляло значительный интерес к западным связям России, то иначе обстояло дело в летописях, связанных с неофициальными сводами. В Ермолинской летописи, отразившей составленный в церковных кругах Независимый свод 1472 г., продолженный до 1488 г., отсутствуют и повесть о Ферраро-Флорентийском соборе, и почти вся серия известий о сношениях России с Италией и Империей за 60—80-е годы, которые читаются в Московском своде конца XV в. и Симеоновской летописи. Вместо них в Ермолинской летописи имеются лишь четыре лаконичных известия: под 1437 (6945) г. о приходе в Москву из Царьграда Исидора и отправления его в Рим на восьмой собор; под 1441 г. (6949 г.) о возвращении Исидора из Рима в Москву и его осуждении; под 1473 (6981) г. о женитбе Ивана III на Софье; под 1475 (6983) г. о возвращении из Венеции Семена Толбузина, привезшего с собой «мастера муроля, Аристотеля именем».⁹⁸

Почти полное игнорирование западных связей России объясняется не только отдаленностью составителя Независимого свода 1472 г. от Москвы и посольских дел,⁹⁹ но, и это, вероятно, главное — его оппозиционностью к великокняжеской власти, которая сказывалась, в частности, в подчеркнуто равнодушном отношении к прибывшей из Рима Софье. Если в Своде конца XV в. и Симеоновской летописи детально излагаются переговоры о сватовстве Софьи, описываются ее путешествие и свадьба, то в Ермолинской летописи вместо этого ряда известий есть лишь одна запись: «Тоя же осени (в 6981 г. — *И. К.*), месяца поябья 12, женися князь велики Иван Васильевич; приведена за него царевна из Рима, а дщи Фомы, деспота Аморийскаго».¹⁰⁰

⁹⁷ Мнение о связи летописания с Посольским приказом уже высказывалось (см.: *Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение*. М.—Л., 1947, с. 345; *Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV в.*, с. 175). — Говорить о Посольском приказе применительно к концу XV—началу XVI в. можно лишь условно, ибо Посольский приказ в качестве учреждения, ведавшего сношениями России с другими государствами, был официально создан в 1549 г. (см. с. 71).

⁹⁸ ПСРЛ, т. XXIII, с. 149—150, 161.

⁹⁹ См. прим. 63.

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. XXIII, с. 161.

Сокращенные летописные своды 1493 (Погодинская летопись) и 1495 гг. (Мазуринская летопись), близкие между собой,¹⁰¹ по составу западных известий разделяются на две части: 30—70-е годы и с 80-х годов до конца. Для первой части характерно почти полное отсутствие известий о западных связях России; имеются только три известия, по содержанию совпадающие с аналогичными известиями Ермолинской летописи: о прибытии в Москву Исидора и отправлении его в Рим, браке Ивана III, прибытии из Рима (Италии) Семена Толбузина.¹⁰² Известия второй части совпадают в целом по составу и содержанию с великокняжеским летописанием и включают сведения о сношениях с Италией и Империей.¹⁰³ Отмеченное явление объясняется сложностью состава рассматриваемых летописей: согласно выводу Я. С. Лурье, в основе Сокращенных летописных сводов 1493 и 1495 гг. до 70-х годов включительно лежал неофициальный свод, отраженный также в Ермолинской и некоторых других летописях,¹⁰⁴ с 80-х годов — великокняжеское летописание.

Хотя с западными известиями Московского свода конца XV в. и Симеоновской летописи за 80-е—начало 90-х годов совпадают в целом аналогичные известия Сокращенных летописных сводов 1493 и 1495 гг., тем не менее они имеют некоторые отличия как от первых, так и различия между собой. В Своде 1493 г. за 1485—1490 гг. имеются три известия о московских дипломатах Ралевых, выходцах из Греции: под 1485 (6993) г. о приходе на службу к великому князю Иоанна Ралья с семьей; под 1488 (6996) г. о посылке его сыновей Дмитрия и Мануила в Рим, Венецию и Милан; под 1490 (6998) г. о возвращении из Рима вместе с Андреем Морейским Ралевых, привезших с собой различных специалистов.¹⁰⁵ Эти известия, отсутствующие в Своде конца XV и Симеоновской летописи, были добавлены составителями Свода 1493 г., очевидно, путем дополнительного обращения к посольским делам. Однако в Своде 1495 г., несмотря на его близость к Своду 1493 г., названные известия отсутствуют. Исключение их при составлении Свода 1495 г. Я. С. Лурье объясняет иной, нежели у Свода 1493 г., идеологической направленностью рассматриваемого Свода: одной из целей Свода 1495 г. являлось сглажи-

¹⁰¹ Каштанов С. М. О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 годов). — ПИ, VIII, 1959, с. 463.

¹⁰² ПСРЛ, т. XXVII, с. 271—272, 279, 346, 355.

¹⁰³ Там же, с. 282, 288, 289, 291—294, 355, 359—362, 365.

¹⁰⁴ Лурье Я. С. Новые памятники русского летописания конца XV в. — История СССР, 1964, № 6, с. 119—120, 124.

¹⁰⁵ ПСРЛ, т. XXVII, с. 287—289. — В первом известии о Ралевых — «Того же лета (6993. — Н. К.) прииде из Царяграда к великому князю служити Иван Раль Палеолог и з женою и з детьми» — имеется неточность: Ралевы не состояли в родстве с Палеологами. См.: Скржинская Е. Ч. Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию (к истории итало-русских связей в XV веке). — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.

вание столкновений между великокняжеской властью и оппозиционными элементами, а также репрессий со стороны великокняжеской власти; исчезновение Ралевых из летописания было связано, как полагает Я. С. Лурье, с событиями 1490 г., когда последний престол Иван Молодой в результате лечения его лекарем Леоном, привезенным в 1490 г. Ралевыми из Италии, умер, а лекарь Леон был казнен. Новой политической ситуацией объясняется, по мнению Я. С. Лурье, и исключение из Свода 1495 г. известия под 1490 (6998) г. о войне римского короля Максимилиана с Владиславом, королем Чехии, из-за Венгрии и достижении соглашения между ними: заключив соглашение с Ягеллонами, Габсбурги уклонились от выполнения союзных обязательств в отношении России, и в Москве пропал интерес к отношениям Империи с Венгрией.¹⁰⁶

Соглашаясь с Я. С. Лурье в том, что Свод 1495 г. представляет собой иную по сравнению со Сводом 1493 г. редакцию, объяснение отсутствия в нем известий о Ралевых за 1485—1490 гг., данное Я. С. Лурье, мы считаем малоубедительным: если предположить, что упоминание о Ралевых после событий 1490 г. стало односторонним, то почему известия о них были оставлены в Своде 1493 г. и почему одно известие (о посылке Дмитрия Ралева в качестве посла в Данию в 1493 г.) было сохранено и в Своде 1495 г.? Непонятно, почему в Своде 1493 г. сохранено исключенное из Свода 1495 г. известие о войне императора Максимилиана с королем Чехии Владиславом Ягеллоном из-за Венгрии, если считать причиной исключения названного известия из Свода 1495 г. соглашение Габсбургов с Ягеллонами, в результате чего у русского правительства пропал интерес к венгерским делам; ведь соглашение Габсбургов с Ягеллонами имело место в 1491 г., и оно, если исходить из предложенной Я. С. Лурье гипотезы, должно было оказать влияние уже на Свод 1493 г., а между тем этого не произошло.

Два последних известия Свода 1495 г., касающиеся отношений с Западом, выходят за хронологические рамки как Свода 1493 г., так и Симеоновской летописи и представляют собой поэтому новые для русского летописания сведения: сведения 1493—1494 (7002—7003) гг. о возвращении из Венеции Мануила Ангелова и Даниила Мамырева и о «поимании» в Новгороде немецких купцов — закрытии немецкого двора.¹⁰⁷

Цикл известий о Западе, точнее о сношениях России с Италией, Прилуцкой летописи (Свод 1497 г.), начиная с известия о возвращении в 1440 г. митрополита Исидора из Италии и кончая сообщением о прибытии в 1475 г. Семена Толбузипа из Венеции,¹⁰⁸ совпадает с соответствующими известиями Московского свода

¹⁰⁶ Лурье Я. С. Новые памятники. . . , с. 122—124 и прим. 34.

¹⁰⁷ ПСРЛ, т. XXVII, с. 366.

¹⁰⁸ Там же, т. XXVIII, с. 102, 119, 129, 130, 132, 134—135, 137, 138.

конца XV и Симеоновской летописи.¹⁰⁹ Это лишний раз подтверждает вывод исследователей, что Прилуцкая летопись в рассматриваемой части (точнее, с 1417 по 1477 г.) восходит к великокняжескому летописанию.¹¹⁰ Но, как тонко подметил Я. С. Лурье, текст Прилуцкой летописи за указанные годы представляет собой ипсую, более раннюю, нежели Свод 1479 г., редакцию великокняжеского летописания. Этот вывод позволяет сделать известие, записанное под 1437 г.: вместо Повести о Флорентийской унии, читающейся под 1437 г. в Московском своде конца XV в. и Симеоновской летописи, в Своде 1497 г. мы находим короткий рассказ о приходе Исидора в Москву из Царьграда и отправлении его в Италию на восьмой собор; рассказ повторяет текст соответствующего места Никаноровской летописи, содержащей более ранний великокняжеский свод 1471 г.¹¹¹

После 1477 г. в Прилуцкой летописи следует ряд дублирующих известий (за 1468—1477 гг.), в их числе снова читаются три известия о сношениях с Западом: под 1472 (6981) г. о приходе Софьи и венчании ее с Иваном III; под 1474 (6982) г. о посылке в Венецию «по мастера па церковь» и под 1475 (6983) г. о приходе из Венеции мастера Аристотеля.¹¹² Число известий о Западе невелико, и они даны в предельно краткой редакции. Отметим также, что при изложении миссии Толбузина в Венецию (сам Толбузин не назван) подчеркивается, что она имела целью приглашение специалиста по строительству церквей. Такой характер западных известий дублирующего отрывка Прилуцкой летописи объясняется тем, что источником ее с повторяющегося 1468 г. и до 80-х годов был Ростовский владычный свод 80-х годов, составленный духовным лицом.¹¹³

С 80-х годов и до 1493 г. включительно западные известия Прилуцкой летописи¹¹⁴ совпадают с известиями великокняжеских сводов. Известия 1494 (7002—7003) г. о приходе из Венеции Мануила Ангелова и Даниила Мамырева, об аресте немецких куп-

---

¹⁰⁹ Единственное несовпадение имеется в тексте под 1469 (6977) г. В Своде конца XV в. и Симеоновской летописи под этим годом читаются два известия о сношениях с Италией: о приходе из Рима Юрия Траханиота с предложением руки Софьи и ответном посольстве Ивана Фрязина в Рим. В Прилуцкой летописи есть только первое известие. Мы считаем отсутствие второго известия в Прилуцкой летописи явлением случайным, поскольку оно не меняет по существу корпуса западных известий Прилуцкой летописи за рассматриваемые годы и не отражается на ее идеологической тенденции.

¹¹⁰ Насонов А. Н. 1) Материалы и исследования по истории русского летописания, с. 255; 2) История русского летописания..., с. 374; Сербина К. И. Из истории русского летописания конца XV в., с. 398.

¹¹¹ Лурье Я. С. Новые памятники..., с. 126—127.

¹¹² ПСРЛ, т. XXVIII, с. 146.

¹¹³ Насонов А. Н. История русского летописания..., с. 374.

¹¹⁴ ПСРЛ, т. XXVIII, с. 149, 154, 158. — В Прилуцкой летописи отсутствует читающееся в Симеоновской летописи под 1489 (6997) г. известие о приходе имперского посла Николая Понпепа.

цов в Новгороде¹¹⁵ читаются также в Сокращенном летописном своде 1495 г., восходящем, как уже отмечено, с 80-х годов к великокняжескому летописанию. Таким образом, западные известия Прилуцкой летописи с 80-х годов — о сношениях с Италией и Империей — это известия великокняжеского летописания, и его отражает в рассматриваемой части Прилуцкая летопись.¹¹⁶

Анализ комплекса известий о западноевропейских странах летописей конца XV в. показывает, что этот комплекс, сохраняя свой характер (в первую очередь фиксация сношений со странами Запада), в то же время претерпевал изменения и количественного (число известий), и качественного (степень их обстоятельности) порядка. Наибольшее число известий с наиболее обстоятельным изложением читается в великокняжеских сводах — Своде конца XV в. и Симеоновской летописи. На другом полюсе находится Ермолинская летопись, отразившая неофициальное летописание (Независимый свод 1472 г.): в ней меньше всего известий о Западе, и они очень лаконичны. Комплекс интересующих нас известий сводов 90-х годов смешанного состава: известия о Западе Погодинской и Мазуринской летописей до 80-х годов немногочисленны и близки таковым Ермолинской летописи, с 80-х годов становятся обильными и совпадают с великокняжеским летописанием; известия Прилуцкой летописи до 1477 г. близки к великокняжеским сводам, с повторяющегося 1468 г. и до 80-х годов — к Ростовскому владычному своду 80-х гг. и с 80-х годов — опять к великокняжескому летописанию. Неоднородность корпуса известий о Западе названных сводов определялась сложностью их состава.

Первым летописным сводом XVI в. был Свод 1508 г. (Софийская I летопись по списку Царского). Его текст с конца XIV — начала XV в. и особенно с 1420 (6928) г. совпадает почти сплошь с текстом Сокращенного летописного свода 1493 г.¹¹⁷ В силу этого в Своде 1508 г., как и в Своде 1493 г., летописные известия

---

¹¹⁵ ПСРЛ, т. XXVIII, с. 159—160.

¹¹⁶ Анализ западных известий Прилуцкой летописи за 80—90-е годы побуждает согласиться с выводом Я. С. Лурье, что в этой части летопись отражала великокняжеское летописание, и считать ее памятником митрополичьего летописания, как это предлагал А. Н. Насонов, нет достаточных оснований (Насонов А. Н. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — ПИ, IV, 1955, с. 251; 2) История русского летописания..., с. 374; Лурье Я. С. Новые памятники..., с. 128—129). — Исследователями отмечено, что с повторяющегося 1468 г. и до конца текст Прилуцкой летописи близок к тексту Типографской по Синодальному списку. А. Н. Насонов эту близость объясняет тем, что Свод 1497 г. был источником Типографской летописи, Я. С. Лурье, напротив, считает, что Прилуцкая летопись восходит к протографу Синодального списка Типографской (Насонов А. Н. История русского летописания..., с. 376; Лурье Я. С. Новые памятники..., с. 125—128).

¹¹⁷ Лурье Я. С. Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» п Устюжского летописца. — Археограф. ежегодник за 1971 г. М., 1972, с. 123 и прим. 18.

о Западе распадаются на две группы. В первую группу входят известия за 30—70-е годы. Они очень немногочисленны и лаконичны (о приходе в 1437 г. Исидора в Москву и отправлении его в Рим, прибытии в 1472 г. Софьи и ее бракосочетании с великим князем, прибытии в 1475 г. из Венеции Семёна Толбузина с мастером Аристотелем¹¹⁸), что объясняется отражением Софийской летописью по списку Царского в этой части (через посредство Свода 1493 г. или его источника) Независимого свода 1472 г. Известия второй группы за 80-е—начало 90-х годов (по 1493 г. включительно), освещающие сношения с Италией и Империей,¹¹⁹ более многочисленны и обстоятельны, так как Свод 1493 г., к которому (или к источнику которого) восходят названные известия, передавал в этой части великокняжеское летописание. Обе группы известий по сравнению с соответствующими известиями Свода 1493 г. не дают ничего нового.

Известия Свода 1508 г. за 1494 г. о возвращении из Венеции Мануила Ангелова и Даниила Мамырева и «о поимании» в Новгороде немецких купцов¹²⁰ по сравнению с предшествующими им аналогичными известиями Свода 1495 г. и Прилуцкой летописи более подробны и сообщают ряд дополнительных сведений, например о приходе из Венеции вместе с Ангеловым и Мамыревым «мастера степного» Алевиза, о причинах гнева великого князя на ганзейских купцов и посредничестве в русско-ганзейском конфликте Александра Литовского. Эти сведения, дополняющие картину русско-западных связей конца XV в., читаются также в Новгородской IV летописи по Хронографическому списку, оканчивающемуся на событиях осени 1495 (начала 7004) г. К общему с ней источнику восходят, очевидно, рассматриваемые известия Свода 1508 г. Этот источник, представлявший, вероятно, великокняжеское летописание со свойственным ему интересом к внешней политике, широко использовал посольские дела. От предшествующих летописных сводов он отличается стремлением не просто фиксировать факты сношений, но и раскрывать их суть, передавать мотивы поступков политических деятелей (ср. изложение мотивов закрытия немецкого двора в Новгороде Иваном III), а также подвергать сообщаемые факты литературной обработке, в результате чего создавались как бы самостоятельные повествования (например, статья о закрытии немецкого двора и дальнейшем развитии русско-ганзейского конфликта).

Последующие известия Свода 1508 г. о западных сношениях России являются для русского летописания новыми. Это известия о посылке в марте 1499 (7007) г. Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова «до Италийских стран» и о возвращении их «из

¹¹⁸ ПСРЛ, т. V, с. 267; т. VI, с. 32.

¹¹⁹ ПСРЛ, т. VI, с. 35—37 (т. IV, СПб., 1841, с. 157), 38, 39 (т. IV, с. 160—163).

¹²⁰ ПСРЛ, т. VI, с. 39 (т. IV, с. 164—165).

заморья» в 1505 (7011) г. с мастерами.¹²¹ Названные известия не просто фиксируют даты и факты сношений, но и сообщают дополнительные сведения. Интересно известие 1499 г. о посылке Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова «до Итальянских стран»: здесь в летописях вместо названия «Фрязская земля» или же «Рим», применявшихся ранее для обозначения Италии, фигурирует современное название Италии; примечательно и описание пути русских послов: если раньше сообщение между Москвой и Италией осуществлялось обычно через Ливонию, Балтийское море, Германию, то теперь послы ехали через Польшу (Краков), Венгрию, а оттуда в Венецию, что указывается в летописи.

Характер западных известий Свода 1508 г. за 1499—1508 гг., их относительная детальность свидетельствуют о тесной связи летописца с Посольским приказом и о принадлежности свода в рассматриваемой части к великокняжескому летописанию. В этом отношении любопытны примененные летописцем при формулировке целей посылки великим князем Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова в 1499 г. в Италию слова «о своих потребах». Указание на то, что великий князь послал послов «о своих потребах» или «о своих надобных потребах», часто включалось в тексты верительных грамот этого периода.¹²²

Уваровская летопись (Свод 1518 г.)¹²³ до 1484 г. весьма близка к тексту Прилуцкой летописи (в Уваровской летописи отсутствует только дублировка известий за 1468—1477 гг.).¹²⁴ Соответственно текст Уваровской летописи за 1417—1477 гг. восходит к великокняжескому летописанию, а за конец 70-х—80-е годы к Ростовскому владычному своду 80-х годов. Поэтому западные известия Уваровской летописи, совпадая до 1477 г. с известиями Прилуцкой летописи,¹²⁵ передают в то же время известия Московского свода конца XV в. и Симеоновской летописи за одним исключением: вместо Повести о Флорентийской унии, находящейся в Своде конца XV в. и Симеоновской летописи под 1437 г., в Уваровской летописи, как и в Прилуцкой, читается краткий рассказ о приходе Исидора в Москву и отправлении его в Рим, восходящий к соот-

¹²¹ ПСРЛ, т. VI, с. 43, 49.

¹²² *Шмура Е.* Отчет за 1907—1908 г. — В кн.: Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией, т. III, вып. 1. СПб., 1911, с. 23.

¹²³ Под таким названием в XXVIII томе ПСРЛ издана Уваровская летопись, которую А. Н. Насонов и К. Н. Сербина считают сводом, составленным в 1518 г., Я. С. Лурье — Уваровским видом «Летописца от 72-х язык» (*Насонов А. Н.* Материалы и исследования по истории русского летописания, с. 252—255; *Сербина К. Н.* Летописный свод 1518 г. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963; *Насонов А. Н.* История русского летописания..., с. 394—397; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 139—140).

¹²⁴ *Насонов А. Н.* Материалы и исследования по истории русского летописания, с. 252—255; *Сербина К. Н.* Летописный свод 1518 г., с. 594.

¹²⁵ ПСРЛ, т. XXVIII, с. 268, 269, 287, 288, 298, 299, 302—304, 305, 307, 308.

ветствующему рассказу Никаноровской летописи. Последнее из западных известий Уваровской летописи, находящееся в части ее, общей с Прилуцкой летописью, — это известие о приходе в 1480 г. из Рима в Москву Андрея Морейского.¹²⁶

С конца 80-х годов тексты Прилуцкой и Уваровской летописей расходятся, но их западные известия совпадают до 1493 г. включительно (начиная с известия о войне за венгерскую корону под 1490 (6698) г. и кончая известием о возвращении в 1493 (7001) г. из Германии Юрия Траханиота, Михаила Кляпика и Ивана Волка Курицына).¹²⁷ Одновременно они совпадают и с соответствующими известиями Симеоновской летописи, восходя, таким образом, к кругу великокняжеского летописания. С записи о возвращении в 1494 (7002) г. из Венеции Мануила Ангелова и Даниила Мамырева и до сообщения о возвращении из Италии в 1505 (7013) г. Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова западные известия Уваровской летописи¹²⁸ повторяют известия Свода 1508 г. со свойственной им тенденцией к детализации и литературному оформлению.

Последующие известия Уваровской летописи о сношениях Руси с Западной Европой для русского летописания новые. Это известия 1514 (7022) г. о приходе в феврале в Москву Георга Шнитценпаумера «от Максимиана избранного цесаря римского» «о любви, и о братстве и о дружбе», о заключении великим князем «вечного dokonчания» с Максимилианом, отпуске 7 марта Шнитценпаумера и посылке с ним к Максимилиану Дмитрия Ласкарева и Елизара Сукова;¹²⁹ известия 1514—1515 (7023) г. о возвращении 1 декабря 1514 г. в Москву Дмитрия Ласкарева и Елизара Сукова, привезших от Максимилиана dokonчальную грамоту, и о посылке 20 апреля «великим посолством» к императору Алексея Заболотского и Алексея Малого Шекина;¹³⁰ известия 1517 (7025) г. о прибытии 18 апреля имперского посла Сигизмунда Герберштейна, просившего великого князя от имени императора разрешить приехать послам польского короля для переговоров о мире, чтобы «промеж ими кровь христианская не лилася», об ответе великого князя, высказавшего желание заключить мир, «как нам будет пригоже», и о выдаче великим князем «опасных» грамот для проезда польских послов;¹³¹ известия 1517—1518 (7026) г. об отпуске 18 ноября 1517 г. Сигизмунда Герберштейна и посылке с ним к Максимилиану великокняжеского посла Вла-

---

¹²⁶ Там же, с. 314.

¹²⁷ Там же, с. 319—322, 324 (лишь известие о возвращении из Рима в 1490 г. Андрея Морейского и «Ларевых» (Ралевых) с мастерами в Уваровской летописи читается в более краткой редакции, чем в Прилуцкой летописи; ср.: ПСРЛ, т. XXVIII, с. 154 и 319—320).

¹²⁸ Там же, с. 325—326, 332, 337.

¹²⁹ Там же, с. 347.

¹³⁰ Там же, с. 350—351.

¹³¹ Там же, с. 352.

димира Семенова Племянникова и о его возвращении 27 июля 1518 г. вместе с имперскими послами «именем Френчюшко Де-колла да Антонии Откомит» (Франциск де Колла и Антоний де Контти).¹³²

Западные известия Уваровской летописи за ее последние годы в количественном отношении значительно возрастают, особенно увеличивается число известий, приходящихся на один год. Это было связано, в частности, с активизацией дипломатических отношений России с Империей (заключение союзного договора 1514 г., посредничество Империи в 1517—1518 гг. в деле примирения России с Польшей). О тесной связи летописного дела с Посольским приказом свидетельствуют не только точные даты приезда и отъезда, но и включение в летопись формулировок, читающихся в посольских делах. Например, летописец, излагая просьбу императора к великому князю, передающую Герберштейном, заключить мир с Польшей, привел мотивировку имперской дипломатии: чтобы «промеж ими кровь христианская не лилася»; несомненно, что эта мотивировка была заимствована из посольских дел, где она неоднократно встречается. Оттуда же были заимствованы и приведенные летописцем слова великого князя о желании заключить мир с Польшей «как нам будет пригоже».¹³³

Интересно указание летописца на то, что Максимилиан является «избранным цесарем» (императором). Это указание, сообщающее о порядке замещения императорского престола в Германии, впервые встречается в последней части Свода 1518 г., что подтверждает возрастание у составителей летописей внимания к самим странам — контрагентам России, а не только к фактам сношений с ними.

Особенно ярко об этом свидетельствует статья «Европейской страны короли», читающаяся среди дополнительных статей Уваровской летописи. Эта статья представляет собой построенный по определенному принципу (о нем мы скажем дальше) перечень европейских королей.

В русской письменности XVI в. есть два взаимосвязанных перечня (один — европейских королевств, другой — королей), интересных для характеристики представлений русских книжников о Западе.

Первый перечень находится в составе Погодинского списка Хронографа 1512 г. Текст его гласит: «Кравество латынского имени, а вышеший Максимьян, король Римский; да под ним же Галлия броката, еже есть Бургундия, и иная есть Галлия комата, еже есть Фландрия, да под ним же Франция восточная. Другое кравество Галлинское, еже Францыю нарицают, да под ним же Галлия тогота, еже есть Франция западная. Третье кравество Испаниское, в нем же суть многие кравества, сиречь кравество

¹³² Там же, с. 354—355.

¹³³ ПДСДР, т. I, стб. 201, 204, 205.

Кастелиское, Левъогинское, Гранадское, Аррогоньское, Португалийское, Наваржское, Галисии. Четвертое королевство Самобританийское, еже Англия прозванием, ныне обретоно. Пятое королевство Папонское, еже Оугорским зовут. Шестое королевство Люзитинское, еже новым прозванием от Португалии града Пуртогалийским нарицают. Семое королевство Сицилийское, по древнему великая Греция, ныне же Неополское королевство от Неапоуля града прозвано. Осмое королевство Сараматское, еже Польским нарицают, под студеным краем небеси стоит. Девятое королевство Датское, еже между Балтийским и Гермапским и Сараматским окияном стоит, а по древнему второе место под цесарем датский король держал. Десятое королевство Буимское, еже есть Чешское. Первое на десять королевство Альбонское, еже Искоцыею зовут. Сицевым оубо чином в настоящее сие время крали латыньские между себя своя седалища и достоинства хранят». Далее высказывается мысль, что существующее соотношение между «царствами» не является вечным и что «царства», как и все на свете, подлежат переменам: от нищеты к богатству, от слабости к могуществу, и наоборот.¹³⁴

Латинизмы, имеющиеся в тексте статьи — Галлия, королевства Самобританийское, Папонское, Лузитанское, Сарматское, Богемское («Буимское»),¹³⁵ — говорят о том, что ее источником было латиноязычное сочинение. Следующая за собственно перечнем фраза — «сицевым убо чином в настоящее сие время крали латыньские между себя своя седалища и достоинства хранят» — позволяет думать, что целью сочинения являлся показ системы европейских, католических, государств, а также роли и значения возглавлявших их королей. Последнее подтверждается и порядком перечисления государств: начиная с «королевства латинского имени» (очевидно, Священная римская империя германской нации) и кончая Албанией, являвшейся самым слабым из названных государств.

Реалии, содержащиеся в русской статье, дают возможность, как нам кажется, установить приблизительное время возникновения ее латинского оригинала. Нахождение в тексте статьи Албанского «королевства» позволяет, казалось бы, датировать этот источник периодом до конца 70-х годов XV в., так как в 1479 г. Албания была завоевана турками и вошла в состав Османской империи. Но этой датировке противоречит упоминание римского короля Максимилиана, который назван к тому же занимающим

---

¹³⁴ ГПБ, собр. Погодина № 1443, л. 495 об.—497. — С. П. Розанов правильно указывает, что приведенный текст находится в Воскресенском списке Хронографа 1512 г. (ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1914, с. 327, прим. 7). Приносим благодарность Б. М. Клоссу, посоветовавшему искать этот текст в Погодинском списке Хронографа.

¹³⁵ Испорченными до неузнаваемости латинизмами являются, по-видимому, и определения, сопровождающие названия отдельных частей Галлии: «Галлия броката», «Галлия комата», «Галлия тогота».

самое высокое место среди «латинских» королей. Максимилиан был избран римским королем в 1486 г., еще при жизни своего отца, императора Фридриха III; однако до смерти последнего в 1493 г. он не мог считаться «вышшим» государем. В 1493 г. Максимилиан становится фактически императором, хотя коронация его имела место лишь в 1508 г. Следовательно, с 1493 и до 1508 г. Максимилиан, занимая *de facto* высшее место в иерархии «латинских» государей, формально продолжал носить лишь титул римского короля, что соответствует сведениям нашей статьи. Указанные обстоятельства побуждают приурочить возникновение латинского источника статьи к самому концу XV—началу XVI в. Что касается включения в перечень европейских королевств Албании, то оно, возможно, объясняется тем, что в памяти современников еще были живы воспоминания о ее самостоятельности, в частности о героической борьбе албанского народа под руководством Скандербега против турок.

Что представляло собой по объему содержащихся в нем сведений гипотетическое латинское сочинение, было ли оно в этом отношении адекватно русской статье или же последняя является сокращением латинского прототипа, установить нельзя. Дать же ответ на вопрос о времени проникновения в русскую письменность статьи о «латинских» королевствах мы попытаемся.

Перечень «латинских» королевств содержится, как мы указывали, только в Погодинском списке Хронографа 1512 г. Следовательно, он не является органической частью Хронографа 1512 г., а представляет собой вставку, сделанную позже в один из его списков. Погодинский список Хронографа писан почерком XVI в., при этом вторая часть рукописи, в которой находится интересующий нас текст, датируется серединой XVI в.¹³⁶ Значит, в это время статья о королевствах в русской письменности уже имела.

Однако мы полагаем, что статья о «латинских» королевствах проникла в русскую письменность ранее середины XVI в. Основание для такого заключения дает, как мы постараемся показать далее, анализ второго перечня — европейских королей.

Текст статьи о королях следующий: «Европския страны крали. Цесарь — царь римский. А под тем король немецкий, иже наследник Римскому царству. А под тем король французский. А под тем король угорский. А под тем король испанский. А под тем король неглитерский. А под тем король португальский. А под тем король анаполитанский. А под тем король ческий. А под тем король съкотский. А под тем король дацкий, иже и съфедский именуется. А под тем король польский».¹³⁷

¹³⁶ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, с. V.

¹³⁷ Текст статьи воспроизводится по изданию: *Казакова Н. А.* «Европейской страны короли». — В кн.: *Исследования по отечественному источниковедению.* М.—Л., 1964, с. 420; там же в прим. 20 см. об исправлениях текста, сделанных при издании.

Как легко заметить, короли в перечне расположены по нисходящей степени их могущества. Но говоря о принципе, положенном в основу перечня, мы имеем в виду его «генеральное» направление, в которое в отдельных случаях вкрапливались, быть может, индивидуальные представления составителя перечня, не во всем соответствовавшие реальной действительности. Слова «а под тем», связывающие упоминания королей, не означали подчинения одного короля другому (такого подчинения никогда не было); в сочетании с порядковым местом короля они должны были характеризовать роль и значение короля (а следовательно, и возглавлявшегося им королевства) в европейской политической жизни.

Занимаясь ранее изучением статьи «Европейской страны короли», без учета перечня «латинских» королевств в Погодинском списке Хронографа 1512 г., мы высказали предположение, что статья о королях является непосредственной переработкой иностранного источника, который — на основе фонетических особенностей некоторых слов — мы определили как итальянское сочинение.¹³⁸ Однако привлечение к исследованию перечня «латинских» королевств внесло в наши выводы значительные коррективы.

Чтобы соотношение обоих текстов стало ясным, сопоставим имеющийся в первом перечень королевств с находящимся во втором перечнем королей:

1. «Крaлевство лaтинского имени (Свaнценная римская империя германской нации), «а вышешний... король Римской».	«Цесарь» (император); немецкий король, «иже наследник Римскому царству».
2. Франция.	Французский король.
3. Испания.	Венгерский король.
4. Англия.	Испанский король.
5. Венгрия.	Английский («неглитерский») король.
6. Португалия.	Португальский король.
7. Неаполитанское королевство.	Неаполитанский («анаполитанский») король.
8. Польша.	Чешский король.
9. Дания.	Шотландский («сэкотский») король.
10. Чехия.	Датский король.
11. Албания.	Польский король.

Итак, состав королевств и королей в обоих перечнях почти идентичен, частично совпадает и последовательность их перечисления. Одинаков и идейный замысел обоих текстов — показать соотношение между королевствами (королями) и удельный вес каждого в жизни Европы. Близость текстов такова, что их можно рассматривать как две редакции одного и того же памятника.

Несомненно, что более раннюю редакцию составляет перечень королевств из Погодинского списка Хронографа 1512 г., являющийся непосредственной переработкой латинского источника.

¹³⁸ Там же, с. 421.

Статья «Европейской страны короли» представляет собой уже последующий этап переработки русской версии памятника. Основные моменты этой переработки заключаются в следующем: из текста были удалены утяжелявшие его латинизмы; сделаны некоторые пояснения, например, нелегкий для понимания русского читателя титул «римский король» был заменен на «немецкий король» с разъяснением — «ниже наследник Римскому царству»; изъято упоминание Албании (очевидно, как страны, завоеванной турками и выпавшей в силу этого из системы европейских «латинских» королевств) и добавлено упоминание шотландского («сѣкото-ского») короля; термин «королевства» заменен термином «короли»; введено понятие «Европейской страны», т. е. Европы.

В статье «Европейской страны короли» присутствуют итальянизмы: прилагательное «неглитерский» (английский) происходит, по-видимому, от итальянского *Inghilterra* — Англия; «анаполитанский» (неаполитанский) — от итальянского *Napoli* — Неаполь; «сѣкотский» (шотландский) — от итальянского *scòtto-scozzèse* — шотладец. Вполне возможно, что статья о королях была создана итальянцем, состоявшим на московской службе.¹³⁹ Скорее всего, эта статья была составлена для нужд работников Посольского приказа, для которых она играла роль краткой справки о европейских монархах.

Возникновение статьи «Европейской страны короли» мы относим ко времени между 1506 и 1523 г. Ориентирами для такой датировки являются упоминания испанского и датского королей. Статья возникла не ранее 1506 г., когда Фердинанд Арагонский после смерти своей супруги Изабеллы Кастильской стал единоличным правителем Испании (и Арагона, и Кастилии). Она возникла и не позднее 1523 г.: в этом году Густав Ваза разорвал Кальмарскую унию и стал королем Швеции, лишив, таким образом, датского короля шведской короны (в статье же датский король называется и шведским королем).

Эта датировка, первый раз изложенная в нашей более ранней работе,¹⁴⁰ вызвала возражения Е. П. Наумова.¹⁴¹ Он считает, что датировать перечень европейских королей 1506—1523 гг. нельзя, так как в это время 1) Венгерское королевство было «соединено» с Чешским (а в перечне чешский король назван отдельно от венгерского); 2) Неаполь был лишь одним из многих владений испанского короля (а в перечне назван неаполитанский король); 3) в Испании еще не было «единоличного» короля (очевидно, Е. П. Наумов считает, что Н. А. Казакова признает существование такого короля); 4) слова перечня о том, что под «цесарем» нахо-

¹³⁹ Эту мысль высказал Г. Штёкль, касаясь нашей статьи о перечне «Европейской страны короли» (*Stöckl G. Das Bild des Abendlandes...*, S. 41—42).

¹⁴⁰ Казакова Н. А. «Европейской страны короли», с. 420—421.

¹⁴¹ Наумов Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних». — Летописи и хроники за 1973 г. М., 1974, с. 160—163.

дится «король немецкий, иже наследник Римскому царству», нельзя относить к 1506—1523 гг., поскольку в это время вообще не было никакого «римского (синоним «немецкого». — *И. К.*) короля», официального наследника императора.

По поводу возражений Е. П. Наумова заметим следующее. Во-первых, в 1490 г. чешский король Владислав Ягеллон был избран венгерскими сословиями на престол, благодаря чему стал обладателем (как и его сын Людовик) двух королевских корон — чешской и венгерской, но этот акт отнюдь не означал «соединения» Чешского и Венгерского королевств; добавим, что и много позже, например в начале XVII в., когда Чехия и Венгрия уже давно входили в состав владений Габсбургов, титулы короля Чехии и короля Венгрии, равно как и соответствующие престолы, занимаемые обычно членами дома Габсбургов, продолжали сохраняться. Таким образом, раздельное упоминание чешского и венгерского королей в русской статье, которую мы относим к 1506—1523 гг., вполне допустимо и не противоречит статуту обоих королевств того времени. Во-вторых, подчинение Южной Италии испанской власти не привело к упразднению Неаполитанского королевства: в качестве такового (другое его название — Королевство обеих Сицилий) оно продолжало существовать в составе испанских владений и управлялось особыми вице-королями; к тому же в первой четверти XVI в. происходила борьба между Испанией и Францией за Италию и вопрос о статусе итальянских государств еще не был решен. Все это могло дать основание составителю перечня европейских королей включить в него неаполитанского короля (кстати, при составлении русской статьи титул «вице-король», непонятный для русского читателя, мог быть заменен титулом «король»). В-третьих, о Фердинанде Католическом Н. А. Казакова говорит как о единоличном правителе (а не короле) Испании, в чьих руках была сосредоточена фактическая власть над страной, что могло послужить основанием для упоминания в перечне испанского короля. В-четвертых, слова перечня о цесаре (императоре) и немецком короле, его преемнике, отражали исторически сложившееся соотношение между королевской и императорской властью в Германии и не являлись фиксацией временной ситуации, как это думает Е. П. Наумов (см. далее). Итак, анализ возражений Е. П. Наумова против нашей датировки перечня европейских королей показывает, что эти возражения отнюдь не являются бесспорными и опровергающими возможность нашей гипотезы.

В своей статье Е. П. Наумов не ограничивается критическими замечаниями, он предлагает свою датировку рассматриваемого памятника — начало XV в. — и обосновывает ее следующими доводами: 1) сосредоточение реальной власти в Испании в одних руках имело место еще при Фердинанде I Кастильском, который в 1412—1416 гг. соединил под своей эгидой испанское королевство (Кастилию как регент, Арагон как король и, может быть,

также Наварру); 2) создание перечня королей можно отнести к периоду не ранее 1410 г. (смерть арагонского короля Мартина и начало борьбы за престол) или июня 1412 г. (признание Фердинанда королем Арагона) и не позднее 1414 г. (смерть Владислава Неаполитанского, которому наследовала его сестра Иоанна II); 3) хронологический рубеж — не ранее 1412 г. — подтверждается и событиями на севере Европы: в этом году умерла датская королева Маргарита и полномочным королем Дании стал Эрик VIII, ранее соправитель Маргариты; 4) слова перечня о немецком короле как наследнике императора совпадают с реальными перипетиями борьбы Сигизмунда Люксембургского за германскую и римскую (императорскую) короны (Сигизмунд был избран германским королем еще в 1410 г. и снова — 1411 г., однако короновался в Ахене лишь в 1414 г., поскольку его брат Вацлав, занимавший одно время императорский трон и изложенный частью курфюрстов в 1400 г., еще «разыгрывал из себя императора», не отказываясь от этого титула). Чтобы закончить изложение точки зрения Е. П. Наумова, добавим, что, по его мнению, перечень европейских королей, как и списки городов русских, новгородских посадников, золотоордынских ханов и другие, был внесен в число дополнительных статей уже к летописному своду 1409 г. Автор перечня королей, представляющего собой скорее всего лишь запись устного рассказа (здесь Е. П. Наумов согласен с А. И. Соболевским¹⁴²), был итальянского происхождения.

Рассмотрим фактические основания гипотезы Е. П. Наумова. Если сосредоточение власти в Испании в одних руках при Фердинанде I Кастильском может считаться основанием для установления хронологической грани — не ранее 1412 г., то непонятно, почему подтверждением этой грани является переход власти в 1412 г. от умершей датской королевы Маргариты к ее сыну Эрику VIII, ведь этот факт ничего не менял ни в положении датского королевства, ни в статуте его королей. Непонятно и основание для установления другой хронологической грани — не позднее 1414 г., усматриваемое Е. П. Наумовым в переходе неаполитанской короны после смерти короля Владислава к его сестре Иоанне II; этот факт тоже ничего не менял ни в положении Неаполитанского королевства, ни в статуте власти его королей. Перипетии борьбы Сигизмунда Люксембургского за германскую и императорскую короны изложены Е. П. Наумовым не совсем точно: после смерти в 1510 г. императора Рупрехта Вацлав не был коронован императорской короной,¹⁴³ поэтому парисованная Е. П. Наумовым ситуация (Вацлав — император, хотя

---

¹⁴² Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, с. 393.

¹⁴³ Kaufmann A. Die Wahl König Sigmunds von Ungarn zum römischen Könige. Prag, 1879.

и низложенный частью курфюрстов, Сигизмунд — немецкий король, наследник императора), соответствующая, по мнению Е. П. Наумова, тексту перечня королей, не отражала действительной обстановки в Германии начала 10-х годов XV в.

Но основной изъян построений Е. П. Наумова заключается, на наш взгляд, даже не в некоторых неточностях и отсутствии необходимых пояснений к предлагаемой им датировке перечня королей, а в узости ее хронологических рамок, с одной стороны, и отсутствии указания на пути проникновения перечня в Москву — с другой. Поскольку Е. П. Наумов считает статью о европейских королях записью устного рассказа итальянца, постольку он, очевидно, исходит из факта пребывания в Москве между 1412 и 1414 гг. некоего итальянца, обладавшего очень большой осведомленностью о политическом положении современной ему Европы. Но в начале XV в. Москва не поддерживала контактов ни с Италией, ни с какой-либо другой западноевропейской страной, поэтому пребывание в это время в Москве дипломата-итальянца (а только дипломат мог располагать широкой информацией о системе европейских государств) исключено. В. Е. Сыроечковский допускает с большой долей вероятности спорадический проезд в Москву в XIV в. итальянских купцов из Сурожа (Судака). С конца же XIV в., как он отмечает, после разгрома Золотой Орды Тимуром, в течение почти целого столетия нет указаний ни на московско-золотоордынскую, ни на московско-крымскую торговлю,¹⁴⁴ ни тем более на посещение Москвы купцами из итальянских колоний в Крыму. Но если даже считать, что таковые посещения в начале XV в. все-таки имели место, то вряд ли можно предполагать, что купец-итальянец, приехавший из Крыма, отрезанного от европейских стран татарскими и турецкими владениями, располагал (особенно, если учесть пути сообщения и темпы распространения информации в то время) сведениями, отражавшими политическое положение в Европе за очень короткий хронологический отрезок, между 1412 и 1414 гг. Нам кажется, что международное положение Москвы и система ее внешних сношений в начале XV в. исключали возможность проникновения в тот период перечня европейских королей в русскую письменность.

Против гипотезы Е. П. Наумова говорит и употребление в перечне названия «Европейская страна», т. е. Европа.¹⁴⁵ По на-

¹⁴⁴ Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.—Л., 1935, с. 17, 39.

¹⁴⁵ Термин «Европейская страна», читающийся в перечне, — второе в русской письменности употребление понятия «Европа». Первое содержится в «Повести о взятии Царьграда» Нестора Искандера, возникновение которой исследователи относят ко второй половине XV в. (Скрипиль М. О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — ТОДРЛ, т. X, 1954). В «Повести» название «Европа» имеет лишь географическое значение: император Константин для выбора места для своей столицы

блюдениям Г. Голвитцигера, название Европа утверждается в период между понтификатом Пия II и царствованием Карла V.¹⁴⁶ Но если это так, то каким образом оно могло попасть в русскую письменность начала XV в.? И еще одно наблюдение, также свидетельствующее не в пользу гипотезы Е. П. Наумова. Он считает, как мы уже указывали, что перечень европейских королей был включен в число дополнительных статей летописного свода 1409 г. вместе со списками русских городов и другими добавлениями. Но если это действительно имело место, то почему перечень европейских королей встречается впервые лишь в Уваровской летописи (Свод 1518 г.), в то время как списки русских городов и некоторые другие читаются уже в летописных памятниках XV в.?

Встающие в связи с гипотезой Е. П. Наумова вопросы не возникают, если придерживаться предложенной нами датировки перечня европейских королей (1506—1523 гг.). Русское государство начала XVI в. являлось активным участником политической жизни Европы и поддерживало оживленные дипломатические сношения с рядом европейских государств, в том числе с Империей и Италией. Особенно разносторонними были связи с итальянскими государствами: между ними и Москвой происходил обмен посольствами, из Италии в Москву приглашались зодчие, врачи, рудознатцы, на московской дипломатической службе состояли лица итальянского происхождения. Все это, с одной стороны, вызывало потребность у определенных кругов московского общества (правительственные круги, книжники) в произведении, содержащих сведения о Западе, с другой — создавало необходимые условия для удовлетворения этой потребности, в частности проникновения в русскую письменность исследуемых нами памятников.

Если статья «Европейской страны короли», являющаяся второй редакцией русской версии латинского сочинения о системе европейских католических государств, возникла в 1506—1523 гг., то статья о «латинских» королевствах Погодинского списка Хронографа 1512 г., представляющая собой первую редакцию этой версии, была создана, конечно, раньше, очевидно на самом рубеже XV—XVI вв., т. е. очень скоро после возникновения ее латинского источника (напомним, что возникновение этого источника предположительно относится к самому концу XV—началу XVI в.).

Судьбы двух редакций русской версии сочинения о европейских королевствах (королях) сложились в русской письменности

направил послов в «Асию и Ливию и в Европию» (*Леонид, арх.* Повесть о Царьграде Нестора Искандера. — Памятники древней письменности. вып. 62, 1886, с. 2), в нашем же памятнике содержание понятия «Европа» стало более емким: «Европейская страна» — это также политическая система государств.

¹⁴⁶ Gollwitziger H. Zur Wortgeschichte und Sinndeutung von Europa. — Saeculum, 2 (1951), S. 161—172.

по-разному. Статья о королевствах не получила широкого распространения и дошла до нас лишь в одном списке. Статья же о королях вызвала живой интерес у русских книжников и неоднократно переписывалась. Помимо Уваровской летописи, она встречается среди дополнительных статей Воскресенской, Никоновской летописей, «Летописца вкратце Русской земли», Владимирского летописца, а также в некоторых сборниках.¹⁴⁷

Включение статьи «Европейской страны короли» в состав летописей — показатель качественно нового подхода летописцев к передаче сведений о Западе: от фиксации фактов дипломатических сношений России они перешли к отображению политической системы европейских государств.

Следующий после Уваровской летописи летописный свод — Свод 1520 г. представлен Иоасафовской летописью. Иоасафовская летопись, содержащая текст с 1437 до 1520 г., была составлена, по мнению А. Н. Пасонова, в 30-е или в самом начале 40-х годов XVI в.¹⁴⁸ С начала и до 1478 г. в ее основу положен Московский свод 1479 г., с 1479 и до 1491 г. — Сокращенный свод 1493 г., с 1496 по 1518 г. — Софийская II летопись или близкий к ней текст, под 1519—1520 гг. помещены приписки.¹⁴⁹ Соответственно западные известия Иоасафовской летописи, начиная с помещенной под 1437 г. повести о Флорентийской унии и кончая известием о возвращении в 1475 г. из Венеции Семена Толбузина,¹⁵⁰ повторяют соответствующие известия Свода конца XV в. и Симеоновской летописи (см. с. 93—100). Западные известия за 80-е—начало 90-х годов¹⁵¹ соответствуют известиям Сокращенного свода 1493 г. (см. с. 101—102). Западные известия с 1496 по 1518 г.¹⁵² близки к известиям Софийской II летописи, но поскольку протограф Софийской II летописи был использован, как думает А. Н. Пасонов, при составлении Уваровской летописи и поскольку западные известия последней совпадают за 1496—1508 гг. с известиями Свода 1508 г., постольку мы можем говорить о том, что западные известия Иоасафовской летописи за 1496—1518 гг. аналогичны известиям других летописных сводов начала XVI в.¹⁵³

¹⁴⁷ См.: Казакова П. А. «Европейские короли», с. 418—419.

¹⁴⁸ Пасонов А. Н. История русского летописания..., с. 397.

¹⁴⁹ Там же, с. 397—402.

¹⁵⁰ Иоасафовская летопись. М., 1957, с. 17—29, 57, 73—75, 79, 82—84, 87—89.

¹⁵¹ Там же, с. 119, 127, 128.

¹⁵² Там же, с. 146, 161, 162, 166—169, 171—172, 174.

¹⁵³ См. выше об известиях Свода 1508 г. и Уваровской летописи. —

В двух случаях западные известия Иоасафовской летописи отступают от известий Уваровской и Софийской II летописей. По сравнению с ними в Иоасафовской летописи 1) под 1514/15 (7023) г. к известию о возвращении от императора великокняжеских послов Д. Ласкарева и Е. Сукова добавлено сообщение о приходе с ними имперских послов «Якова доктора да Мавреца» (Якова Ослера и Морница Бургиталлера), а к известию

Источником Воскресенской летописи, доводящей изложение до 1541 г., являются, по мнению В. В. Лаптева, для XV—XVI вв. Московский свод 1479 г. (до года его составления), Свод 1508 г. для времени с 1480 по 1508 г., Свод 1518 г. с добавлениями, официальная Московская летопись и материалы государева архива для периода с 1521 г.¹⁵⁴ В соответствии с источниками западные известия Воскресенской летописи с 1437 по 1479 г.¹⁵⁵ повторяют известия Московского свода конца XV в. с одним лишь отступлением: в Воскресенской летописи текст летописной Повести о Флорентийском соборе, начало которой помещено под 1437 г., разорван вставкой других известий за 1438—1440 гг. (о Белевском бое, о приходе «Махмета царя» к Москве, о рождении у великого князя сына Ивана Васильевича), и лишь за этими известиями под 1440 г. следует окончание повести; западные известия за 1480—1508 гг.¹⁵⁶ совпадают с известиями свода 1508 г. (в Воскресенской летописи отсутствует только известие 1488 г. о посылке М. и Д. Ралевых в Милан и Венецию); западные известия за 1509—1518 гг.¹⁵⁷ соответствуют известиям Уваровской летописи за исключением двух случаев, когда они совпадают с текстом Иоасафовской и Никоновской летописей (см. прим. 153). Из Уваровской летописи или из ее протографа в Воскресенскую летопись попала и статья «Европейской страны короли», читающаяся в числе дополнительных статей Воскресенской летописи.

После 1518 г. в Воскресенской летописи следуют новые известия о Западе: под 1519 (7027) г. о смерти императора Максимилиана (см. рис. 5); под 1526 (7034) г. о возвращении от императора великокняжеских послов И. Засекина и С. Трофимова, с которыми прибыли посол императора «Леонард Откомит» (Ногарола Леонард) и посол брата императора Сигизмунд Герберштейн; от июля того же года — о возвращении из посольства в Рим Дмитрия Герасимова и прибытии совместно с ним посла папы Климента епископа Франциска Скаренского; под 1527 (7035) г. о посылке к императору и его брату Фердинанду послов великого князя Ивана Осипина и Андрея Волосатого и к па-

---

о посылке к императору А. Заболотского и Алексея Малого — сообщение об отпуске «Якова доктора и Мавреца»; 2) под 1518 (7026) г. к известию о прибытии имперских послов «Фряпчюшко да Колло да Онтония от Комита» добавлено: «и князь великий их, почтив, отпустил». Аналогичные чтения имеют место в Воскресенской и Никоновской летописях.

¹⁵⁴ *Лаптев В. В.* Воскресенская летопись. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 102, 1955, с. 218, 222, 227. — О своде 1518 г. В. В. Лаптев писал, основываясь на общности известий Воскресенской, Никоновской, Софийской II и Львовской летописей за 1509—1518 гг. (там же, с. 223).

¹⁵⁵ ПСРЛ, т. VIII, с. 100—106, 108—109, 154, 155, 168—170, 173, 175—177, 179—181.

¹⁵⁶ Там же, с. 205, 218, 219, 222—224, 226—229, 236, 244.

¹⁵⁷ Там же, с. 253—254, 258—261, 263, 265.

пе — Еремея Трусова и Шарапа Лодыгина.¹⁵⁸ В количественном отношении известия о сношениях России с Западом в последней части Воскресенской летописи (за 20—30-е годы) сокращаются, но это объясняется, вероятно, не меньшим вниманием к ним летописца, а снижением интенсивности самих сношений.

Никоновская летопись — самый грандиозный из дошедших до наших дней летописных сводов. Ее текст доходит до 1558 г. Основным источником Никоновской летописи в части с 1437 г., точнее, с 1454 г., и до 1520 г. была Иоасафовская летопись или близкий к ней свод, для отрезка же с 1437 и до 1453 г. составитель Никоновской летописи использовал Хронограф западно-русской редакции, возникший в начале 50-х годов XVI в.¹⁵⁹

Известия о Флорентийской унии Никоновской летописи имеют некоторые отличия от соответствующих известий других летописей. Летописная повесть о Флорентийской унии, помещенная под 1437 (6945)—1442 (6950) гг., в нескольких местах разорвана вставками о различных событиях тех лет и носит следы переработки (отметим, что только в Никоновской летописи читается известие о высокой образованности митрополита Исидора). Окончание Повести соединено с известием 1442 (6951) г. о бегстве Исидора из Чудова монастыря в Италию к папе Евгению IV.¹⁶⁰ Западные известия Никоновской летописи за вторую половину XV—начало XVI в. (по 1518 г. включительно)¹⁶¹ повторяют известия Иоасафовской летописи¹⁶² с той лишь разницей, что в Иоасафовской летописи имеются чистые незаполненные листы, а в Никоновской летописи текст полный (известия Никоновской летописи, отсутствующие в Иоасафовской из-за незаполненности ее листов, совпадают с известиями Воскресенской), известия за 20-е годы¹⁶³ соответствуют известиям Воскресенской летописи, так как свод 1533 г., представляющий первую редакцию Воскресенской летописи, позже был использован при составлении Никоновской летописи. Очевидно, из Воскресенской летописи в число дополнительных статей некоторых списков Никоновской летописи попала статья «Европейской страны короли».

Софийская II летопись сохранилась в двух списках: Архивском, доводящем изложение до 1518 г., и Воскресенском, доходящем до 1534 г. По своим источникам за интересующий нас

¹⁵⁸ Там же, с. 265, 271, 272.

¹⁵⁹ Иоасафовская летопись. Предисловие, с. 9—10; *Насонов А. Н.* История русского летописания. . ., с. 407—408.

¹⁶⁰ ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, с. 23—43.

¹⁶¹ Там же, с. 120, 142, 143, 147, 148, 150—152, 154—157, 200, 219, 220—223, 231—233, 236—239, 249, 258; т. XIII, первая половина. СПб., 1904, с. 16, 17, 24—26, 28, 30.

¹⁶² С Иоасафовской летописью совпадают западные известия списка Оболенского Никоновской летописи. Известия Шумиловского списка под 1490 (6998) г. о возвращении из Италии братьев Ралевых с мастерами более подробны.

¹⁶³ ПСРЛ, т. XIII, с. 45.

период — с 30-х годов XV в. и до 30-х годов XVI в. — она распадается на три части: первая часть восходит к неофициальному Московскому своду 80-х годов (см. прим. 65), вторая — к Своду 1518 г., третья (в Воскресенском списке) представляет собой оригинальный текст.

Западные известия Софийской II летописи наибольшим своеобразием отличаются в первой части. Под 1437 г. читается особая редакция Повести о Флорентийском соборе с включением послания великого князя Василия II византийскому императору и послания папы Пия II польскому королю по поводу Исидора, соединенная с рассказом об установлении независимости русской церкви — избрании Ионы митрополитом; под 1440 г. находится известие о бегстве Исидора из Москвы в Рим.¹⁶⁴ Далее вместо цикла известий за конец 60-х — начало 70-х годов, касающихся брака Ивана III и сношений с Венецией, в Софийской II летописи под 1472 (6980) г. читается рассказ, в котором слиты воедино сведения о посылке Ивана Фрязина в Рим для сватовства Софьи, ее приезде и бракосочетании с великим князем, а также сообщение о деле Ивана Тревизана (не названного по имени).¹⁶⁵ В результате такого слияния получилась своеобразная редакция, включающая новые интересные детали, например указание на то, что Иван Фрязин привез из Рима изображение Софьи («царевну на икону написану принесе»). Редакция производит впечатление вторичной.

Вторичный характер имеет и рассказ о посольстве Семена Толбузина в Венецию в 1475 г. Вместо обычного краткого фактического известия о нем в Софийской II летописи читается целое повествование. Автор сообщает, что Семену Толбузину с трудом удалось заполучить знаменитого мастера Аристотеля, так как венецианцы его высоко ценили: его работами были храм св. Марка и венецианские ворота. Достижению договоренности об отъезде мастера препятствовало также то обстоятельство, что венецианский «князь», посылавший в свое время Ивана Тревизана на Русь, умер. Сообщив об этом, автор рассказывает, как выбирают в Венеции нового «князя»: называют пять или шесть, или десять кандидатов «не княжа роду, ни царьска», но «умных и храбрых людей», затем бросают зерна в сосуд и дают вынуть «малому дитяти»; чье зерно дважды будет вынуто, тот считается избранным. Красочно автор описывает саму Венецию — приливы, которые набегают на город, большой труд, вложенный в его создание: «А град той трижды море поймает на день, коли взыграется; а место деп то коли, сказывают у них старожилци и книжники, исперва не велико бывало, да много деп в море каменем приделали хитроки, где Венеция град стоит». Заканчивает свое повествование автор сообщением о приезде Аристотеля на

¹⁶⁴ ПСРЛ, т. VI, с. 151—167, 169—170.

¹⁶⁵ Там же, с. 196—197.

Русь и его работе по строительству церкви.¹⁶⁶ В повествовании о миссии Толбузина в Венецию многое не соответствует действительности (например, приписывание Аристотелю Фьораванти строительства собора св. Марка), но наряду с этим имеется ряд правильных сведений: тонко подмечено своеобразие города, построенного на островах, названа главная архитектурная достопримечательность Венеции — собор св. Марка, интересно указание на выборность дожа (отметим, что во время выборов дожа при голосовании действительно употребляли «зерна» — белые и черные бобы). Все эти сведения, вплетенные в канву увлекательного рассказа, знакомили русского читателя с далеким и необычным итальянским городом. Составлен рассказ был, очевидно, на основе первичных летописных записей о посольстве Толбузина, с добавлением устной традиции, идущей от русских дипломатов, посещавших Венецию.

Известие под 1480 (6988) г. о приходе из Рима в Москву Андрея Морейского, которым закапчиваются западные известия рассмотренной нами части Софийской II летописи, трафаретно: в Софийской II летописи оно читается в той же редакции,¹⁶⁷ что и в других летописях.

О том, что Софийская II летопись до 80-х годов XV в. включительно восходила к неофициальному и оппозиционному великокняжеской власти летописному своду, ярко свидетельствует известие под 1480 (6988) г. о реакции великого князя Ивана Васильевича на поход против Руси золотоордынского хана Ахмета, достигшего Угры: «И ужас наиде на нь и восхоте бежати от брегу, а свою великую княгиню Римлянку и казну с нею посла на Белоозеро».¹⁶⁸ В этом известии примечательны два момента: отрицательная характеристика поведения Ивана III (его охватил ужас, и он хотел бежать от Угры) и наименование великой княгини Софьи Римлянкой, т. е. католичкой, — наименование, одиозное для русского человека того времени.

С начала 90-х годов XV в. и по 1518 г. западные известия Софийской II летописи¹⁶⁹ совпадают с известиями Уваровской летописи (см. с. 107—108), ибо Софийская II летопись пред-

¹⁶⁶ Там же, с. 199, 200.

¹⁶⁷ Там же, с. 223.

¹⁶⁸ ПСРЛ, т. VI, с. 224. — В Софийской II летописи Софья названа Римлянкой еще раз — под 1484 г. в рассказе о том, как великий князь Иван Васильевич, желая одарить свою сноху Елену Волошанку, просил «у второй своей великой княгини Римлянки» «сажение» своей первой жены, но получил отказ (ПСРЛ, т. VI, с. 235). Этот рассказ заимствован из Ростовского владычного свода 80-х годов, отразившегося в Типографской летописи (ПСРЛ, т. XXIV. Изг., 1921, с. 202—203). Оба известия (и 1480, и 1484 гг.) с наименованием Софьи Римлянкой читаются в Львовской летописи (ПСРЛ, т. XX, ч. I, с. 339, 350), восходящей, как мы будем говорить дальше, как и Софийская II, к Неофициальному своду 80-х годов XV в.

¹⁶⁹ ПСРЛ, т. VI, с. 239—241, 243, 244, 253, 254, 257—260, 262.

ставляет собой тот самый Свод 1518 г., который в названной части запечатлен и в Уваровской летописи (не случайно один из списков Софийской II летописи — Архивский — заканчивается 1518 г.).

С 1519 и до 1534 г. в Софийской II летописи (Воскресенский Новоиерусалимский список) следует, как мы указывали, оригинальный текст, который не содержит никаких известий о сношениях России с западноевропейскими странами.

Львовская летопись, заканчивающаяся 1560 г., имеет до 1518 г. те же источники, что и Софийская II летопись: до 1489 г. — Неофициальный московский свод 80-х годов, с 1489 и до 1518 г. — Свод 1518 г., поэтому западные известия Львовской летописи за XV и начало XVI в. (до 1518 г.)¹⁷⁰ совпадают с известиями Софийской II летописи. С 1519 и до 1533 г. текст Львовской летописи близок к тексту Воскресенской летописи,¹⁷¹ и западные известия Львовской летописи за этот отрезок¹⁷² соответствуют известиям Воскресенской летописи.

Типографская летопись, Синодальный список которой доходит до 1534 (7042) г.,¹⁷³ и по ряду своих известий (например, указание на составление судебника с упоминанием Владимира Гусева), и по источникам занимает особое место среди летописей XVI в. До 80-х годов XV в. она содержит текст Ростовского владычного свода, составленного в эти годы, после 1484 (отсюда годы идут снова с 1482 г.) и до 1497 г. источником Типографской летописи был, согласно гипотезе А. Н. Насонова, Свод 1497 г. (Прилуцкая летопись),¹⁷⁴ с 1496 г. — общерусский свод, составленный в Троицком монастыре (текст Типографской летописи близок к Троицкому летописцу № 365).¹⁷⁵

Своеобразием источников Типографской летописи определяется своеобразие комплекса ее западных известий. До 80-х годов Типографской летописи свойственно почти полное отсутствие интереса к Западу. Типографская летопись — единственная из крупных русских летописей, в которой нет никакого упоминания о Ферраро-Флорентийском соборе и поездке на нее русской церковной делегации. До начала 80-х годов она включает всего

---

¹⁷⁰ ПСРЛ, т. XX, ч. 1, с. 241—254, 256, 299—302, 318, 354—357, 359—363, 368, 369, 375, 386, 390—391, 396—397. — Последнее западное известие рассматриваемой части Львовской летописи под 1518 г. о прибытии имперских послов Франциска де Колла и Антония де Конти и о том, что великий князь «их почтив отпустил» (ПСРЛ, т. XX, ч. 1, с. 396—397), текстуально близко соответствующему известию Воскресенской и Никоновской летописей (см. прим. 153).

¹⁷¹ Насонов А. Н. История русского летописания. . . , с. 451.

¹⁷² ПСРЛ, т. XX, ч. 1, с. 404.

¹⁷³ ПСРЛ, т. XXIV.

¹⁷⁴ Я. С. Лурье предполагает обратную зависимость: источником Прилуцкой летописи за названные годы был Синодальный список Типографской летописи (см. прим. 116).

¹⁷⁵ Насонов А. Н. История русского летописания. . . , с. 376—388.

четыре западных известия: под 1472 (6981) г. о приходе Софьи и бракосочетании ее с великим князем; под 1474 (6982) г. о посылке в Венецию «по мастера на церковь»; под 1475 (6983) г. о приходе из Венеции мастера Аристотеля; под 1480 (6988) г. о приходе в Москву Андрея Морейского.¹⁷⁶ Если редакция последнего известия во всех летописях одинакова, то первые три в редакции, аналогичной Типографской летописи, встречаются еще в Прилуцкой летописи в той ее части, где идут повторяющиеся за 1468—1477 гг. известия. Совпадение естественно, так как источником Типографской летописи до 1484 г., как и Прилуцкой летописи за названные годы, был, как мы уже отмечали, Ростовский владычный свод 80-х годов.

После 1484 и по 1494 г. в Типографской летописи следуют многочисленные известия о сношениях России с Италией и Империей,¹⁷⁷ совпадающие с известиями Прилуцкой летописи. Совпадение объясняется тем, что обе летописи отражают за названные годы великокняжеское летописание (см. с. 103—104).

После 1495 г. известия о Западе из текста Типографской летописи исчезают. Очевидно, это результат использования ее составителем летописи, созданной в монастыре (Троицком), в которой не нашли отражения западные связи России.

А. Н. Насонов в развитии русского летописания XVI в., как и в XV в., усматривает два направления: великокняжеское (Свод 1508 г., летописи Воскресенская, Никоновская) и митрополичье (Свод 1518 г. — Уваровская летопись, Иоасафовская и Типографская летописи). Между тем анализ западных известий летописей XVI в. показывает своеобразие их, позволяющее говорить о неофициальном (ведшемся в церковных кругах) летописании лишь для тех частей летописей XVI в., которые имели своими источниками неофициальные своды XV в. (Независимый свод 1472 г., Ростовский владычный свод 80-х годов и Неофициальный московский свод 80-х годов). Это относится к соответствующим частям летописей Софийской I по списку Царского, Софийской II, Львовской, Типографской. Для конца же XV и начала XVI в. корпус и характер западных известий во всех летописях одинаков: они связаны с посольскими делами и несут отпечаток великокняжеского летописания.¹⁷⁸ Наши наблюдения совпадают с мнением Я. С. Лурье о том, что неофициальное летописание в конце 80-х годов XV в. исчезает и далее наличествует единый поток великокняжеского летописания, представленный различными редакциями (это не исключает возможности составления отдельных летописей в митрополичьих кругах, но они не противостоят великокняжескому летописанию, как это

¹⁷⁶ ПСРЛ, т. XXIV, с. 193, 194, 199.

¹⁷⁷ Там же, с. 206—209, 211—213.

¹⁷⁸ Исключение составляет, как мы отмечали, последняя часть Типографской летописи, восходящая к монастырской летописи.

было в XV в., а имеют ту же самую идеологическую направленность).¹⁷⁹

Тип западных известий русских летописей XV—XVI вв., связанных с великокняжеским летописанием, на протяжении всего рассматриваемого периода остается почти неизменным. Это в первую очередь фиксация самих фактов сношений, реестр прибытия и отъезда послов, как иностранных, так и русских. Но и в жестких рамках принятого типа известий летописцы сообщали некоторые сведения о самих западноевропейских странах — контрагентах России: имена их правителей, церковнополитических деятелей, отдельные данные о политической жизни Западной Европы. В летописях XVI в. эти данные по сравнению с летописями XV в. возрастают (яркий пример — появление статьи «Европейской страны короли»).

Казалось бы, известия о Западной Европе должны были находиться в первом русском труде по всемирной истории, созданном в начале XVI в., — Хронографе 1512 г. Но в силу того что составитель Хронографа понимал всемирную историю как историю православного мира, его труд охватывает после изложения истории древнего мира лишь историю Византии, Руси и южных славян и совершенно не касается католических стран Европы. Единственное известие о Западе — это очень краткий рассказ о соборе в Риме (под Римом, очевидно, понимается Италия), на который, по словам составителя Хронографа, греки во главе с царем «Калуяном» (император Иоанн VIII) и патриархом направились для того, чтобы обратить латинян в православную веру и вместе с ними стоять против турок. Но на соборе выяснилось, что латиняне хотят такого объединения, при котором во главе находилась бы римская церковь. Многие из православных, несогласных с этим требованием, покинули собор, другие же «прелестишася и веру соединиша и быша единомыслени латином».¹⁸⁰ Рассказ Хронографа 1512 г. о Флорентийском соборе, почти полностью лишенный фактического содержания и передающий лишь побудительные мотивы греков и католиков («латинян»), при этом с тенденциозным желанием показать первых в наилучшем, с православной точки зрения, свете (греки направились на собор с тем, чтобы обратить латинян в православие), уступает как источник сведений о соборе не только летописной Повести о Флорентийском соборе, но и известиям тех летописей, в которые Повесть не была внесена.

Для исследователей западные известия русских летописей представляют особую ценность, ибо из посольских книг сношений России с Западной Европой за XV—начало XVI в. сохранились (да и то с огромной лакуной после 1518 г.) лишь книги

¹⁷⁹ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., заключение, с. 241—260.

¹⁸⁰ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 429—430.

сношений с Империей. Посольские книги сношений с Италией до наших дней не дошли. Летописи являются поэтому единственным русским источником, сообщаемым систематические (правда, лишь в избранном аспекте) сведения о западноевропейских странах и освещающим пути проникновения этих сведений в русскую письменность XV—XVI в.

* * *

Информация о Западной Европе попадала в посольские дела большей частью, как мы отмечали, при посредстве дипломатов, русских и иностранных. Но сведения, приносимые иностранными дипломатами, фиксировались не только в посольских книгах. Порой они проникали на листы четких (предназначавшихся для чтения) сборников в форме записей устных рассказов о западных странах. Именно такой путь распространения информации о Западе ярко иллюстрирует текст «Речей посла цесарева», сохранившийся в составе сборника Музейного собрания № 3271.

А. Д. Седельников, изучивший сборник, датирует его концом 1490 или 1491 г., средой, где он возник, считает окружение новгородского архиепископа Геннадия.¹⁸¹ На л. 4 об.—5 сборника находится текст, начинающийся словами: «Сказывал посол цесарев Юрью про шпанского короля...».¹⁸² Текст содержит рассказ об испанской инквизиции. А. Д. Седельников обратил внимание также на то, что в Послании архиепископа Геннадия митрополиту Зосиме от октября 1490 г., в котором архиепископ восхваляет испанскую инквизицию, он, в частности, пишет: «Сказывал ми посол цесарев про шпанского короля, как он свою очистил землю, и аз с тех речей и список к тебе послал».¹⁸³ Сопоставив это место из Послания Геннадия с текстом рассматриваемой статьи Музейного сборника, А. Д. Седельников пришел к выводу, что статья представляет собой копию записи рассказа «цесарева посла», о которой Геннадий писал Зосиме.¹⁸⁴ Исследователь указал также, что названный в списке «цесарев посол» Юрий — это имперский посол Георгий Делатор, проезжавший через Новгород в Москву летом и на обратном пути осенью 1490 г. В порядке уточнения отметим, что имперского посла именуют Юрием Делатором русские летописи и книги посольских сношений с Империей. Настоящее имя его — Георг фон Турн.

При дворе новгородского архиепископа заинтересовались инквизицией, потому что вопрос об искоренении ересей остро

¹⁸¹ Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции. — Труды Комиссии по древнерусской литературе, I. Л., 1932.

¹⁸² Там же, с. 49.

¹⁸³ Там же, с. 33.

¹⁸⁴ Подлинник «записи» был отправлен митрополиту Зосиме.

стоял для новгородского владыки: Новгород в это время был охвачен еретическим движением,¹⁸⁵ и в испанской инквизиции Геннадий увидел пример, достойный подражания.

Георг фон Турн рассказал, что испанскому королю принадлежат шесть земель: Испанская («Шпанская»), Каталония («Каталонна»), Страна басков («Биско»), Кастилия («Кастелиа»), Сардиния («Сердения»), Корсика («Корсига»). В тех землях распространились «жидовские ереси». Для искоренения их папа прислал по просьбе испанского короля двух епископов, а двух епископов и двух вельмож («бояр больших») назначил со своей стороны король. Они стали «обыскивать» ересь среди духовных лиц и мирян и многих «мучили... разными муками, да и пережгли всех». Всего было сожжено четыре тысячи человек, а имущество их было конфисковано «на короля», конфискации было подвергнуто и имущество бежавших из страны еретиков. С тех пор, как это произошло, идет четвертый год, и «обыск» еретиков продолжается. Заканчивается рассказ указанием на то, что по всей земле латинской веры распространилась слава об испанском короле, «что на лихих крепко стоит».¹⁸⁶

«Речи цесарева посла» содержат яркий рассказ об учреждении в Испании инквизиции в ее действиях. Одновременно они дают сведения и о землях, входивших в состав Испании. Это первое в русской письменности известие об Испании.

Рассказ Георга фон Турна сохранился, потому что новгородский архиепископ приказал его записать. Но несомненно, что сведениями о Западе делился со своими русскими собеседниками не один Георг фон Турн, и в устной передаче в московском обществе конца XV—начала XVI в. циркулировали различные известия о европейских странах, сообщаемые приезжавшими в Москву иностранцами. Очевидно, что некоторые из этих известий, подобно рассказу Георга фон Турна, записывались, но записи до нас не дошли.

Распространению сведений о Западе способствовала в немалой мере деятельность Максима Грека, иностранца по происхождению, обретшего в России свою вторую родину. Уроженец города Арта, член знатного греческого рода Триволисов, Максим Грек детство и юность провел в Греции; в последующее время ряд лет пробыл в Италии, где сначала вращался в кругу гуманистов, а затем, увлекшись учением Савонаролы, вступил в доминикан-

---

¹⁸⁵ Лурье Я. С. Новгородско-московская ересь конца XV—начала XVI в. — В кн.: Казакова Н. А. и Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси в конце XIV—начале XVI в. М.—Л., 1955; Клибанов А. И. Реформационные движения в России XIV—XVI вв. М., 1960, ч. II, гл. III.

¹⁸⁶ Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции, с. 49—50; Алексеев М. П. 1) Этюды из истории испано-русских литературных отношений. — В кн.: Культура Испании. 1940, с. 353—354; 2) Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Л., 1964, с. 5—7.

ский монастырь св. Марка; по возвращении на родину постригся в монахи в одном из православных афонских монастырей, откуда по приглашению московского правительства прибыл в Москву в 1518 г. для перевода богослужебных книг с греческого на русский язык. В Москве Максим Грек занял видное место в культурной жизни русского общества, пользовался милостью великого князя, но в 1525 г. за свои смелые выступления против вотчинных прав монастырей и эксплуатации ими крестьян был осужден соборным судом и отправлен сначала в заточение, потом в ссылку, из которой был возвращен лишь за несколько лет до смерти. Прожив большую часть жизни в России, Максим Грек оставил после себя огромное литературное наследие на русском языке, и он по праву считается одним из крупнейших русских писателей XVI в.

Мировоззрение Максима Грека представляет собой очень сложный сплав. Будучи в основе ортодоксально православным, оно вместе с тем носило отпечаток высокой образованности писателя и включало reminiscencies его извилистого жизненного пути. Особенности мировоззрения Максима Грека нашли отражение в его творчестве. В литературном наследии Максима Грека, в частности, встречаются известия об идеологической и культурной жизни Западной Европы.

Кратковременное увлечение католицизмом, имевшее место в итальянский период жизни Максима Грека под влиянием учения Савонаролы, проявилось у писателя в освещении им деятельности католических монашеских орденов. В «Послании о францисканцах и доминиканцах», написанном Максимом Греком, вероятно, вскоре после приезда в Россию, он с похвалой пишет об образе жизни монахов нищенствующих орденов, отказавшихся от всякого стяжания и целиком посвятивших себя проповеди «богодухновенных писаний».¹⁸⁷ В другом произведении — «Повесть стропца и достопамятна и о совершенном иноческом жителстве», написанном также в первые годы пребывания в России, Максим Грек освещает историю возникновения ордена картезианцев, его устав, организацию картезианских монастырей и их быт. С сочувствием автор пишет о строгих нравах картезианцев, отсутствии у них имений (картезианцы пропитание себе добывают путем ежедневного сбора милостыни в городе), соблюдении равенства между братьями, выборах игуменов на соборах, а не посредством «сребра и злата» (подкупов). Все эти достоинства картезианских монахов являются, с точки зрения Максима Грека, результатом исполнения ими своих обетов и евангельских заповедей. Чистоту и строгость жизни картезианцев (ко-

---

¹⁸⁷ Ржига В. Ф. Неизданные сочинения Максима Грека. — Byzantinoslavica, t. VI, Praha, 1935—1936, p. 99—101; Казакова П. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. с. 159.

торых Максим Грек наделяет чертами нищенствующих орденов) он противопоставляет нравственному упадку православного монашества.¹⁸⁸ В том, как Максим Грек рисовал католические ордена, сказалась идеализация им нищенствующих орденов, официальное кредо которых составляли заповеди нестяжания и нищелюбия.

В связи с историей возникновения ордена картезианцев¹⁸⁹ Максим Грек сообщает сведения о Париже, где, по его словам, подвизался «некий муж мног во всякой премудрости внешней и еже по нас священном богослужении учитель великий», чьими учениками был основан впоследствии орден картезианцев. «Паризия, — пишет Максим Грек, — град есть нарочит и многочеловечен в Галлиих, яже ныне глаголются Франза, держава велия и преславна и богатыи бесчисленными благами». Одной из наиболее замечательных сторон жизни Парижа является распространение в нем «словесного художества», «богословии и философии священной», «внешнего наказания всяческого учения» (под «внешним наказанием всяческого учения» Максим понимал светское знание). Для того чтобы постигнуть их, в Париж, по словам Максима Грека, собираются отовсюду, из западных и северных стран, не только сыновья «простейших человек», но и лиц «боярского и княжеского сана»; проучившись определенное время в Париже, они возвращаются в свое отечество, становясь его украшением и «споспешником... добрейший».¹⁹⁰ Нет сомнения, что, говоря о нахождении в Париже крупного центра богословских и светских наук, для обучения в котором стекались желающие из всех европейских стран, Максим Грек имел в виду знаменитый Парижский университет, слава о котором гремела по всей Европе и достигла благодаря творчеству Максима и далекой Москвы.

Если первая часть «Повести страшной и достопамятной» была посвящена описанию ордена картезианцев, то во второй части Максим Грек рассказывает о деятельности крупного итальянского церковного реформатора конца XV в. Савонаролы.

Деятельность Савонаролы, глубоко затронувшая жизнь Флоренции, является одной из ярких страниц в истории реформационного движения в Европе. По словам К. Маркса, Савонарола подготовлял «реформу христианской церкви снизу доверху, восстановление первоначального равенства между людьми, патриархальный строй. Его стараниями во Флоренции была введена

---

¹⁸⁸ Инок Максима Грека повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителстве. — Сочинения пр. Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, с. 180—194.

¹⁸⁹ История возникновения ордена картезианцев расцвечена у Максима Грека легендарными подробностями.

¹⁹⁰ Инок Максима Грека повесть страшна и достопамятна... с. 179—180.

полная демократия, все решения должны были приниматься в собрании горожан».¹⁹¹

Максим Грек рассказывает о том, что во Флоренции, «прекраснейшем и предобрейшем» городе Италии, настоятель доминиканского монастыря св. Марка, «Иероним званием», человек выдающейся премудрости и знаний и подвижнического образа жизни, выступал в храме св. Марка с проповедями, бичующими пороки церкви и недостойный образ жизни населения Флоренции. Пламенные проповеди Савонаролы привлекли на его сторону большую часть населения города. Но нападки Савонаролы на папу и руководство католической церковью восстановили последнее против Савонаролы. Ему был прислан приказ о запрещении проповедовать, который Савонарола не выполнил. Тогда во Флоренцию из Рима был прислан «некий генерал, именем Иахим», который добился от властей Флоренции согласия на суд и осуждение Савонаролы, сожженного вместе с двумя своими единомышленниками. Сделано это было по указанию папы Александра, известного своим «неправдоанием и злобою».¹⁹²

Чрезвычайно интересно с познавательной точки зрения произведение Максима Грека под названием «Инок Максима Грека сказание отчасти недоуменных неких речений в „Слове Григория Богослова“». Это произведение с сугубо богословским названием наполнено сведениями о событиях древней истории (колоссе Родосском, египетских пирамидах, войнах Рима с Карфагеном, войнах греческого царя Агамемнона с Троей и гибели царя из-за предательства его жены Клетимнестры и др.¹⁹³). Но наряду с ними Максим Грек сообщает и о крупнейших событиях своего времени — великих географических открытиях. Он пишет, что через Гибралтар («Гадир»), который «еллини мудрецы» называли концом земли и где «море узко якоже реки быстрейше, егоже со обох стран береги прииди высочайши аки горы»,¹⁹⁴ «древнии убо людие» не плавали и не дерзали плыть. Теперь же через Гибралтар плавают на кораблях великих португальцы и испанцы, которые «нашли островов много, иных убо обитаемых людьми, а иных пустых, и землю величайшу глаголемую Куба, ея же конца не ведают тамо живущие. Нашли же еще, обшедше около всю южскую страну даже до востока солнца зимнаго ко Индии острови семь Молукки нарицаемых, которая дотеле не были ведомы ни единому человеческому роду, ныне же всеми ведомы королем испанским и португальским».¹⁹⁵ Здесь Максим Грек со-

¹⁹¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VII. М., 1940, с. 79.

¹⁹² Инок Максима Грека повесть страшна и достопамятна..., с. 194—201.

¹⁹³ Сочинения Максима Грека, ч. III, с. 45—49. — Рассказы Максима Грека о событиях древней истории мы не анализируем.

¹⁹⁴ Максим Грек добавляет здесь, что скалы «Гадпра» называются Ираклийскими столбами.

¹⁹⁵ Сочинения Максима Грека, ч. III, с. 43—44.

общает о двух выдающихся географических открытиях — открытии испанцами Америки¹⁹⁶ и португальцами в результате плавания вокруг Африки («южной страны») Молуккских островов (португальцы достигли Молуккских островов в 1512 г.). То обстоятельство, что, говоря о великих географических открытиях, Максим Грек останавливается лишь на двух — открытии Америки и Молуккских островов, — тем самым как бы уравнивая оба события, объясняется большим значением, какое придавали его современники открытию Молуккского архипелага: Молуккские острова считались родиной пряностей, а пряности были товаром, ценившимся в Европе почти на вес золота.

После известий об открытии Америки и Молуккских островов Максим Грек в соответствии со своим религиозным мировоззрением пишет, что к «тамошним» людям, «не знающим дотоле бога истинна, кланяяxуся же твари паче творца», теперь для обращения их в «латинскую» (католическую) веру посланы епископы, учителя и священники, а вместе с ними «всякое ремесло» (ремесло) и «всяка семена здешняя» (Максим Грек имеет в виду переселение во вновь открытые земли колонистов, которые везли с собой, в частности, семена европейских сельскохозяйственных растений). Заканчивает автор свой рассказ о великих географических открытиях словами: «И ныне тамо Новый мир и ново составление человеческо».¹⁹⁷ Понятие «Новый мир» (эквивалент «Новый свет») Максим Грек применяет, очевидно, к Америке. Отметим, что это — первое в русской литературе употребление названного понятия.

«Сказание отчасти недоуменных неких речений в „Слове Григория Богослова“» было написано в 30-х или 40-х годах XVI в., так как Максим Грек говорит в нем, что плавание испанцев и португальцев началось лет 40 или 50 назад «по совершении седьмой тысячи» (т. е. после 1492 г., когда, согласно древнерусскому летосчислению, окончилась седьмая тысяча лет от сотворения мира). Следовательно, известие Максима Грека о выдающихся географических открытиях его времени представляет собой краткую запись по памяти тех сведений о них, которые Максим Грек слышал в бытность свою в Италии и Греции.

Долгое время рассказ Максима Грека об открытии Америки и Молуккских островов считался первым в русской письменности известием о великих географических открытиях.¹⁹⁸ Исследования последних лет показали, что это не так.

---

¹⁹⁶ Во время первых экспедиций Колумба были открыты острова Карибского моря, в их числе Куба.

¹⁹⁷ Сочинения Максима Грека, ч. III, с. 43—44.

¹⁹⁸ *Берг Л. С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1949, с. 72—74; *Yarmolinsky A.* Russian Americana Sixteenth to Eighteenth Centuries. New York, 1943, p. 5—9.

Даже в тяжелые столетия татарского ига Русь не была полностью оторвана от Западной Европы и в составе русской письменности всегда присутствовали памятники переводной литературы. Возможности для их проникновения увеличиваются в конце XV—начале XVI в. в связи с расширением и упрочением экономических и политических сношений России со странами Запада. Естественно, что памятники литературы, проникавшие с Запада, несли в себе сведения о нем, ценные тем, что они были непосредственно связаны с Западом и от него исходили.

Самым ярким и важным в познавательном отношении произведением переводной литературы интересующего нас времени является статья хранящегося в Рукописном отделе ГПБ сборника Q.IV.412 (бывшее собрание Саввантова № 128), имеющая заголовок «О Молюкитцких островах и иных многих дивных, их же новейшее плавание кастеланов, рекше испанских, подданием кротчайшаго самодержьца Карола Пятого събрано, еже новообрете, Максимилиана Трапъсилвана к честнейшему кардиналу салтцзвуръенскому епископиа краснейша чтением». Сборник Q.IV.412, представляющий собой сборную рукопись, чрезвычайно интересен по содержанию, хотя включает только три статьи: первая — один из немногих сохранившихся списков «Хождения повгородского архиепископа Антония в Царьград» (одни исследователи датируют список XV в., другие — XVII в.,¹⁹⁹ вторая — «Сказание брани венециан противу турецкого царя» в списке конца XVI—начала XVII в. — имеет особое значение для изучения турецкой темы в русской литературе XVI в., о чем мы будем говорить дальше; третья — занимающее нас произведение — находится на л. 18—29 об. с водяным знаком 1523 г.,²⁰⁰ написанных полууставом, переходящим в скоропись середины XVI в. (таким образом, список датируется серединой XVI в.).

Произведение несколько раз упоминалось в научной литературе. П. И. Саввантов и И. А. Бычков привели его полное название при описании сборника, в котором оно находится; И. А. Бычков указал при этом, что статья является переводом латинского сочинения «De Moluccis insulis itemque aliis pluribus mirandis, quae novissima Castellatorum navigatio, serenissimi imperatoris Caroli V auspicio suscepta, nuper invenit. Maximiliani Transylvani ad reverendissimum cardinalem Saltzburgensem epistola lectu perquam jucunda», написанного в 1522 г. и в первый раз изданного в Кельне в 1523 г. А. И. Соболевский отнес памятник в раздел «Летучие листки и газетные статьи», повторив в ос-

¹⁹⁹ Бычков И. А. Каталог собрания рукописей П. И. Саввантова. СПб., 1900, с. 152—153.

²⁰⁰ Рука с розеткой из пяти лепестков, у Брикe № 11174.

тальном сведения, приведенные И. А. Бычковым. И. У. Будовиц в своем «Словаре» привел начало названия памятника и отметил его переводное происхождение, сославшись при этом на А. И. Соболевского. Беглое упоминание памятника есть и в «Истории русской литературы»: в главе, посвященной переводной литературе XV—XVI вв., отмечается, что «к литературе путешествий примыкал и русский перевод латинского описания Молуккских островов, сделанного испанцем в 1523 г.».²⁰¹

Как мы видим, авторы всех упоминаний памятника ограничивались лишь воспроизведением его названия и указанием на переводное происхождение и совершенно не раскрывали его содержания. Вероятно, этим объясняется то обстоятельство, что памятник долгое время не привлекал внимания исследователей и не был введен по существу в научный оборот. Сравнительно недавно автор настоящих строк осуществил издание его текста, предпослав ему написанную совместно с Л. Г. Катушкиной статью, в которой была дана характеристика содержания произведения, обстоятельств его возникновения и сделана попытка выяснить время и условия перевода на русский язык.²⁰²

Остановимся на содержании русского перевода памятника. Во вступительной части «эпистоли» автор ее Максимилиан Трансильван сообщает о прибытии одного из кораблей, посланных «цесарем» для «разсмотрения» островов, на которых рождаются «ароматы» (Молуккские острова), и о своем намерении изложить историю этого замечательного кругосветного плавания на основе правдивых рассказов «кораблечальника» и других «кораблеников»; при этом автор подчеркивает, что закончившееся плавание показало несостоятельность известий «древних спсателей» о «неизвестных странах» (л. 18—19).²⁰³

Затем автор останавливается на предыстории плавания. Рассказывает, что «без мала» 30 лет назад король Испании и король

---

²⁰¹ Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями Павла Саввантова. СПб., 1872, стб. 10—11; Бычков И. А. Каталог собрания рукописей П. И. Саввантова, с. 153—154; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 237; Будовиц И. У. Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVII века. М., 1962, с. 187; История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, с. 290.

²⁰² Казакова И. А., Катушкина Л. Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана. (Перевод письма Максимилиана Трансильвана). — ТОДРЛ, т. XXIII, 1968; текст перевода напечатан в приложении к статье. Краткий вариант названной статьи см.: Казакова И. А., Катушкина Л. Г. Первое известие древнерусской письменности о путешествии Магеллана. — Изв. ВГО, т. 101, 1969. — Статья положена в основу раздела настоящей книги, посвященного русскому переводу письма Максимилиана Трансильвана.

²⁰³ Следуя указанным в скобках номерам листов рукописи с текстом перевода (в нашей публикации перевода номера листов помещены на наружных полях страниц), читатель легко найдет в публикации те места перевода, о которых идет речь.

Португалии, чтобы избежать столкновений в деле открытия новых земель, по благословению папы Александра VI, «разделиша между себе... вселенский мир», договорились о разграничительной линии, проходящей на 360 миль к западу от «Еспирицких» островов (островов Зеленого Мыса), с тем, чтобы земли, которые будут открыты к востоку от этой линии, принадлежали португальцам, к западу — испанцам (имеются в виду булла Александра VI от 4 мая 1493 г. и испано-португальский договор в Тордесильясе 1494 г.). Далее автор сообщает об открытиях испанцев и португальцев. Испанцы, плывая на запад, обрели «землю бесконечну и пространненшу» (Американский материк) и многочисленные острова, «и ныне паки напоследок величавишии град, Теночтик нарицаем, по подобию Венеции в некоем езере создан» (Теночтитлан — столица ацтеков), который описал «Петр мученик» (Педро Мартир де Англериа, автор истории испанских открытий в Новом свете). Португальцы же, плывя «полудневым путем» (на юг), открыли на востоке «многия же и великия и прежде незнаемыя острова и самыя Ниловы источники» и оттуда «Аравинскою и Персидскою пучиною» дошли до приморской Индии, до Калькутты, далее до острова Суматра, полуострова Малакка и, наконец, до Китая — «до синских язык» (л. 19—19 об.).

Нарисовав картину великих географических открытий, осуществленных испанцами и португальцами в конце XV—начале XVI в., Максимилиан Трансильван переходит к изложению обстоятельств, непосредственно повлекших за собой путешествие Магеллана. Он рассказывает о возникновении слухов о том, что португальцы нарушили установленные для них на востоке границы и что Молуккские острова — родина пряностей — находятся в западных испанских пределах; о предложении, сделанном в связи с этим испанскому королю Фердинандом Магелланом, обиженному на португальской службе, доплыть до Молуккских островов «прямым путем от запада к востоку», о поддержке этого предложения Христофором, братом тестя автора письма (крупным испанским негодянтом Кристобалем де Аро), о колебаниях короля и о его, наконец, согласии отправить экспедицию в составе пяти кораблей под начальством Магеллана (л. 19—20 об.).

Далее следует краткое описание плавания Магеллана от Испании, откуда корабли отплыли 10 августа, к Канарским островам, затем к островам Зеленого Мыса и далее на юго-запад к «прежепомянутой... опой суше» (Южной Америке) и о плавании вдоль ее берегов (л. 20 об.—21). Более подробным становится рассказ с момента открытия экспедицией в последний день марта «пучины» (залива), названной именем св. Юлиана: поскольку «пучина» имела вид «перевоза» (пролива), то Магеллан для обследования ее сделал остановку, во время которой участники экспедиции встретились с местными жителями — «исполинами» (патагонцами), познакомились с их жилищами и нравами

и предприняли неудачную попытку захватить нескольких «исполинов» и доставить их на корабли (л. 21—21 об.). Во время пребывания в «пучине» св. Юлиана наступила зима; зимняя стужа, бури, недостаток продовольствия, перспектива трудного плавания вдоль неведомых берегов — все это вызвало недовольство экипажа и попытку бунта, с которой Магеллан сурово расправился. 24 августа корабли отплыли от берега св. Юлиана к югу и достигли «губы» (залива), названной «Честный крест», где буря разбила один из кораблей. 22 сентября²⁰⁴ перед мореплавателями открылось, наконец, «устие некое, видение перевоза показующе»; в то время, когда часть кораблей обследовала «перевоз», один из кораблей, на котором недовольные Магелланом одержали верх, бежал в Испанию. Оставшиеся три корабля в ноябре вошли в «влои (пролив) сей, прежде неизвестны, шириною овогда убо триех, овогда же двю поприщ италийских», и после 22-дневного плавания по проливу вышли в «величайшее море» (Тихий океан), по которому Магеллан приказал «плавание творити от запада на восток», ибо там находились Молуккские острова (л. 22—24).

Около четырех месяцев, гонимые попутным ветром, плыли по неведомой великой «пучине» корабли, изредка встречая небольшие острова. Наконец, они достигли острова «Субусф» (Себу), с «пгемоном» (правителем) которого испанцам удалось установить хорошие отношения, закрепленные принятием «игемоном» и населением острова христианства. Однако хорошие отношения с аборигенами продержались недолго, и в стычке с жителями острова «Маутан» (Матан) Магеллан был убит. Оставшиеся в живых испанцы избрали своим начальником Ивана Серана (Хуана Серрана), португальского мореплавателя, капитана одного из кораблей экспедиции Магеллана. Но к этому времени жители Себу, по словам автора письма, подстрекаемые неким рабом, недовольным жестоким обращением со стороны Ивана Серана, восстали против пришельцев, захватили Серана, уничтожив «честный крест» и другие атрибуты христианства. Испанцы, бросив своего начальника на произвол судьбы, бежали с Себу на трех кораблях, один из которых из-за недостатка команды на острове «Кохоль» (Бохоль) они сожгли (л. 25 об. — 26 об.). На оставшихся двух кораблях испанцы достигли острова «Порни» (Борнео), жителей которого за отсутствием у них «разбоиничества» и «человекоубийства», любовь к тишине и миру автор письма всячески хвалит (л. 26 об. — 27). От Борнео экспедиция направилась к Молуккским островам, посетив по пути «брег Солуский» (архипелаг Сулу), богатый жемчугом.

Молуккские острова — «Таранти» (Тарпати), «Мутила» (Бакьян?), «Федора» (Тидор), «Мара» (Мортир) и «Матфиана»

---

²⁰⁴ В латинском оригинале письма Максимилиана Трансильвана «26 сентября», но и эта дата ошибочна, так как пролива, названного впоследствии именем Магеллана, экспедиция достигла в октябре.

(Макийян) — описываются наиболее обстоятельно: указываются их местоположение, величина, описываются произрастающие на них пряности, дается характеристика обычаев и нравов островитян, у которых царят «мир и безмолвие». Интересно замечание автора о том, что «от нашей сея вселенныя (имеется в виду Европа. — *Н. К.*) превелие человеческо безаконие к ним (островитянам. — *Н. К.*) пренесено бывше видится» и что «в нас живущее сребролюбие и гортани несытное бесование понудило нас в толь удаленном их испытывати мире» (л. 27—28). Это замечание, вскрывающее истинные мотивы далеких заморских экспедиций и те «блага», которые приносили коренному населению европейцы, тем более примечательно, что оно противоречит общему стремлению автора рисовать идиллические отношения, установившиеся между участниками экспедиции и населением островов: по словам автора, местные князьки охотно признавали власть испанского короля и принимали вместе с населением островов его подданство.

Отдохнув на островах и наполнив корабли пряностями, испанцы отплыли от острова Тидор. Но тут выяснилось, что один из кораблей дал течь. Было решено, что корабль возвратится в Тидор и после починки направится в испанские владения по пути, пройденному Магелланом; другой же корабль отправится на родину вдоль Индии и Африки, держась как можно дальше от берегов, чтобы не попасть в руки португальцев. О судьбе первого корабля автор письма ничего не сообщает. Второй отплыл в Испанию по намеченному пути; несмотря на принятые меры предосторожности, часть экипажа корабля во время остановки на одном из островов была захвачена португальцами. Оставшиеся на корабле испанцы в числе 18 человек через 16 месяцев после отплытия от Молуккских островов, 6 сентября, достигли Испании (л. 28—29 об.). Сообщением об этом заканчивается письмо.

В письме Максимилиана Трансильвана излагается, таким образом, вся история кругосветного путешествия Магеллана с указанием важнейших дат, маршрута, происшедших событий и описанием вновь открытых земель — их местоположения, природы и населения. Вместе с тем письмо рисует и политические отношения того времени: колониальное соперничество Испании и Португалии и первоначальные методы установления колониального господства. Письмо Максимилиана Трансильвана — это сочинение о путешествии Магеллана, передающее и политическую атмосферу эпохи.

Кто же был Максимилиан Трансильван и какое место занимает его сочинение среди других источников по истории плавания Магеллана?

Максимилиан Трансильван (1490—1538) был одним из секретарей Карла V, германского императора и короля Испании. Начав свою карьеру в качестве секретаря Матвея Ланга, архиепископа Зальцбургского, одного из влиятельнейших прелатов Герма-

нии и в то же время человека с широким гуманистическим кругозором, Максимилиан рано попал ко двору будущего императора. Он сопровождал Карла в 1519 г. на имперский сейм, где тот был избран императором. При испанском дворе Карла Максимилиан занимал пост личного секретаря императора, причем, так сказать, секретаря первого ранга — «*inter secretarios primi nominis*».

Благодаря занимаемому положению Максимилиан Трансильван имел доступ к первоисточникам сведений о плавании Магеллана. Этому способствовали и его личные связи. Дядя жены Максимилиана («моего тестя брат», как называет его Максимилиан в своем письме), уже упоминавшийся нами испанский негодник Кристоаль де Аро, горячо поддерживавший проект Магеллана об отыскании нового пути к островам приностей, был одним из финансистов этого предприятия. После возвращения «Виктории», единственного вернувшегося в Испанию корабля экспедиции Магеллана, Максимилиан присутствовал на приеме участников плавания при дворе Карла V в Вальядолиде. Он не только много и подолгу беседовал с капитаном «Виктории» Себастьяном Эль Каном и другими мореплавателями, приглашенными в Вальядолид,²⁰⁵ но и имел возможность ознакомиться с материалами, писанными рукой участников экспедиции во время плавания. В частности, он безусловно читал полный, не дошедший до нас дневник Антонио Пигафетты и шканцевый журнал «Виктории», который вел штурман Фр. Альбо. Знакомство Максимилиана с этими важнейшими первоисточниками ясно обнаруживается при сличении всех трех текстов.²⁰⁶

При сборе сведений об экспедиции Магеллана Максимилианом двигал не только понятный интерес образованного человека к столь удивительному путешествию, но и официальное поручение, полученное от его учителя и друга Педро Мартира де Англера. Этот последний, советник Карла V по делам Индий и официальный историограф испанских открытий, должен был составить подробное описание первого кругосветного плавания. Сбор материалов для своей будущей работы он поручил Максимилиану Трансильвану, на добросовестность и солидные географические познания которого мог вполне положиться.

Собравшие сведения Максимилиан критически обработал, отбрав все только самое достоверное и существенное. Это позволило в небольшом сочинении (всего в 25 страничек печатного текста

---

²⁰⁵ О рассказах участников экспедиции как об источнике своего сочинения пишет сам Максимилиан Трансильван.

²⁰⁶ Подробный сравнительный анализ сочинения Максимилиана Трансильвана и дневника Пигафетты см.: *Pall F. Maximilien Transylvanus, auteur du récit de l'expédition de Magellan. — Nouvelles études d'histoire. Bucarest, 1965, p. 147—150.* Историю рукописи дневника Пигафетты см.: *Пигафетта Антонио. Путешествие Магеллана. М., 1950. Комментарии, с. 143—144.*

в восьмерку) изложить не только ход самого плавания, но и характер представлений современников о западном пути к далеким восточным островам, и историю создания проекта путешествия, и результаты сделанных открытий. Сочинение написано в пользовавшейся большой популярностью среди гуманистов форме письма, которое автор адресовал архиепископу Зальцбургскому (в русском переводе «кардиналу салтызвурьенскому») Матвею Лаугу. Написанное буквально по горячим следам событий («Виктория» бросила якорь в порту Севильи в сентябре 1522 г., письмо датировано 24 октября того же года), оно очень скоро, уже в январе 1523 г., было издано в Кельне самим Максимилианом Трансильваном, который сопровождал в это время Карла V в его поездке по Германии. Письмо Максимилиана Трансильвана явилось, таким образом, первым сочинением о путешествии Магеллана, которое было опубликовано и стало достоянием читающей публики.²⁰⁷

Благодаря ясному и живому изложению, не говоря уже о богатом и насыщенном содержании, сочинение Трансильвана получило широкую популярность. На протяжении небольшого промежутка времени оно было несколько раз переиздано на языке оригинала и в переводах, в частности, оно было издано в Риме в ноябре 1523 г. и феврале 1524 г., и прочно вошло в состав наиболее популярных сборников сочинений о географических открытиях.²⁰⁸

Письмо Максимилиана Трансильвана послужило также источником сведений о плавании Магеллана и Молуккских островах и для Себастьяна Мюнстера, включившего его в свою «Космографию» в сильно сокращенном виде.²⁰⁹ Письмо Максимилиана Трансильвана было использовано и для создания первого глобуса, отразившего открытия Магеллана, который был создан в 1523 г. немецким картографом и математиком Иоганном Шёнером.²¹⁰

История создания, издания и использования письма Максимилиана Трансильвана показывает, что в культурной жизни Западной Европы XVI в. оно сыграло значительную роль как первое опубликованное сочинение о путешествии Магеллана: ученые, авторы географических трудов, черпали из него сведения о вновь

---

²⁰⁷ Библиографию сочинения Максимилиана Трансильвана см.: *Bibliotheca Americana vetustissima. Description of works belating to America, published between the years 1492 and 1551.* New York, 1866, № 122.

²⁰⁸ Оно впервые было напечатано во 2-м издании сборника «*Novus orbis regionum ac insularum...*» (Базель, 1537). В сборниках Рамузио «*Delle navigationi e viaggi*» в переводе на итальянский язык издавалось неизменно с первого издания 1550 г.

²⁰⁹ *Cosmographiae universalis, lib. VI.* Basileae, 1552, p. 1103—1106.

²¹⁰ *De nuper sub Castiliae ac Portugaliae Regibus serenissimis repertis Insulis ac Regionibus, Johannis Schöner Charolipolitani epistola et Globus Geographicus, seriem navigationum annotantibus.* Воспроизведено в изд.: *Johann Schöner ... a reproduction of his Globe of 1523, by Henry Stewens...* ed. with an introduction and bibliography by C. H. Goote. London, 1888.

открытых землях, для читающей же публики оно было ярким и увлекательным памятником литературы путешествий, живо рассказывающим о дерзновенном подвиге смелых мореплавателей и их удивительных приключениях.

В XVI в. письмо Максимилиана Трансильвана благодаря переводу на русский язык стало известно и в России.

Сличение русского перевода с латинским оригиналом²¹¹ показывает, что перевод в основном сделан дословно. Переводчик настолько следовал оригиналу, что сохранил даже столь отличный от русского строй латинской фразы. Это, конечно, очень утяжелило русский перевод, сделало его текст местами сложным и запутанным (последнее особенно относится к вступительной части письма), в отличие от латинского оригинала, написанного очень точным и ясным языком, в котором Максимилиан стремился сочетать красноречие и лапидарность.²¹² Нужно отметить, что именно эти особенности стиля гуманистов делают памятники его трудными для перевода.

Наряду со стремлением к наибольшей близости к оригиналу характерной чертой перевода является и некоторая переработка текста. Переработка эта проявилась прежде всего в введении купюр. Размеры купюр очень разнообразны: от нескольких слов до 10 и более строк, но они немногочисленны и, как правило, невелики. Анализ текста купюр показывает, что переводчик опускал либо те места, которые уводили в сторону от основного изложения,²¹³ либо такие, которые могли показаться повторением уже сказанного.²¹⁴ Иными словами, применяя купюры, переводчик руководствовался стремлением сделать текст более удобным для чтения.²¹⁵ С этим же желанием связан, очевидно, и отказ от сохранения ряда латинских терминов и непривычной для русского читателя географической номенклатуры. И первым, и вторым переводчик стремился подыскать адекватные выражения из обычной для русского языка лексики: так, например, латинское *conchylium* — «моллюск», преимущественно «устрица», и

---

²¹¹ Сличение с текстом кельнского издания 1523 г. произведено Л. Г. Катушкиной.

²¹² Гуманисты — современники Трансильвана — высоко ценили его стиль. Один из нидерландских гуманистов так отзывался о писательском даровании Максимилиана Трансильвана: «...никто не сумеет это описать стилем более красноречивым и изящным, чем он» (*Pall F. Maximilien Transylvanus, auteur du récit de l'expédition de Magellan*, p. 148).

²¹³ Так, например, во вступительной части письма опущены фантастические известия, приписываемые Геродоту и Плинию, о происхождении коры (л. 10 об.).

²¹⁴ Последнее особенно относится к описанию быта и нравов населения Молуккских островов.

²¹⁵ Думается, что лишь две купюры — очень сложное и путаное у Максимилиана Трансильвана изложение сущности мусульманской религии и не менее сложное рассуждение о системе отсчета географических широт (купюры на л. 21, 27 об.) — были вызваны трудностями для переводчика понимания текста оригинала.

conchylium mare — «раковина» он передает русским словом «рак» (л. 21, 27); латинское gradus — «градус» передается словом «степень, ступень». Порой при передаче терминов географической номенклатуры переводчик прибегает к описательным приемам: так, тропик Козерога он обозначает как «весеннее солнцелетнее возвращение» (л. 18 об.), экватор — как «равнодневное солнцелетнее возвращение» (л. 19 об.); в некоторых местах перевода сложное наименование экватора было заменено на более простое — «полудневный пояс» (л. 18). В тех случаях, когда переводчик сохраняет иностранные термины, он дает к ним пояснения, снабжая их словом «рекше», например: «плавание кастелланов, рекше испанских» (л. 18), «подобен ерманом, рекше немцом, съседом нашим» (л. 19 об.), «нижним мисферием, рекше, полукругом» (л. 20), «оризонта, рекше, краа небеснаго» (л. 21), «каной индеские, рекше, струги» (л. 24 об.) и т. д.; особенно любопытно одно такое пояснение: там, где Трансильван, описывая мускатные орехи, сравнивает их с южноевропейскими и приводит их испанское название, переводчик попросту опускает это сравнение и заменяет его своим — «прилично же есть древу, иже киевскыя орехи» (л. 28 об.).

Все отмеченные, наиболее характерные особенности перевода свидетельствуют о том, что переводчик предназначал перевод не просто для себя, а для широкого читателя и стремился сделать свою работу как можно более доступной. Но из-за следования грамматическому строю латинского текста и трудностей перевода стиля гуманистов того времени это, как отмечено, ему не всегда удавалось. Встречаются в переводе и отдельные ляпсусы: так, во вступительной части письма при описании испанских открытий на западе в Новом свете имеется отсылка (которую мы приводили выше) на «списание» «Петра Мученика». «Петр Мученик» — это не какой-то святой мученик, как может показаться при чтении текста, а Педро Мартир де Англерия, уже упоминавшийся официальный историограф испанских открытий в Новом свете; martir, что по-латыни действительно значит «мученик», в данном случае было просто частью его имени. Несмотря на имеющиеся в переводе недочеты, в целом он может рассматриваться как удачный и отвечающий своему назначению — ознакомить русского читателя с занимательным повествованием об удивительном путешествии и связанных с ним великих открытиях.

Когда же и при каких обстоятельствах попало в Россию и было переведено на русский язык сочинение Максимилиана Трансильвана?

Если нижняя и верхняя грани того отрезка времени, когда это произошло, определяются с достаточной точностью (нижняя грань — 1523 г., год опубликования письма Максимилиана Трансильвана в Кельне, верхняя — середина XVI в., которой датируется сохранившийся список перевода), то приурочить дату

перевода к каким-либо определенным годам внутри этого периода мы можем лишь предположительно.

Нам кажется, что письмо Максимилиана Трансильвана попало в Россию и было переведено на русский язык скорее всего в середине 20-х годов XVI в. Основания для этого предположения следующие.

В 1525 г. Испанию, где тогда находился Карл V, посетило русское посольство. Посольство было связано с оживлением в 20-е годы XVI в. сношений между Василием III и Карлом V, обусловленным стремлением последнего вовлечь Россию в анти-турецкую коалицию. В русских источниках посольство почти не отражено: лишь в краткой описи дел Посольского приказа упоминается о возвращении в Москву в 1526 г. послов великого князя к императору — «князя Ивана Засекина да дьяка Семена Борисова».²¹⁶ О пребывании в 1525 г. посольства в Испании известно из донесений польского представителя при императорском дворе Дантискуса: Дантискус сообщает о торжественном въезде послов в Мадрид, аудиенции у императора, отправлении послов на родину.²¹⁷ К сожалению, ни о содержании официальных переговоров, ни о личных встречах и беседах послов донесения Дантискуса не дают почти никаких сведений. Но более чем вероятно, что во время своего пребывания в Испании, куда только три года назад возвратилась экспедиция Магеллана, послы слышали рассказ об этом событии. Не исключена возможность, что кто-либо из придворных Карла V подарил посланцам из далекой Москвы экземпляр сочинения Максимилиана Трансильвана.

В этой связи отметим, что в составе посольства к Карлу V в Испанию находился «толмач латинский и немецкий» Влас, имевший отношение и к литературным переводам: Влас принимал участие в переводах для Геннадиевской библии,²¹⁸ а когда в 1518 г. Максиму Греку был поручен перевод богослужебных книг, то к нему в качестве одного из помощников для переводов с латинского на русский был приставлен Влас (см. с. 141). Власу были свойственны, очевидно, любознательность и наблюдательность: именно поэтому рассказы Власа (а также других участников русского посольства в Испанию) положил в основу своей книги о нравах и обычаях москвитов доктор Фабр, встречавшийся с посольством в Тюбингене при возвращении его на родину.²¹⁹ Сведения Власа и другого толмача Григория Истома ис-

²¹⁶ ПДСДР, т. I, стб. 1487.

²¹⁷ *Uebersberger H. Oesterreich und Russland, Bd. I. Wien u. Leipzig, 1906, S. 184—190.*

²¹⁸ *Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 185—189.*

²¹⁹ Донесение доктора Иоганна Фабра его высочеству Фердинанду, инфанту Испанскому, эрцгерцогу Австрийскому и правителю Австрийской империи о нравах и обычаях москвитян. — Отечественные записки. 1826, ч. XXV, с. 285—305; ч. XXVII, с. 47—67.

пользовал Герберштейн при составлении описания морского пути из России в Данию вокруг Скандинавии.²²⁰ Как человек, знавший латинский язык и сам не раз совершавший путешествия, Влас мог специально заинтересоваться сочинением о первом кругосветном путешествии и привезти его с собой в Россию.

Возможно и другое предположение: письмо Максимилиана Трансильвана попало в Россию при посредстве Дмитрия Герасимова.

Дмитрий Герасимов был яркой и своеобразной фигурой в культурной и политической жизни России конца XV—первой трети XVI в. Родившись примерно в 1465 г., по всей вероятности в Новгороде, Герасимов получил образование в одной из школ Ливонии.²²¹ Здесь он приобрел хорошее знание латинского и немецкого языков, что предопределило его жизненный путь: Дмитрий Герасимов стал «толмачом» — переводчиком. Еще в ранней молодости он перевел на русский язык латинскую грамматику Доната. В последние годы XV в., будучи членом литературного кружка новгородского архиепископа Геннадия, Дмитрий Герасимов принимал участие в переводе на русский язык Библии (Геннадиевская библия восходит не только к древнейшим славянским переводам, но в отдельных частях имеет в качестве прототипа тексты на латинском и нижненемецком языках). Несколько позже по поручению Геннадия Герасимов переводит с латинского антииудейские трактаты де Лиры (1501 г.) и Самуила Еврейна (1504 г.).²²² Новый стимул переводческая деятельность Герасимова получила в связи с приездом в Москву Максима Грека. Максим Грек переводил богослужебные книги с греческого на латинский, а Дмитрий Герасимов и упоминавшийся другой толмач Влас — с латинского на русский.²²³ Совместная с Максимом Греком работа над переводом Псалтыри пробудила, по-видимому, у Дмитрия Герасимова интерес к этому памятнику, и в 30-е годы XVI в. по поручению Макария, тогда архиепископа Новгородского, он выполняет самостоятельный перевод с латинского толкования на Псалтырь Бруно Вюрцбургского.²²⁴ Перечисленные факты свидетельствуют о том, что в переводческой деятельности, имевшей место в России в конце XV—начале XVI в., Дмитрий Герасимов оставил значительный след. Назван-

---

²²⁰ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 186—188.

²²¹ Подробнее см.: *Казакова И. А.* Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. — В кн.: *Проблемы истории международных отношений*. Л., 1972, с. 248—266.

²²² *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 183—186, 191—193.

²²³ *Иконников В. С.* Максим Грек и его время. Киев, 1915, с. 166.

²²⁴ *Горский А. и Невоструев К.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 2, вып. 1. М., 1857, с. 105. — В летописях указывается, что перевод сделал в 1536 г. «Дмитрей, зовомый толмач, в старости мастите» (ПСРЛ, т. VI, 1853, с. 299).

ные переводы Герасимова включали памятники религиозного характера. Но можно думать, что Герасимову принадлежали и переводы светских произведений, о чем мы будем еще говорить.

Однако не литературные переводы были главным делом жизни Герасимова. Его основная деятельность протекала в дипломатической сфере. По словам Павла Иовия, итальянского историка и писателя, описавшего посольство Герасимова в Рим в 1525 г., «занимая почетную должность в разных посольствах, он (Герасимов. — Н. К.) посетил очень много христианских стран. Именно ранее, за свою отменную верность и усердие, он был послом при королях шведском и датском и великом магистре прусском, а в самое недавнее время при цесаре Максимилиане».²²⁵ Иовий пишет о Герасимове как о русском после при европейских дворах, но это, очевидно, не совсем точно: в соответствии с имеющимся в русских летописях указанием профессии — «толмач» — Герасимов участвовал в русских посольствах большей частью, вероятно, в качестве переводчика. Как переводчика его приставляли и к иностранным послам, находившимся в Москве; он был, в частности, переводчиком у Герберштейна. Наряду с этим Герасимов выполнял и самостоятельные дипломатические поручения, к числу которых относится его миссия в Рим в 1525 г.

Посольство Герасимова было вызвано инициативой папского престола. В начале XVI в. нависшая над Европой угроза турецкого нашествия побуждает Рим, как мы уже говорили, предпринимать попытки объединения христианских стран против турок. Папы Лев X и Климент VII посылали в Москву посольства с предложением Василию III вступить в антитурецкую лигу и провести церковную унию.²²⁶ В ответ на обращение Климента VII от 25 мая 1524 г., отправленное в Москву с генуэзцем Паоло Чентурione, и последовала посылка Дмитрия Герасимова в Рим. О содержании миссии Герасимова мы можем судить на основании грамоты Василия III папе Клименту VII, привезенной Герасимовым, в которой великий князь выражал желание «стоять» против «неверных» и находиться в союзе с папой и христианскими государями, но от прямого ответа на предложение вступить в антитурецкую лигу уклонился, вопрос же о соединении церковей обошел вовсе.²²⁷

Герасимов произвел в Риме самое благоприятное впечатление, Павел Иовий с похвалой отзываясь о русском посланнике, его способностях и разносторонних знаниях. Он отмечает, что Дмитрий Герасимов «порядочно владел латинской речью» и был человеком «весьма сведущим в делах мирских и особенно в Священном писании». Папа оказал Герасимову почетный прием: он

²²⁵ Павла Иовия Новокомского книга о посольстве Василия, великого государя Московского, к папе Клименту VII. — В кн.: *Герберштейн С. Записки о московитских делах*. СПб., 1908 (далее — Павел Иовий), с. 252.

²²⁶ Переписка пап с российскими государями в XVI в. СПб., 1834, № 1, 2.

²²⁷ Там же, № 3.

велел поместить Герасимова «в самой великолепной части ватиканского дворца» и приставил к нему для ознакомления с достопримечательностями Рима Къерикатти, епископа Абруццкого.²²⁸ Из Рима в Москву Герасимов вернулся в 1526 г. вместе с послом папы епископом Скаренским Франциском.²²⁹

Герасимов в Италии не только удачно выполнил данное ему дипломатическое поручение — укрепление русско-итальянских политических контактов без принятия в то же время Россией невыгодного для нее обязательства вступить в антитурецкую лигу, следствием его миссии было дальнейшее расширение культурных связей между Россией и Европой.

Важнейшими событиями в этой области явились написание Павлом Иовием книги, содержащей в основной части описание России, и составление известным итальянским картографом Батистой Аньезе карты Московии. И книга Иовия, и карта Аньезе были основаны на сведениях, полученных от Дмитрия Герасимова. Герасимов, таким образом, сыграл существенную роль в развитии западноевропейской историографии и картографии, посвященной России.²³⁰

Посредством книги Павла Иовия Дмитрий Герасимов внес еще один важный вклад в развитие географических знаний. Описывая Русский Север, Павел Иовий отмечает: «Однако достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несет в стремительном течении к северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли».²³¹ В этом отрывке высказана мысль о возможности достижения Юго-Восточной Азии морским путем, если плыть от устья Северной Двины на восток, иными словами, о возможности использования Северного морского пути. Книга Иовия является первым сочинением, в котором высказывается эта мысль. Поскольку она была написана на основе информации Герасимова, постольку принято считать, что Герасимов был первым в истории географической мысли, кто высказал идею использования Северного морского пути.²³²

Широта эрудиции Дмитрия Герасимова, его ярко выраженный

---

²²⁸ Павел Иовий, с. 255—256.

²²⁹ ПСРЛ, т. XIII, первая половина. СПб., 1904, с. 45.

²³⁰ О книге Павла Иовия и карте Аньезе см.: Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV—начала XVI в. М., 1974, с. 70—78; Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в., с. 257—260, 262—263.

²³¹ Павел Иовий, с. 262.

²³² О том, что эта идея действительно была высказана русским послом, свидетельствует и отрывок из сборника известного итальянского гуманиста и географа середины XVI в. Д. Б. Рамузно «Delle navigationi e viaggi». Анализ упомянутого отрывка см.: Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в., с. 260—261.

интерес к вопросам географии и мореплавания, с одной стороны, и интенсивная переводческая, в частности литературная, деятельность — с другой, позволяют высказать предположение о том, что Герасимов вывез из своего путешествия в Европу в 1525 г. сочинение Максимилиана Трансильвана и сделал его перевод на русский язык. Это предположение находит опору и в круге европейских знакомств Герасимова. Свое путешествие из Москвы в Рим в 1525 г. Герасимов совершил в обществе возвращавшегося на родину папского посла Паоло Чентурионе. Паоло Чентурионе был фигурой, характерной для своего времени. Уроженец Генуи, незаконный отпрыск дворянского рода, он вел торговые операции на Ближнем Востоке. Остро ощущая пагубные для итальянских городов последствия конкуренции португальцев, захвативших в свои руки торговые пути вокруг Африки в Юго-Восточную Азию, Паоло мечтал об отыскании новых путей для вывоза пряностей в Европу. Поэтому его взоры обратились на Россию. Он дважды, в 1520 и 1524 гг., побывал в Москве: первый раз — как частное лицо, имевшее, правда, рекомендательное письмо от папы Льва X, второй раз — как посланник Климента VII. В Москве, помимо официального поручения содействовать сближению между Римом и Россией, Паоло Чентурионе стремился претворить в жизнь грандиозный проект (отвергнутый русским правительством) вывоза пряностей из Индии в Европу через Россию: по реке Инду через Гималаи, затем по Амударье, Каспийскому морю (по представлениям того времени, Амударья впадала в Каспийское море), Волге в Москву, а из Москвы в Прибалтику и в Западную Европу.²³³ Естественно, что во время длительного совместного путешествия из Москвы в Рим в 1525 г. Чентурионе и Герасимов вели разговоры об интересовавших их обоих вопросах географии, и Чентурионе не мог не познакомить Герасимова с историей путешествия Магеллана, вызванного соперничеством Испании и Португалии из-за обладания островами пряностей. В Риме Герасимов, вероятно, получил дополнительные сведения о плавании Магеллана. Незадолго до прибытия Герасимова Антонио Пигафетта, автор дневника путешествия Магеллана, по возвращении на родину, в Италию, имел аудиенцию у папы Климента VII и лично докладывал ему о замечательном путешествии. Хорошо был знаком с Пигафеттой и Кьерикатти, епископ Аbruццкий, приставленный к Герасимову для ознакомления с достопримечательностями Рима: в 1519 г. в свите монсеньера Кьерикатти, тогда папского нунция, прибыл Пигафетта в Испанию и с разрешения Кьерикатти отправился с Магелланом в кругосветное плавание. От своих римских собеседников Герасимов слышал, конечно, не только о путешествии Магеллана, но и о посвященном ему письме Максимилиана Трансильвана, второе и третье издания которого вышли в Риме в 1523

²³³ *Пирлинг П.* Россия и папский престол, с. 307—322.

п 1524 гг. Вполне естественно, что при таком стечении обстоятельств Герасимов заинтересовался сочинением Трансильвана и привез с собой на родину его экземпляр.

Предположению о Герасимове как об авторе русского перевода письма Максимилиана Трансильвана противоречит на первый взгляд одно обстоятельство. Казалось бы, что, находясь в Риме, Герасимов должен был заполучить и использовать для перевода экземпляр одного из римских изданий письма Максимилиана Трансильвана. Между тем перевод сделан почти бесспорно с первого, кельнского издания 1523 г. На эту мысль наводит сличение текста заглавия: в римских изданиях заглавие не по существу, но по форме (по порядку расположения его отдельных частей) по сравнению с кельнским изданием изменено.²³⁴ Поскольку перевод в большей части выполнен как дословный (к заглавию это относится полностью), постольку изменение заглавия неминуемо должно было отразиться и в заглавии перевода, если бы он был сделан с римского издания. Между тем заглавие письма Максимилиана Трансильвана в русском переводе²³⁵ полностью совпадает с заглавием его кельнского издания (см. рис. 7—8); следовательно, переводчик пользовался кельнским изданием.²³⁶ Но это обстоятельство мешает гипотезе о Герасимове как об авторе перевода только на первый взгляд: думается, что в кругу тех широко эрудированных представителей римской интеллигенции, с которыми общался Герасимов, имели хождение и экземпляры первого издания письма Максимилиана Трансильвана, очевидно, один из них попал в руки русского посланника.²³⁷

Несомненно, что перевод письма Максимилиана Трансильвана на русский язык имел большое значение для распространения географических и исторических знаний о Западе в России: он был первым известием о великих географических открытиях в русской письменности; он знакомил русского читателя с пол-

---

²³⁴ В кельнском издании: *De Moluccis insulis, itemque aliis pluribus mirandis...* (см. с. 131); в римских изданиях: *Maximiliani Transylvani caesaris a secretis epistola, de admirabili ac novissima Hispanorum in Orientem navigatione...*

²³⁵ «О Молукитцких островах и иных многих дивных...» (см. 131).

²³⁶ Наблюдения над текстом заглавия письма Максимилиана Трансильвана в различных его изданиях принадлежат М. Г. Катушкиной.

²³⁷ И. В. Силицина любезно сообщила нам, что рукопись перевода на русский язык сочинения Максимилиана Трансильвана написана рукой известного писца первой половины XVI в. Михаила Медоварцева. М. Медоварцев, как и Д. Герасимов, являлся сотрудником Максима Грека в переводе и переписке богослужебных книг. Принадлежность Д. Герасимова и М. Медоварцева к одной культурной среде укрепляет гипотезу о Д. Герасимове как авторе перевода сочинения Максимилиана Трансильвана (о М. Медоварцеве см.: *Силицина И. В.* 1) Книжный мастер Михаил Медоварцев. — В кн.: *Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 286—317; 2) Новые рукописи Михаила Медоварцева. Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974, с. 145—149.*

ной историей замечательного путешествия, доказавшего шарообразность земли; сообщал сведения о Южной Америке, островах Океании и Индонезии — сведения, которые к тому же были получены не из вторых рук, а от участников экспедиции Магеллана; рассказывал о политических взаимоотношениях между Испанией и Португалией на почве колониального соперничества. Обо всех этих важнейших событиях западной и всемирной истории перевод письма Максимилиана Трансильвана сообщал русскому читателю почти без опоздания, так как появился он несколько лет спустя после публикации письма в Западной Европе.

Если письмо Максимилиана Трансильвана познакомило русское общество с великими географическими открытиями, то некоторые другие памятники переводной литературы, появившиеся, как можно думать, тоже в 20-е годы XVI в., несли сведения еще об одном важном аспекте жизни Западной Европы — угрозе турецкого наступления и вопросе об организации ему отпора.

После захвата Константинополя в 1453 г. Мехмед II завоевал Сербию, греческие княжества Морей, герцогство Афинское, подчинил Албанию, овладел островами Эгейского моря. Сын Мехмеда II Баязид II (1481—1512) вел длительную войну с Венецией, а также с Венгрией и австрийскими Габсбургами, принудил Молдавию признать сюзеренитет Турции. При Селиме I (1512—1520) Европа получила кратковременную передышку, потому что основные удары турок были направлены на Восток (Селим I завоевал Сирию, Палестину, Египет), но при преемнике Селима I Сулеймане I Кануни (1520—1566) с новой силой возобновляется турецкое наступление на Европу.

Непосредственно России Турция долгое время не угрожала, поэтому дипломатические отношения между Россией и Турцией, установившиеся в конце XV в., сохраняли мирный характер вплоть до 1569 г., когда имела место попытка турок захватить Астрахань. Однако в первой половине XVI в., несмотря на отсутствие военных конфликтов, наличие турецкой угрозы ощущалось и в Москве. После захвата турками в 1475 г. Кафы и превращения крымского хана в турецкого вассала, после усиления в 20-е годы XVI в. турецкого влияния в Казани Русское государство оказалось в окружении враждебных ему, зависевших от Турции татарских ханств. В руках турок находился также Азов, являвшийся ключом от важного для русских донского торгового пути. Чтобы обезопасить себя со стороны татарских ханств, правительство Василия III добивалось заключения с Турцией договора о союзе, но эти усилия благодаря позиции турецкого правительства оказались тщетными. Все это обусловило наличие в русском обществе рассматриваемого времени интереса к турецкой проблеме, подогреваемого дипломатией Рима и Империи, стремившихся вовлечь Россию в борьбу с Турцией, и создавало благоприятную обстановку для проникновения в русскую

письменность памятников западной литературы, повествующих о турецкой теме.

Переводы двух памятников, посвященных турецкой теме, находятся в сборнике ГИМ, Синодального собрания № 791, составленном в Иосифо-Волоколамском монастыре в середине XVI в. Первый памятник — это принадлежащая перу итальянского гуманиста Энея Сильвия Пикколомини (с 1458 до 1464 г. занимал папский престол под именем Пия II) «Повесть о взятии Царьграда», перевод которой на русский язык был выполнен, как показал В. Ф. Ржига, Максимом Греком.²³⁸ Второй памятник, рассказывающий уже о современных (применительно к первой четверти XVI в.) событиях, представляет собой Послание султана Сулеймана Кануни правительству Венецианской республики с известием о взятии Родоса в 1522 г. Взятие Родоса, принадлежавшего ордену иоаннитов, являлось важным этапом в овладении турками Средиземноморьем. Русское правительство, отдававшее отчет в значительности этого события, позаботилось получить о нем сведения по дипломатическим каналам. В апреле 1523 г. русскому послу в Турции И. С. Морозову предписывалось: «Да пытати... как ныне турецкой с крымским и как с литовским, и с волошским, и с угорским, сказывают, что взял салтан Родос. Ино таки ли салтан Родос взял? И будет взял, ино салтановы люди ныне на Родосе? И родошаном что учинили?». ²³⁹ Интересовались, очевидно, взятием Родоса и в более широких кругах московского общества. Ответом на этот интерес и явился перевод Послания Сулеймана I Кануни, выполненный, как полагает Б. М. Клосс, также Максимом Греком, возможно с итальянского языка.²⁴⁰

Пожалуй, наиболее показателен для живого внимания русского общества к турецкой проблеме перевод анонимного произведения «Сказание брани венециан противу турецкого царя», который можно отнести (далее мы будем говорить об этом специально) тоже к 20-м годам XVI в.

«Сказание брани венециан противу турецкого царя» находится в составе сборника ГПБ, Q. IV, 412.²⁴¹ По своему содержанию

---

²³⁸ Ржига В. Ф. Кто перевел краткую Повесть о взятии Константинополя турками? — *Slavia*, год. XIII, seš. 1, 1934, p. 105—108. — К аналогичным выводам об авторе перевода пришел Б. М. Клосс (*Клосс Б. М. Максим Грек — переводчик Повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками»*. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М., 1974, с. 55—61).

²³⁹ Дунаев Б. И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916, приложение, с. 50.

²⁴⁰ Клосс Б. М. Максим Грек — переводчик Повести Энея Сильвия... с. 56.

²⁴¹ «Сказание», упоминающееся в каталоге рукописей П. И. Саввантова и библиографических материалах А. И. Соболевского (*Бычков И. А. Каталог собрания рукописей П. И. Саввантова*. СПб., 1900, с. 153; *Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.*

оно делится на три части. Первая часть (л. 14—14 об.) представляет собой введение публицистического характера, включающее рассуждение на тему о том, что «благый пастырь» иногда позволяет «раздирать» своих овец злым волкам; так, например, произошло сейчас, когда татары (под татарами подразумеваются в данном случае турки), «казня мир», всех поражают и господствуют над всеми. Случилось же это, как в свое время с ассирийцами, мидийцами, персами, греками и другими народами, потому, что люди не захотели повиноваться богу и заповедям его. Во введении развивается, таким образом, свойственная средневековым литературам, и русской в частности, идея о нашествии и господстве «неверных» как о наказании божьем за грехи человеческие. В конце введения указывается: чтобы сказанное стало ясным, далее приводится история турок, заимствованная из «предсуждения» латинского «с образы назаменными».²⁴²

Вторая часть (л. 14 об.—17) содержит изложение истории турок, точнее, турецких завоеваний, от правления первого турецкого султана Османа и до начала XVI в. Эта часть, построенная по образцу кратких западных хроник о турках, представляет собой, как указано во введении, перевод с латинского. Изложение истории турок ведется по «царям» — султанам. Названо 13 турецких «царей»: 1) «Отоман» — Осман (конец XIII—1326); 2) «Орхан» (1326—1359); 3) «Омурат» — Мурад I (1359—1389); 4) «Козаит» — Баязид I (1389—1402); 5) «Калапин» (кто подразумевается под именем Калапина, «пятого турецкого царя», сказать трудно; возможно, один из участников междоусобной борьбы, разгоревшейся после смерти Баязида I в Турецкой империи, когда в различных частях ее власть захватили несколько претендентов на престол²⁴³); 6) «Саламан» — Сулейман (1402—1410); 7) «Орхан, седьмой туркам царь» (возможно, этим именем назван также участник междоусобной борьбы начала XV в.); 8) «Моисей осмый» (вероятно, Муса, брат Сулеймана, после его смерти претендовавший на престол); 9) «Махомет» — Мехмед I (в 1413 г. восстановивший единство Османской империи); 10) «Амурат» — Мурад II (1421—1451); 11) «Махмет» — Мехмед II (1451—1481); 12) «Марнет» (под именем Марнета, двенадцатого туркам царя, подразумевается, очевидно, Баязид II (1481—1512)); 13) «Доглосей, а по турецки Самълишах, 13 турком царь» (имеется в виду Селим I, 1512—1520).

с. 238), лишь недавно было проанализировано и издано автором настоящей работы (Жакова Н. А. Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М., 1974 (далее — Сказание), с. 62—70).

²⁴² Сказание, с. 69.

²⁴³ О междоусобице в Турецкой империи после смерти Баязида I см.: Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. I. Gotha, 1908; Миллер А. Ф. Краткая история Турции [Б. м.]. 1948, с. 12.

После имени каждого султана и указания на порядковое место его в ряду турецких султанов называются важнейшие завоевания турок, совершенные во время правления данного султана.²⁴⁴ Таким образом рисуется картина расширения власти турок из Малой Азии на Кавказ, Причерноморье, Средиземное море и Балканский полуостров. Одновременно подчеркивается неудача попыток европейских держав оказать им сопротивление. С этой целью дается описание двух крупнейших поражений, нанесенных турками объединенным крестоносным войскам: поражения при Никополе в 1396 г., где были разбиты рыцарские отряды из Венгрии, Чехии, Германии, Польши и Франции, а их предводитель король Сигизмунд Венгерский едва спасся бегством, и поражения при Варне в 1444 г., где крестоносная армия также была разгромлена, а польский король Владислав III Ягеллон и папский легат кардинал Джулиано Чезарини пали на поле боя. О первом поражении рассказывается: «Калатин, пятый царь турком, христианейшаго кесаря Жигизмунда на поли Филадельфском близ Схилкаха жесточаише оружием победил и многих христианских воинов, конных и пеших, тамо от турчан бедне убиенных, и Жигизмунд с четырьмя воины своими едва избы...» (л. 15 об.). О втором сообщается: «Амурат, брат Махметев, десятый турком царь, Владислава, короля полскаго и гординаца Иулиана, святаго аггела, близ Филадельфии вкупе с 68 тысящ человек избранными без милости победил тако, яко 26 избыли, лета 1440...» (л. 16).

В приводимых при изложении истории турок фактах, как и в самом перечне султанов, порой имеют место путаница²⁴⁵ и даже (об этом мы будем еще говорить) прямой вымысел. Но масштабы турецких завоеваний и угроза, какую они представляли для христианских народов Европы, показаны правильно. Заканчивается история турок предсказанием, что наступит возмездие туркам и тогда «возрастет церковь в пребывание любви вечныя». Изложение истории турок ведется с резко антитурецких позиций: подчеркиваются жестокость и беспощадность турок, которые свои завоевания совершали «мечем и огнем», «жесточайшим оружием», «без милости».

Третья часть рассматриваемого памятника представляет собой публицистическое послесловие, где, как мы думаем, составитель русской версии произведения излагает свои мысли о планах турок, в частности о планах, касающихся России (л. 17—17 об.). Он пишет о том, что турки собираются, оставив «италиан и венециан», объединиться с татарами и покорить царство Русское, чтобы иметь «свободен приступ... по Аламании в Италию»

²⁴⁴ Сказание, с. 69—70.

²⁴⁵ Например, Сигизмунда Венгерского в 1396 г. разбил не неизвестный султан Калатин, названный в «Сказании», а вполне реальный султан Баязид I; король Владислав Польский и кардинал Джулиано Чезарини пали при Варне не в 1440 г., как это указывается в «Сказании», а в 1444 г.

и подчинить себе затем Италию, Францию, Испанию и «Аламатию». Руководствуясь этим замыслом, турки дважды посылали в Россию своих послов с осведомительными целями — «подсмотрения для», что и навело пишущего послесловие на высказанные им предположения.²⁴⁶

Решить вопрос о происхождении памятника и его авторе помогает на первый взгляд одно из произведений Максима Грека — «Слово противу тщашихся звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком». В некоторых рукописях это «Слово», датированное 1523 г., имеет более полный текст по сравнению с печатным изданием.²⁴⁷ Дополнение, отсутствующее в издании, включает изложение Максимом Греком содержания сочинения «немчина некоего», написанного к одному из своих друзей, в котором повествуется о «начале» турок, о том, каким образом они «вознесошася», и предсказывается, в частности, с помощью астрологии их гибель в недалеком будущем.

По мнению Н. Петрова, впервые издавшего дополнения к «Слову» Максима Грека, автором излагаемого последним сочинения о турках был Николай Шомберг,²⁴⁸ папский легат, который должен был передать Василию III буллу папы с призывом к борьбе с турками. По мнению В. Ф. Ржиги, вторично издавшего дополнительный к «Слову» Максима Грека текст, «некий немчин» — это Николай Булев; к точке зрения В. Ф. Ржиги присоединяются А. И. Иванов и А. А. Зимин.²⁴⁹ Предположение об авторстве Николая Булева нам тоже представляется более вероятным, так как Николай Шомберг в Россию не попал и о литературной деятельности его на русском языке ничего не известно. Николай же Булев, выходец из Германии, был не только врачом, но и публицистом, увлекавшимся астрологией и пропагандировавшим в Москве идею унии православной и католической церквей, отвечавшую интересам западного католического мира (он мог быть и пропагандистом антитурецких настроений, поскольку Запад добивался вовлечения России в антитурецкую лигу).

Сочинение «некоего немчина», вероятно Николая Булева, о турках, сохранившееся лишь в кратком пересказе Максима Грека, включало не только изложение истории турок и указание на их скорую гибель «при дръжаве Максимилианове или последователя его», но и предсказание об освобождении Константинополя («... чрез море же человеци узрятся прметати яко мухи

²⁴⁶ Сказание, с. 70.

²⁴⁷ Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, № 152.

²⁴⁸ Петров Н. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую. — Труды Киевской духовной академии, 1872, № 8, с. 708—709.

²⁴⁹ Ржига В. Ф. Неизданные сочинения Максима Грека, с. 90—91; Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека, с. 121; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 356—357.

и церкви святыя Софии воспримет мощь)). Включало оно и специальный астрологический текст: «Тогда бо Зевс со Аррисом озлобят отомщением противляющихся церкви и воинном ея, егда обоимуть хвост рыб и рога овънова, и возмездие примуть туркы с рассеанными от стада христианьского, тогда возрастетъ церковь в пребыванне любви вечныа, даже до лета господня 1576 г.». Это астрологическое предсказание совпадает с аналогичным предсказанием нашего памятника (л. 17),²⁵⁰ с той лишь разницей, что в сочинении «некоего немчина» назван Зевс, а в нашем памятнике — Кронос. Отмеченное текстуальное совпадение, а также совпадение темы и ее трактовки (история турок с предсказанием их гибели) в сочинении «некоего немчина» и нашем памятнике делают заманчивым предположение о том, что автором интересующего нас памятника был «некий немчин», скорее всего Николай Булев.

Однако этому предположению противоречит ряд наблюдений: 1) сочинение «немчина» было написано для некоего друга, в нашем же памятнике адресат отсутствует; 2) в сочинении «немчина» имелись предсказания о гибели турок в царствование императора Максимилиана I или же его преемника и об освобождении Константинополя, которые в нашем памятнике отсутствуют; 3) в сочинении «немчина» отсутствовало имеющееся в заключительной части нашего памятника рассуждение о планах турок в отношении России, об их намерении вместе с татарами покорить царство Русское. Эти различия, особенно отсутствие в сочинении «немчина» указания на планы татар и турок в отношении России (если бы такое указание было, то Максим Грек, специально интересовавшийся вопросом об угрозе России со стороны татар и турок, не мог его опустить в своем пересказе), заставляют отказаться от мысли, что Максим Грек в своем «Слове» имел в виду наш памятник и что автором его был «немчин» Николай Булев. Несомненное же сходство между сочинением «немчина» и нашим памятником объясняется, вероятно, тем, что в них были использованы варианты краткой истории турок и астрологические предсказания о их гибели, которые были распространены на Западе.

Центральная часть исследуемого памятника, излагающая историю турок, восходит, как указано в вступлении, к латинскому источнику, названному «предсуждением латинским». «Латинское предсуждение» являлось, по-видимому, произведением латиноязычной польской литературы. На эту мысль наводит сразу бросающаяся в глаза при чтении особенность памятника — присущее ему внимание к участию поляков в борьбе с турками. Отмечается, что первый турецкий царь «Отоман» (Осман) вел войны с пруссаками, поляками, русскими. Второй царь, Орхан, пал на поле боя в сражении с поляками «у града Канодимар-

---

²⁵⁰ Сказание, с. 70.

кна» (л. 14 об—15).²⁵¹ И первое, и второе является вымыслом,²⁵² но этот вымысел показателен. Далее, при описании царствования «Амурата» (Мурада II) отмечается, как уже указывалось, поражение, которое турки нанесли Владиславу, польскому королю, в битве при Варне в 1444 г.

Однако, несмотря на неряшливость предположения о том, что «латинское предсуждение», использованное в нашем памятнике, было произведением польской латиноязычной литературы, изложение истории турок в интересующем нас памятнике имеет существенные отличия от схемы, обычной для памятников польской литературы. В нашем памятнике для периода с конца XIII и до начала XVI в. названо 13 турецких «царей». В главе же «О турках» напечатанного в 1517 г. «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского для этого же периода названо 10 султанов: Отумани, Архан, Аммурат, Пезант, Альпин, Махумет, Аммурат II, Махомет, Баиссет, Селимбег.²⁵³ У Меховского отсутствуют имеющиеся в нашем памятнике между Калапином и Мехметом I «цари» Саламап, Орхан, Моисей. Состав султанов, аналогичный читающемуся у Меховского, находится и во «Всемирной хронике» Марциана Бельского, составленной в середине XVI в., и в переведенной с польского на русский язык «Повести о турках» (список XVII в.).²⁵⁴ Изложение истории турок в трех названных памятниках польской литературы отличается от такового нашего памятника не только по составу султанов, но и по фактическому содержанию. Кроме того, в них отсутствует имеющееся в нашем памятнике предсказание о гибели турок. Отличия от обычной для польской литературы схемы при изложении истории турок дают основания предположить, что латиноязычный (попавший в Россию из Польши) источник нашего памятника в свою очередь восходил к какому-то, возможно проникшему в Польшу из-за рубежа, произведению.

Не исключено, что первоначальный вид произведения был связан с кругом средиземноморской литературы. На эту мысль наводит заглавие «Сказание брани венециан противу турецкого царя». Очевидно, неизвестный прототип был посвящен описанию войны или какого-то крупного сражения между венецианцами и турками, изложение же истории турок входило в «Сказание» лишь в качестве составной части. Надо полагать, что «брань» венецианцев против турок, которой было посвящено «Сказание», имела место до 1503 г. Дело в том, что в правление Селима I,

²⁵¹ Там же, с. 69.

²⁵² См. описание истории турок в период правления Османа и Орхана: Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. I, S. 149—206; Миллер А. Ф. Краткая история Турции, с. 9—10.

²⁵³ Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. Введение, перевод и комментарии С. А. Аппинского. М.—Л., 1936, с. 86—89.

²⁵⁴ Kronika wszytkiego swiata... Kraków, 1554. л. 176—178 об.; ГПБ, Q.IV.126, л. 4 об.—7 об.

последнего из турецких султанов, фигурирующих в «Сказании», войн между Турцией и Венецией не было. В правление же его предшественника Баязида II, названного в «Сказании» Марнетом, происходила крупная война турок с венецианцами (1499—1502 гг.), закончившаяся подписанием в 1503 г. мира, сохранявшегося до 1537 г. Отметим, что имеющийся в нашем памятнике перечень завоеваний Марнета, который «оружием и огнем зло обдержа Сербию, Ратцию, Тфеодосию, Тфеодорию, Подолию, Валахию большую и меньшую, Бургурию, Ципуцию, Молдавию, Коринф, Ефес и Сутерим», завершается указанием на то, что Марнет с «венецианцы же докончание и мир вечный взял» (л. 16 об.).²⁵⁵ Думается, что под «вечным» миром с Венецией в данном случае подразумевается мир 1503 г. Самым крупным сражением предшествовавшей ему турецко-венецианской войны 1499—1502 гг. было морское сражение 12 августа 1499 г. у Наварина, которое венецианцы проиграли.²⁵⁶ Возможно, что описанию этого сражения (или всей войны 1499—1502 гг.) и был посвящен первоначальный вид «Сказания брани венециан противу турецкого царя». Возникло «Сказание», вероятнее всего, в Венеции, в литературе которой широкое развитие получила турецкая тема.

При переработке «Сказания» в Польше или, быть может, даже при переводе его на русский язык описание «брани» венецианцев против турок было опущено, а от прототипа памятника остались лишь изложение истории турок и заглавие, позволяющее приоткрыть завесу над родиной произведения и его первоначальным содержанием. В русской же версии «Сказания» к краткой истории турок, заканчивающейся предсказанием о грядущем возмездии туркам, было добавлено введение, содержащее философское рассуждение о нашествии неверных как наказании за грехи, и заключение, в котором речь идет о планах турок в отношении Русского государства.

Когда же возникла русская версия памятника?

Попытаемся сначала датировать ее латиноязычный источник. Мы уже отмечали, что последним турецким султаном, фигурирующим в «Сказании», является Селим I («Самълишах»). Правда, в «Сказании» имеются две даты, относящиеся ко времени после Селима I: в пророчестве, помещенном после изложения истории турок, указывается, что около 1523 г., когда «Крон со Аррисом озлобят» и «оба имут хвосты рыбы, рога овнова», турки получают возмездие, «и тогда возрастет церковь... даже до лета 1576» (л. 17).²⁵⁷ Но обе даты пророчества относятся не к настоящему времени, а к будущему. Это обстоятельство за-

²⁵⁵ Сказание, с. 70.

²⁵⁶ Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. II. Gotha, 1909, S. 290—293.

²⁵⁷ Сказание, с. 70.

ставляет полагать, что латиноязычный источник русской версии «Сказания» возник не позже правления Селима I, т. е. во втором десятилетии XVI в.

Единственный известный список русской версии «Сказания» относится к концу XVI—началу XVII в. Правда, И. А. Бычков, описывая рукописи П. И. Саввантова, определил почерк списка как скоропись середины XVII в.²⁵⁸ Но М. В. Кукушкина и Н. Н. Розов, любезно посмотревшие рукопись, считают, что это скоропись, характерная для конца XVI—начала XVII в. Водяной знак списка — кувшинчик с одной ручкой и литерами Ю. Кувшинчик с одной ручкой и аналогичными литерами у Брике (№ 12747) датируется для Москвы 1581 г.²⁵⁹ И хотя отождествить с ним кувшинчик нашей рукописи нельзя (у нашего кувшинчика неизвестна верхняя часть, так как она заклеена, кроме того, ножка тоньше, чем у кувшинчика Брике), мы считаем возможным на основании почерка датировать рукопись концом XVI—началом XVII в., учитывая, что водяной знак этой датировке во всяком случае не противоречит.

Однако сама русская версия «Сказания» возникла, как мы думаем, раньше. Установить когда, помогает анализ ее третьей части, публицистического послесловия, в котором редактор излагает свои соображения по поводу намерений турок: турки «италиан и венециан оставльше и сложився с татары, царство сие (русское. — *Н. К.*) покорят и свободен приступ имеют по Аламанию во Италию. Част бо, съветом иных, сиречь русаков, у него пребывающих, научен, легчае себе Италию, Францию, Испанию и Аламанию покорити мощи, аще прежде сие царство, сиречь Русское, обдержит» (л. 17 об. — рис. 1).²⁶⁰ Итак, действия и намерения турок во время, когда писалось послесловие, характеризовались, с точки зрения его составителя, тремя моментами: прекращением наступления на владения Венеции («италиан и венециан оставльше»), подготовкой к решительному наступлению на Европу («легчае себе Италию, Францию, Испанию и Аламанию покорити мощи»), в частности к наступлению на Империю («свободен приступ имеют по Аламанию»), стремлением для осуществления этих планов подчинить себе с помощью татар Русское государство («сложившись с татары... прежде сие царство, сиречь Русское, обдержит»).

К какому же периоду можно отнести обрисованную в послесловии международную ситуацию? Мир между Османской империей и Венецианской республикой был заключен, как известно,

²⁵⁸ Бычков И. А. Каталог собрания рукописей П. И. Саввантова, с. 153.

²⁵⁹ У Гераклитова есть кувшинчики с одной ручкой и литерами Ю, но они имеют над литерами изображение полумесяца, на нашем кувшинчике отсутствующие (*Гераклитов А. А.* Филиграфы XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963, № 484 (1631 г.), № 665 (1631 г.)).

²⁶⁰ Сказание, с. 70.

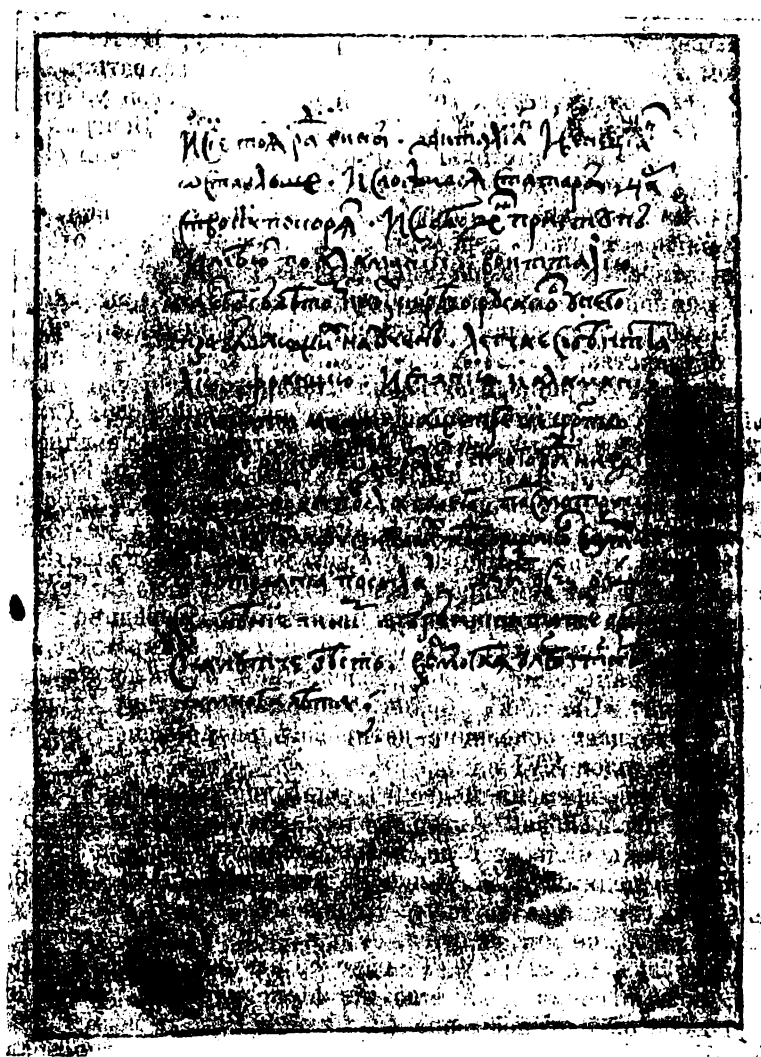

Рис. 1. Сказание о «брани» венецианцев с турецким «царем».
ГПБ, Q. IV.412, л. 17 об. Конец XVI—начало XVII в.

в 1503 г. и продержался до 1537 г. Если Селим I острее своих завоеваний обращал на восток (Сирия, Палестина, Египет), то сменивший его на султанском престоле в 1520 г. Сулейман Кануни объектом своей агрессии избрал Европу. В 1521 г. под натиском турок пал Белград, в 1522 г. турки захватили Родос, а во второй половине 20-х годов они направили свои удары против Центральной Европы: в 1526 г. взяли столицу Венгрии Буду, а в 1529 г. подошли к столице Империи Вене и осадили ее. Следовательно, подготовка турок к генеральному наступлению в Европе против Империи, о которой идет речь в послесловии, приходилась на время около середины 20-х годов XVI в. К этому же времени относится и возрастание угрозы России со стороны татар, за спиной которых стояла Турция: в 1521 г. крымский хан Мухаммед-Гирей совершил опустошительный поход против Русского государства, в 1524 г. казанский хан Сагиб-Гирей признал себя вассалом Турции и объявил Казанское ханство «юртом» Сулеймана. К сказанному добавим, что турецкий посол Скиндер, в 1522 и 1524 гг. побывавший в Москве, открыто похвалялся, что он подговорит турецкого султана начать вражду с Россией.²⁶¹ Все это, естественно, вызывало в Москве опасения в отношении намерений турок, особенно, если учесть, что Порта не соглашалась на заключение договора, которого добивалось правительство Василия III. Если суммировать все отмеченные нами черты турецкого аспекта международного положения в середине 20-х годов XVI в., то окажется, что они совпадают с характеристикой действий и намерений турок, изложенной в послесловии русской версии «Сказания брани венециан противу турецкого царя».²⁶² Это дает основание датировать ее временем около середины 20-х годов XVI в.

К этому же времени подводит еще одно наблюдение над содержанием послесловия. Автор послесловия дважды пишет о двукратном турецком посольстве, посылавшемся в Россию с осведомительными целями: 1) «...яко не неведомо есть о двоерядном турецком к сему пресловущему (русскому. — *Н. К.*) царству посольстве, иже, яко мне видится, в ложь, токмо подсмотрения для, учинены суть», (л. 17); 2) «То ради не единою, но двояжды посла своего, подсмотрения дела, яко же Моисей своих подозорщиков в землю обетованна, посылал» (л. 17 об.). Весьма возможно, что здесь имелось в виду двукратное посольство уже упоминавшегося нами Скиндера, которого московские власти подозревали в выполнении заданий разведывательного характера.²⁶³ Как известно, связи со Скиндером инкримпировались Максиму Греку,

²⁶¹ Дунаев Б. И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке, с. 28.

²⁶² Сказание, с. 70.

²⁶³ Дунаев Б. И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке, с. 27; Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. М., 1946, с. 88.

обвинявшемуся собором 1525 г. в измене России и тайных сношениях с Турцией. Таким образом, соображения автора послесловия о двукратном турецком посольстве, послылавшемся в Россию с целью шпионажа, соответствуют настроением, бытовавшим в русском обществе в середине 20-х годов XVI в.

Если предложенная нами датировка русской версии «Сказания брани венециан противу турецкого царя» правильна, то «Сказание» наряду с «Повестью о взятии Царьграда» Нестора Искандера, переводом «Повести» Энеса Сильвия и несохранившимся сочинением «некоего немчина», о котором писал Максим Грек в 1523 г., следует считать одним из самых ранних памятников турецкой темы в русской литературе XVI в. Оно является вместе с тем первым сохранившимся произведением русской письменности, содержащим хотя и краткое, но систематическое изложение истории турок. В предисловии и особенно послесловии русской версии «Сказания» нашли выражение размышления ее редактора над состоянием турецкого вопроса в середине 20-х годов XVI в. Благодаря соединению публицистических по своему характеру предисловия и послесловия с средней частью, восходящей к латинскому источнику, построенному по образцу западных хроник о турках, «Сказание» представляет собой своеобразное историко-публицистическое произведение, занимающее особое место среди памятников турецкой темы в русской литературе XV—XVI вв. «Сказание брани венециан противу турецкого царя» является также интересным памятником международных связей русской литературы XVI в. — непосредственных связей с литературой скорее всего соседней Польши и опосредованных — с литературой, быть может, далекой Венеции.

Кто был составителем русской версии «Сказания», неизвестно. Несомненно, что он был образованным человеком, не только знавшим латинский язык, но и обладавшим широкой эрудицией в вопросах истории и международных отношений своего времени. Очевидно, составитель русской версии был выходцем из Западной Руси. Об этом свидетельствуют западнорусизмы, имеющиеся в языке памятника («кравество», «Жигизмунд»²⁶⁴). Западно-русским происхождением составителя русской версии может быть объяснено и наличие в ее тексте этнонима «поляк». Этноним «поляк», необычный для русского языка XVI в., давно бытовал в польском языке и в качестве полонизма через Западную Русь, находившуюся под властью Польши, мог попасть в текст памятника.

Неизвестный выходец из Западной Руси, возможный составитель русской версии «Сказания брани венециан противу турецкого царя», окупившийся в атмосферу русского общества с его острым интересом к турецкой теме, сумел создать памятник, зна-

---

²⁶⁴ На связь языка памятника с языком Западной Руси обратил наше внимание Н. А. Мещерский, которому автор приписит благодарность.

комящий русского читателя с историей турок и современным состоянием турецкого вопроса. Но, быть может, автор русской версии руководствовался не только просветительными целями. Возможно, что, создавая памятник, в котором подчеркивались грозные размеры турецкой опасности для христианских народов Европы (в том числе, с точки зрения автора, и для русского) и предсказывалось скорое падение турецкого владычества, автор хотел воздействовать на политические круги России для вовлечения ее в антитурецкую лигу. Этой акции добивались, как мы уже указывали, Рим и Империя. Весьма вероятно, что она имела сторонников и в Польше (напомним, что автор был выходцем из края, ей подвластного), понимавших, что вовлечение России в антитурецкую лигу усилит позиции Польши в борьбе с Турцией и, кроме того, будет способствовать ликвидации затянувшегося польско-русского конфликта. Таким образом, автор интересующего нас памятника не только отражал настроения русского общества, живо интересовавшегося турецкой темой, но и выступал, как можно думать, в какой-то мере пронагандистом идей западной дипломатии. Не случайно основная идея памятника — о страшной угрозе со стороны турок христианским народам Европы — совпадала с аналогичной идеей, развиваемой имперскими посланцами Сигизмундом Герберштейном и Франциском де Колла в Москве в 1517—1518 гг., чьи «речи» сохранила Посольская книга сношений России с Империей (см. с. 82—83).

Помимо памятников переводной литературы, сообщающих о великих географических открытиях и турецком наступлении на Европу, в сборниках XV—XVI вв. встречаются произведения, рассказывающие еще об одной стороне жизни европейских стран — поражающих их грозных стихийных бедствиях. Происхождение этих рассказов трудно установить, но, вероятно, они тоже были связаны с переводами иностранных памятников.

Наиболее ранний из интересующих нас рассказов находится в сборнике Кирилло-Белозерского собрания № 9/1086. Названный сборник входит в число сборников известного кирилло-белозерского книгописца второй половины XV в. Евфросина, бывшего не только писцом, но и составителем, и редактором сборников. Для сборников Евфросина характерны энциклопедичность интересов и широкий охват самой различной тематики.²⁶⁵ В сборнике Кирилло-Белозерского собрания № 9/1086 на л. 517—519 об. находится статья под названием «Послание Феофила Дедеркина на Москву великому князю Василию Васильевичу из-за Римья из латинны», содержащая рассказ о землетрясении «в Римской

---

²⁶⁵ См.: *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность Евфросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII, 1961, с. 130—168; *Дмитриева Р. П.* Приемы редакторской правки книгописца Евфросина. (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка *Задонщины*). — В кн.: *Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла.* М.—Л., 1966, с. 264—291.

стране» в ночь с 4 на 5 декабря 1456 г., во время которого погибло 45 городов (они перечислены).

П. Симони, опубликовавший памятник в предисловии к своему изданию «Задонщины», поставил вопрос: не мог ли быть Феофил Дедеркин, упомянутый в заглавии, «доктором», врачом Феофилом, присутствовавшим, согласно свидетельству летописи (ПСРЛ, VI, с. 267, 271), вместе с другим врачом Николаем Булевым при смерти Василия III. «Самое прозвище „Дедеркин“ напоминает что-то испорченное, иноземное». П. Симони указал также на наличие в тексте «Послания Феофила Дедеркина» многих полонизмов: часто употребляемого слова «местечко», «пан», «паньство», «шыкоту терпел», «годиниы» (в смысле «часы») и др.²⁶⁶

Я. С. Лурье, возражая против атрибуции П. Симони, отметил, что «Послание Феофила Дедеркина» представляет собой не «сказку», записанную спустя почти 80 лет после даты, указанной в «Послании», а рассказ об огромном землетрясении, действительно происшедшем, как это показывает сопоставление с иностранными источниками, в Италии и других странах Западной Европы в ночь с 4 на 5 декабря 1456 г. «История проникновения послания на Русь (и установление его иностранного источника) требует еще дополнительного исследования».²⁶⁷

Ни П. Симони, ни Я. С. Лурье, которым принадлежат единственные в научной литературе высказывания по поводу «Послания Феофила Дедеркина», не обратили внимания на то, что в русской письменности XV—XVI вв. имеются еще два известия о страшном землетрясении, постигшем Европу в XV в. Оба они отмечены В. Малининым.

Первое из отмеченных В. Малининым известий находится в «Послании» по случаю морового поветрия старца Псковского Елеазарова монастыря Филофей, датированном 1521 г. «30 лет минуло, — пишет Филофей, — [как] в европейских и в германских странах всех градов и мест паде 50 и два: овы море потопи, другиа от труса падоша, иных земля пожре; иде же грады или места, тамо пропасти и ныне свидетельствуют».²⁶⁸ В. Малинин считает, что имеющееся в «Послании» хронологическое приурочение (тридцать лет назад, т. е. в 1491 г.) нельзя считать точным, так как Филофей писал скорее всего на основании слухов, а землетрясение в Европе, о котором он сообщал, могло иметь место и раньше.²⁶⁹

---

²⁶⁶ Симони П. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. III. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий. — Сб. ОРЯС, т. С, № 2, 1922, с. 13—14.

²⁶⁷ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Евфросина в конце XV в., с. 154—155.

²⁶⁸ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, с. 30.

²⁶⁹ Там же, с. 233—234.

Второе из указанных В. Малинным известий содержится в рукописи XV в. Киевского Михайловского Златоверхого монастыря. Это запись о гибели ряда европейских городов во время землетрясения 4 декабря 1459 г. Текст статьи сохранился не полностью: начало его отсутствует. Приведя текст сохранившейся части, В. Малинин замечает: «К сожалению, статья, в которой речь идет о разрушении и гибели городов в Европе, не имеет начала, вследствие чего нет возможности установить точного соотношения между известиями Филофея и записи... Как бы то ни было, приведенная нами из рукописи Михайловского монастыря запись лишняя раз удостоверяет, что во второй половине XV в. в пределах России действительно известно было о катастрофе, постигшей многие из европейских городов».²⁷⁰

Если в трудах П. Симони и Я. С. Лурье остались неучтенными оба приведенных В. Малинным известия о землетрясении в Европе, то Малинин в свою очередь не привлек для исследования затронутого им сюжета «Послания Феофила Дедеркина». Между тем сопоставление всех трех памятников дает возможность сделать, как мы попытаемся это показать, не лишние выводы.

Начнем с текстологического сопоставления сохранившегося в рукописи Киевского Михайловского Златоверхого монастыря отрывка и последней части «Послания Феофила Дедеркина».

Отрывок

...стом пропал. Любиа город мурованыи и з местом пропал; поле светлое, где люд(п)и мног(о) и сам нан места тог(о) в землю пропал. Ламизинвоус город и с местом пропал. В великом месте Неополи дивное падение полат и людеи, а город изломился. Аверса город в доумех многиних испустошена, а плачет по мертвых. Арьяньса город тако же испустошена. Арьянум город, великог(о) деяя страха две тыячи и двесте людеи оумръши нало. Падулос город вес искажен. Витюлянуи город вес в землю и с людьми впал. Цихриа малаа, Цихриа великая пропали. Тяязум город також(е) ся испортил. Фунды город терпело, коли ламало. Местечька 4 в паньстве Молизни в землю пропал. Пестосолнет город испортился, в землю пропал, толко ся остало однадет дворов. Бова город в подоле пропал в землю. Скура город с треми великими землями, великими месты також(е)

Послание

24. Варенемю город и с местом пропал. 25. Любиа город мурованыи и с местом изломился; поле светлое, где людеи много, и сам нан места того в землю впал. 26. Салмизноус город и земля места того впали. 27. Цихриа малаа и Цихриа великаа пропали. 28. Лантриа город и с местом пропал. 29. В великом месте Неополи дивное падение полат и людеи, а город изломился. 30. Аверса город такую же щькоут терпел. 31. Маппа город в домех многих испустошена, а плачет по оумерлых. 32. Арьяньска город також испустошена. 33. Аврьянум город великаго деяя страха две тыячи и двесте людеи оумерше нали. 34. Падулос город весь пропал. 35. Витюланом город весь в землю и с людьми впал. 36. Тяанум город також пропал. 37. Фунды город терпел, коли место ломпло. 38. Местечка четыре в паньстве Молизн в землю пропали. 39. Пестолнет город в землю пропал, толко же ся оста-

²⁷⁰ Там же, с. 234—235.

в землю пропали. Гора город, Ворон город тако ж(е) зломилс(я). Цикаля город и иных городов и мест мн(ого), опроч(е) тог(о). Запже где коли ни ес(ть) столец владычский, как коли соут мурован. Тесны местечко в Фрязской земли и такж(е) в Паполин город великий, и Нутер город, и Троя город впади в землю. А так ся то стало в лето 6967 месяца декабря в 4 на святых великомученицы Варвары день, за три години до света перед божим парожением.²⁷¹

ло 11 дворов. 40. Бока город в долини пропал в землю. 41. Скура город с трема великими землями и великими места також в землю впади. 42. Гора город, Ворон город тако пзломилс(я). 43. Цикаля город и иных городов много и мест опроче того. 44. Занеже, где коли не есть столец владычский и како, коли суть мурованы тесны местечка. 45. В Фрязской земля, также в Паполин город великий, и Нутер город и Троя город впади в землю. А так ся състало, месяца декабря в 4 день на святых Варвары день за три години до света. В лето 6965.²⁷²

Сопоставление показывает, что перед нами, несомненно, два списка одного и того же произведения. Отвлекаясь от имеющихся в списках пропусков и перестановок в тексте, отметим два существенных разночтения: в Киевском списке в качестве года землетрясения назван 1459 (6967) г., в Кирилло-Белозерском — 1456 (6965); в Киевском списке отсутствуют порядковые номера при перечислении городов, пострадавших от землетрясения, в Кирилло-Белозерском они имеются. Не ставя сейчас вопроса о том, какой список передает более ранний этап истории текста памятника, остановимся на содержании Кирилло-Белозерского списка, поскольку он является единственным сохранившим полный текст произведения.

Кирилло-Белозерский список начинается с указания на происхождение «князя Микалаа латинского языка и веры», который пророчествовал за три недели до праздника рождества Христова, а затем умер. Через три дня после его пророчества в «Римской стране» произошла страшная «погибель», которую не в состоянии описать писари всех стран, даже если бы они соединились. За этим введением следует составляющий основную часть текста памятника перечень 45 городов и местечек, пострадавших от землетрясения. В ряде случаев к названию географического пункта добавлено несколько слов, описывающих постигшее их бедствие. Заканчивается перечень датой землетрясения: в ночь с 4 на 5 декабря, за 3 часа до света, в 1456 г.²⁷³ В перечне можно узнать названия ряда итальянских городов. О том, что речь идет о землетрясении, поразившем Италию, свидетельствуют также указания в «Римской стране» — в начале памятника, во «Фрязьской земле» — в конце.

²⁷¹ Там же, с. 234.

²⁷² Симонов П. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, с. 15—16.

²⁷³ Там же, с. 14—16.

Я. С. Лурье отметил, что в статье Кирилло-Белозерского сборника рассказывается о землетрясении, действительно поразившем Италию в декабре 1456 г.²⁷⁴ Источники, говорящие о том, что ночью 4 декабря 1456 г. постигла от землетрясения Южная Италия, опубликованы в «Историческом архиве Неаполитанской провинции».²⁷⁵ Из числа изданных источников к интересующей нас статье русских сборников ближе всего текст, напечатанный под заглавием «Questa lettera del crudele malanno e successo del terremoto avvenuto nel paese la mezzanotte, vigilia di S. Nicolao, anno domini 1456, fu spedita al reverendo Cardinal Colonna dal regno Sicilia e di Napoli».²⁷⁶ Этот текст представляет собой перечень городов и местечек Южной Италии, пострадавших от землетрясения накануне дня св. Николая 1456 г. Перечисляемые города и местечки пронумерованы (всего назван 71 географический пункт). Иногда к названию города или местечка добавлено несколько слов, рисующих размеры происшедшей катастрофы. И по своему характеру, и по названиям ряда городов и местечек рассматриваемое письмо, написанное на итальянском языке,²⁷⁷ настолько близко к рассказу о землетрясении в Италии сборников Кирилло-Белозерского и Киевского Михайловского Златоверхого монастырей, что можно поставить вопрос о том, не является ли итальянский текст источником русской версии рассказа.²⁷⁸ Думается, что к иностранному оригиналу ближе Кирилло-Белозерский список, имеющий нумерацию (на полях рукописи) пострадавших от землетрясения мест (в Киевском списке она отсутствует), а также правильную дату землетрясения — декабрь 1456 г. (в Киевском списке — декабрь 1459 г.).

Киевский список рассказа о землетрясении, несмотря на свою вторичность по сравнению с Кирилло-Белозерским списком, а также дефектность текста (напомним, что он сохранил лишь вторую часть рассказа), чрезвычайно важен, ибо помогает уяснить пути проникновения произведения на Русь. Согласно описанию Н. И. Петрова, рукопись Киевского Михайловского Златоверхого монастыря представляет собой сборник уставного письма XV в., в восьмерку, на 288 листах, без начала и конца,

²⁷⁴ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в., с. 154—155 (литературу об этом землетрясении см. там же, прим. 173).

²⁷⁵ Archivio storico per le province Napoletane, anno X. Napoli, 1885, p. 345—359; anno XII. Napoli, 1887, p. 151—155; anno XIII. Napoli, 1888, p. 782—787.

²⁷⁶ Ibid., anno X, p. 353—356. — Свое наблюдение о близости текстов названного итальянского источника и «Послания Феофила Дедеркина» нам любезно сообщил Я. С. Лурье.

²⁷⁷ По мнению издателя письма, оно написано уроженцем Баварии (Archivio storica per le province Napoletane, anno X, p. 346).

²⁷⁸ Сохранившаяся русская версия не представляет собой прямого перевода иностранного источника, она является его переработкой.

со следующей заметкой на обороте л. 168: «Книга, зовомая При-
точник, Васка писаря, пана Миколаа Раздивиловича, в лето
6991, индикта 1».²⁷⁹ Следовательно, сборник был написан
в 1483 г. (интересующий нас отрывок находится на л. 171 сбор-
ника) и написан для польского пана (не принадлежал ли хозяин
писаря к роду Радзивиллов?). Южнорусское происхождение сбор-
ника легко объясняют многочисленные полонизмы, имеющиеся
в обоих списках рассказа о землетрясении, а эти полонизмы
в свою очередь свидетельствуют о том, что архетип русской вер-
сии рассказа возник в Южной Руси и оттуда достиг стен Ки-
рилло-Белозерского монастыря. Каким образом в заглавии Ки-
рилло-Белозерского списка, написанном рукой Ефросина,²⁸⁰ по-
явилась атрибуция «Послание Феофила Дедеркина», остается
загадкой.

Что касается известия из «Послания» Филофея 1521 г. о зем-
летрясении «во европейских странах», во время которого «всех
градов и местъ 50 паде», то оно, несомненно, восходит к анали-
зируемой нами русской версии рассказа о землетрясении в Ита-
лии в 1456 г., сохранившейся в сборниках XV в. Кирилло-Бело-
зерского и Киевского Михайловского Златоверхого монастырей.
Это предположение подкрепляют встречающийся у Филофея по-
лонизм «местъ» (в значении «населенный пункт») и количество
погибших городов и мест: 50 — у Филофея, 45 — в Кирилло-Бело-
зерском списке рассказа.

Восходящая к написанному на итальянском языке источнику
русская версия рассказа о землетрясении в Италии в 1456 г.,
возникшая во второй половине XV в. на юге России, нашла,
таким образом, отклик в сочинениях видного писателя первой
половины XVI в. старца Псковского Елеазарова монастыря Фи-
лофея.

Еще об одном стихийном бедствии в Италии рассказывает
статья, сохранившаяся в двух сборниках XVI в. (ГИМ, Епарх.
собр. № 405 и ГПБ, Q.XVII.15). Статья имеет заголовок: «Изло-
жение истинно истиннейшее и предивнейшее вестей от Неаполь-
ского града от господина Лудовика, того же града воеводы: како
Неаполь водою умиление истребися в день 11 октября месяца,
еже вси вместо потопа нарицати могут».²⁸¹ В ней рассказывается

---

²⁷⁹ Петров Н. И. Описание рукописных собраний, написанных в городе
Киеве, вып. II. М., 1897, с. 218.

²⁸⁰ Текст статьи написан не Ефросином, по ему принадлежит сделан-
ный на полях счет погибших в «Заримь» городов (Лурье Я. С. Литера-
турная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце
XV в., с. 132).

²⁸¹ ГПБ, Q.XVII.15, л. 284—285. — Этот список статьи указан В. Ма-
лининым (Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, с. 235)
и А. И. Соболевским (Переводная литература Московской Руси XIV—
XVII вв., с. 236). Р. П. Дмитриева выявила второй список — ГИМ, Епарх.
собрание № 405 (Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. —
ТОДРЛ, т. XXVIII, 1974, с. 220).

о страшной буре с «неизреченными млыными и величайшими громами, и сильнейшими ветры и грознейшим и необычным дождем», бушевавшей над Неаполем в ночь на 11 октября 1523 г. В результате необычайного ливня оказались затопленными Неаполь и его окрестности на протяжении 18 верст, под порывами ветра падали каменные здания, срывались мосты и каменные ограды, священные предметы из храмов уносились в море. Сила наводнения была такова, что его, как сказано в заголовке, можно было считать «потопом». За этой статьей в обоих сборниках следует краткая заметка о землетрясении в Венгрии в 1524 г., во время которого проваливались в землю дома и церкви.²⁸²

А. И. Соболевский считал, что оба рассказа — о наводнении в Неаполе и землетрясении в Венгрии — переводного происхождения и оригиналы их были опубликованы на Западе на одном летучем листке. Проникли рассказы в Россию очень рано, что доказывается датами содержащих их сборников: сборник ГПБ, Q.XVII.15, принадлежавший перу игумена Волоколамского монастыря Нифонта Кормилицина, был написан до 1543 г., сборник ГИМ, Епарх. собрание № 405 составлен иноком того же монастыря Дионисием Звенигородским в 20-е годы XVI в.²⁸³ Следовательно, уже в 20-е годы, т. е. в то время, когда на Западе произошли рассматриваемые события, известия о них были записаны в Волоколамском монастыре. Каким образом интересующие нас известия попали в Волоколамский монастырь, сказать трудно. Вероятно, оригиналы их были привезены в Россию кем-либо из итальянцев или русских дипломатов, а переводы, сделанные скорее всего в кругах Посольского приказа, по каким-то неизвестным каналам очень скоро достигли степ Волоколамского монастыря.

Проникновение в Россию уже во второй половине XV в. рассказа о землетрясении в Италии в 1456 г. и в 20-х годах XVI в. известия о буре и наводнении в Неаполе в 1523 г. — свидетельство культурных контактов России со странами Западной Европы, особенно с Италией, и интереса к их жизни со стороны русских книжников.

---

²⁸² Текст заметки опубликован А. И. Соболевским (Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 236).

²⁸³ *Дмитриева Р. П.* Волоколамские четьи сборники XVI в., с. 220.

Глава III

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СЕРЕДИНЫ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

В середине и второй половине XVI в. в Западной Европе происходили глубокие и сложные процессы. В таких передовых странах, как Англия и Нидерланды, развивались капиталистические отношения. Новым формам социально-экономической жизни соответствовала новая идеология: Реформация, зародившаяся в первые десятилетия XVI в. в Германии, охватила Нидерланды, Францию, Англию и перебросилась в страны Северной Европы. Формы и размах реформационного движения в разных странах были различными. В Нидерландах борьба за новую религию явилась оболочкой национально-освободительной борьбы против гнета феодально-католической Испании. В Англии Реформация, совершившаяся при поддержке королевской власти, желавшей взять в свои руки земельные богатства церкви, приняла умеренный характер и привела к созданию англиканской церкви. Во Франции разгорелись так называемые религиозные войны (между католиками и гугенотами), являвшиеся выражением сложного переплетения социальных отношений.

На другом полюсе политической жизни Европы находились католические страны, где восторжествовала феодальная реакция. Возглавлялся этот лагерь Испанией, обладавшей колоссальными колониальными владениями и большим морским флотом. Постоянными и активными участниками коалиции католических государств являлись также римские папы и австрийские Габсбурги, занимавшие трон Священной римской империи германской нации.

Противоборство двух политических лагерей западноевропейских стран приводило к острым конфликтам: борьбу Нидерландов, восставших против испанских Габсбургов, поддерживали прогрессивные абсолютистские режимы Англии и Франции. На морских просторах разыгрались столкновения между Англией и Испанией, основу которых составляла борьба за колонии и господство на море.

Соперничество двух группировок западноевропейских стран осложнялось турецким вопросом. Турки после битвы при Мохаче (1526 г.) овладели большей частью Венгрии, и турецкая граница теперь проходила недалеко от Вены, столицы Австрии. На Средиземном море турки угрожали владениям Венеции и Испании. Для борьбы против турок не раз создавались «священные лиги», непременными участниками которых были австрийские и испанские Габсбурги, римский папа, Венеция. Что касается Англии и Франции, то, не подвергаясь прямой опасности со стороны турок, они были заинтересованы в развитии торговли с Турецкой империей и, кроме того, рассматривали Турцию как силу, ослабляющую их политических соперников (Испанию, Империю).

Середина и вторая половина XVI в. были полны яркими и драматическими событиями и в истории России.

Реформы 50-х годов, приведшие к укреплению Русского централизованного государства, совпадали с его блестящими внешнеполитическими успехами: в 1552 г. была присоединена Казань, тем самым ликвидирован очаг постоянной военной опасности на восточных границах России, в 1558 г. с целью приобретения выходов к Балтийскому морю была начата Ливонская война, ознаменованная в первый период крупными успехами русского оружия.

Но вскоре в столь, казалось бы, успешном развитии России наступил поворот: в стране установился опричный террор, подорвавший ее внутренние силы. России в ходе Ливонской войны, после разгрома Ливонского ордена, являвшегося историческим анахронизмом, пришлось иметь дело с сильными балтийскими державами: Речью Посполитой (объединенными унией Польшей—Литвой), Швецией, Данией. Война закончилась поражением России.

Вступление России в борьбу за Прибалтику привело к расширению и усложнению внешнеполитических контактов. Первостепенное значение в них в связи с Ливонской войной имели отношения России со своими непосредственными противниками — Речью Посполитой и Швецией, а также с Данией, позиция которой оказывала большое влияние на ход борьбы за Прибалтику. Одновременно сохраняли значение для России взаимоотношения с Империей. Главное содержание их в рассматриваемое время составляли переговоры по поводу судьбы престола Речи Посполитой, на который претендовали и Габсбурги, и Рюриковичи. Продолжались сношения и с римскими папами, стремившимися примирить Россию с Польшей и вовлечь московское правительство в антитурецкую коалицию. Наряду с традиционными сношениями с названными державами во внешнеполитической истории России в середине XVI в. была начата новая глава: сношения с Англией, завязавшиеся после того, как в 1553 г. к устью Северной Двины бурей прибило корабли Ченслера. И в Москве, и в Лондоне правильно оценили перспективы, кото-

рые открывало это событие, и во второй половине XVI в. между Англией и Россией установились добрые отношения, экономическую основу которых составляли оживленные торговые связи.

Несмотря на неудачный для России исход, Ливонская война, продолжавшаяся 25 лет, показала могущество России. О силе «Московита» настойчиво говорили при европейских дворах, писали в «летучих листках». Со своей стороны московское правительство живо интересовалось положением дел в Европе. Главным источником информации о ней по-прежнему являлся Посольский приказ, а также отлаженная в нем документация.

* * *

«Цесарские книги» (посольские книги сношений России с Империей) второй половины XVI в. сохранили материалы сношений царя Ивана IV с императорами Максимилианом II и Рудольфом II за 1573—1578 гг., с папой Григорием VIII и Венецией за 1580—1582 гг., сношений царя Федора Ивановича и боярина Бориса Федоровича Годунова с императором Рудольфом II и его братом австрийским эрцгерцогом Максимилианом за 1585—1594 гг., царя Федора Ивановича с императором Рудольфом II за 1594—1596 гг., царя Федора Ивановича и боярина Бориса Годунова с Рудольфом II и эрцгерцогом Максимилианом за 1597 г., царя Бориса Федоровича и сына его царевича Федора Борисовича с императором Рудольфом II и эрцгерцогом Максимилианом за 1599 г.

«Цесарские книги» с 1576 г. и до конца века входят в состав фонда Сношений с Австрией и Германской империей (ЦГАДА, ф. 32, кн. 1—9). Эти книги были изданы в «Памятниках дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. I—II. Книга же за 1573—1575 гг. находится в фонде Сношений с Данией (ф. 53, оп. 1, кн. 2) и до сих пор остается неизданной;¹ очевидно, она попала в фонд Сношений с Данией в силу того, что обмен посольствами между Максимилианом II и Иваном IV в 1573—1574 гг. осуществлялся через Данию и при посредстве датского короля.²

¹ О том, что рассматриваемая нами книга первоначально входила в состав «цесарских книг», свидетельствует «Опись Посольского приказа 1614 г.»: в ней названная книга среди «дацких книг» не числится, но зато в перечне «цесарских книг» под 7081 г. указаны материалы посольства в Россию имперского посла Магнуса Паули и отпуска русского посла к императору К. Скобельдына, а под 7083 г. — материалы вторичного приезда в Россию Магнуса Паули и отпуска русского посла к императору Никола Ушакова (см.: Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960, с. 114). Это те материалы, которые в настоящее время составляют вторую книгу фонда Сношений России с Данией.

² Книга, о которой идет речь, начинается с документации посольства датского посланника Е. Изенберга, одной из целей которого было получение от Ивана IV разрешения на проезд послов императора.

«Цесарские книги» второй половины XVI в. по составу и характеру входящих в них документов аналогичны книгам конца XV—начала XVI в. Но одна группа документов в интересующих нас книгах имеет существенное отличие: это статейные списки русских послов. Они снабжены теперь определенным заголовком: «А се список, как ся у них (послов. — *Н. К.*) государево дело делалось»³ — и включают наряду с отчетом о выполнении данного послам поручения последовательное повествование о путешествии послов от выезда их из России до возвращения на родину. Статейные списки оформляются, таким образом, в качестве особого вида русской письменности, соединяющего в себе дипломатическую документацию с рассказом о зарубежных странах.

В интересующем нас плане — посольские книги как источник известий о Западной Европе — «цесарские книги» второй половины XVI в. (как и книги конца XV—начала XVI в.) содержат сведения главным образом о внешней политике Габсбургов. Но вместе с тем в них имеются известия, касающиеся внутривнутриполитической жизни самой Империи.

В статейных списках русских послов отражен состав императорской семьи и происходившие в ней перемены. Так, в статейном списке посольства князя З. Сугорского и дьяка А. Арцыбашева (посольство продолжалось с мая по декабрь 1576 г.) сообщается о смерти императора Максимилиана II и предстоящей коронации его сына Рудольфа.⁴ В статейном списке Я. Молвянинова и Т. Васильева (посольство с марта 1582 г. по январь 1583 г.) приводятся данные об императоре Рудольфе II и его братьях: императору 28 лет, у него четыре родных брата — Эрнст 26 лет, Матвей («Матияш») 24 лет, Максимилиан 22 лет, Венцель («Венцлав») 19 лет.⁵

Встречаются отдельные известия о структуре Империи и соотношении входящих в нее политических сил. В неопубликованном рассказе З. Сугорского и А. Арцыбашева о своем посольстве, который Я. С. Лурье считает дневником, положенным позже в основу статейного списка,⁶ читаются следующие любопытные наблюдения: «Большие люди у цесаря живут в думе, а под ними своя государственва, курвистры и удельные князи, великии люди. А коли цесаря на государстве не будет, и те курвистры выбирают цесаря на государство, а опроче их никто не выбирает».⁷ Русские послы обратили внимание на порядок выборов императора коллегией курфюрстов и политическую раздробленность Германии: курфюрсты и «удельные князья» (примечен русский

³ Возможны незначительные варианты.

⁴ ПДСДР, т. I, стб. 709.

⁵ Там же, стб. 889.

⁶ Лурье Я. С. Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 г. — Истор. записки, т. 27, 1949.

⁷ ГПБ, Эрмитажное собрание № 98, л. 169.

термин) имеют «свои государства». Я. Молвянинов и Т. Васильев, посетившие Империю спустя шесть лет, говоря о военных силах императора, отметили, что «в собрание у цесаря живет воинских людей его области шестьдесят тысяч, опричь паемных людей; а коли живет большое собрание, и тогда ему на пособь дают дяди его, уделные князи его области, саской князь да боравские (sic!) князи»; тут же послы сочли нужным подчеркнуть, что «силнее цесаря казною его уделный саской князь Август».⁸ В этой заметке отражена политическая раздробленность Империи, состоявшей из отдельных княжеств, владельцы которых оказывали императору военную и финансовую помощь; правильно подчеркнуто богатство одного из самых могущественных германских князей — курфюрста Саксонского.

В «цесарских книгах» получили отражение и некоторые аспекты отношений императора с другим общеимперским органом власти — рейхстагом; так, во включенном в книгу переводе грамоты Рудольфа II Ивану IV от 11 января 1581 г. император пишет, что желаемые великим князем послы еще не посланы, так как «то дело наше не одно, а есть к тому делу Римского святого царства корфишты (курфюрсты. — *Н. К.*) и князи и чиновные святого Римского царства... И мы то чиновным Римского царства поизвестим, да приговор, на чем слово будет, вашей любви известим». Здесь зафиксирован факт обращения императора к рейхстагу для принятия решений по наиболее важным политическим вопросам. Существовавший в Империи порядок обсуждения важнейших вопросов на заседаниях рейхстага подмечен и в стайном списке А. Резанова, который, сообщая о внутриимперских делах во время своего пребывания у императора в 1580 г., писал, в частности: «...и быти было цесарю на съезде в Нереберхе (Нюрнберге. — *Н. К.*) ноября в 24 день, на болшом съеме о болших всех делех, и всем кухверстом и графом; и съезд не стася, за то что явилось поветрее во многих местех и розболелся кухверст Сацкой. А, сказывают деи, нынеча будет у цесаря съезд на Иван день рожества Предтечева, о всех делех и о всей земле в том же Нореберхе».⁹

Русские послы обратили внимание и на существование в Империи особой политической силы — «вольных» (имеющих свою конституцию) городов. В стайном списке А. Власьева, проехавшего в 1599 г. Германию с севера на юг, назван ряд «вольных» городов: Штаде («Стод»), Магдебург («Махдеборх»), «волной город цесарев», Нюрнберг («Нюрборк»), «город волной», Ротенбург («Родомберх»), «город волной». На примере Штаде выразительно охарактеризованы широта самоуправления, которой пользовались «вольные» города, и незначительность в них власти императора: «Стод место вольное, цесаря ни в чем не слушают,

⁸ ПДСДР, т. I, стб. 889—890.

⁹ Там же, стб. 836, 829.

только имя его, а владеют бурмистры». ¹⁰ Роль органов городской власти в Любеке и других городах рельефно выступает и при описании приемов, которые устраивали русским послам бургомистры и ратманы, и при изложении переговоров, которые они вели с посланцами из далекой Московии.

Отметили русские послы (Я. Молвянинов и Т. Васильев) неоднородность вероисповедания в Империи, установившуюся после Реформации: «А веры цесарь римские, а саской (саксонский. — *П. К.*) князь и брандобрской (брандебургский. — *П. К.*) веры люторские, и многие князи люторские веры». ¹¹

В дневнике З. Сугорского и А. Арцыбашева сохранилось единственное известие (в русских посольских делах оно больше не встречается) об источниках поступлений в казну императора. Во время пребывания русских послов в Регенсбурге осенью 1576 г. З. Сугорский спрашивал представленного к нему «пристава»: «Откудева цесарю собираец казна большая и середняя и меньшая?». Пристав ответил, что доходы идут императору с городов, собирают деньги с «полатников» (домовладельцев?) и со всяких торговых людей, с корчем, «кому даны держати», «да з бап откупы» (*der Baup* — право суда, которое император давал на откуп). Далее русские послы правильно передали разъяснение «пристава» о том, что основные поступления в казну императора идут с золотых и серебряных рудников: «Да большая самая казна цесарю идет с руды, 7 тысяч золотые да серебряные: и ту руду копают цесаревы мастера». Послы отметили также, что доходы поступают и с других рудников — свинцовых, оловянных и медных. ¹²

Хотя в «цесарских книгах» встречаются сведения о различных аспектах внутривполитической жизни Империи, но они носят единичный и случайный характер. Основной вопрос, получивший освещение в «цесарских книгах», — это, как мы уже упоминали, внешняя политика Габсбургов, преимущественно в отношении Речи Посполитой. Такая направленность «цесарских книг» объясняется спецификой русско-имперских отношений того периода, посвященных главным образом польским делам.

В связи со смертью в 1572 г. последнего польского короля из династии Ягеллонов Сигизмунда II Августа вопрос о судьбах престола Речи Посполитой в 70-х годах XVI в. играл большую роль в политике европейских государств. В Речи Посполитой столкнулись, в частности, интересы двух стремившихся к европейской гегемонии королевских домов: австрийских Габсбургов, предложивших в качестве кандидата на польский трон сына императора Максимилиана II Эрнста, и французских Валуа, выдвигавших кандидатуру принца Генриха Анжуйского. На польский

¹⁰ ПДСДР, т. II. СПб., 1852, стб. 657—660, 685, 727, 735.

¹¹ Там же, стб. 688.

¹² ГПБ, Эрмитажное собрание № 98, л. 204—205 об.

престол претендовал и Иван IV, чью кандидатуру предложила влиятельная часть польско-литовской шляхты, надеявшаяся путем избрания в короли московского царя покончить с засильем в своей стране магнатов. Однако литовские магнаты, не симпатизировавшие Ивану IV, но в то же время боявшиеся выступить против него открыто, сумели добиться того, что в завязавшихся в начале 1573 г. польско-литовско-русских переговорах речь шла о возможном заятии престола Речи Посполитой уже не Иваном IV, а его сыном царевичем Федором.¹³

Император Максимилиан II и его окружение, опасавшиеся в случае избрания на престол Речи Посполитой Генриха Анжуйского усиления Франции — своего основного соперника в Европе, — сделали попытку привлечь на свою сторону русского царя. Достижение этой цели являлось главной задачей миссии гонца императора Магнуса Паули, прибывшего летом 1573 г. в Россию, при этом габсбургская дипломатия использовала весьма своеобразные средства.

Магнус Паули в своих «речах» поведал о «кручинах», которыми охвачен император. Его первая «кручина» была связана с Варфоломеевской ночью (24 августа 1572 г.), о событиях которой Паули рассказал следующее: «... король французский воевался с королем нафарским, а воевался, умыслил злодейским обычаем, чтобы с ним помириться, а помирився, зговорил сестру свою за нафарского короля. И король нафарской приехал на свадьбу, а с ним многие люди великие приехали. И король нафарского, зята своего, изымал и посадил в тюрьму, и ныне сидит в тюрьме, а людей его, всех бояр и дворян и всяких людей и з женами и з детьми то же почи побил и до одинова, а сказал — побил их для веры, что они не его веры, да которое и его земли и то же веры с тем королем з нафарским, а французской не той веры, и король французской и тех побил: всего в то время побил всякого человека и со младенцы до ста тысяч. И королю и всея царской области и всем крестьянским государем пригоже о том болезновати и кручинитися, а с тем злодеем со французским ни знатца, кроме над ним мстить: то, чего ни в которых землях не бывало, что он учинил».¹⁴

Рассказ Магнуса Паули правдиво передает ряд событий, связанных с Варфоломеевской ночью: борьбу во Франции двух вероисповедных лагерей: видимость примирения между ними в связи с женитьбой наваррского короля Генриха на Маргарите Валуа,

---

¹³ *Uebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des XV. Jahrhunderts*, Bd. I. Wien u. Leipzig, 1906, S. 400—403; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен, кн. III, т. VI. М., 1960, с. 634—635; *История Польши*, т. I. М., 1956, с. 239.

¹⁴ ЦГАДА. ф. 53, оп. 1, кн. 2, л. 30 об.—31 об. — Напечатано: *Дурье Я. С.* Известие о Варфоломеевской ночи в русских «посольских делах» XVI в., с. 224—225. — Здесь же дается подробный анализ рассматриваемого известия.

сестре французского короля Карла IX; вероломное и жестокое избиение по приказу Карла IX съехавшихся в Париж по случаю свадьбы гугенотских дворян, а также простых горожан Парижа (число погибших преувеличено). Показательно, что, говоря об избиении во время Варфоломеевской ночи лиц, исповедовавших другую веру, нежели король Франция, Паули умалчивает о том, что это была за вера. Это умолчание не является случайным: очевидно, Паули поступил так по указанию императора, представителя всегда верных католицизму Габсбургов, опасавшегося в силу этого, что его неожиданное сочувствие протестантам может показаться подозрительным.¹⁵

Истинные мотивы осуждения императором действий французского короля и сочувствия жертвам Варфоломеевской ночи раскрывает продолжение речей Паули: «А се ныне король французский брата своего отпускает на королевство Польское и на Великое княжество Литовское, а по ссылке турецкого салтана, и то цысарю кручина. И цысарь со всею областью цысарскою приговорил, и сторожи и заставы устави, чтобы французской не проехал на Коруну Польскую и на Великое княжество Литовское. То его кручина же для всего кристьянства — коли французской с турецким салтаном будет в дружбе, а брат его будет король польской и князь великий литовской, и кристьянским государем будет тяжко».¹⁶ Из продолжения речей Паули явствует, что осуждение императором вероломства французского короля и ужасов Варфоломеевской ночи было вызвано политическими мотивами — стремлением очернить французского короля, чтобы не допустить занятия его братом престола Речи Посполитой; при этом императора беспокоило не только то, что польский престол ускользнул бы из рук Габсбургов, но и укрепление вследствие этого позиций в Европе злейшего врага Габсбургов — Турции (напомним, что Франция находилась в добрых отношениях с Портой).

Император не ограничился моральным осуждением французского короля. Паули передал Ивану IV желание императора об избрании на престол Речи Посполитой либо сына императора Эрнста, либо московского царя, чтобы потом «то государство поделити: Коруну бы Польскую к цысарю, а Литовское великое княжество к Московскому государству, и стояти бы им с одного против турецкого и против всех татарских государей».¹⁷ Таким образом, Максимилиан II был готов пойти на раздел Речи Посполитой, чтобы такой ценой подчинить Польшу своему влиянию и добиться вступления России в антитурецкую лигу.

Пока Паули путешествовал из Вены в Россию, в Польше состоялись выборы короля (май 1573 г.): королем Речи Посполитой

---

¹⁵ Лурье Я. С. Известие о Варфоломеевской ночи в русских «посольских делах» XVI в., с. 225—227.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 53, оп. 1, кн. 2, л. 31 об.—32.

¹⁷ Там же, л. 33—34.

был избран французский принц Генрих Анжуйский, давший обязательство сохранять все вольности «всех чинов» Короны и Княжества, что означало в первую очередь сохранение всех прав магнатов и шляхты. Копию соответствующей грамоты Генриха Анжуйского, приобретенную в Риге, Паули привез с собой царю.¹⁸

Как мы видим, гонец императора, побывавший в России летом 1573 г., привез с собой ряд важных известий о жизни Европы: соперничестве австрийских Габсбургов и французских Валуа из-за польского престола, внутренней борьбе во Франции и, что особенно интересно, о кровавой Варфоломеевской ночи.

В рассматриваемой посольской книге запечатлена и реакция Ивана IV на эти известия. В грамоте императору Максимилиану II от 31 июля 1573 г. русский царь писал: «А что . . . скорбишь о кроворазлитие, что учинилось у францовского короля в его королевстве, несколько тысяч и до сущих младенцев избито, и о том крестьянским государем пригоже скорбети, что такое безчеловечество францовский король над толиким народом учинил и кровь толикую без ума пролил».¹⁹ Таким образом, в оценке Варфоломеевской ночи и поведения французского короля Иван IV солидаризировался с императором. Такая солидарность объясняется тем, что Иван IV посредством соглашения с Габсбургами о будущем польско-литовского престола надеялся нейтрализовать своего главного противника в Ливонской войне — Речь Посполитую; утверждение же на престоле Речи Посполитой французского принца таких перспектив не сулило. Именно поэтому русский царь в грамоте императору положительно отзывался о предпринятых им мерах для того, чтобы воспрепятствовать проезду в Польшу Генриха Анжуйского.²⁰

Однако в отношении французского кандидата на польский престол Максимилиан II оказался решительным лишь на словах: когда Генрих Анжуйский отправился в Польшу, то он был беспрепятственно пропущен через Германию. Об этом сообщил в своем статейном списке Константин Скобельцын, посланный к императору летом 1573 г. в ответ на миссию Паули и возвратившийся в Россию летом 1574 г. Решение императора, вопреки его прежним призывам, пропустить Генриха Анжуйского в Польшу Скобельцын объяснял стремлением императора избежать войны с Францией и Турцией, которая могла бы вспыхнуть в случае, если бы император чинил препоны Генриху Анжуйскому.²¹ Таким образом, сложная дипломатическая борьба европейских держав за престол Речи Посполитой в период первого польского бескоролья, перипетии которой запечатлелись в рассматриваемой нами посольской книге, закончилась утверждением на престоле Речи Посполитой Генриха Анжуйского.

¹⁸ Там же, л. 36—36 об.

¹⁹ Там же, л. 65—65 об.

²⁰ Там же, л. 69—69 об.

²¹ Там же, л. 151 об.—152.

Но правление французского принца в Польше оказалось кратковременным. 18 февраля 1574 г. был торжественно отпразднован его въезд в Краков в качестве польского короля, а уже в июне того же года Генрих, по получении известия о смерти своего брата короля Франции Карла IX, тайком бежал из Польши в Париж, чтобы занять французский престол.²² В Речи Посполитой началось новое бескорольевье, а вместе с ним и новый тур напряженных дипломатических комбинаций европейских держав, заинтересованных в подчинении своему влиянию Польши—Литвы.

В 1576 г. по поводу судеб польско-литовского престола в Москве вели переговоры имперские послы Ганс Кобенцль и Даниэль Принц, а затем в Праге, где находилась резиденция императора, русские послы З. Сугорский и А. Арцыбашев. Имперские послы говорили, что после смерти польского короля Сигизмунда II Августа на польский престол был избран «нынешний король французской», который, «не долго живучи, королевство покинул, прочь поехал».²³ Экскурс послов императора в недавнее прошлое Речи Посполитой и биографию французского короля Генриха III (бывшего принца Генриха Анжуйского) послужил прелюдией к изложению плана императора в отношении престола Речи Посполитой.

Максимилиан II хотел, чтобы его сын «архикнязь» (эрцгерцог) Эрнст был избран польским королем, и с этой целью просил через своих послов царя оказать поддержку кандидатуре Эрнста. Была выражена также просьба отвести русские войска от ливонского рубежа, так как Ливония подвластна императору («ливонские люди его милости цесаря Римского и святой земле Немецкой во всяк час над собою их имеют»). Наградой московскому царю должен был явиться переход под его власть «Греческого царства» в результате совместного выступления против турок царя, императора, Эрнста (в качестве польского короля), испанского короля, римского папы и иных государей.²⁴ Русское правительство со своей стороны выдвинуло план избрания на престол Великого княжества Литовского русского царя, а в случае отказа Литвы отделиться от Польши готово было поддерживать кандидатуру Эрнста и на польский трон, и на литовский. Что касается Ливонии, то в отношении ее Иван IV твердо придерживался позиции, что Ливония «изначала наша от прародителей наших».²⁵

Австрийским дипломатам удалось договориться с польскими сенаторами о провозглашении польским королем в конце 1575 г. императора Максимилиана II, но возмущенная польская шляхта избрала королем турецкого кандидата воеводу Семиградского Стефана Батория, коронованного в 1576 г. В Польше началась между-

---

²² *Uebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des XV. Jahrhunderts*, S. 420—422.

²³ ПДСР, т. I, стб. 520.

²⁴ Там же, стб. 523—529.

²⁵ Там же, стб. 541—542, 589.

усобная война, которая не прекратилась со смертью Максимилиана II в октябре 1576 г. Все эти события, в известной мере обусловленные деятельностью дипломатии Габсбургов, нашли отражение на листах посольской книги. Во внесенной в нее грамоте панов радных Великого княжества Литовского Ивану IV от 20 февраля 1576 г. и в грамоте императора Ивану IV от 8 апреля 1576 г. сообщается об избрании императора Максимилиана на Корону Польскую и Великое княжество Литовское.²⁶ Иван IV в ответной грамоте императору от июля 1576 г., выражая радость по поводу его избрания польским королем, писал, что «из Литовские земли вести учинились после твоей, брата нашего дражайшего, грамоты», что паны радные «обрали, мимо тебя, на королевство Полское Степана Батору воеводу Семиградцкого», который был коронован в Кракове.²⁷ З. Сугорский и А. Арцыбашев в своем статейном списке писали о предполагавшемся походе Максимилиана II против Батория, не состоявшемся из-за смерти императора; послы сообщали далее о предстоящей коронации Рудольфа, после которой новый император пойдет на Краков.²⁸

Следующий этап деятельности австрийской дипломатии в отношении Речи Посполитой освещен в материалах сношений царя Федора Ивановича и боярина Бориса Годунова с императором Рудольфом II и его братом австрийским эрцгерцогом Максимилианом.

После смерти Стефана Батория в 1586 г. в Польше наступило третье бескорольевье. В это время среди польско-литовских магнатов и шляхты образовались три партии: одна поддерживала кандидатуру на престол Речи Посполитой русского царя Федора Ивановича, вторая — шведского наследного принца Сигизмунда Вазы, третья — представителя Габсбургов эрцгерцога Максимилиана, брата императора Рудольфа II.²⁹ Габсбурги, как это имело место в 1573 и 1576 гг., предприняли попытку заручиться поддержкой Москвы. В апреле 1587 г. в Москву в качестве посла эрцгерцога прибыл Гейприх Гойгель с сообщением о том, что 30 июня 1587 г. в Польше состоится сейм для избрания короля и что польские паны предлагают корону эрцгерцогу Максимилиану. В речи Гойгеля, а также в привезенной им грамоте Максимилиана Федору Ивановичу содержалась просьба к русскому царю поддержать кандидатуру Максимилиана. Федор Иванович в ответных грамотах Максимилиану, а также императору Рудольфу II обещал послать на элекцию послов с наказом добиваться выбора в польские короли либо Федора Ивановича, либо Максимилиана.³⁰

²⁶ Там же, стб. 625—629, 635—638.

²⁷ Там же, стб. 641—643.

²⁸ Там же, стб. 709.

²⁹ *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI—начале XVII в. М., 1973, с. 16—27.

³⁰ ПДСДР, т. I, стб. 978—979, 981—983, 990—991, 999—1000.

Федор Иванович свое обещание выполнил, но вмешательство русской дипломатии успеха не имело: польским королем под именем Сигизмунда III стал шведский принц, что повлекло за собой вторжение военных сил эрцгерцога в Польшу. Афанасий Резанов, отправленный послом к императору и эрцгерцогу Максимилиану в январе 1588 г., в отписке из Смоленска от 29 января так описал эти события: «...свейского сын ныне в Кракове, и сажают его на королевство не многие паны и со всею землею он на королевство не укрепился, а цесарев деи брат Максимилиан ныне стоит в Полше, а с ним многие люди». Продолжение информации содержится в сообщении смоленского воеводы М. П. Катырева от 15 февраля 1588 г.: литовские торговые люди говорили, что канцлер Ян Замойский (главный сторонник Сигизмунда Вазы) «побил» цесарева брата Максимилиана арцыкнязя австрийского и на королевство в Кракове сел «свейского сыну». ³¹ В материалах посольства в Москву имперского посла Николая Варкоча (прибыл в Москву в марте 1589 г., уехал в июле) уточняются обстоятельства неудачного вторжения Максимилиана в Польшу, попавшего в плен к Сигизмунду, и повторяется просьба о помощи Максимилиану. ³²

После освобождения из польского плена и возвращения на родину эрцгерцог Максимилиан в 90-е годы продолжал претендовать на польский престол. Но в политике императора в отношении планов эрцгерцога произошли изменения: Рудольф II, появив бесперспективность стремления посадить на польский трон австрийского принца, попытался подчинить Речь Посполитую своему влиянию путем соглашения с польским королем Сигизмундом III Вазой. Одновременно австрийская дипломатия принимала меры к тому, чтобы в тактичной форме отклонить исходившие из Москвы предложения о поддержке на польский престол притязаний Максимилиана, в реализации планов которого московское правительство усматривало средство обезвредить для себя Речь Посполитую. ³³

Все указанные zigzag политики Габсбургов в отношении Речи Посполитой зафиксированы в «цесарских книгах». Николай Варкоч, посол императора, в 1593 г. во время своего второго приезда в Москву говорил, что Максимилиан собирается вторгнуться в Польшу. ³⁴ «Цесарев человек» Ян Прочинский в 1595 г. писал, что Максимилиан находится «в верхних Угрех» близ Кракова и продолжает называть себя «королем польским выбранным». Лу-

³¹ ПДСДР, т. I, стб. 1048, 1082—1083.

³² Там же, стб. 1124—1125, 1146—1149. — Наиболее подробно история вмешательства Максимилиана в польские дела изложена в поданном Николаем Варкочем боярам письмо «о Максимилианове деле, как ся у него деялось литовское дело» (ПДСДР, т. I, стб. 1159—1166).

³³ *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI—начале XVII в., с. 49—50, 55, 102—112.

³⁴ ПДСДР, т. I, стб. 1328—1330.

каш Павлов, гонец императора, в 1597 г. передал грамоту Максимилиана Борису Годунову, в которой Максимилиан писал, что свои планы в отношении Короны Польской и Великого княжества Литовского он лишь отложил «для нынешнего воинского дела (война с Турцией. — *Н. К.*) до иного времени, а не так, что то дело в забвенье учинити». Но тем не менее уже в 1594 г., посещая Москву в третий раз, Николай Варкоч привез весть о том, что «литовской король ныне с государем нашим цесарским величеством в миру». Еще отчетливее изменения в политике правительства Рудольфа II в отношении Речи Посполитой выступают из статейного списка А. Власьева, посетившего императора в 1599 г. Во время переговоров с советниками императора в Пльзене А. Власьев добивался разрешения на встречу с Максимилианом, которого московское правительство продолжало прочить на польский престол, но советники императора сказали, что не ведают, «где ныне Максимилиан». В конце концов русскому дипломату удалось настоять на своем, и встреча с Максимилианом состоялась, но Рудольф II через своих советников дал ясно понять, что не поддерживает авантюрных планов своего брата: А. Власьеву было объявлено, что Максимилиан без ведома императора с польским королем и с поляками «в такую недружбу вшел»; далее было подчеркнуто, что польский король (Сигизмунд III) теперь императору «послушен и любителен показался» и император королю и полякам «мстити не хочет».³⁵

В «цесарских книгах» последней четверти XVI в. наиболее полно освещена деятельность Габсбургов в отношении Речи Посполитой (мы изложили данные посольской книги, характеризующие это направление политики Габсбургов, очень кратко, так как ее объектом были государства Центральной, а не Западной Европы). Но в документации «цесарских книг» отражены и другие аспекты имперской политики. Поскольку сведения о них в «цесарских книгах» тесно переплетаются с известиями о международных отношениях в Западной Европе и о событиях в отдельных западноевропейских странах, постольку мы будем рассматривать их в едином комплексе.

Сведения о политической жизни в Западной Европе попадали в посольские книги в довольно большом количестве прежде всего в силу того интереса, который проявляло к ним московское правительство, понимавшее важность для выработки своего внешнеполитического курса обстоятельной информации о том, что делалось на Западе.

Уже в конце XV—начале XVI в., как мы отмечали, обязательной составной частью наказов русским послам, отправляемым за границу, являлось предписание «пытати», как обстоят «дела» у государей, к которым они отправлялись, с другими европейскими государями. Во второй половине XVI в. эти предписания расши-

³⁵ Там же, т. II, стб. 156, 380, 483, 706, 738—744, 747.

ряются. Приведем в качестве примера соответствующее место одного из самых ранних, сохранившихся от второй половины XVI в. приказов русским послам, посылаемым к императорам, — наказа Никону Ушакову, отправленному к Максимилиану II в начале 1575 г.: «Да проведати Никону себе тайно: литовские паны к цесарю о какове деле послов или посланников присылавали ли, и будет присылали, и кого именем и о какове деле; и цесареве послы или посланники в Литве у панов бывали ли? Да и то проведати: францовского королевича на Корупу польскую и на Великое княжество Литовское пропустили через Цысареву землю и через Дацкого, и будет не пропустили, и каким обычаем не пропустили? И вперед у цесаря и у всех немецких государей, что умышление о том, и что им вперед любее, чтоб на Корупе польской и на Великом княжестве Литовском был царь и великий князь или францовской королевич, и что им ис того любее будет? И какова цесарева область воинскими людьми издволена и казною, и много ли с цысарем живет воинских людей в походе? И каков силен людьми воинскими францовской и казною, и нет ли францовскому розни меж своих людей, и ссылки с цысарем францовскому есть ли, и будет есть, и о чем? Да и то Никону проведати: цесарь с папою римским и с венецеяны и с королем испанским, и с ангилейскою с королевною, и с четцкым, и с шкатцком королем и со всеми своими соседы в докончанье ли, и будет в докончанье, и с которым государем в докончанье и с которым в недокончанье? И турскому с цесарем ссылки бывали ли, и будет бывали, и о какове деле турскому с цесарем ссылки бывали? И угорской король, сын цесарев, ныне турскому дань дает ли, и будет дает, и что дает дани? И вперед цесарю и соседом его, сложась с ним, стоять ли на турского, и чаят ли его на турского походу и сколь борзо? Да что протче про все дела проведает, и Никону те дела все записать и привезти ко государю царю и великому князю».³⁶

Если исключить вопросы наказа Никону Ушакову, касающиеся кандидатуры французского принца на польский престол и связанные с ними вопросы о внутреннем положении во Франции, как обусловленные спецификой момента, то в наказе останутся перечисление проблем, затрагивающих буквально все аспекты внешней политики Империи: отношения императора с французским, испанским и шотландским королями, английской королевой, римским папой, Венецией и особенно, конечно, с Литвой и Турцией. Все эти вопросы, составляющие остов раздела наказа Никону Ушакову, посвященного внешней политике Империи и международным отношениям в Западной Европе, встречаются во всех других наказах русским послам к императорам во второй половине XVI в.: К. Скобельцыну (1573 г.), З. Сугорскому и А. Арцыбашеву (1576 г.), Ж. Квашнину (1577 г.), А. Резанову (1580 г.),

³⁶ ЦГАДА, ф. 53, оп. 1, кн. 2, л. 216—217.

И. Шевригину (1580 г.), Я. Молвянинову и Т. Васильеву (1582 г.), Л. Новосильцеву и Я. Заборовскому (1584 г.), А. Резанову (1588 г.).³⁷ Некоторые различия, имеющиеся в наказах в круге перечисляемых вопросов, по поводу которых послам давалось предписание «проведывать», были обусловлены, как мы это показали на примере наказа Никону Ушакову, спецификой международной ситуации в Западной Европе во время составления того или иного наказа.³⁸

Повторяемость содержания и текста рассматриваемого раздела наказов послам свидетельствует об устойчивости внимания русского правительства к определенному комплексу международных отношений на Западе и о выработке в Посольском приказе во второй половине XVI в. твердых правил оформления дипломатической документации, в частности наказов отправляемым за рубеж послам. Характерно, что во всех сохранившихся наказах послам предписание собирать сведения о европейских делах выражено формулой «проведати... тайно». Можно думать, что, давая это указание, русское правительство исходило из правильного предположения о том, что сведения, полученные послом по официальным каналам при дворе Габсбургов, будут преломлены через призму их интересов, сведения же, собранные «тайно», неофициальным путем, явятся более объективными.

Во второй половине XVI в. окончательно оформляются, как мы уже говорили, в качестве особого вида документации и статейные списки русских послов. Отличительной особенностью статейных списков является соединение в них черт дипломатического документа — отчета посла о выполненном поручении — с описанием путешествия посла и его рассказа о зарубежных странах. Последнее делает статейные списки особенно ценным источником для поставленных в настоящем исследовании целей.

Выполняя предписание «проведати» о европейских делах и «те дела все, записав, привезти ко государю, царю и великому князю», послы старательно собирали соответствующие сведения и вносили их в свои статейные списки. В результате почти в каждом статейном списке есть раздел, включающий информацию о политической жизни и международных отношениях в Западной Европе и начинающийся обычно формулой «и проведывал (посол имя рек)», за которой следуют ответы на поставленные в наказе вопросы.³⁹ Иногда эта формула несколько модифицируется,

---

³⁷ Там же, л. 97—99; ПДСДР, т. I, стб. 611—612, 734—736, 781—782, 811—812, 858—860, 924—926, 1043—1045.

³⁸ Рассматриваемая часть наказов послам к императорам имеет значительные отличия от обычного формуляра в памяти М. Вельяминову и А. Власьеву от апреля 1595 г., в которой в связи с происходившей в то время войной между Империей и Турцией большая часть вопросов касалась отношений между ними (ПДСДР, т. II, стб. 221—222).

³⁹ См., например, статейный список А. Резанова (1581 г.): ПДСДР, т. I, стб. 828.

ним в его государстве — Брабанская, Вландерская, Голанская, Селанская» (Брабант, Фландрия, Голландия, Зеландия). Испанский король «сбирается на Матиаса, хочет с ним о той земле битися»; с императором же испанский король «в миру». Французский король «Ендрик» (Генрих III Валуа) с императором также состоит в мире, но «бьется с своими людьми о вере: он держит латынскую веру, а люди его держат люторскую веру». Между турецким султаном и императором сейчас перемирие. С римским папой Григорием император «во единстве».⁴⁷

Характеризуя международное положение Империи (император состоит в мире с Испанией, Францией, в перемирье с Турцией и особенной близости с Римом), русский посол большое внимание уделил взаимоотношениям между австрийскими и испанскими Габсбургами. Он отметил существовавшие между ними тесные отношения: в 60-х годах в связи с конфликтом со своим наследником доном Карлосом Филипп II вел переговоры о приезде к испанскому двору своих племянников, двух австрийских эрцгерцогов, для подготовки их к наследованию испанского престола, позже Филипп II хотел использовать их для управления частями своей огромной державы;⁴⁸ все эти сложные взаимоотношения скрывались за коротким известием русского дипломата о том, что два брата императора находятся у испанского короля «в науке». Московский посол подметил и недовольство Филиппа II попыткой другого своего племянника Матвея Габсбурга утвердиться, преследуя собственные интересы, в Нидерландах: в 1576 г. Матвей отправился в Нидерланды, где был признан правителем по инициативе умеренного крыла нидерландской революции, сторонники которого в призвании Матвея усматривали возможность освобождения страны от испанского ига, не прибегая к крайним мерам.⁴⁹ Очень интересно известие о религиозных войнах во Франции, король которой, по словам Ж. Квашнина, принадлежал к «латинской» (католической) вере, значительная же часть населения (гугеноты) придерживалась «люторской веры». Статейный список Ж. Квашнина является первым в русской письменности документом, в котором разъясняется вопрос о том, к каким вероисповеданиям принадлежали противоборствующие части французского общества. В связи с термином «люторская вера» отметим, что в последующих статейных списках русских послов все разнообразие реформационного движения в европейских странах обозначались как «люторские».

В статейном списке Афанасия Резанова, гонца к императору Рудольфу II, возвратившемуся в Москву 26 июня 1581 г., сообщается об обмене послами между императором и французским, испанским, шотландским королями, английской королевой, рим-

⁴⁷ Там же. стб. 760—761.

⁴⁸ Рафаэль Альтамира-и-Кревеа. История Испании, т. II. М., 1951, с. 83.

⁴⁹ Пиренн А. Нидерландская революция. М., 1937, с. 221—224.

ским папой и Венецианской республикой; особенно подчеркивается оживленный обмен послами «о совете и о любви» между императором и французским и испанским королями⁵⁰ (австрийские Габсбурги, как уже отмечено, были тесно связаны с испанскими, отношения же с Францией, напряженные в первой половине 70-х годов в связи с притязаниями Габсбургов и Валуа на польскую корону, к началу 80-х годов улучшились). Касаясь положения в самой Франции, А. Резанов записал: «А нынеча у францовского короля розни в земле нет»,⁵¹ отметив таким образом временное затишье в ходе гражданских войн, наступившее после заключения мира в Пуатье в 1579 г. А. Резанов приводил новости и о положении дел на Пиренейском полуострове: «Взял шпанской король Португалское королевство и стал государем в Португалском королевстве»⁵² (в 1581 г. Филипп II добился присоединения к Испании Португалии с ее огромными колониальными владениями).

Отдельные известия о международных отношениях, как и о состоянии дел внутри Империи, переплетаются в списке А. Резанова со сведениями о братьях императора: «А на половине Угорской и на Чешском королевстве, на чем был королем Руделф, не посажен брат цесарев ни один королем, а ведают к цесареве области с одного; а два брата цесаревы Эрнест да Максимилиан живут в Ведне арцыкняжатами» (русский дипломат правильно подметил стремление императора к централизации власти; именно поэтому Рудольф II оставил свободными чешский и венгерский престолы и сосредоточил управление Чехией и Венгрией в своих руках). О двух других братьях императора, Альберте и Венцеславе, находившихся в Испании, сообщалось, что Венцеслав год назад умер, а Альберт живет у испанского короля. Что касается последнего брата императора Матвея (в 1576 г. признанного правителем Нидерландов), то он продолжает находиться «в Недерлянской земле».⁵³

Еще более подробная информация о международных отношениях в Западной Европе содержится в статейном списке посольства Я. Молвянинова и Т. Васильева, побывавших в 1582 г. у императора и римского папы. Послы большое внимание уделили турецкой теме, правильно подчеркнув, какую угрозу для Империи представляло непосредственное соседство с турецкими владениями: две трети Венгерской земли, писали послы, находятся под властью султана, а с трети и с Чешского королевства император уплачивает султану ежегодную дань в 300 тысяч ефимков и посылает дань досрочно, чтобы не разгневать султана; «а блюдется цесарь турского, потому что Угорская его треть и Цесарева область сошлись с Турскою землею: от цесарева города от Ведны

---

⁵⁰ ПДСДР, т. I, стб. 829—830.

⁵¹ Там же, стб. 829.

⁵² Там же, стб. 829—830.

⁵³ Там же, стб. 830.

(Вены) до турецкие грапицы двенадцать миль». Русские дипломаты отметили также отсутствие единого фронта европейских государств против Турции: «А цесарю съединачась с папою, и со шпанским королем, и с венецийским князем и со всеми пограничными суседы, и мочно против турецкого стоять, да совету меж их на турецкого нет: все от него блюдуться, и в мысли у них того нет, что им едипачиться на турецкого». Против турецкого султана «стоит» один испанский король; римский папа уплачивает испанскому королю Филиппу ежегодную «дань» в 200 тысяч «золотых черленых» для того, чтобы Филипп его оборонял от турок. Записали Я. Молвянинов и Т. Васильев новости и о взаимоотношениях между Турцией и Венецианской республикой: в прошлом, в 90-м (1582), году султан потребовал, чтобы Венеция отдала ему на обрезание его новорожденного сына города «Карцыру», «Корфун»⁵⁴ или «землю Кретинскую Кандию» (город Кандию на острове Крит); венецианский «князь» (дож) собирается откупиться деньгами, а «землями турецкого дарити не хотят».⁵⁵

Характеризуя внешнеполитическое положение Империи, русские послы отметили, что с римским папой Григорием, испанским королем Филиппом и венецианским «князем» Николаем император состоит в мире, а с французским королем и с английской королевой Елизаветой «не в миру» и «ссылки» с ними послами у императора нет. Интересно объясняются причины напряженных отношений с Францией и Англией: с французским королем император «не в миру» из-за конфликта между Испанией и Францией, возникшего в связи с событиями в Нидерландах; Нидерландская земля, в которой живут «лютори», раньше принадлежала испанскому королю, но нидерландские «лютори» «отстали» от испанского короля, они отказались также от Матвея (ухавшего к своему брату императору) и взяли к себе на государство «Аланцола», брата французского короля (в 1580 г. Генеральные штаты Нидерландов признали в качестве правителя анжуйского герцога Франциска Валуа).⁵⁶ С английской королевой император «не в миру» также из-за Нидерландов: королева «люторка» и «стоит против шпанского короля за Идерлянскую землю за люторей, которые от шпанского короля отстали».⁵⁷ В приведенных известиях нашло отражение одно из важнейших событий европейской истории конца XVI в.: борьба Нидерландов за свое освобождение из-под ига Испании, а также позиции в связи с этим крупнейших европейских держав. Русские дипломаты правильно подметили, что

⁵⁴ «Карцира» — Керкира и «Корфун» — Корфу являются двумя названиями одного и того же острова. Остров с одноименным городом в античное время назывался Керкирой, а в средние века — Корфу.

⁵⁵ ПДСДР, т. I, стб. 888—890, 893—894.

⁵⁶ *Лирени А.* Нидерландская революция, с. 277—280. — Анжуйский герцог Франциск ранее носил титул герцога Алансонского; русские послы называли Франциска в соответствии с его прежним титулом.

⁵⁷ ПДСДР, т. I, стб. 890—891.

описываемые ими события принимали форму борьбы двух вероисповедных лагерей — католического и протестантского.

Продолжая рассказ об Испании, Я. Молвянинов и Т. Васильев подчеркивают, что испанский король «люторей не любит, многих люторей извел»,⁵⁸ выразительно отмечая таким образом проводимую Филиппом II политику католической реакции и жесточайшего преследования исповедующих другую веру.

Я. Молвянинов и Т. Васильев более подробно, чем А. Резанов, гонец к императору в 1581 г., сообщают об обстоятельствах присоединения Португалии к Испании: португальского короля «убили турки и арапы в Индейской земле», погибший король «был сродичь» испанскому королю Филиппу, «и тою было Португальскою землею, опричь испанского короля, владети некому»; но португальцы от испанского короля «отстали» и стали сами выбирать себе короля, были приведены к покорности войсками Филиппа II.⁵⁹ Действительно, португальский король Себастиан был убит в 1578 г. во время военной экспедиции в Северную Африку, и Филипп II, основываясь на родственных связях с погибшим королем (Филипп был его дядей), заявил о своих притязаниях на португальский трон. Сторонники независимости Португалии провозгласили ее королем приора де Крату, доня Антониу, сына инфанта Луижа (сына короля Мануэля⁶⁰), но были разбиты испанскими войсками.⁶¹ Изложенные сведения русские послы получили от испанского посла в Риме; этим объясняется имеющий место в сообщении русских послов взгляд на притязания Филиппа на португальский престол как на притязания законные.

Русские дипломаты называют далее владения Испании в Италии: «Неаполитанская земля», остров Сицилия, город «Медиалян» (Милан), при этом указывается, что Неаполитанское королевство «взял ... у прежних у римских пап францовский король, а у францовского короля поимал их испанской король»⁶² (здесь имеются в виду события итальянских войн начала XVI в., когда французские короли Карл VIII и Людовик XII совершали завоевательные походы в Италию, но затем Людовик XII вынужден был отказаться от притязаний на Неаполитанское королевство, захваченное Испанией).

Более обстоятельные, чем у предшественников — русских послов, сведения об итальянских делах (итальянские войны, владения Испании в Италии) появились в статейном списке Я. Молвянинова и Т. Васильева, очевидно, потому, что они побывали послами не только в Империи, но и в Италии, в частности в Венеции. О Венецианской республике сообщается, что она состоит

⁵⁸ Там же, стб. 891.

⁵⁹ Там же, стб. 891—892.

⁶⁰ Король Мануэль, при котором Португалия достигла наибольшего могущества, царствовал в 1495—1521 гг.

⁶¹ Рафаэль Альтамира-и-Кресва. История Испании, т. II, с. 73—74.

⁶² ПДСДР, т. I, стб. 892.

в мире с Римом, Империей, Испанией, «в докончанье» с Францией, уплачивает турецкому султану «дань» в 300 тысяч ефимков в год, богата деньгами («казною венецейский князь цесаря и папы сильнее»), имеет сильную артиллерию («наряду огненного в Венеции много»).⁶³

Следующее посольство из Москвы к императору имело место в 1584—1585 гг. Московский посланник Л. Новосильцев, излагая обязательные для статейных списков сведения о взаимоотношениях императора с европейскими государями, указывает, что Рудольф II находится «в миру» с римским папой, венецианским «князем», испанским и французским королями, английской королевой и всеми пограничными государями.⁶⁴ Напомним, что, согласно статейному списку Я. Молвянинова и Т. Васильева, побывавших в Германии и Италии в 1582 г., император был «не в миру» с французским королем и английской королевой из-за Нидерландов: Л. Новосильцев отметил, таким образом, изменения, происшедшие в отношениях между Империей, с одной стороны, и Францией, и Англией — с другой.

Очень интересны известия о событиях во Франции: король Генрих «добре болен» (очень болен), «и никакому дохтору нелзе его излечить, а, сказывают, с него мясо падает; и о его государстве Францовском с королем Наварским воюется Гвиза француз, которой жил в Полше».⁶⁵ В этой короткой записи зафиксированы важнейшие моменты внутриполитического положения Франции середины 80-х годов: разгоревшиеся при смертельно больном короле Генрихе III гражданские войны, во время которых гугенотский лагерь, возглавляемый Генрихом Наварским и базировавшийся преимущественно на юге страны, противостоял образовавшейся на севере католической лиге, вождем которой являлся герцог Генрих Гиз.

Об Испании русский дипломат сообщал, что король Филипп назначил своим наследником брата императора, австрийского эрцгерцога Эрнста, «а сына своего не хочет на государство посадить, потому что хотел отца своего убить».⁶⁶ В этом известии отражена печальная и запутанная история сына Филиппа II, дона Карлоса, давшая сюжет для одноименной драмы Ф. Шиллера: Филипп II, всюду видевший козни против себя, обвинил дона Карлоса в заговоре и в 1568 г. заточил его во дворце, где Карлос скончался при неизвестных обстоятельствах.

Известия об отношениях императора Рудольфа II со своими братьями в значительной мере повторяют сведения предыдущих статейных списков: император сам владеет Чешским королевством и третью Венгерской земли, а его братья живут в Вене

---

⁶³ Там же, стб. 892—893.

⁶⁴ Там же, стб. 950.

⁶⁵ Там же, стб. 951.

⁶⁶ Там же.

в качестве австрийских эрцгерцогов. Повторяются и сведения об отношениях с Турцией: под властью султана находятся две трети Венгрии, и ему император уплачивает «выход» ежегодно по 300 тысяч ефимков.⁶⁷

А. Резанову, отправленному послом к императору Рудольфу II в 1588 г., не удалось проехать через Речь Посполитую, поэтому статейный список его посольства отсутствует. Дальнейшие сведения о Западной Европе читаются в материалах второго посольства в Москву имперского посла Николая Варкоча, прибывшего ко двору царя Федора Ивановича в 1593 г.

Во время переговоров в Москве на вопрос боярина Ф. Н. Романова, «ссылался ли» император с папой, испанским королем и другими государями по вопросу о союзе против Турции, Н. Варкоч ответил, что император с папой и испанским королем «ссылался», но послать к царю Федору Ивановичу своих послов не смог из-за того, что возникла война «о Францовском королевстве» между испанским королем, английской королевой и наваррским королем. Филипп II и Рудольф II хотят, чтобы французский престол перешел к дочери Филиппа, внуке французского короля «Индрика» (речь идет об инфанте Изабелле, дочери Филиппа II и Изабеллы Валуа, отцом последней был французский король Генрих II⁶⁸), император Рудольф с согласия Филиппа собирается на ней жениться или же посадить на французский престол кого-нибудь «из тутошних из поморских государей, кто б цесарю и испанскому королю был друг». Далее указывается, что наваррский король «называется наследником Францовского королевства ложно» и он вместе с английской королевой подстрекает турецкого султана к войне с императором и испанским королем для того, чтоб им (наваррскому королю и английской королеве) «Францовское королевство взять под себя». Привезенные известия Н. Варкоч повторил несколько позже во время переговоров с дьяком Андреем Щелкаловым, добавив, что «державцы большие города Париса (Парижа) с государем нашим, с Рудольфом цесарем и с испанским королем ссылаются и хотят быти под их рукою».⁶⁹ Николай Варкоч рассказал, таким образом, своим русским собеседникам об одном из последних этапов гражданских войн во Франции: вмешательстве Испании (в 1591 г. испанский гарнизон был введен в Париж), планах австрийских Габсбургов использовать смуту во Франции в своих интересах, поддержке, оказываемой английской королевой Генриху Наваррскому.⁷⁰ Естественно, что этот рассказ был преломлен сквозь призму интересов Габсбургов, поэтому их притязания объявлялись законными, а притязания Генриха Наваррского ложными.

⁶⁷ Там же, стб. 950—951.

⁶⁸ *Рафаэль Альтамира-и-Кревеа*. История Испании, т. II, с. 59, 79.

⁶⁹ ПДСДР, т. I, стб. 1321—1322, 1357—1358.

⁷⁰ *Рафаэль Альтамира-и-Кревеа*. История Испании, т. II, с. 79.

Продолжение информации о европейских делах, доставляемой в Москву австрийскими дипломатами в середине 90-х годов, содержится в «вестях», которые «сказал» посол императора Михаил Шель, прибывший в Москву в 1594 г. Михаил Шель прежде всего рассказал о ходе удачной для Габсбургов войны с турками в 1593 г. и передал специальный «лист», содержащий подробное изложение военных действий и перечень отвоеванных у турок венгерских городов. Он отметил, что императору в борьбе с турками оказывают помощь Испания, Рим и Венеция. Касаясь событий в других европейских странах, Михаил Шель сообщил, что император своего младшего брата Эрнста отпустил в Нидерланды («а быти ему там губернатарем под властью испанского») и что на французском престоле утвердился «наварской князь и с цесарем в дружбе учинился». ⁷¹ В «вестях» посланника императора нашли отражение окончание гражданских войн во Франции, завершившихся победой Генриха Наваррского, и один из эпизодов политики Филиппа II в отношении Нидерландов, назначившего в 1592 г. правителем страны австрийского эрцгерцога Эрнста. ⁷²

В статейном списке М. И. Вельяминова и А. Власьева, побывавших у императора в 1595 г., среди «вестей», которые «Михайло и Офонасей, будучи в цесареве земле, проведали», преобладают сведения о турецкой проблеме: помощи, оказываемой императору против турок немецкими курфюрстами и князьями, а также римским папой, желании испанского короля оказать помощь и невозможности сделать это в настоящее время, так как у испанского короля «война с нидерланды и со французским за веру», отсутствии поддержки императора против Турции со стороны английской королевы, французского короля и венецианского дожа. ⁷³ В «вестях», привезенных М. И. Вельяминовым и А. Власьевым, как и в аналогичных разделах некоторых предыдущих статейных списков, четко проступают контуры двух существовавших в то время в Западной Европе политических лагерей: феодально-католической реакции, возглавляемой испанским королем Филиппом II, и прогрессивного — борющихся за свою свободу Нидерландов, поддерживаемых абсолютистскими режимами Англии и Франции.

Если подвести итог обзору известий о политической жизни в Западной Европе, извлеченных из «цесарских книг» (в основном из статейных списков русских послов), то надо отметить, что эти известия охватывали широкий круг вопросов: политику австрийских Габсбургов в отношении европейских государств, стремление вовлечь эти государства в сферу своих интересов путем выдвижения на соответствующие престолы кандидатур пред-

⁷¹ ПДСДР, т. I, стб. 1425—1427.

⁷² *Пиренн* А. Нидерландская революция, с. 308—309, 571.

⁷³ ПДСДР, т. II, стб. 365—371.

ставителей дома Габсбургов, положение дел в Испании, гражданские войны во Франции, события Нидерландской революции, политические комбинации, складывавшиеся между европейскими державами (в частности, в связи с Нидерландской революцией и гражданскими войнами во Франции), борьбу Австрии с Турцией и различное отношение европейских государств к этой борьбе (поддержку императоров Испанией, Римом, Венецией и, напротив, дружественные отношения с Турцией Франции, пытавшейся этим путем ослабить Империю). Москва, таким образом, располагала значительным комплексом сведений о положении дел в Западной Европе.

Но статейные списки русских послов (главный предмет нашего анализа) содержали сведения не только о политической жизни западноевропейских стран. Они включали описание маршрутов послов, городов и достопримечательностей, которые послы видели, церемониала и обычаев дворов, к которым были направлены русские дипломаты.

В 70-х—начале 80-х годов XVI в. маршруты русских послов в Империю проходили в обход Речи Посполитой, поскольку Россия находилась в состоянии войны с нсю. К. Скобельцын, выехавший в 1573 г. из Новгорода, держал путь в Вену через Ригу, Копенгаген, Мекленбург. А. Арцыбашев и З. Сугорский прибыли в 1576 г. в Прагу — местопребывание императора — через Ригу, Пруссию, Гданьск (Гданьск в это время не признавал власти польского короля), Бранденбург; обратно они ехали через Франкфурт на Штеттин, оттуда морем в Пернау и далее через Ливонию в Москву. Ж. Квашнин, выехавший из Москвы в 1577 г., направился в Пернау, далее морем в Росток, через Бранденбург в Чехию и затем в Вену, где находился император; на обратном пути Квашнин заезжал в Копенгаген к датскому королю. Путь А. Резанова (1580—1581 гг.) пролегал через Данию, Росток в Прагу, обратный — через Любек, Готланд, Копенгаген, Пернау. Заезды Ж. Квашнина и А. Резанова в Данию объяснялись тем, что к их основной миссии к императору присоединялись дополнительные поручения к датскому королю, ибо Россия в борьбе за Прибалтику стремилась иметь на своей стороне Данию. Я. Молвянинов и Т. Васильев, отправленные к императору и римскому папе (посольство 1582—1583 гг.), ехали уже через Литву, Польшу, Силезию в Прагу и Аугсбург, где встречались с императором, затем через владения Венеции в Рим, обратно через владения Флоренции, Мантую, Инсбрук, Вену, Силезию, Варшаву, Вильно, Смоленск. Л. Новосильцев совершил путешествие (1584—1585 гг.) к императору в Прагу и обратно тоже через Литву, Польшу. По литовским и польским землям проехали в Прагу в 1595 г. М. И. Вельяминов и А. Власьев. Проезд русских послов в Империю через Речь Посполитую стал возможен после заключения в январе 1582 г. Запольского мира, которым завершилась война за Прибалтику между Россией и

Речью Посполитой. Но уже в 1599 г. А. Власьев, направляясь вторично к императору, ехал другим путем: через Вологду, Архангельск, морем вокруг Скандинавского полуострова, к Штеттину, Любеку и далее, повторяя путь русского посольства на Ферраро-Флорентийский собор 1438—1439 гг. по Германии через Любек, Мёльн, Люнебург, Брауншвейг, Магдебург, Лейпциг, Дрезден в Пльзень, местопребывание императора.⁷⁴ Путь А. Власьева шел в обход Речи Посполитой, очевидно, потому, что русский посол вез предложения московского правительства о поддержке кандидатуры на польский трон эрцгерцога Максимилиана (см. с. 177) вместо правившего польского короля Сигизмунда III Вазы. Как мы видим, маршруты русских послов зависели от отношений России с державами, через территории которых пролегли пути послов.

Степень детальности, с которой излагались маршруты послов в статейных списках, различна. Порой называются лишь крупные города, а иногда скрупулезно перечисляются мелкие населенные пункты с указанием их принадлежности тому или иному правителю,⁷⁵ что позволяет не только ознакомиться с географией Европы, но и в какой-то степени ориентироваться в ее политической карте.

Церемониалу императорского двора, приемам у высших сановников, описанию достопримечательностей резиденции императора наибольшее внимание в своих статейных списках уделили З. Сугорский и А. Арцыбашев, Я. Молвянинов и Т. Васильев и, наконец, Л. Новосильцев.⁷⁶

Русские послы подробно рассказывали, как их встречали при въезде в город — резиденцию императора: кто именно из представителей императора встречал, какой воинский отряд был выслан для встречи, какие были поданы «колымаги» и т. д. При описании переговоров с сановниками императора излагалось не только содержание переговоров, но и передавалась бытовая обстановка: какая мебель в «камерах», где происходили переговоры, как были одеты имперские сановники и их свита, какими «явствами» потчевали послов и т. д. Еще большей детальностью в этом отношении отличались описания аудиенций у императора: указывалось, как располагались вокруг него члены семьи, князья, свита, какая обстановка в комнатах, как одет император, каким образом ему представляли послов и как он их приветствовал и т. д. Встречаются рассказы и о богослужениях в «костеле», на которых присутствовал император с семьей и куда приглашались русские послы. В этих рассказах получили отражение пышный

⁷⁴ Путь Власьева совпадал с путем русской делегации на Ферраро-Флорентийский собор на отрезке от Любека до Лейпцига.

⁷⁵ Большой детальностью при описании маршрута послов отличается статейный список Я. Молвянинова и Т. Васильева, особенно при проезде их через Италию.

⁷⁶ ПДСДР, т. I, стб. 664—714, 860—897, 928—959.

церемониал двора Габсбургов и его парадный быт. Но порой в статейных списках встречаются описания повседневного быта императора. Так, сообщая о прощальной аудиенции у Максимилиана II, З. Сугорский и А. Арцыбашев рассказывают о постельном убранстве смертельно больного императора: «А цесарь лежит на постеле на кровати; а на нем юпа, сукно бурнотно, теплая, да колпак пухов бурнотен, подложен бархатом черным, а одеяло камка золотная».⁷⁷

Л. Новосильцев описал достопримечательности Праги, где находился двор императора Рудольфа II: «Да ездил Лука к костелу цесареву и на конюшни и в зверинцы смотреть, как их чин ведется. И в костеле алтарь великий, по их вере святое Вита, а приделов в костеле одиннадцать, а среди костела четыре гробницы, а около их железная ограда, а в тех гробах лежат цесари: Фредерик, Карлус Четвертый, Фердинард, Максимилиан... Да на конюшне яз на аргамачье на цесарской был в городе близко двора цесарского; и на конюшне аргамаков семьдесят четыре да десять жеребцов неметцких. Да был есми в саду его в зверинце, от посаду с полверсты двор его устроен, и около ограда велика камена, и в саду полаты на подклетех и место великое, а звери в нем козы дикие. Да был есми в городе цесарском любимом его, где сам часто гуляет; и в нем полаты на подклетех, а под палатами погребы, где на зиму ставят разные цветы; да в нем же колодезей с пятьдесят возведены, а разгорожен на четверо, а в них устроенье великое и печати разные разных земель; виноград и лимоны и гвоздики и всякие зелья тут растут, и переходы по огороду поземные и чердаки, а кругом огорода стена камена».⁷⁸ Так русский посол описал собор св. Витта — усыпальницу императоров, императорские конюшню, зверинец, зимний сад с оранжереями и хранившуюся там, по-видимому, коллекцию печатей («печи́ти разные разных земель»).

В статейном списке Я. Молвянинова и Т. Васильева, ездивших послами в 1582—1583 гг. к императору и римскому папе, сохранилось подробное описание церемониала папского двора, включавшего обязательное целование ноги у папы — «а папу в ногу целуют цесари и короли, не токмо их послы или посланники» (русские послы этого обычая не выполнили).⁷⁹ Описывая свой путь по Италии, Я. Молвянинов и Т. Васильев скрупулезно называют населенные пункты, сообщая при этом часто, какому феодальному владельцу они принадлежат. Как и в XV в., посланцев из далекой Московии поразила Венеция: «А город Венеция стоит не на море, на заливе морском, на мели, на островах в разных местех; а до большого моря от города Венеции до берегу версты с две; а вливается под город морская вода и от-

⁷⁷ Там же, стб. 701.

⁷⁸ Там же, стб. 953—954.

⁷⁹ Там же, стб. 882.

ливается назад в море, в день и в ночь по шти часов: шесть часов воды убывает, а шесть прибывает...; а винограды и сады всякие по монастырем и по городу во многих местех; а меж домов улицы речки, а иные воды перекопные; а река большая скрозь посаду прошла и пала в море в том устье, где к Венеции ворота морские, и корабли тою рекою под Венецию приходят».⁸⁰ Я. Молвянинов и Т. Васильев отметили исключительность расположения Венеции на морских островах, ежедневные приливы и отливы, каналы («а иные воды перекопные») и, наконец, большой канал, пересекающий весь город и впадающий в море («а река большая скрозь посаду прошла и пала в море»).

Из посольских дел, освещающих сношения России с итальянскими государствами в XVI в., сохранились материалы сношений Ивана IV с папой Григорием XIII в 1580—1582 гг. (посольство И. Шевригина к папе в 1580—1581 гг., посольство папского посла А. Поссевино в Москву в 1581—1582 гг., дело об отпуске Я. Молвянинова и Т. Васильева к папе в 1582 г.) и сношений Федора Ивановича с римскими папами в 1595 и 1597 гг. Интересующие нас сведения о странах Западной Европы содержит по существу лишь документация посольства И. Шевригина.

И. Шевригин был послан в августе 1580 г. к императору Рудольфу II и папе Григорию XIII.⁸¹ К папе он должен был обратиться с просьбой воздействовать на польского короля Стефана Батория, чтобы тот не вступал в союз с Турцией и прекратил войну с Россией; возвратился Шевригин в Москву 17 июля 1581 г.⁸² В посольской книге сношений России с папским двором («папных книгах», как они назывались в Посольском приказе) сохранился статейный список И. Шевригина, повествующий о выполнении им миссии к папе.

Статейный список И. Шевригина включает обильный материал о международных отношениях в Западной Европе. Поскольку И. Шевригин был отправлен гонцом не только к папе, но и к императору, постольку в центре нарисованной им картины находились отношения императора и папы к другим европейским государствам. Свой обзор И. Шевригин начинает с характеристики взаимоотношений между папой, императором и польско-литовским королем Стефаном Баторием — «папа с цесарем и с Литовским живет в великом совете», «цесарь» с литовским королем послами не ссылается (напомним, что рубеж 70—80-х годов — это время напряженных отношений между императором и Речью Посполитой в связи с притязаниями Габсбургов на ее престол). Далее И. Шевригин останавливается на турецкой проблеме: папа, император и венецианский дож («князь») находятся с турками в перемирье, и перемирье должно продолжаться еще два года;

---

⁸⁰ Там же, стб. 876.

⁸¹ Там же, стб. 785.

⁸² ПДСДР, т. X. СПб., 1871, стб. 5—17.

императору принадлежит только одна треть Венгерской земли, две трети — в руках турецкого султана. Венецианцы дают ежегодно султану «великие дары» вместо «выхода» (дани). В 1571 г. «венецыяне ж побили турских людей на море... с шпанскими людьми вместе. А воевода был на деле венецейской Ерономус Заяя, а шпанского короля был воевода Иван Яустрея; а взяли двести катарг и кораблей, а людей убили сто тысяч». И. Шевригин подчеркивает силу турецких позиций в Европе и вместе с тем отмечает понесенное ими поражение в знаменитой битве при Лепанто в 1571 г., во время которой соединенные морские силы Испании и Венеции под командованием дона Хуана Австрийского разгромили турецкий флот. Переходя к характеристике отношений между Империей, Римом и другими европейскими державами, И. Шевригин замечает, что папа и император состоят «в докопчанье» с венецианским дожем, испанским королем, английской королевой, шотландским королем и всеми пограничными соседями, никакой «валки» между ними нет, они «ссылаются» послами; с французским королем папа и император также в «соединении» и в «ссылке».⁸³

Охарактеризовав контакты между Империей, Римом и важнейшими державами Западной Европы, И. Шевригин останавливается на других моментах международной жизни. Он отмечает англо-испанский конфликт и его связи с Нидерландской революцией, которой Англия оказывала поддержку: «А английская королева с шпанским королем живет не в миру, и в нынешнем в восьмьдесят девятом (1581. — И. К.) году была война шпанскому королю в Недерлянской земле великая, и вперед угадывают у испанского короля с английскою королевою потому ж войне быть». Подчеркивает И. Шевригин могущество испанского короля Филиппа II: «А шпанский король людьми сильнее всех и землею — францовского короля, и шкотского короля, и английские королевы и недерлянские земли князя Матнаса».⁸⁴ Оценку русского дипломата следует признать правильной, ибо он писал еще до поражения Великой армады в 1588 г., впервые наглядно показавшего, что могущество Испании не является неуязвимым. И. Шевригин касается и недавнего присоединения Португалии к Испании, отмечая, что португальского короля «убили... турки и мураки», а Португальское королевство испанский король «взял за себя».⁸⁵

⁸³ Там же, стб. 19—21, 27. — О достоверности информации русских послов свидетельствует совпадение характеристики отношений Империи с другими державами, данной И. Шевригиным, с аналогичной характеристикой, находящейся в статейном списке гонца к императору А. Резанова, вернувшегося в Москву, как и Шевригин, летом 1581 г. (см. с. 182—183).

⁸⁴ «Недерлянские земли князь Матнас» — австрийский эрцгерцог, брат императора Рудольфа II, являвшийся в рассматриваемое время правителем Нидерландов.

⁸⁵ ПДСДР, т. X, стб. 21, 27.

И. Шевригин очень четко отразил в статейном списке раскол Европы в связи с Реформацией на два вероисповедных лагеря, за которыми скрывалось противоборство различных социально-политических сил: «А шпанской король веруют со всею своею землею римскую веру, и Португальская и Новая земля (Новый свет. — *И. К.*) верует римскую ж веру, и французской король верует половиною своею землею римскую веру, а другая половина верует веру люторскую. И о вере у них промежу себя королю французскому живет с люторы война великая, и у английской королевы брань с люторы по тому ж меж себя живет о вере. Фларенский князь верует веру своею землею римскую. Наполская (неаполитанская. — *И. К.*) земля верует веру римскую. . .».⁸⁶ Здесь И. Шевригин, подобно другим русским послам, обратил особое внимание на религиозные войны во Франции и дополнительно отметил борьбу между сторонниками Реформации и католицизма, пронесходившую в то время в Англии.

Интересны путевые впечатления И. Шевригина от Италии. В Риме он побывал в главном соборе — «костеле» Петра и Павла, а также в храме («костеле») Ивана Предтечи, где, по преданию, хранились головы апостолов Петра и Павла. Описание соборов дано, конечно, сквозь призму религиозного мировоззрения автора; русский посол описывает порядок богослужения в соборах, называет хранящиеся в них мощи святых, перечисляет важнейшие «образы» — иконы, но в целом описание дает представление о двух важнейших религиозно-архитектурных памятниках «вечного» города. Сообщая о большом числе монастырей в Риме и «Римском уезде», Шевригин замечает, что монахи и монахини посят одеяния трех цветов: одни — белое, другие — черное, третьи — серое⁸⁷ (монахи различных католических орденов действительно носили одеяния различного цвета).

Особое место среди путевых впечатлений И. Шевригина занимает Венеция: «А венецейской князь и венецыяне сами себе властуют, никому не годдуют, ни цесарю, ни папе. А стоит Венеция на воде, не на земле, а под Венецею море Ферацкое (по-видимому, Адриатическое. — *И. К.*). От Венеции Ферацким морем ходят в Шпанское большое (Средиземное. — *И. К.*) море до Ерусалима на кораблех, а от Венеции до Ерусалима две тысячи. А от Венеции же ходят до Царягорода в двенадцать динищ, а от Венеции до Турской границы полтораста верст морем. А Венецею держит в правой руке Марка Евангелиста образ, а в другой руке держит море».⁸⁸ В отличие от своих предшественников И. Шевригин обратил внимание не только на необычайное расположение Венеции на морских островах и ее оживленные связи со средиземноморским Востоком, но и остановился

---

⁸⁶ Там же, стб. 25.

⁸⁷ Там же, стб. 26.

⁸⁸ Там же, стб. 26—27.

на существовавшем в ней республиканском образе правления, подчеркнув, что венецианцы «сами себе властвуют» и не подчиняются ни императору, ни папе.

Статейный список Шевригина интересен еще тем, что в нем описание маршрута посла выделено в особую часть, находящуюся в конце списка и имеющую заголовок: «А се такову роспись дороге дал Истома». В «Росписи дороге» И. Шевригина с особой тщательностью описывается далекий путь московского посла через Данию, Германию в Италию и обратно в Россию.⁸⁹ Появление в статейном списке И. Шевригина особого раздела «Роспись дороге» свидетельствует о большей четкости в оформлении статейных списков по сравнению с предшествующим временем.

В ответ на посольство И. Шевригина папа Григорий XIII прислал в Москву своего посла иезуита Антония Поссевино. Целью посольства Поссевино (1581—1582 гг.) было заключение перемирия между Роспией и Речью Посполитой, вовлечение Роспии в борьбу с Турцией и воздействие на русского царя с тем, чтобы склонить его к унии между православной и католической церквями. В случае исполнения проекта папы Россия должна была оказаться в фарватере политики Рима. Но Иван IV ограничился использованием услуг Поссевино во время переговоров с Речью Посполитой, от остальных же далеко идущих предложений папы отказался. Обширная документация посольства А. Поссевино,⁹⁰ ценная для изучения политики Рима в отношении России, сведений о собственно западноевропейских событиях не дает.

Сношения с Англией, завязавшиеся в 1553 г. и носившие оживленный характер на протяжении всей второй половины XVI в., отражены в посольских книгах лишь за 80—90-е годы, начиная с приезда в Россию осенью 1581 г. английского врача Роберта Якоби и посылки в Англию в 1582 г. русских послов — дворянина Федора Писемского и подьячего Неудачи Ховралева.⁹¹

⁸⁹ Там же, стб. 30—35.

⁹⁰ Там же, стб. 39—386.

⁹¹ Как отметил Я. С. Лурье (*Лурье Я. С. Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 427, прим. 22*), «ссылка на статейный список Непен (и другие статейные списки и описания посольств до 1581 г.), содержащиеся в „Путеводителе“ по ЦГАДА (М., 1946, с. 26), основана на недоразумении. Хотя в „Обзоре внешних сношений России“ Н. Н. Бантыш-Каменского (ч. I, М., 1896, с. 91—93), составленном в конце XVIII в., английские дела до 1581 г. упоминаются, но в настоящее время ни статейных списков русских послов, ни описаний приезда английских послов до 1581 г. в ЦГАДА нет (ср. уточненные описания: Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории г. Москвы, М., 1949, с. 38; Обзор документальных материалов ЦГАДА по истории СССР периода феодализма, М., 1954, с. 29)». — К наблюдениям Я. С. Лурье добавим, что в «Описи Архива Посольского приказа 1614 г.» названы «книжки английские» лишь за 1581—1590 (7090—7098) гг., включающие материалы от приезда в Москву в 1581 г. доктора Роберта Якоби («Ро-

Миссия Ф. Писемского и Н. Ховралева совпала с окончанием Ливонской войны: в начале 1582 г. было заключено 15-летнее перемирие с Речью Посполитой (Запольский мир), в 1583 г. (одновременно с посольством Ф. Писемского) велись переговоры о заключении перемирия со Швецией. Оба перемирия не были выгодными для России, и Грозный искал себе союзников.⁹² Его взоры обратились к Англии, которая стояла в стороне от борьбы, происходившей в Прибалтике, и в то же время была заинтересована в развитии торговых сношений с Россией. Ф. Писемский вез Елизавете предложение о заключении русско-английского союза. Кроме того, он имел еще одно деликатное поручение: выяснить вопрос о возможности женитьбы царя на родственнице Елизаветы Мэри Гастингс, чтобы брачными узами укрепить политический союз.

Как и все указы послам, указ Ф. Писемскому и Н. Ховралеvu включал предписание «розведывати» о международном положении страны, куда направлялись послы: «У Федора жь да у подъячева у Неудачи в государеве наказе написано: велено розведывати как аглинская королевна живет со францовским королем, и с Литовским, и с папою, и с цысарем? и за что межь папы и королевны недружба? и как ныне цысарь с Турским и с Францовским?». ⁹³ Отвечая на наказ, послы писали: «И Федор и Неудача, живучи в Аглинской земле, розведывали про то про все подлинно: королевна аглинская со францовским королем, и с литовским, и с цысарем в миру — войны межь ими и недружбы никакие нет; а с папою де у королевны недружба великая за то, что Аглинская земля прежь того была римской закон, и королевна де Елизавет римской закон отставила и утвердила во всей Аглинской земле люторской закон. А войны де великие у папы с королевною мало жь бывало, потому что Аглинская от Римской земли удалела: всего де одинова папа присылал х Кибирской земле (Ирландии. — *Н. К.*), что под королевною жь, воинские люди, тому три годы минуло: и они, пришед х Кибирской земле взяли город, а прозвище ему Дингин; и как его взяв засели, и королевна де сведав то, послала своих воинских людей, и они пришед, тот город взяли назад; а которые люди римские в нем сидели, и тех всех побили; а после де того у папы с королевною война не бывала. А цесарь со францовским королем в миру, а с турским у него война... А з датским королем ко-

мана Елизарьева») и до отпуска из Москвы в Англию и возвращения в Москву в 1580 г. толмача Романа Бекмана; далее, при перечислении хранящихся в Архиве Посольского приказа столбцов упомянуты «столп 80-го году, как был аглинской посол Онтон Уэльянов» и затем столбцы, посвященные сношениям с Англией в 80—90-е годы XVI в. (Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г., с. 116, 124). Материалы о более ранних сношениях России с Англией в «Описи» не фигурируют.

⁹² Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.—Л., 1954, с. 386.

⁹³ Сб. РИО, т. 38. СПб., 1883, с. 63.

ролевна была в миру жь; а ныне король дацкой не хочет агличан пропускать на Русь х Колмогорам и в Колу, для того, что агличане хотят торговать мимо сво Датцкую землю, а пошлины проезжие ему не платят; и он де их беспошлинно пропускати не хочет».⁹⁴

Русские послы правильно охарактеризовали основные аспекты международного положения Англии. Несмотря на сложность англо-французских отношений (Елизавета сочувствовала гугенотам, а занимавший французский престол король Генрих III был рьяным католиком), они в рассматриваемые годы носили мирный характер, и Генрих III даже предлагал Елизавете союз против Испании. С Речью Посполитой также существовали мирные отношения, определявшиеся в значительной степени торговыми интересами: Польша была основным поставщиком зерна для Англии. Отношения Англии с Империей нельзя было назвать дружественными (политика императора Рудольфа II находилась в тесной зависимости от политики Филиппа II — главного врага Англии), но в рассматриваемое время до открытых столкновений дело не доходило.⁹⁵ Поэтому русские послы были правы, когда определяли отношения Англии с Францией, Польшей и Империей как мирные.

Очень четко Ф. Писемский и Н. Ховралев раскрывают причины конфликта между Англией и Римом: в Англии в 30-е годы была проведена Реформация, затем в 1553—1558 гг. в царствование Марии Тюдор, вышедшей замуж за испанского короля Филиппа II, восторжествовал католицизм, с воцарением же в 1558 г. Елизаветы снова была восстановлена реформированная англиканская церковь. Суть церковной политики Елизаветы точно передали послы, отметившие, что Елизавета «римский закон отставила» и «утвердила во всей земле Аглинской люторской закон» (русские послы ошибочно ставили знак равенства между англиканской церковью и лютеранством, но, как мы указывали, русские дипломаты все разновидности реформационного движения всегда называли «люторскими»). Так же правильно послы отметили, что, несмотря на вражду, настоящих войн между Римом и Англией почти не было из-за дальности расстояния между ними: лишь однажды папа прислал «воинских людей» в «Кибирскую землю», но они потерпели неудачу (Писемский и Ховралев имели в виду испано-итальянскую католическую интервенцию в Ирландию в 1580 г., во время которой вторгшиеся захватили вначале два города, но затем были разбиты и уничтожены английскими войсками⁹⁶).

Ф. Писемский и Н. Ховралев уделили внимание и англо-датским отношениям: датский король, недовольный плаванием анг-

⁹⁴ Там же, с. 63—64.

⁹⁵ Путешествия русских послов XVI—XVII вв., с. 399—400.

⁹⁶ Там же, с. 400.

лийских купцов вокруг Скандинавского полуострова, благодаря чему они избегали уплаты зундской пошлины, чинил препятствия этим плаваниям.

Русские дипломаты сочли нужным остановиться и на взаимоотношениях других крупнейших европейских держав, сообщив о состоянии мира между Империей и Францией и войны между Империей и Турцией (хотя формально Империя и Турция находились до 1593 г. в мире, по фактически на границе между ними постоянно происходили инциденты⁹⁷).

Если в статейном списке Ф. Писемского и Н. Ховралева в сжатом виде дается характеристика внешнеполитических отношений Англии, а вместе с тем и международного положения в Европе, то в посольских делах последующих лет в разных документах разбросаны отдельные сведения об этих сюжетах.

Английский посол Джером Баус, приехавший в Москву в 1583 г., говорил, в частности, что «половина Францовские земли от францовского короля отложились и была челом государыни нашей и государыня наша Елисавет королевна дала им помочь и стояти они против францовского короля».⁹⁸ Джером Баус сообщил, таким образом, о гражданской войне во Франции и о помощи, которую Англия оказывала гугенотам.

Посланный в 1584 г. в Лондон с извещением о воцарении Федора Ивановича русский гонец, уроженец Ливонии, толмач Роман Бекман по возвращении в Москву также сообщал о внутренней борьбе во Франции: «Сказывают, война во Францовской земле меж себя». Роман Бекман привез вести об англо-испанском конфликте и о связи его с Нидерландской революцией: «А как есми поехал из Аглинские земли и слышал есми вести, что де война будет испанскому королю с аглинскими людьми, для того, что была преж сего Брабанская земля да Олленская земля и вся Низовская земля за испанским королем, а пынеча те земли задалися за аглинскую королеву».⁹⁹ Бекман преувеличивал значение в англо-испанском конфликте связей Англии с восставшими Нидерландами, но правильно подчеркивал неизбежность войны между Англией и Испанией.

Сохранившиеся материалы посольства Флетчера в Россию в 1588—1589 гг., важные для изучения русско-английских отношений (Флетчер вел с царем Федором Ивановичем переговоры об утверждении «братства», «любви» и «соединенья», существовавших между Елизаветой и отцом Федора Иваном Грозным, причем в ходе переговоров детально обсуждались вопросы торговли¹⁰⁰), в интересующем нас аспекте не представляют цен-

⁹⁷ Там же, с. 400—401.

⁹⁸ Сб. РИО, т. 38, с. 118.

⁹⁹ Там же, с. 161—162.

¹⁰⁰ Материалы посольства Флетчера в Россию изданы: Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера. — Временник Московского общества истории и древностей россий-

ности: сведения о Западной Европе в них отсутствуют. Но зато чрезвычайный интерес в этом отношении имеет включенный в материалы посольства Флетчера отчет уже упоминавшегося нами Романа Бекмана о выполнении данного ему русским правительством в 1588 г. поручения к английской королеве.

Отчет Бекмана состоит из двух частей. Первая часть, написанная Бекманом в Лондоне и полученная в Москве 27 апреля 1589 г., была переведена на русский язык (оригинал написан на немецком) в Посольском приказе и снабжена заголовком: «А се перевод с немецкого писма, что писал Роман Бекман из Аглинские земли, как у него государево дело делалось».¹⁰¹ Вторая часть, поданная Романом Бекманом по возвращении в Москву 5 июля 1589 г., имеет заголовок: «А таков список государю подал толмачь, Роман Бекман, как ся у него государево дело делалось».¹⁰² Первая часть отчета Бекмана названа «письмом», но по своему содержанию и формуляру она является, как и вторая часть, типичным статейным списком; принадлежность отчета Бекмана к статейным спискам подтверждается названием второй части — «... список. . . , как ся у него государево дело делалось».

Первая часть статейного списка Романа Бекмана завершается разделом, излагающим «новые вести» — известия о последних политических событиях в Европе. Начинается этот раздел с описания одного из важнейших в истории Англии и одного из самых крупных в международной жизни Европы 1588 г. событий — победе английского флота над «Непобедимой армадой» испанцев. Приведем это описание полностью: «А вестей новых проведаль есми: до моего приезду июля по 19-е число, были, де, короля испанского карабли здесе, а пришли были для того, что взять Аглинскую землю, и их поворотили и побили их, что они с великою соромотою поворотились; а короля испанского караблей было всего, больших и малых, 142 карабля, а на них было 30 000 человек, по их самих сказке. Июля в 27 день, бились коровленины карабля с испанскими и взяли у испанских 4 карабля, больших 2 карабля, и в Аглинскую землю привели, а два¹⁰³ их ввели во Флинсинге в Зеланскую землю, и побили их людей многих; а коровленины карабля бились так с ними на море, что ни один человек не мог до земли добратись,¹⁰⁴ и не могли против ее караблей стояти, неволею поворотили назад в побег, а ветр им был долгое время в стречно, ино бурсю и ветром прибило их к Ир-

---

ских, кн. 8. М., 1850, с. 1—96. — Название издания явно неудачное, ибо статейные списки в посольских делах — это отчеты русских послов о выполнении порученных им миссий; в рассматриваемом же случае речь идет об отложившихся в Посольском приказе материалах, рисующих пребывание Флетчера в России.

¹⁰¹ Там же, с. 48.

¹⁰² Там же, с. 80.

¹⁰³ Исправлено, во «Временнике» *одва*.

¹⁰⁴ Исправлено, во «Временнике» *дограбитись*.

лянской земле, и тут наложили они девятнадцать карабли большими, а людей, что было на тех караблях, ино большая половина утонуло, а иные многие карабли прибило к Голянской земле; а подлинная весть пришла сюда, что того испанского короля караблей пришло назад к испанскому толко 42 карабля, а на них на удачу есть ли 3200 человек, а досталь всех побили и потонули в море, а большие карабли так стрелены от королевниных караблей, что все потонули, а на том бою не наложила королева ни одним караблем и людьми толко человек с сорок или с трема сорок по здешним сказкам».¹⁰⁵

Отвлекаясь от названных цифр и деталей, в изложение которых легко могли вкрасться неточности, так как разгром «Непобедимой армады» имел место за полгода до написания отчета Бекмана и за полтора месяца до его приезда в Англию (Бекман прибыл в Англию 7 сентября 1588 г., а отчет написал 27 января 1589 г.), а русский гонец писал на основе устных рассказов своих английских собеседников («по здешним сказкам»), отметим правдивость в целом его описания: правильно подчеркивается, что перед «Непобедимой армадой» была поставлена задача завоевания Англии («а пришли были для для того, что взять Аглинскую землю») и что план Филиппа II рухнул в результате блестящей победы английских моряков; в соответствии с действительными фактами указывается, что полному разгрому испанского флота способствовали не только высокие боевые качества легких и подвижных, хорошо оснащенных артиллерией английских кораблей, которым не могли противостоять огромные и маломаневренные испанские корабли, но и сильная буря и встречный ветер, благодаря которым часть испанских кораблей была выброшена на берег Ирландии, а другая — на берега Голландии. Английский же флот вышел из этого решающего сражения с небольшими потерями.¹⁰⁶

Помимо известия о морском сражении, имевшем огромное значение не только для Англии и Испании, но для всей Западной Европы, Роман Бекман довольно обстоятельно сообщает о последних событиях во Франции: «Да здесе весть приходит из Францовской земли, что великая рознь и спор в той земле меж подданных и меж короля для того, что у францовского короля детей нет, ни наследников, кому после его на королевстве быть, и он избрал одного арцука, именем Свейза (Гиза. — *Н. К.*), и записал ему после себя королевство, и как тот арцук доступил посуленной записи и учал умышлять, чтоб ему того короля с королевства ссадить, и почал с того короля с матерью умышлять

¹⁰⁵ Временник Московского общества..., кн. 8, с. 57—58.

¹⁰⁶ Приводимые Бекманом цифры о составе испанского флота близки к принятым в литературе: испанский историк Рафаэль Альтампра-и-Кревеа пишет, что Непобедимая армада насчитывала 131 корабль, на которых находились 7050 матросов, 17 000 солдат, 1300 офицеров (*Рафаэль Альтампра-и-Кревеа. История Испании, т. II, с. 77*).

и достиг того, что та ему мать в том ему поволела, и засадить было того короля ее сына, а тому было арцуку быть королем на его место; и в те межи, как они умышляли такое дело, разболелась того короля мать вскоре и начаялась, что ей умереть, и послала по короля по своего сына и объявила все то, что арцук умышляет; и как король то сведал, и в тот час послал по того арцука по Свейза любительным обычаем и по его брата, и как они пришли в его хоромы, и король их тотчас велел заколоть своим бердышникам перед своим оком, и велел многих его племянников переимать, и для того многие бояре против короля стали, да и город Парис тот против короля стоит и королю чаят с своими подданными воеваться, а чаят меж ими многого кровопролития во Францовской земле».¹⁰⁷

В рассказе Романа Бекмана отражен один из последних эпизодов гражданских войн во Франции, во время которого политическая анархия в стране достигла апогея. Французский король Генрих III Валуа, подозревавший (не без основания) вождя Лиги¹⁰⁸ герцога Гиза в стремлении захватить трон, приказал убить Генриха Гиза и его брата кардинала. Убийство действительно было совершено вероломным образом: 22 декабря 1588 г. Генрих Гиз был приглашен к королю и ударами кинжала убит королевскими приближенными; днем позже такая же участь постигла брата Генриха Гиза. Убийство Гизов вызвало взрыв возмущения в Париже, находившемся в руках Лиги. Фанатизированные толпы на улицах открыто требовали смерти короля. Руководила антиправительственными выступлениями католическая знать¹⁰⁹ («бояре», как пишет русский гонец). Сообщение Романа Бекмана, верно излагающее основную канву событий, содержит и вымышленные известия (например, об обещании Генриха III передатъ престол Гизу, о сговоре матери Генриха III Екатерины Медичи с Гизами для смещения с престола ее сына, короля). Очевидно, эти сведения Роман Бекман почерпнул из слухов, которыми в Англии обросло известие о происшедших в Париже событиях.

Последняя «весть», сообщаемая Бекманом, которой он заканчивает первую половину своего статейного списка, написанную, как мы уже отмечали, в Лондоне 27 января 1589 г.,¹¹⁰ касалась собственно Англии: «А здесе приготавливают болши ста караблей, большая уж половина готова, а на тех караблях итти на море капитайну Драку, да капитайну Моресу, а куды будет им итти, того еще и не мочно сведати, только они вскоре пойдут

¹⁰⁷ Временник Московского общества..., кн. 8, с. 58—59.

¹⁰⁸ Напомним, что Лига — это образовавшееся в ходе гражданских войн во Франции объединение католиков, нестрое по социальному составу, где руководящая роль принадлежала знати.

¹⁰⁹ История Франции, т. I. М., 1972, с. 228—230.

¹¹⁰ В тексте списка Бекмана назван «88 год» (Временник Московского общества..., кн. 8, с. 58), но это явная ошибка.

отсюда».¹¹¹ Так Роман Бекман описал подготовку очередной морской экспедиции знаменитого Френсиса Дрейка, английского капитана на королевской службе, прославившегося грабежом испанских колоний (в 1578—1580 гг. Френсис Дрейк, пройдя через Магелланов пролив, ограбил испанские города Чили и Перу и затем через Тихий океан, вокруг Африки, с несметными сокровищами вернулся в Англию, совершив во второй раз после Магеллана кругосветное путешествие); Елизавета возвела Дрейка, чьи действия нанесли немалый ущерб Испании, в чин адмирала. Куда должна была направиться экспедиция Дрейка, подготовка которой велась в начале 1589 г., русский гонец не смог узнать. Возможно, что это была именно та экспедиция, о начале действий которой Роман Бекман писал во второй части статейного списка, поданной царю после своего возвращения в Москву 5 июля 1589 г.

«В апреле месяца пошел воевода сер Франц Драк от Лунды города на море, — писал Бекман, — а с ним 200 караблей, да с ним же пошел на карабле выгнаной король португальской, а говорят, что будто они пошли на то, чтоб им того выгнаного короля португальского опять на его королевство посадить, и говорили, что будто на тех караблях пошло людей воинских 30 000 человек и встретили, деи, они на море 30 караблей всяких, которые шли из Даниска (Данцига. — *Н. К.*) города и из Амборха (Гамбурга. — *Н. К.*) и из Барабанские земли (Брабант? — *Н. К.*), а те карабли были нагружены всяким запасом, хлебом и пушками и зельем и иными всякими товары, а тот, деи, сер Франц Драк велел те карабли взяти, и все из тех караблей взяв, розделил по своим караблем, а на те карабли посажал своих воинских людей и с собою их взял, и сказывают будто ся он ту 30 караблей послал в Ишпанскую землю, и всех тех караблей стало, что с тем воеводою пошло, 230 караблей».¹¹²

В рассказе Романа Бекмана освещен один из эпизодов английской внешней политики конца 80-х годов XVI в., связанный с событиями в Португалии. Мы уже говорили, что Филипп II, воспользовавшись гибелью португальского короля Себастиана во время экспедиции в Северную Африку, присоединил в 1581 г. Португалию к Испании. Филиппу II пришлось преодолеть при этом сопротивление сторонников независимости Португалии, провозгласивших ее королем приора де Крату, дона Антониу, сына инфанта Луижа (сына короля Мануэля). После занятия испанскими войсками Лиссабона дон Антониу некоторое время скитался по Португалии, пытаясь организовать сопротивление испанцам, затем бежал во Францию, с помощью французов захватил Азорские острова (сторонники дона Антониу продержались здесь до 1583 г.) и в течение последующих лет не оставлял надежды вернуть себе португальский престол при поддержке государств,

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, с. 82.

враждебных Испании.¹¹³ О последней попытке дон Антониу в этом направлении и рассказал в своем статейном списке русский гонец: весной 1589 г. английский флот под командованием Френсиса Дрейка, предоставленный Елизаветой в распоряжение дон Антониу, отплыл из Англии в Португалию. Английские моряки высадились недалеко от Лиссабона, но Френсис Дрейк, увидевший, что массового восстания в пользу дон Антониу не произошло, приказал флоту возвращаться в Англию¹¹⁴ (окончание экспедиции Френсиса Дрейка в Португалию осталось для Романа Бекмана неизвестным ввиду отъезда его в Москву).

В известиях посольских дел, касающихся сношений между Англией и Россией в 80—90-х годах XVI в., освещается в интересующем нас аспекте главным образом политика Англии в отношении государств Западной Европы и некоторые моменты внутриполитического положения этих государств.

Состояние турецкого вопроса во внешней политике Англии рисуют грамоты королевы Елизаветы царю Федору Ивановичу и боярину Борису Годунову от 18 января 1597 г. Елизавета отрицает справедливость слуха о том, что она оказывает помощь турецкому султану, воюющему с христианскими государствами. Никакой помощи она не оказывает и лишь держит при турецком дворе своего «приказного человека» (консула) ради торговых дел. Торговля же с Турцией ведется с давних лет. Что касается позиции королевы в конфликтах Турции и христианских государств, то она всегда старалась устроить примирение между ними. Так было бы и в происходящем конфликте между императором и Турцией, но император, считавший, что он в состоянии противостоять Турции, отклонил посредничество королевы, после этого «зделалась невзгода крестьянству».¹¹⁵ Хотя в рассматриваемых грамотах Елизавета стремилась представить в благоприятном, с точки зрения христианских государств, свете свою позицию в отношении Турции, тем не менее содержание их свидетельствовало о добрых отношениях между Англией и Турцией, что соответствовало в тот период действительности и было обусловлено не только торговыми интересами Англии, но и антииспанской позицией обоих государств, делавшей их фактическими союзниками.

Для того чтобы придать своим оправданиям больший вес, Елизавета слух о помощи, оказываемой ею туркам, объявила «ложным наносом» со стороны папы и его советников из-за «не дружбы», которую они с давнего времени «держат на нас, норовячи испанскому королю; а король испанской нам ведомый недруг».¹¹⁶ Елизавета сочла также нужным оправдать в глазах мос-

¹¹³ Рафаэль Альтамира-и-Крвеа. История Испании, т. II, с. 73—74; Schäfer H. Geschichte von Portugal, Bd. IV. Hamburg, 1852, S. 353—355, 370—400.

¹¹⁴ Schäfer H. Geschichte von Portugal, Bd. IV, S. 401—402. — Приор де Крату дон Антониу умер во Франции в 1595 г.

¹¹⁵ Сб. РИО, т. 38, с. 252—257.

¹¹⁶ Там же, с. 255.

ковского царя позицию Англии в англо-испанской войне: испанский король, по ее словам, «из давняго времени ищет воевати наше государство безо всякого задору. А мы помочью всемогущего бога и нашею правдою от его великаго собранья оборонилися на море; а над его кораблями в разных летех учинилась великая погибель...». И если бы, продолжала Елизавета, испанскому королю «не было помочи от иных королевств и земель и из дву Индейских земель великие казны, что к нему ежегод привозят, не привозили б, и ево бы война была как и рядового короля».¹¹⁷ В цитируемых местах грамот Елизаветы интересны известия о морских победах Англии над испанским флотом и о значении для Испании ее колониальных владений, откуда поступали доходы в королевскую казну.

В мае 1600 г. в Англию были отправлены в качестве послов дворянин Г. Микулин (см. рис. 9) и подьячий И. Зиновьев. Они везли Елизавете сообщение о вступлении на престол Бориса Годунова и должны были способствовать упрочению традиционных русско-английских связей. В статейном списке Г. Микулина и И. Зиновьева, как и в статейном списке Ф. Писемского, содержится наказ «проведывати себе тайно» о внешнеполитическом положении Англии,¹¹⁸ но специальный ответ на этот наказ в сохранившемся тексте списка отсутствует. Вместо него в различных местах статейного списка мы имеем записи сведений о внешней политике Англии, сообщаемых английскими саповьяками и иностранными дипломатами, с которыми в Англии беседовали русские послы.

Уже знакомый нам английский дипломат Джером Баус, представленный в Англии к Г. Микулину и И. Зиновьеву, сообщил им о приезде к английской королеве французского посла с предложением «братства и дружбы» и при этом пояснил, что «францовскому ден королю государыни нашей, Елисавет королевнины, дружбы и любви нелазе до веку своего забыти», потому что королева ему «вспомогала всякими мерами», когда его «испанской король хотел с королевства согнати».¹¹⁹ Правильно отметив, что во время гражданских войн во Франции Елизавета оказывала помощь Генриху Наваррскому, окончательно утвердившемуся на французском престоле в 1594 г. под именем Генриха IV, Баус преувеличивал размеры этой помощи, рисуя английскую королеву чуть ли не благодетельницей французского короля. Далее Баус пояснил цели приезда шотландского посла ко двору Елизаветы: «Чтоб Аглинского королевства имя нарчено было при ней, покаместа она жива, а королем бы ему (Якову VI. — *Н. К.*) быти аглинским и шкотцким, потому что по родству х королевне ближе его племянн нет никого».¹²⁰ Шотландский король Яков VI, вну-

¹¹⁷ Там же, с. 257, 254.

¹¹⁸ Там же, с. 298—299.

¹¹⁹ Там же, с. 341.

¹²⁰ Там же, с. 341—342.

чатый племянник Елизаветы, в это время действительно добивался признания его со стороны Елизаветы наследником английской короны. II, наконец, последние внешнеполитические новости, сообщенные русским послам Баусом, касались приезда в Лондон послов «барбаринского царя» — марокканского шерифа¹²¹ Ахмеда IV. По словам Бауса, приезд посла был вызван стремлением «барбаринского царя» пригласить в свою страну «рудодокопцев» для разработки золотой руды.¹²² На самом же деле англо-марокканские сношения имели и политическую подоплеку: марокканский шериф, связанный с турецким султаном, вел ожесточенную войну с Испанией, что обеспечивало ему благосклонность английского двора.¹²³

В беседах Г. Микулина и И. Зиновьева с другими английскими сановниками и иностранными дипломатами затрагивалась главным образом турецкая проблема, живо интересовавшая московское правительство. На постоянные вопросы русских послов о том, как обстоит дело между турецким султаном и христианскими государями, шотландский посол отвечал, что его король «не ссылается» с турецким султаном, но и не оказывает в борьбе против него помощи императору, «потому что Цесарское государство от нашего государства далеко и меж ими разошлись многие государства. . . А помогают деи цесарю против Турского людьми и казною ближние государства — папа, король испанской, князи венгерские и иные окольные поморские княжата; а ото французского короля вспоможенья ему нет никакого».¹²⁴ В информации шотландского посла точно названы участники антитурецкой лиги и четко обрисована позиция Франции, не участвовавшей, несмотря на свое положение средиземноморской державы, в борьбе с Турцией (Франция, заинтересованная в ослаблении Империи и стремившаяся с этой целью использовать Турцию, была связана с последней с 1535 г. союзным и торговым договорами). Посетившие русских послов барон Томас Сэквилль («лорд Саквелд») и особенно германский князь «Иван Галне» сообщали детально о военных действиях между австрийскими Габсбургами и султаном и о подготовке обеих сторон к новым решительным схваткам.¹²⁵

Отдельные штрихи в статейных списках русских послов рисуют (правда, косвенным образом) социальные отношения в Англии. Так, Г. Микулин и И. Зиновьев, рассказывая, как их 28 сентября 1600 г. встречали в Лондоне, и перечисляя встречавших, называют «князей», «дворян», «детей боярских», «алдраманов» и «гостей».¹²⁶ Таким образом, русские послы де-

¹²¹ Шерифы — правители Марокко из духовной знати.

¹²² Сб. РИО, т. 38, с. 342.

¹²³ Путешествия русских послов XVI—XVII вв., с. 408—409.

¹²⁴ Сб. РИО, т. 38, с. 351—352.

¹²⁵ Там же, с. 348, 353—355.

¹²⁶ Там же, с. 320.

лит встречавших на представителей класса феодалов (применяя к различным прослойкам его русские названия) и торговой буржуазии, представленной лучшими гостями (крупными купцами) и олдермэнами — членами городского совета Лондона. Олдермэны являлись участниками почти всех торжественных приемов послов. Романа Бекмана, русского гонца, побывавшего в Англии на 13 лет раньше Микулина и Зиновьева, встречали около Лондона по поручению королевы «торговые люди»; в первые дни пребывания Бекмана в Лондоне к нему приходили от имени королевы старосты купцов, торгующих с Россией, и «думцы града Люнди» (очевидно, олдермэны).¹²⁷ Отмеченные факты свидетельствуют о значительной роли торговой буржуазии в абсолютистской Англии. Недаром Иван IV, основываясь, вероятно, на информации, полученной от русских послов в Англию, упрекал Елизавету в том, что у нее в государстве правят «торговые мужики».¹²⁸ Возвращаясь к наблюдениям русских послов в Англии, отметим замечание Микулина и Зиновьева о «селах», расположенных по берегам Темзы, — «вотчины княженецкие и боярские, и алдраманов и гостей».¹²⁹ Это замечание отражает характерный для Англии XVI в. процесс приобретения представителями купечества и горожанами земельных владений, благодаря чему они входили в состав нового дворянства — джентри, ведшего свое хозяйство на капиталистических началах.

В статейном списке Г. Микулина и И. Зиновьева большой интерес представляет описание бурного эпизода из внутриполитической истории Англии начала XVII в. — восстания Эссекса, свидетелями которого были русские послы.

Граф Эссекс, фаворит Елизаветы, рано достигший высоких постов в государстве, пользовался в армии и в широких слоях английского общества весьма большой популярностью благодаря победам, одержанным под его командованием над испанцами. Будучи человеком горячим и честолюбивым, Эссекс позволял себе запозсчиво держаться в отношении королевы, чем вызывал не раз ее неудовольствие. Окончательно он напал в глазах королевы после того, как, не сумев подавить восстание, вспыхнувшее в Ирландии в последние годы XVI в., вступил в переговоры с восставшими. Эссекс был отозван из Ирландии, лишен всех занимаемых им должностей и попал в опалу. В начале 1601 г. он пытался поднять восстание в Лондоне, чтобы таким путем вернуться к власти и устранить своих политических соперников, возглавляемых государственным секретарем Робертом Сесилем. Таким образом, согласно замыслам организаторов восстания, оно должно было привести лишь к изменению состава правительства. Но при этом Эссекс

¹²⁷ Временник Московского общества..., кн. 8, с. 48—49. — Романа Бекмана поселили в Лондоне на Московском дворе, принадлежавшем гостям, «которые в Русской земле торгуют».

¹²⁸ Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 142.

¹²⁹ Сб. РИО, т. 38, с. 318.

и его помощники хотели опереться на народ, в первую очередь на городское население Лондона, используя его недовольство существующими порядками. Однако широкой поддержки со стороны населения столицы Эссекс не получил, и правительству удалось довольно быстро захватить мятежников. Опасаясь волнений, правительство еще некоторое время держало наготове свои военные силы. Эссекс был казнен.¹³⁰

Г. Микулин и И. Зиновьев следующим образом описывают восстание: «И февраля в 8 день учинилась в Лунде (Лондоне. — *Н. К.*) великая смута в людех: город заперли и улицы чепми замкнули и люди учели ходити в збруе, в доспехах и с пищальми». На вопрос русских послов о том, что означает эта «смута» и каковы ее причины, Джон Меррик и Френсис Черри («Ивап Ульянов» и «Фряпчик Иванов»), английские купцы, часто бывавшие у русских послов, ответили, что граф Эссекс («эрл Эксетцкой»), бывший приближенный королевы, попавший в опалу, которому королева велела жить безвыездно в его «вотчине», составил заговор с участием «князей и дворян и детей боярских» и приехал в Лондон, чтоб «сести на Аглинском королевстве королем». Эссекс надеялся на то, что «за него станут лунские посадские люди, потому что преж сего, как он был в королевнине в великом жалованье... везде ославился великим богатырством, и разумом, и счастьем, и за то его всею Аглинскою землею добре любили». Но «лунские люди», повинуясь приказу королевы, за него «не стали». Видя, что население Лондона осталось верным королеве, часть участников заговора отступилась от Эссекса и явилась к королеве с повинной. Эссекс с оставшимися ему верными сподвижниками заперся на своем лондонском дворе. Но когда к его двору явился лорд «Адмирал» «со многими людьми и с «нарядом» (артиллериею), Эссекс сдался и при этом так объяснил причины своего выступления: «Я деи против государыни своей, Елисавет королевны, не стою и ей не изменник, а стою де против своих недругов, секретаря Роберта Сыселя и его заговору, что хотят меня убить». Граф Эссекс с другими участниками заговора был заключен в тюрьму. «А после того велела королевна быти у себя в зборе многим людем конным и пешим для того, чаючи в земли великой шатости и за него стояния; и Лунда город был заперт недели з две, а улицы замкнуты были чепми, а лунские люди все ходили в зборе наготове, в доспехах, с пищальми, остерегаючи королевну и опасаячися от иных окресных ближних государств эрл Эксетцкому вспоможенья, потому что он в Аглинской земли и в иных государствах славен был и любим». 17 февраля те же Джон Меррик и Френсис Черри сообщили русским дипломатам,

---

¹³⁰ Барчугова А. В. 1) Политическая борьба в Англии в конце XVI в. Автореф. канд. дисс. Горький, 1951, с. 15—17; 2) Обострение классовых противоречий в Англии в конце XVI в. и попытка Эссекса захватить власть. — Уч. зап. Горьк. гос. ун-та, вып. XXVI, 1954, с. 31—45.

что граф Эссекс был судим и приговорен к смерти. Под 24 февраля в статейном списке читается запись о его казни: «И февраля в 24 день эрль Эксетцкой кажнен смертью в Вышегороде (Тауэре. — *Н. К.*); и после его по нем в Лунде было великое сотование и плачь великой во всех людех». ¹³¹

Я. С. Лурье, сравнивший рассказ о восстании Эссекса статейного списка Г. Микулина и И. Зиновьева с данными английских источников, отметил, что в изложении фактической стороны событий они почти совпадают. ¹³² Очень ценно в рассказе русских послов (точнее, в рассказе английских купцов, переданном русскими послами) указание на значение городского населения Лондона в политической жизни страны: согласно статейному списку, получается, что восстание Эссекса потерпело неудачу, потому что население Лондона его не поддержало. Вместе с тем русские дипломаты пишут о сочувствии Эссексу со стороны лондонцев и о популярности его в Англии. Очевидно, среди информаторов русских дипломатов были лица, сочувствовавшие Эссексу. Рассказ о восстании Эссекса бесспорно принадлежит к числу интереснейших мест статейного списка и важен, как считает Я. С. Лурье, не только для русской, но и для английской истории. ¹³³

Описания аудиенций у королевы, торжественных празднеств, богослужений с участием королевы, читающиеся в статейных списках русских послов, имеют несомненную ценность для изучения быта и церемониала двора Елизаветы. Интересно, что русские послы без предубеждения относились к непривычным для них формам жизни. В этом отношении показательно описание в статейном списке Ф. Писемского танцев, которые были приняты при дворе Елизаветы после обеда: «А в те поры учали в той в столовой полате играти игрецы в сурны и в трубы и в ыные во многие игры; а дворяне королевнины з боярынями и з девицами учали танцевати. И советники жь Федору и Неудаче говорили: „В том де государыни нашей королевны Елизаветы не осудите, что при вас танцуют; у государыни у нашей у королевны в обычае так ведетца: по вся дни после стола живут потехи и танцеванье“. И Федор и Неудача говорили: „Волеи бог да королевна: нас для, ей у себя чипов не переставить; как ей годно, так и чинит“». ¹³⁴

Любопытен включенный в «список посольства тайного» Ф. Писемского рассказ о смотринах Мэри Гастингс, к которой сватался Иван Грозный. Смотрины состоялись 18 мая у канцлера, чтобы русские послы могли лучше разглядеть невесту, — «не в темпе месте, ни в каморе, ни в полате — на свету», в саду, где гуляли Мэри с дамами и Ф. Писемский с английскими сановниками. Результаты смотрин Ф. Писемский изложил так: «И княжна

¹³¹ Сб. РИО, т. 38, с. 337—340.

¹³² Путешествия русских послов XVI—XVII вв., с. 410.

¹³³ Там же, с. 411.

¹³⁴ Сб. РИО, т. 38, с. 43.

[illegible]

Рис. 2. Византийский император Иоанн VIII, патриарх Носиф и римский папа Евгений IV на соборе в Ферраре.

ГПБ, Голицынский том Лицевого свода, л. 482 об. XVI в.

ІІІ. Іаже іііоїа ісѣ. ѿпоустниша црїи
се, а іііо ізрима злеліа ісого ісѣа .
лєнїе поєлїи по цомѣ ѿпайны . а лїа
поєлїа ііііоїа лєнїи мїа по гїєрї
мїа не . а ѿцаре пчєлє поєлїа се по
дїмїтрїї мїа по уїа по пчєлє сомнѣнї
мїа грекї . мїа по єї іііііа грецї по
іііііа лєнїе єсѣ
жацє єї .

Рис. 3. Отъезд Софии Палеолог из Рима в Москву.
ГПБ, Шумиловский том Лицевого свода, л. 48 об. XVI в.

І по сходу іткма ксен мій і цар мєскій король .
 нї нї а у ігорек оїо землєю короле пєнї по де
 ржанин . пї а нї ої у ігорь
 стїи нї пєл
 землїа
 пєнї о
 сї о ітк
 нї а
 сї о

Рис. 4. Римський король Максиміліан Габсбург намагається підкорити Венгрію.

ГПБ, Шумиловський том Лицевого свода, л. 423. XVI в.

Іїкѣзѣднѣннѣхъ поучѣннѣ ѿ поуч
 ествъ. и поучѣннѣ. Зѣкъ. гѣпл
 рѣ максимѣа на
 цѣсарѣи жи
 поучѣ
 не
 ега
 до

Рис. 5. Великий князь Василий III отпускает посла Империи С. Герберштейна. Император Максимилиан I в гробу.
 ГПБ, Шумиловский том Лицевого свода, л. 796. XVI в.

Црѣвеликийи князь посла его баа н дѣ
 пы поустилъ . и оучи соудилъ . и
 пожаловалъ поустилъ . а снмъ
 послалъ сдѣжн пыхъ патраръ подалъ
 впередн его

Црѣвеликогои князь посланникъ при
 шелъ о судѣ непей . То го мѣся прише
 посланникъ црѣвеликогои князя юси

Рис. 6. Отправление Иваном IV посла Непей в Англию. Гибель Ченслера во время кораблекрушения. Прибытие Непей в Лондон к королю Филиппу.

ГИМ, Синодальный список Никоновской летописи, л. 308. XVI в.

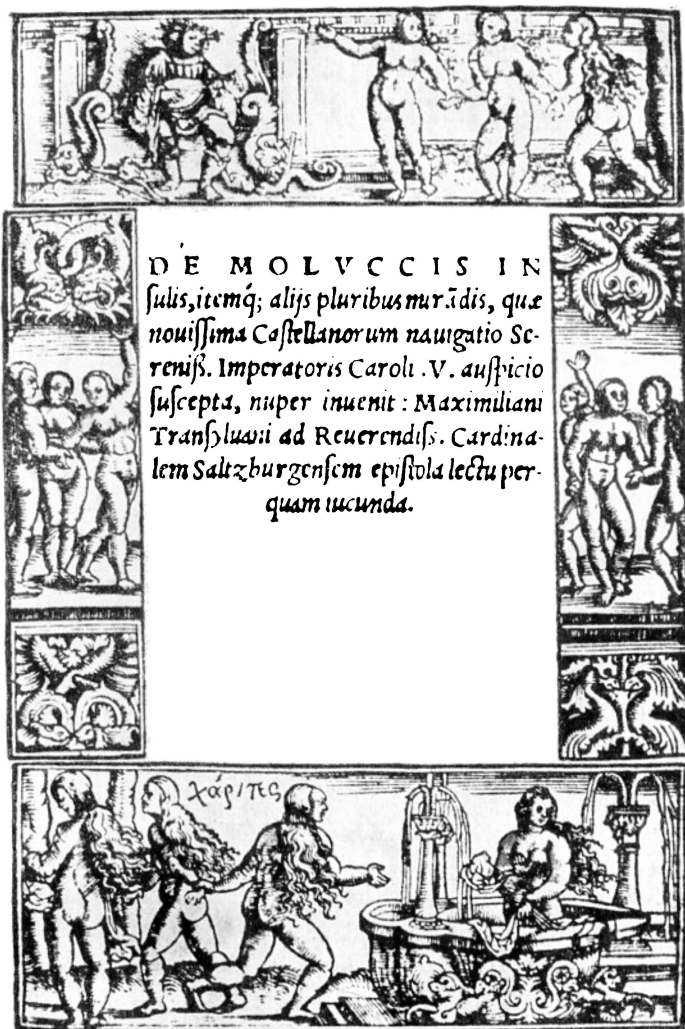

Рис. 7. Титульный лист сочинения Максимилиана Трансильвана о путеше-
ствии Магеллана.

Кёльн, 1523.

Рис. 9. Русский посол в Англии Г. Н. Микулин.
Портрет работы неизвестного художника начала XVII в. ГИМ.

Хунтинского Мария Хантис ростом высока, тонка, лицом бела, очи серы, волосом руса, у рук пальцы тонки и долги». ¹³⁵

Описывая встречи, которые им устраивали в Англии, приемы у королевы, русские послы называют поименно присутствовавших при этом английских сановников, знакомя, таким образом, с правящими кругами Англии.

Как и все статейные списки, статейные списки русских послов в Англию содержат описания пути. В статейном списке Ф. Писемского указывается, что корабли с русскими послами 11 августа вышли из Холмогор, 21 августа прошли мимо города датского короля «Варгава» (Вардегуз на острове Вардё на севере Норвегии), затем 21 день шли вдоль берега Датской земли, «а прошед Датскую землю, шли блпско берега Шкотцкие земли три дни; а земля Шкотцкая была в праве. И прошед Шкотцкую землю пришли на рубежь к Аглинской земле в субботу сентября в 15 день; а на рубеже корабли, к берегу не приставая, прошли мимо; а корабельщики сказывали, что на том рубеже стоит Аглинский городок камен, а прозвище ему Барвык (Бервик. — *Н. К.*)... И всего шли от Варгава до рубежа Аглинские земли 24 дни; а от Колмогорской пристани шли до рубежа Аглинские земли пять недель; а по скаске корабельщиков от Варгава до Аглинские земли 2350 верст, а от Колмогорской пристани до рубежа Аглинские земли 3100 верст; а до государства Аглинского до города до Лунды от Колмогорской пристани 3500 верст». ¹³⁶ Подобные описания знакомили не только с условиями путешествия послов, но и с географией и с политической картой Западной Европы.

Во время пребывания в Англии послы побывали в ряде городов, местечек и сел, названия которых неизменно заносились в статейные списки. Порой о населенных пунктах сообщались характеризующие их сведения. Так, о Скарборо, приморском городе, где Ф. Писемский и Н. Ховралев сошли с кораблей, мы читаем: «А город Скарбар камен, не велик; стоит у моря на берегу; а посад за городом не велик же; а в городе один воеводской двор». ¹³⁷ Лондон описан следующим образом: «А как Григорий и Ивашко (Г. Микуллин и И. Зяновьев. — *Н. К.*) въехали в посад в Лунду и в те поры было по реке по Темзе в судех, и по берегам по обе стороны, и по улицам людей было в зборе добре много... А город Лунда Вышегород камен, не велик, стоит на высоком месте, и около его воды обводные. А большой город, стена камена жь, стоит на ровном месте около его версты с четыре и болши; а через реку Темзь меж посадов мост камен, а на мосту устроены дома каменные и лавки, и торг великой устроен со всякими товарами». ¹³⁸ Вышегородом русские

¹³⁵ Там же, с. 69.

¹³⁶ Там же, с. 15—19.

¹³⁷ Там же, с. 19.

¹³⁸ Там же, с. 321.

дипломаты называли Тауэр, расположенный в центре Лондона. Когда-то являвшийся цитаделью Лондона, Тауэр уже во времена Микулина был в первую очередь тюрьмой для государственных преступников (сюда, в частности, был заключен Эссекс со своими сообщниками). Под «большим городом» следует подразумевать, по-видимому, Сити — центральную часть Лондона, расположенную на северном берегу Темзы. Сити соединялся с южной частью Лондона большим мостом через Темзу, построенным еще в XIII в., на котором находились, как об этом пишут русские послы, дома и лавки.¹³⁹

Интересно описание английских военных кораблей, которые демонстрировались и посольству Писемского, и посольству Микулина, очевидно, для того, чтобы внушить русским убеждение в военно-морском могуществе Англии. В статейном списке Г. Микулина мы читаем: «И на завтрее того, маяя в 22 день, ездил Григорий и Ивашко со князем Елизарьем смотрети королевниных воинских караблей: ... на реке на Медве (Мидуей. — *И. К.*) стоят 26 караблей воинских, а на них многой наряд — пушки медяные и железные, а карабли великие, высокие, долги; а живут деи на них в воинское время человек по семи сот и по осми сот, а на иных и по тысяче; а пушек на карабле по сороку и по пятидесят, а на иных по штидесят и болши. Да на той же реке, на Медве, на устье городок Квынборок (Квинборо. — *И. К.*), а в нем деи великой наряд для остереганья тем караблем от недругов, да чепь железная через всю реку ... Да князь Елизарей же сказывал, что иные королевнины воинские многие карабли гуляют по морю для остереганья от ишпанских людей».¹⁴⁰

В статейном списке Ф. Писемского и Н. Ховраева, помимо традиционного наказа «розведывати» о внешнеполитических сношениях страны, куда посылались послы, содержится предписание собирать сведения и о самой стране. «Да и про всякие дела, и обычей велено розведывати подлинно как ся у них которые дела делают, и сколь велика Аглинская земля, и много ли у них воинских людей живет?». Отвечая на этот вопрос, русские дипломаты писали: «А земля Аглинская не велика; стоит на море на одном острове с Шкотцкою землею; всего, сказывают, Аглинские земли верст с пятсот, а поперег с триста верст; толко земля людна добре, и богата, и изобилна всем; а воинских людей, сказывают, збирается в Аглинской земле до пятидесят тысяч; а коли де чают приходу воинских людей к Аглинской земле, и в те поры де збираетца в Аглинской земле всякого человека бойца до полутороста тысяч и болши».¹⁴¹ «Земля людна добре, и богата, и изобилна всем», — таково было впечатление русских послов об одной из самых передовых и развитых стран Западной Европы.

¹³⁹ Путешествия русских послов XVI—XVII вв., с. 405.

¹⁴⁰ Сб. РИО. т. 38, с. 362—363; ср. там же, с. 61.

¹⁴¹ Там же, с. 63—64.

Английские дела Посольского приказа, в первую очередь статейные списки русских послов, четко определяли место Англии в международной жизни Европы как сильнейшей морской державы, ведущей успешную войну с Испанией и оказывавшей помощь европейским державам и движениям, направленным против феодально-католической реакции (восставшим против Испании Нидерландам, гугенотам во Франции). Вместе с тем статейные списки русских послов включали сведения географического и политического характера о самой Англии и являлись, таким образом, ценным источником сведений о недавно вторично открытой для русских стране, с которой у них установились добрые отношения.

Известия из Англии поступали по дипломатическим каналам в Москву быстрее, чем из других стран Западной Европы. Мы уже указывали, что, согласно статейному списку Ф. Писемского, путь от Холмогор до «рубежа Аглинской земли» занимал 5 недель. Еще более точные данные содержит статейный список Романа Бекмана: выехав из Лондона 12 мая, Бекман прибыл в Холмогоры 22 июня, а в Москву — 5 июля,¹⁴² затратив на путешествие из Лондона в Москву менее двух месяцев. Относительная быстрота сообщения объясняется тем, что поездки дипломатов в Англию и обратно совершались по наиболее быстрому в то время пути сообщения — морю.

Проведенный нами анализ посольских книг второй половины XVI в. показывает чрезвычайное возрастание в них известий о Западной Европе по сравнению с теми, которые отложились в книгах конца XV—начала XVI в. Если в последних освещалась по существу лишь внешняя политика Империи и отдельные явления ее внутренней жизни, то теперь посольские книги включают материал буквально о всех крупных событиях политической жизни западноевропейских стран: о дипломатической борьбе австрийских Габсбургов и французских Валуа за польский престол, Нидерландской революции, гражданских войнах во Франции, присоединении Португалии к Испании, стремлении Испании сохранить за собой политическую гегемонию в Европе, соперничестве Англии с Испанией за господство на морях, Реформации в Англии и конфликте на этой почве Англии с Римом, англо-шотландских отношениях, войнах с Турцией, которые вели Империя, Испания, Венеция, и, напротив, добрых отношениях, существовавших между Англией и Францией, с одной стороны, и Турцией — с другой.

Увеличение известий о Западной Европе во второй половине XVI в. объясняется не только тем, что от этого времени сохранилось большее число посольских книг и они освещают сношения России с рядом европейских стран, а не с одной Империей, но и большей насыщенностью интересующими нас известиями каждой отдельно взятой посольской книги; при этом уменьша-

---

¹⁴² Временник Московского общества... , кн. 8, с. 84.

ется роль информации, поступающей от иностранных дипломатов, и возрастает удельный вес известных, доставляемых русскими послами; основным источником сведений о Западной Европе становятся статейные списки русских послов.

Статьейные списки увеличиваются в объеме и окончательно оформляются в качестве особого вида письменности, соединяющей в себе черты дипломатической документации с рассказом о «чужих землях». Складывается определенный формуляр статейных списков.

Увеличение объема информации о западноевропейских странах и большая ее насыщенность в статейных списках второй половины XVI в. свидетельствуют не только о расширении политического горизонта русских послов, но и русского правительства, так как содержание статейных списков определялось в известной мере наказами, которые русские дипломаты, отправляемые за рубеж, получали от правительства.

Известия русских послов о Западной Европе по-прежнему носили информативный характер, отсюда, очевидно, их фактографичность и слабость в них порой аналитического начала. Но тем не менее русским дипломатам присуще было умение разбираться в сложных коллизиях политической жизни Западной Европы второй половины XVI в.: за донесениями русских дипломатов неизменно проступали, как мы уже отметили, контуры двух политических лагерей, на которые раскололась Европа того времени — феодально-католической реакции и противостоящего ему прогрессивного, связанного с развитием буржуазных отношений и выступавшего под знаменем новой религии — протестантизма. Добавим, что донесения русских дипломатов были полностью лишены религиозной узости и нетерпимости: так, даже о «римской вере» и «люторской вере» (а обе они, с ортодоксально-православной точки зрения, были недопустимы) русские дипломаты писали совершенно спокойно, без осуждающей тональности.

* * *

Если во второй половине XVI в. значение посольских книг как источника сведений о Западной Европе возрастает, то роль в этом отношении летописей уже в середине XVI в. резко падает. Это обстоятельство было связано с упадком летописания в целом: в конце XV—начале XVI в. летописные своды создавались один за другим и происходящие события отражались благодаря этому во многих летописях, в середине же XVI в. число общерусских летописей ограничивается лишь двумя — Львовской и Никоновской с ее дополнениями.¹⁴³ В Львовской летописи изложение до-

---

¹⁴³ Так называемая Царственная книга представляет собой переработку части Никоновского свода (за 1534—1553 гг.). Поскольку она не

ведено до 1560 г., в Никоновской — до 1558 г., в ее дополнениях до 1567 г. С 1534 по 1560 г. (т. е. до конца) текст Львовской летописи тождествен тексту того московского великокняжеского свода, на основании которого была дополнена за эти годы Никоновская летопись.¹⁴⁴ Отсюда совпадение в обеих летописях интересующих нас известий о Западной Европе.

Из внешнеполитических событий центральное место в Никоновской и Львовской летописях занимает Ливонская война. Но поскольку арена этой войны выходит за рамки избранного нами для исследования региона, постольку мы не будем касаться вопроса об ее отражении на листах летописных текстов. Отметим лишь, что в связи с изложением военных действий в Ливонии в русской письменности распространяются сведения об одном из крупнейших событий в жизни европейских народов XVI в. — Реформации.¹⁴⁵

Лютеранство как новая разновидность религии упоминается в рассказе о взятии Нарвы в 1558 г. В разделе этого рассказа, озаглавленном «О освящение града Ругодива», сообщается, что царь велел освятить завоеванный город «во имя божие», воздвигнуть в нем православные храмы и «с кресты по городу и кругом города ходити и обновити от веры латыньские и люторовы».¹⁴⁶ В 1562 (ноябре 7071) г., излагая мотивы похода русских войск против польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда, летописец указывал, как на одну из причин, на то обстоятельство, что «безбожная Литва, поклонение святых икон отвергше, святые иконы пощепали и многая поругания святым иконам учинили, и церкви разорили и пожгли, и крестьянскую веру и закон оставльше и поправше и люторство восприаша».¹⁴⁷ Во включенном в летопись под 1563 г. послании новгородского архиепископа Пимена Ивану IV содержится призыв к царю «низложити враги креста Христова и своих недругов и христианских врагов иконоборцев, богоотступных латын и поганых немец и люторские прелести еретиков».¹⁴⁸ После взятия Полоцка в 1563 г. Иван IV, по сообщению летописца, воздавал хвалу богу за то, что «не в конец безбожные люторне церкви святыя осквернили и

содержит известий о Западной Европе, постольку касаться ее мы не будем.

¹⁴⁴ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 475.

¹⁴⁵ Самое раннее упоминание Лютера и лютеранства находится в Хронографе западнорусской редакции, созданном в начале 50-х годов XVI в. (см. с. 238—239). Но мы полагаем, что если бы сохранились посольские книги сношений России с западноевропейскими странами за вторую четверть XVI в., то мы могли бы найти в них гораздо более ранние известия о Реформации.

¹⁴⁶ ПСРЛ, т. XIII, первая половина. М., 1965, с. 296; ср. т. XX, ч. II, с. 594.

¹⁴⁷ ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, с. 345.

¹⁴⁸ Там же, с. 351.

разорили и святым иконам поругались»; полоцкие же священники «благодарственне испущающе гласы, избавльшеся и освободившеся от люторскаго насилования, что те люторы отпали святыя православныя веры, церкви разорили и иконам не поклонялися и поругание чинили великое».¹⁴⁹

Во всех приведенных известиях содержится осуждение лютеранства без раскрытия его сущности (указывается лишь, что лютеранство было связано с непризнанием икон). Во включенном же в Никоновскую летопись под 1561 г. послании константинопольского патриарха Иосифа Ивану IV, написанном для обличения лютеранства, излагаются некоторые положения «люторской ереси»: отрицание таинства причастия, отрицание таинства священства, отрицание постов, непризнание икон, непризнание святых и их мощей.¹⁵⁰ Таким образом, включая в свой труд обличающие новую религию документы, летописец знакомил тем самым своих читателей с некоторыми ее чертами.

В отличие от статейных списков русских послов, где «люторская вера» упоминается в спокойном тоне, без осуждения, в летописях все известия о ней имеют резко обличительную тональность. Своего рода объективность статейных списков и ярко выраженная тенденциозность известий летописей по интересующему нас вопросу объясняются спецификой первых и вторых как исторических источников: статейные списки — отчеты русских послов, предназначавшиеся для ознакомления с ними царя и правительственных кругов, носили информативный характер, летописи же являлись историческими произведениями, которым всегда была свойственна публицистическая направленность и которые были рассчитаны на пропаганду в обществе определенных идей.

Распространение в русской литературе середины и второй половины XVI в. антипротестантских настроений, о чем мы будем еще говорить, было обусловлено рядом причин, обличение же лютеранства в летописях определялось, как мы полагаем, в первую очередь военно-политическими соображениями. Россия вела войну против Ливонии, где Реформация получила большое распространение, и против Литвы, также затронутой реформационным движением. Поэтому осуждение «люторской ереси» (отметим, что в летописях осуждается не лютеранство вообще, а его проявления в Ливонии и Литве) должно было способствовать упрочению престижа правительства в глазах русского православного общества и внушить ему убеждение в справедливости ведущейся Россией войны.

О том, что религиозная пропаганда подчинялась политическим целям, ярко свидетельствует документ, хотя и не включенный в летопись, но возникший в связи с событиями на театре военных действий, — богомольная грамота митрополита Филиппа в Кирил-

¹⁴⁹ Там же, с. 359, 360.

¹⁵⁰ Там же, с. 334—339.

лов монастырь по случаю войны. В грамоте, датированной 24 ноября 1567 г., после указания, что «литовский король Жигимонт Август и поганые немцы во многия различныя ереси впади, поипаче в лютореву прелесть», митрополит торжественно заявляет, что царь «по нашему благословению и всего священнаго собора, пошол со всем своим воинством на своих недругов, за святыя церкви, и за святыя честныя иконы, и за нашу святую и благочестивую христианскую веру греческаго закона».¹⁵¹ Таким образом, война, ведшаяся Россией, была объявлена руководством русской церкви священной войной за православную веру.

Поскольку в 50—60-х годах (в охватываемое летописями время) центральное место во внешней политике России занимала борьба за выход к Балтийскому морю, постольку, помимо военных действий в Ливонии, на страницах летописей получили отражение сношения России с ее противниками в этой войне — Речью Посполитой и Швецией, а также с Данией, заинтересованной в балтийском вопросе и оказывавшей влияние на ход Ливонской войны. Сношения же с западноевропейскими странами, игравшие в тот период во внешней политике России меньшую роль, занимали в летописях гораздо более скромное место, чем это было в конце XV—начале XVI в.

В 1564 г. дважды упоминается прибытие послов с грамотами от императора Фердинанда, содержащими просьбу к царю освободить взятого в плен ливонского магистра Фюрстенберга.¹⁵² Как мы видим, известные о сношениях с Империей, попавшее на страницы летописи, тоже было связано с Ливонской войной.

Внимательно отнесся летописец и к сношениям России с Англией, которым русское правительство в то время придавало большое значение. Под 1555 (октябрь 7064) г. он записал известие о прибытии английских послов: «Того же месяца пришли ко царю и великому князю от цесарева Карлосова сына от аглинского Филипа короля и его королевой Марии посланники Рыцерь да Юрья (Ричард Ченслер и Георг Киллингворс. — *Н. К.*) с грамотами; а в грамотах писал ко царю и великому князю с великою любовною похвалою, и царем его благочестивым нарицая на многих государствах, и с челобитьем и с прошением о всяком добре ... И государь их пожаловал, почтил великим жалованием».¹⁵³ Под 1556 (июнь 7964) г. в летописи читается известие об отпуске английских послов: «Того же месяца отпустил государь Филипа короля аглинского посланников Рыцерта да Юрья, а с ними послал своего посланника Непею Вологжанина з грамотою; а писал х королю о любви и о ссылке, и людям его царь и великий князь пожаловал, в своих государствах велел учинити пристанище корабленное на Двине, и торг по всему го-

¹⁵¹ ЛАЭ, т. I, с. 313.

¹⁵² ПСРД, т. XIII, вторая половина, с. 381—382, 386.

¹⁵³ Там же, первая половина, с. 262; ср. т. XX, ч. II, с. 565.

сударству поволной дал, также и на Москве двором устроил».¹⁵⁴ В этих известиях, рассказывающих о вторичном приезде Ченслера в Россию (на этот раз уже в качестве английского посла) и об отправлении в Англию ответного русского посольства, возглавляемого вологжанином Осипом Непеей, отражен важный аспект внешней политики Англии — стремление к установлению тесных экономических связей с Россией, завершившееся крупным успехом — получением от русского царя значительных торговых привилегий. Названные известия знакомили русского читателя и с политическим положением самой Англии: они зафиксировали момент, когда благодаря браку Марии Тюдор с Филиппом II, королем Испании, Англия и Испания были связаны личной унией.

Очень интересно известие о возвращении в сентябре 1557 г. Осипа Непеи из Англии: «Того же месяца пришел посланник царя и великого князя Осиф Непея от Филипа, короля Изшпанскаго и Аглиньского, и от королевы Марии. А сказывал Непея, что едучи в Аглиньскую землю, разбило их корабли на море, и королев посланник Рыцерт с товарищи утонул в море, а их прибило в Штоцкое королевство, и оттоле его выпустили в Аглиньскую землю, и король Филип принял царя и великого князя присылку с великою любовию и честию и х царю его великому князю отпустил. А писали с ним король Филип и королева Марья с великою любовию и почестию и в поминьках прислали лва да львицу живы, да король прислал доспех свой полной да скорлаты и атласы многие, и Непее во своем жалованьи дачку учинили великую, и царя и великого князя гостем путь чист учинили и двор им в болшем своем городе в Луньском дали и безо всяких пошлин торговати велели. Да отпустил с Непеею мастеров многих дохторов и злату и серебру искателей и делатарей и иных многих мастеров, и пришли с Непеею вместе».¹⁵⁵ Летописный рассказ содержит описание путешествия Непеи, во время которого произошло кораблекрушение, сопровождавшееся гибелью Ченслера, а русский посол оказался прибитым к берегу Шотландии и лишь оттуда попал в Англию. Впервые в русской письменности упоминается столица королевства — Лондон (см. рис. 6). Подчеркивается неизменное стремление английского правительства к упрочению экономических сношений с Россией: отсюда предоставление привилегий русским купцам. Думается, что в основу летописного рассказа о путешествии Непеи был положен его несохранившийся статейный список.

Последнее известие летописи с упоминанием Англии — это запись под 1567 (7075) г. об отправке русским царем «от своей казны своих гостей и купцов в поморские государства: в Антроп к бурмистром и к ратманом послал гостя Ивана Офонасьева да

¹⁵⁴ Там же, с. 270; ср. т. XX, ч. II, с. 572.

¹⁵⁵ Там же, с. 285—286; ср. т. XX, ч. II, с. 586.

купца Тимофея Смывалова, в Гурмыз купцов Дмитрия Ивашева да Федора Першина, в Английскую землю к Елизаветы королевне купцов Степана Твердикова да Федота Погорелова».¹⁵⁶ Здесь запечатлено не только намерение русского царя развивать торговые связи с Западом (Антверпен, Англия) и Востоком (Ормуз), но и даются некоторые сведения о торговых контрагентах России: указывается, что в Антверпене («Антропе») существует городское самоуправление (бургомистры и ратманы), что в Англии новая королева (Елизавета).

Летописные записи о посольстве Ченслера в Россию в 1555—1556 гг. и посольстве Непей в Англию в 1556—1557 гг., а также посылке русским царем в 1567 г. русских купцов в Англию имеют особую значимость потому, что «английские книги» Посольского приказа до 1581 г. не сохранились. Летописи являются, таким образом, единственным русским источником, содержащим сведения о начальном периоде русско-английских сношений.

Во второй половине XVI в., в царствование Ивана IV, было осуществлено последнее в XVI в. крупное мероприятие в области летописания — создание Лицевого свода. Лицевой свод представляет собой многотомную рукопись, содержащую текст Никоновской летописи, украшенный тысячами миниатюр. Ряд миниатюр иллюстрирует известия о европейских событиях, о которых идет речь в летописном тексте. Названные миниатюры интересны для характеристики представлений московских художников о Западе (см. рис. 2—9).¹⁵⁷

Упадок общерусского летописания во второй половине XVI в. не сопровождался таковым в области русской хронографии. Напротив, на рубеже XVI и XVII столетий происходит заметное оживление хронографии, продолжавшееся в XVII в. В 1599 и 1601 гг. были созданы две новые редакции хронографа, протографом которых был, согласно гипотезе О. В. Творогова, Пространный хронограф, восходящий к первому русскому Хронографу 1512 г.¹⁵⁸

Составитель Пространного хронографа, как и его предшественник, создатель Хронографа 1512 г., понимал всемирную историю в узкоправославном духе. Отсюда почти полное отсутствие в его труде сведений о католическом и протестантском Западе. Из его истории в обеих редакциях Пространного хронографа (1599 и 1601 гг.) присутствуют лишь два сюжета: рассказ о Фло-

¹⁵⁶ ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, с. 408.

¹⁵⁷ О миниатюрах Лицевого свода см.: *Арцизовский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1964.

¹⁵⁸ О. В. Творогов считает, что в основе Пространного хронографа лежит сокращенный вид Хронографа 1512 г., дополненный и измененный по другим источникам (*Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 208—209).

рентийском соборе, повторяющий аналогичный рассказ Хронографа 1512 г., написанный в традиционном для ортодоксально православной публицистики антикатолическом духе, и рассказ о Лютере.

Во всех списках Пространного хронографа редакции 1599 г. и редакции 1601 г.¹⁵⁹ рассказ о Лютере входит в состав более обширной статьи, носящей заглавие «Сказание о латынях, како отступиша от православия». Последняя часть этой статьи имеет заголовок «О Лютере Мартине».

Статья о Лютере начинается с указания на то, что «злоименитый Лютор, сын самого сатаны», нарушил апостольское предание и «отеческое учение» и, думая утвердить «закон латыньский... его же останки погуби». Далее перечисляются греховные проступки Лютера, характеризующие в то же время его учение: Лютер отвергнул литургию, поклонение иконам, посты, призывал драгоценные церковные сосуды и облачения духовных лиц продавать и употреблять для мирского устройства, велел католическим («латыньским») инокам снять монашеские одеяния и, облачившись в мирские, жениться. Учению Лютера («его же прелести злаго богоборнаго развращения») последовали многие. В силу всего сказанного «нечестивый» Лютер и все его последователи подлежат проклятию. Закачивается статья указанием на то, что Мартин Лютер «бысть» в 1517 г.¹⁶⁰

В статье «О Лютере» хронографов редакций 1599 и 1601 гг. дается более обстоятельная, чем в летописях, характеристика лютеранства (с обличительных позиций, конечно). Очевидно, составитель Пространного хронографа почерпнул ее из памятников антипротестантской полемики, получившей, как мы будем говорить дальше, значительное развитие в публицистике XVI в.

* * *

Середина и вторая половина XVI в. в развитии русской литературы представляют собой особый период. Это время «возбуждения охранительных начал в умственном движении Московской Руси»,¹⁶¹ выражавшееся, в частности, в усилении влияния на литературу, с одной стороны, государства, а с другой — церкви. Союз государства и церкви, в которой полностью возобладало иосифлянское направление, обусловил также тенденцию к изоляции русского общества от зарубежных идеологических и лите-

---

¹⁵⁹ О. В. Творогов называет следующие списки Пространного хронографа: редакции 1599 г. — БАН, 31.6.27 и ГИМ, собр. Уварова № 23/1362; редакции 1601 г. — ГБЛ, собр. Большакова № 21; ГИМ, собр. Уварова № 18/1363; ГБЛ, Музейное собрание № 4440 и собр. Титова № 143.

¹⁶⁰ БАН, 31.6.27, л. 410—410 об. — В названном списке заключительная фраза о том, что Лютер «бысть» в 1517 г., не дописана.

¹⁶¹ *Тихонравов Н. С.* Сочинения, т. I. М., 1898, с. 92—93.

ратурных влияний. Это хорошо подметил князь Андрей Курбский, упрекавший Ивана IV за то, что благодаря ему «царство Русское» затворено «аки в адове твердыни».¹⁶²

На фоне и в силу отмеченных явлений в XVI в. происходит сокращение по сравнению с XV в. светской литературы беллетристического типа, что хорошо показала Р. П. Дмитриева.¹⁶³ Со своей стороны мы можем констатировать уменьшение числа произведений как русской оригинальной, так и переводной литературы, повествующих о западных странах. Если отвлечься от памятников антипротестантской полемики и от перевода на русский язык «Хроники всего света» Марциана Бельского (о них речь пойдет далее), то в русской литературе рассматриваемого времени можно назвать лишь одно произведение, сообщающее о событиях на Западе. Мы имеем в виду рассказ о землетрясении в Италии и Греции в 1542 г.

Первым обратил внимание на этот рассказ А. И. Соболевский, назвавший список Соловецкого собрания № 682 (ныне находится в ГПБ) и высказавший мнение о том, что оригиналом для русской версии рассказа послужил немецкий летучий листок, упомянутый Э. Веллером в его библиографии.¹⁶⁴ Р. П. Дмитриева назвала еще два списка, находящиеся в сборниках середины XVI в., составленных в Иосифо-Волоколамском монастыре: сборнике старца Вассиана Кошки, бывшего Возницкого архимандрита (ГБЛ, Музейное собрание № 1257), и сборнике игумена Волоколамского монастыря Нифонта Кормилицына (ГБЛ, Волоколамское собрание № 551); исследовательница высказала предположение, что текст записан на основе сообщения очевидцев.¹⁶⁵ Мы обратили внимание еще на два списка, находящихся в составе Новгородской II летописи¹⁶⁶ и Воскресенского Новоиерусалимского списка Софийской II летописи;¹⁶⁷ эти списки хотя и давно изданы, но до сих пор не привлекались исследователями.

Во всех названных списках в тексте памятника имеют место лишь незначительные разночтения, возникавшие при переписке и не дающие основания говорить о появлении новых редакций произведения. Единственное существенное различие между списками — это наличие в одних и отсутствие в других заголовка, но и оно не меняет представления о памятнике как о сохранившемся в одной редакции.

¹⁶² Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. СПб., 1914, стб. 135; подробнее см.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, гл. X.

¹⁶³ Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). — ТОДРЛ, т. XXIII, 1968, с. 143—170.

¹⁶⁴ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 237; Weller E. Die ersten deutschen Zeitungen, 1505—1599. — Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, CXI. Tübingen, 1872.

¹⁶⁵ Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в., с. 220.

¹⁶⁶ Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 74—73.

¹⁶⁷ Софийский временник, ч. II. М., 1821, с. 401—402.

Заголовок произведения гласит: «Повесть зело страшна п умиления и плача достойна, еже бысть в Римской земле в граде, нарицаеме Шимбории, тако же и в Турской земли в той же день божие бысть поущение и погибель граду, именем Солонихии в лето 7050-го». Следующий за заголовком текст начинается с указания на приезд из «Римской земли» (из Италии) в «Колывань» (Ревель) на корабле любекских купцов. Купцы рассказали, что они ездили торговать в «Римскую землю» в город «Шимборию» и там в ночь с 12 на 13 июня пережили страшное землетрясение, когда «земля вьскипела под городом и учела земля ходити, аки море, волнами»; было семь подземных толчков, в результате которых оказалось разрушенной значительная часть города и погибло много людей. Напуганные купцы на своем корабле покинули место, где произошло стихийное бедствие. Но когда они приезжали в другие итальянские города, то оказывалось, что землетрясение происходило во многих местах. Любекские купцы рассказали далее, что особенно грозное землетрясение случилось в тот же день, 13 июня, «в Турской земле», где земля разверзлась и в нее ушел город «Солонихия»: «Тот город весь погряз в землю. . . , аки корабль в море».¹⁶⁸

В немецких летучих листках, напечатанных Э. Веллером, сообщается о страшном землетрясении, поразившем 12 июня 1542 г. местечко «Шгарбарью» (Schgarbaria), находящееся на расстоянии 16 римских миль от Флоренции, а также турецкий город «Солонихий» (Solonichio).¹⁶⁹ Несомненно, что в немецких летучих листках и русских списках речь идет об одном и том же стихийном бедствии: названы одни и те же пострадавшие населенные пункты (в Италии — «Шимбория» или «Шгарбария» близ Флоренции, в Турции, точнее, в Греции — город Салоники). совпадают детали в описании землетрясения — и в немецких, и в русских текстах упоминаются семь подземных толчков в «Шгарбарии», а о Салониках говорится, что город «погрязл» (русские тексты) или «потонул» (немецкие тексты).

Несмотря на одинаковость содержания и сходство в описании, немецкие летучие листки не послужили оригиналом русской версии рассказа, как думал А. И. Соболевский. Немецкий текст гораздо короче русского и написан сухим языком газетных сообщений, русский — обстоятельный, имеет ярко выраженную эмоциональную окраску, насыщен оборотами, свойственными живой речи. И это естественно, поскольку текст, как указано вначале, представляет собой рассказ любекских купцов — очевидцев описываемых событий.

Думается, что запись рассказа была сделана в Ревеле находившимся там повгородцем. О повгородском происхождении

¹⁶⁸ ГБЛ, Музейное собрание № 1257, л. 425 об. - 428. — Мы пользовались Музейным списком как наиболее исправным.

¹⁶⁹ Weller E. Die ersten deutschen Zeitungen, S. 129—130.

автора записи свидетельствуют не только факты частых поездок новгородцев в Ревель, но и включение текста рассказа в состав Новгородской II летописи, создание которой относится к концу XVI в.¹⁷⁰ Из Новгорода рассказ попал в другие центры русской письменности, в частности в Иосифо-Волоколамский монастырь, входивший в состав Новгородской епархии.

Рассказ о землетрясении в Италии и Греции в 1542 г. представляет интерес не только как еще одно известие о событиях на Западе, но и как источник, рисующий один из путей проникновения в Россию этих известий. Памятник является, как мы отмечали, записью рассказа иностранцев, сделанной русским человеком. Об одном произведении, возникшем таким же образом, но на полстолетия раньше, мы уже говорили: это «Речи цесарева посла», рассказ имперского посла Георга фон Турна об испанской инквизиции, записанный при дворе новгородского архиепископа Геннадия. Несомненно, что число подобных памятников — записей рассказов иностранцев — в реальной действительности России XV—XVI вв. было значительно больше. Примечательно, что оба сохранившиеся памятника были связаны своим происхождением с Новгородом. Новгород благодаря оживленным связям с Западом служил воротами для проникновения в Россию информации о западноевропейских странах.

Если в русской литературе середины и второй половины XV в. по сравнению с XV и началом XVI в. происходит спад в развитии литературы беллетристического типа, то роль публицистики, напротив, возрастает. Помимо вопросов общественно-политической жизни России, которые обсуждались в сочинениях таких выдающихся публицистов, как Иван Пересветов, Ермолай Еразм, Иван Грозный, Андрей Курбский, в публицистике значительное место занимала религиозная полемика, направленная, в частности, против протестантизма.¹⁷¹

Казалось бы, начало антипротестантской полемики в публицистике XVI в. следует связывать с именем Максима Грека, в числе сочинений которого есть одно с упоминанием в заголовке в некоторых списках Лютера; оно написано в защиту почитания икон,¹⁷² следовательно, направлено против тех, кто икон не признавал.

---

¹⁷⁰ Литачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 444.

¹⁷¹ Поскольку антипротестантская полемика в русской публицистике XVI в. обстоятельно изучена в специальных трудах Дм. Цветаева и Лудольфа Мюллера (см. далее), а также в статье Я. С. Лурье об известии посольских дел о Варфоломеевской ночи, постольку мы остановимся лишь на важнейших известиях этой полемики.

¹⁷² «Инок Максима Грека слово на Лютера». — Сочинения Максима Грека, т. I. Казань, 1859, с. 485—494. — Издатели сочинений Максима Грека отнесли к противолютерским также следующие произведения Максима: Слово на хулиники пречистия божия матере; Сказание противу глаголящих, яко плотским совокуплением и рождеством хотяще

Хотя лютеране отрицали почитание икон, рассматриваемое произведение Максима Грека вряд ли было направлено против них: связи Максима с Западом были прерваны прежде, чем там получило распространение учение Лютера, и о нем Максим Грек скорее всего не знал.¹⁷³ В. С. Иконников считал, что Максим Грек написал свое сочинение для опровержения новгородско-московской ереси, одной из черт которой являлось непризнание икон.¹⁷⁴ Однако Я. С. Лурье справедливо отметил, что новгородско-московская ересь была разгромлена до приезда Максима Грека в Россию, и потому логичнее предположить, что, защищая иконы, Максим Грек полемизировал не с новгородско-московскими еретиками, а с их продолжателями середины XVI в. (Матвей Башкин, Феодосий Косой).¹⁷⁵ Отметим в этой связи, что сам царь Иван IV спрашивал Максима Грека о Матвее Башкине и просил об обличительном послании против него. Что касается упоминания Лютера в заголовке некоторых списков произведения Максима Грека в защиту икон, то оно было добавлено позднее составителями сборников или переписчиками с целью использования авторитета Максима Грека для борьбы с лютеранством.¹⁷⁶

Если полемические выступления Максима Грека против лютеранства являются сомнительными, то выпад против него со стороны ученика Максима Грека, публициста середины XVI в. Зиновия Отенского, действительно имел место. В своем сочинении «Истины показание к вопросившим о новом учении», посвященном обличению ереси Феодосия Косого, которому, спасаясь от неминуемой казни, удалось бежать в Литву и приобрести там сторонников, Зиновий Отенский писал: «И убо восток весь разврати Бахметом, запад же Мартином Немчином, Литву же Косым, предпутие творя антихристу предтечами его — Бахметом и Мартином и Косым».¹⁷⁷ Сущности лютеранства Зиновий Отенский совсем не раскрывает, но из его обличительного заме-

---

множитися человеческий род, аще (бы) и не согрешили праотцы; Сказание о том, который убо первый грех в человеческом естестве?; Сказание о рукописании греховнем, данным диаволу (Сочинения Максима Грека, т. 1, предисловие издателей, с. 13). Однако Дм. Цветаев показал неправильность такого мнения, так как во всех названных сочинениях, за исключением первого, опровергаются воззрения, не свойственные лютеранству (Цветаев Дм. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890, с. 524—525).

¹⁷³ Цветаев Дм. Протестантство и протестанты. . ., с. 536.

¹⁷⁴ Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1915, с. 205 и след.

¹⁷⁵ Лурье Я. С. Известие о Варфоломеевской ночи в русских «посольских делах» XVI в., с. 219—220.

¹⁷⁶ Цветаев Дм. Протестантство и протестанты. . ., с. 536—537 и прим. 2 на с. 537; см. также: Послание царя Иоанна Васильевича Максиму Греку о ереси Матвея Башкина. — Акты исторические, т. I. СПб., 1841, № 161.

¹⁷⁷ Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение цюка Зиновия. Казань, 1863, с. 48—49.

чания читатель узнавал о распространении на Западе новой религии, основоположником которой был «Мартин Немчин».

Полемику с лютеранством вели также, но уже за пределами России, в Литве, два бежавших туда русских публициста и общественных деятеля: бывший игумен Троицко-Сергиева монастыря, нестяжатель Артемий и политический противник Ивана Грозного — князь Андрей Курбский.

Артемий Троицкий, осужденный на родине за свои нестяжательские взгляды и связи с еретиками, в Литве, где значительное распространение получили различные виды протестантизма, принял на себя роль защитника православия. В послании «К люторским учителям», а также некоторых других, написанных главным образом для удержания православных от обращения в «люторскую веру», Артемий, доказывая неправильность учения Лютера, назвал ряд свойственных ему черт: отрицание икон, крестного знамения, иночества, покаяния и других таинств.¹⁷⁸

Ревностным защитником православия показал себя в Литве и князь Курбский. В «Епистолии ко Кудияну Чапличу», польскому пану, принявшему учение Феодосия Косого, Курбский писал, что он отвергает «новые толкования» «Меленктона Филиппа и Лютора Мартина и учеников его, Цвинглиана, Калвина и прочих» и, что примечательно, называет их последователями Феодосия Косого и его единомышленника Игнатия, также бежавшего из Москвы.¹⁷⁹ Курбский в своей «Епистолии» не только показал знакомство с различными течениями протестантизма, обязанными своим возникновением Лютеру и Меланхтону, его ближайшему помощнику, Кальвину, Цвингли, но и правильно подчеркнул идейную близость протестантизма и русских еретических учений.

Наиболее ярким и обстоятельным памятником русской антипротестантской полемики является «Ответ» царя Ивана IV Яну

---

¹⁷⁸ Послания старца Артемия. — РИБ, т. IV, 1878, стб. 1201 и след.; Вилинский С. Г. Послания старца Артемия (XVI века). Одесса, 1906, с. 123—127 и след.

¹⁷⁹ Сочинения князя Курбского, т. I. — РИБ, т. XXXI, 1914, стб. 437—444; Müller Ludolf. Die Kritik des Protestantismus in der russischen Theologie vom 16. bis zum 18. Jahrhundert. Wiesbaden, 1951, S. 19—23. — Специфическая обстановка Литвы, где православию наряду с быстро развивающимся протестантизмом угрожал католицизм, побудила Курбского к выступлению и против последнего. Курбский написал «Историю о осьмом соборе», резко тенденциозное антикатолическое произведение, в котором, излагая историю Ферраро-Флорентийского собора, рисовал в самых черных красках деятелей католической церкви и осуждал заключенную на соборе унию. Возвращение русского публициста к теме Флорентийского собора почти через 150 лет после его деятельности не было случайным: руководство польско-литовской католической церковью готовило унию с православной церковью на территории Речи Посполитой (уния была осуществлена в Бресте в 1598 г.), и Курбский, очевидно, чувствуя наступление католицизма, стремился мобилизовать православных против него. «История об осьмом соборе» Курбского (РИБ, т. XXXI, стб. 473—484) до сих пор не изучалась, поэтому источники ее не установлены.

Роките. Ян Рокита был одним из деятелей общины чешских братьев (ответвление гусизма), проживавших в Польше, где она укрывалась от гонений, воздвигнутых на них Габсбургами. Рокита попал в Москву в 1570 г. вместе с польским посольством, посланным Сигизмундом II Августом для переговоров о перемирии. В обязанности Рокиты входило обслуживание в делах веры протестантов, находившихся в составе огромного по своей численности посольства. Но наряду с официальными обязанностями Роките руководителями общины чешских братьев была поручена тайная миссия — попытаться найти пути сближения с русской церковью и даже склонить в новую веру самого царя.¹⁸⁰

10 мая 1570 г. между Иваном IV и Рокитой состоялся спор о вере, о содержании которого мы узнаем из сочинений двух иностранных писателей — Ласицкого и Одерборна.¹⁸¹ Poleмика из устной вскоре превратилась в письменную. По распоряжению царя Ян Рокита представил письменное изложение своей речи, произнесенной во время встречи с царем. Иван IV написал на нее ответ — опровержение — и 18 июня велел передать его Роките.

«Ответ» Ивана IV Яну Роките состоит из 14 «слов»-глав. В первой, второй и третьей главах дается резко отрицательная характеристика Лютера и его учеников, которых царь называет «кознодеями» и лживыми пророками; кроме того, в третьей главе царь обличает последователей Лютера за то, что они отрицают предание и не веруют в чудеса святых. В четвертой главе разъясняется значение для христиан ветхозаветных заповедей, в пятой разбирается учение лютеран об оправдании верой, в шестой, седьмой, восьмой — речь опять идет о Лютере и его последователях. В девятой главе защищается пост, в десятой — призывание святых и необходимость литургии, в одиннадцатой — царь снова возвращается к вопросу о путях спасения человека, поставленному в пятой главе, и защищает тезис о самовластье человека (лютеране были детерминистами). В двенадцатой главе лютеране обличаются за отрицание икон, в тринадцатой — за отрицание монашества; одновременно в тринадцатой главе лютеране осуждаются за повторные браки, которые трактуются как многоженство. В четырнадцатой главе, являющейся как бы заключением царского «Ответа», царь, подтверждая, что Рокита не будет преследоваться за изложение своей веры царю, запрещает в то же время Роките проповедь в пределах России.¹⁸²

¹⁸⁰ Цветаев Дм. Протестантство и протестанты в России, с. 542—546.

¹⁸¹ De Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nupitarum, funerum ritu. Spiraе, 1582; Joannis Basilidis Magni, Moscoviae ducis, vita a Paulo Oderbornio tribus libris conscripta... Witebergae, 1585, lib. I. — Müller Ludolf. Die Kritik des Protestantismus in der russischen Theologie, S. 24—26).

¹⁸² Древнерусские полемические сочинения против протестантов. I. Ответ царя Иоанна Васильевича Грозного Яну Роките. — ЧОИДР, 1878,

В 1886 г., через восемь лет после опубликования «Ответа» Ивана IV Яну Роките, архимандрит Леонид издал еще одно антипротестантское произведение — «Послание к неизвестному против люторов. Творение Парфения Уродивого».¹⁸³ В предисловии издатель высказал предположение, что Парфений Уродивый был суздальцем и жил до 1560 г.¹⁸⁴

В 1911 г. А. И. Шляпкин обратил внимание на то, что «Ответ» царя Роките и «Послание» Парфения Уродивого представляют собой одно и то же произведение: в последнем отсутствует только заключительная часть (13-е и 14-е «слова»). А. И. Шляпкин сделал вывод, что Парфений Уродивый — псевдоним Грозного, иронически назвавшего себя девственником («парфений» — по-гречески девственник).¹⁸⁵

Западногерманский исследователь Л. Мюллер также обратил внимание на тождественность текстов «Послания» Парфения Уродивого и «Ответа» Ивана IV Яну Роките, но пришел к противоположному, чем А. И. Шляпкин, выводу. Л. Мюллер считает, что «Ответ» царя не является его оригинальным произведением и что Иван IV для написания «Ответа» воспользовался «Посланием» Парфения Уродивого.¹⁸⁶

Заново вопрос о связи «Послания» Парфения Уродивого и «Ответа» Ивана IV Яну Роките рассмотрел Д. С. Лихачев. Он провел текстологическое сравнение обоих памятников, в результате которого показал наличие в них полемических оборотов, свойственных Грозному, и первичность текста «Ответа» Роките по сравнению с «Посланием» Парфения. Оба наблюдения делают бесспорным предположение о том, что автором «Ответа» Роките был царь. Что касается «Послания» Парфения, то его следует рассматривать как переделку текста «Ответа», произведенную самим царем, так как вряд ли кто-либо из современников Грозного мог решиться на прямое присвоение царского текста.

Задаваясь вопросом о том, почему же понадобилось Грозному укрыться «под придуманным именем Парфения Уродивого»,

---

кн. 2. — Передавая содержание глав царского «Ответа», мы следовали нумерации глав списка А. Попова, изданного в ЧОИДР. В книге Д. Цветаева (с. 554) нумерация глав несколько иная, поскольку автор пользовался списком «Ответа», принадлежавшим Холмской духовной семинарии. Этот список находится в Гарвардском университете (США), издан в книге: *Tumins V. Tsar Ivan IV's reply to Jan Rokita. The Hague—Paris, Mouton, 1971.* — Помимо списков А. Попова и Холмской духовной семинарии, известен еще один список царского «Ответа», находящийся в ГПБ (собр. Погодина № 1597). В нем «Ответ» Ивана IV Роките ошибочно назван речью царя Максиму Греку.

¹⁸³ Памятники древней письменности, LX. 1886.

¹⁸⁴ Там же, с. V—VI.

¹⁸⁵ Шляпкин А. И. Ермолай Прегрешный — новый писатель эпохи Грозного. — В кн.: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и читатели. СПб., 1911, с. 554—555.

¹⁸⁶ Müller Ludolf. Die Kritik des Protestantismus in der russischen Theologie, S. 28—30.

Д. С. Лихачев ищет ответ «в самом содержании отброшенной части». В «Послании» опущены, как мы указали, 13-е и 14-е «слова» «Ответа» Роките; 14-е «слово» являлось как бы заключением произведения, в 13-м же «слове» царь обвинял, в частности, последователей Лютера в многоженстве. Между тем к 1570 г., которым датируется «Ответ» Роките, царь был уже три раза женат. В 1572 г. церковный собор разрешил царю четвертый брак, но наложил на царя епитимию и указал на непозволительность кому-либо из подданных царя следовать его примеру. В условиях церковного осуждения повторных браков царя выступать ему самому против многоженства было неудобно, поэтому, будучи заинтересованным в распространении своего антипротестантского произведения, Грозный прибегает к литературному маскараду: отбрасывает последнюю часть произведения, где речь шла о многоженстве, и иронически называет себя «Парфением».¹⁸⁷

Резкие выпады против протестантизма содержатся и в посланиях Грозного иностранным государям. В 1560 г. в грамоте к императору Фердинанду I, отвечая на его просьбу прекратить войну с Ливонией, Иван IV писал, что ливонцы «нарушили наказ господень» и «приняли учение Лютерово».¹⁸⁸ В 1573 г. в «Послании» к шведскому королю Иоганну III Иван IV упрекал короля в том, что он «безбожен», а в его государстве «образы побили и быти священнику, яко людем».¹⁸⁹

В памятниках русской антипротестантской полемики, как и в летописях, затрагиваются главным образом внешние обрядовые черты новой религии: отрицание икон, крестного знамения, литургии, таинств, культа святых и т. д.; лютеране подвергаются также осуждению за отрицание монашества. Что касается догматической стороны лютеранства, то русские публицисты ее, как правило, не касаются; лишь в «Ответе» царя Роките обсуждается вопрос о лютеранском учении об оправдании верой.

Взятые вместе летописи и памятники русской публицистики содержали довольно значительный запас сведений о лютеранстве, но эти сведения преподносились читателю сквозь призму ортодоксально православного мировоззрения, поэтому новая религия рисовалась исключительно в черном свете.

Причины значительного распространения антипротестантской полемики в русской литературе середины и второй половины XVI в. были сложными. Одну из них мы уже называли: это со-

---

¹⁸⁷ Лихачев Д. С. Канон и молитва ангелу грозному восводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного). — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972, с. 10—14. — Д. С. Лихачев считает, что и второе в рукописной традиции приписываемое Парфению Уродивому произведение — «Канон...» — также принадлежит Ивану IV (там же, с. 14—27).

¹⁸⁸ Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. Перевод с рукописей В. Любич-Романович. Сношения царя Иоанна Васильевича с императором Фердинандом о ливонских делах (с латинского). СПб., 1843, с. 8.

¹⁸⁹ Послания Ивана Грозного, с. 159.

ображения военно-политического характера, в силу которых война против Ливонии и Литвы объявлялась войной за православную веру против «люторской ереси». Но были причины и внутреннего порядка: во второй половине XVI в. в русском обществе появляются посетители протестантизма в лице пленных, а также иностранцев, поступавших на русскую службу, и русские церковно-политические круги стремились уберечь население России от влияния новой религии. И последнее: середина XVI в. была временем высшего подъема русских еретических учений, которые приобретают особенно радикальный характер; идейная близость между протестантизмом и еретическими учениями, несомненная для нас, ощущалась и современниками (вспомним высказывание по этому поводу князя Курбского), и православные публицисты, обрушившая полемический огонь против лютеран, подрывали вместе с тем возможности для распространения русских ересей.

* * *

В русской литературе второй половины XVI в. известен лишь один памятник переводной литературы со сведениями о Западной Европе — «Хроника всего света» Марцина Бельского. Поскольку перевод «Хроники всего света» является важной вехой в истории распространения в России знаний о западноевропейских странах, постольку остановимся коротко на личности автора «Хроники» и истории ее создания.

Марцин Бельский (ок. 1495—1575) — польский писатель и историк. Не получив систематического образования, Марцин Бельский по обыкновению многих небогатых шляхтичей стремился приобрести необходимые познания при дворах магнатов, покровительствовавших наукам и искусствам. Сначала Марцин Бельский находился при дворе мазовецкого князя Януша, позднее — краковского маршала и воеводы Петра Кмиты. В Кракове Бельский прожил до 1540 г., затем переселился в принадлежавшую ему небольшую великопольскую деревеньку, где дожил до 80 лет, занимаясь литературной работой.

Особое значение для Марцина Бельского имела его длительная служба у Петра Кмиты. Краков первой половины XVI в. — город с известным университетом, центр польской духовной жизни, гуманизма и Реформации. При дворе Кмиты сталкивались различные политические идеалы и религиозные убеждения. Сам Кмита и его гости интересовались историей, читали Эразма Роттердамского; у Кмиты бывали еретики и атеисты. Хотя веяния гуманизма и оказали известное влияние на Марцина Бельского, но не настолько, чтобы его можно было причислить к лагерю гуманистов.¹⁹⁰ Гораздо большее значение для формирования

---

¹⁹⁰ И. Хжановский, написавший специальное исследование о жизни и творчестве Марцина Бельского, полностью отрицает влияние гуманизма

мировоззрения Марцина Бельского и характера его творчества имело другое великое духовное течение XVI в. — Реформация. Марцин Бельский, формально не порвав с католицизмом, горячо сочувствовал реформационным идеям и критически относился к католицизму. Большой заслугой Бельского является то, что он был одним из первых польских писателей, писавших не на латинском, а на польском языке.

Марцин Бельский писал прозу и стихи и пробовал свои силы в различных жанрах. Ему принадлежит произведение «Жизнь философов», представляющее собой перевод с чешской переработки латинского сочинения «De vita et moribus philosophorum», автором которого был доктор теологии Уолтер Бёрли, ученик шотландского схоластика Дунса Скота (1265—1308).¹⁹¹ Бельский написал ряд сатир — «Диалог двух баранов», «Женский сейм» и др., обличающих современные автору нравы и включающих элементы критики имущих классов. Из-под его пера вышла и морализирующая «Комедия о Юстине и Констанции», напоминающая чешскую театральную продукцию, восходящую в свою очередь к «благочестивому репертуару лютеранской Германии». Но самым значительным из всего написанного Марцином Бельским является его «Хроника всего света», первая всемирная хроника, составленная поляком.¹⁹²

К XVI в. в Польше высокого развития достигла историография отечественной истории, представленная такими крупными именами, как Длугош, Матвей Меховский, Ваповский и др. Что касается работ по всеобщей истории, то здесь польские историки создали ряд трудов, посвященных отдельным странам и отдельным вопросам: «Хроника пап и императоров» Марцина из Опавы, «О битве венгров с турками при Мохаче, наиправдивейшая история» епископа Бродерика (1527), «Хроника венгров» (1534) и «История о деяниях чехов» (1535) Валентина Полидама, «Начала космографии» со сведениями «о королевствах и народах» Яна Хонтера (1530) и др. Все эти труды не заменяли всемирной

на Бельского и считает, что его творчество не выходило за рамки средневековой культуры (*Chrzanowski I. Marcin Bielski. Studium literackie*. Warszawa, 1906). А. И. Рогов стоит на противоположных позициях и называет Марцина Бельского «выдающимся польским гуманистом» (*Рогов А. И. Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского*. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 133). Мы полагаем, что обе точки зрения нуждаются в коррективах, так как в мировоззрении и творчестве польского писателя и ученого имело место, как мы это постараемся показать далее, переплетение черт старого и нового.

¹⁹¹ Дунс Скот был приверженцем номинализма, философского течения, которое К. Маркс определял как первое выражение материализма (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 2, с. 142).

¹⁹² См.: *Голенищев-Кутузов П. Н. Итальянское возрождение и славянские литературы XV—XVI вв.* М., 1963, с. 264—266; *Budzyk K. Marcin Bielski*. — In: *Budzyk Kazimierz. Szkice i materialy do dziejów literatury staropolskiej*. Warszawa, 1955, s. 168—176; *Chrzanowski I. Marcin Bielski*, гл. I.

хроники и не могли повясть Мартину Бельскому мысль о ее создании.¹⁹³

Жанр всемирных хроник возник в Западной Европе в период перехода от рабовладельческого общества к феодальному. Тогда же двумя церковными деятелями—Евсевием Памфилом, епископом Кесарийским (ок. 260—340), и его младшим современником св. Иеронимом, а позже Августиним, епископом Иппонским (V в.), были созданы периодизации всемирной истории, просуществовавшие в течение всего средневековья. При переработке «Хроники» Евсевия Иероним в основу периодизации положил пророчество Даниила о четырех сменявших друг друга угнетательских царствах, за которыми последует пятое, «вечное» божье царство. Периодизация Августина построена по принципу тройного параллелизма: шесть дней творения, шесть возрастов человеческой жизни и шесть «исторических» эпох, или возрастов, человечества; первые пять возрастов человечества охватывают дохристианские времена, шестой возраст начался с рождения Христа и завершится концом света и страшным судом, за которым последует «седьмой день вечной субботы» в божьем царстве.¹⁹⁴ В конце XV—начале XVI в. традиция составления всемирных хроник продолжала существовать в Италии и Германии.

В Италии в XV в. развивалась гуманистическая историография с характерным для нее критическим началом и стремлением к секуляризации науки. Тематика итальянских историков-гуманистов была, как правило, локально и национально ограниченной, и всемирной историей они почти не занимались.¹⁹⁵ Создававшиеся же в XV в. в Италии всемирные хроники были связаны в большой степени со средневековой традицией. Это относится в первую очередь к всемирной хронике флорентийского архиепископа Антонина (умер в 1459 г.), опубликованной уже после его смерти в 80-х годах XV в. Традиционную для средневековой исторической мысли периодизацию истории по шести возрастам сохранил и Якопо Филиппо Фореста (Jacobus Philippus Foresta) из Бергамо, чей труд вышел в свет в 1483 г. Из итальянских гуманистов всемирной историей занимался Маркантонио Сабеллико. Его «Эпипеяды» представляли собой единственный в то время обзор всемирной истории в гуманистическом духе, хотя Сабеллико ограничился лишь устранением богословской схемы четырех монархий и некоторых легенд.¹⁹⁶

¹⁹³ Chrzanowski I. Marcin Bielski, s. 57—58.

¹⁹⁴ Байншвейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964, с. 11—12, 41—42, 49—50.

¹⁹⁵ Там же, с. 241.

¹⁹⁶ Joachimsen P. Geschichtsauffassung und Geschichtsschreibung in Deutschland unter dem Einfluss des Humanismus. — In: Beiträge zur Kulturgeschichte des Mittelalters und der Renaissance, H. 6. Leipzig und Berlin, 1910. S. 80 и А. 13; Chrzanowski I. Marcin Bielski, s. 55—56; Байншвейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография, с. 260—261.

С традициями средневековой историографии были связаны в значительной мере авторы всемирных хроник, появившихся в Германии на исходе XV в. Хартманн Шедель, несмотря на знакомство с итальянскими гуманистами, построил свою обширную хронику от сотворения мира по схеме четырех монархий и шести возрастов. Швабский историк Науклер в написанной им всемирной хронике от сотворения мира до 1501 г. привлекал при изложении истории XIV—XV вв. документальные материалы, повышающие ценность соответствующих разделов хроники, но в остальных частях ее некритически использовал сочинения своих предшественников, придерживаясь периодизации по шести возрастам. С реформационными кругами было связано творчество Кариона, ученика Меланхтона по Виттенбергскому университету. Однако хроника Кариона от Адама и до 1532 г. построена по евсевиановско-августиновской схеме; автор некритически воспринимает легенды Библии и античных писателей, стоит на позициях провиденциализма и рассматривает историю как науку, служащую для воспитания читателя в христианско-евангелическом духе.¹⁹⁷

Названные нами всемирные хроники были написаны итальянскими и немецкими авторами на латинском языке, поэтому эти хроники иногда называют итало-латинскими и немецко-латинскими. И. Хжановский, исследователь жизни и творчества Марцина Бельского, считает, что замысел написания всемирной хроники возник у Бельского под влиянием итало-латинской и немецко-латинской историографии. Решение же писать на родном языке сложилось под воздействием Чехии, где в XVI в. выходили исторические труды на чешском языке, в частности, в 1541 г. была издана хроника Кариона в переводе на чешский Бурьяна Собка; это была первая публикация всемирной хроники на славянском языке.¹⁹⁸

«Хроника всего света» Марцина Бельского вышла в 1551 г. За первым изданием через короткий промежуток времени последовали другие. О числе изданий труда Марцина Бельского существуют различные мнения. Обычно считают, что было три издания: 1551, 1554 и 1564 гг.,¹⁹⁹ однако Л. Фипкель в библиографии польской истории называет пять изданий: 1551, 1554, 1562, 1564 и 1582 гг.²⁰⁰ Не имея возможности самостоятельно

¹⁹⁷ Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография, с. 224, 321—322, 343—344. — О. Л. Вайнштейн, возражая авторам, приписывающим Х. Шеделя и И. Науклера к ранним немецким гуманистам, отмечает, что представления Шеделя и Науклера о задачах и методе исторической науки являются чисто средневековыми.

¹⁹⁸ Chrzanowski J. Marcin Bielski, s. 58—59.

¹⁹⁹ Estreicher K. Bibliografia polska, t. 13. Kraków, 1899, s. 84—87; Chrzanowski J. Marcin Bielski, s. 61—65; Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut, t. 1. 1964, s. 27.

²⁰⁰ Finkel Ludwik. Bibliografia historii polskiej. Warszawa, 1955, W. 1, N 7152, s. 412.

рассмотреть вопрос о числе изданий «Хроники всего света», мы ограничимся характеристикой изданий 1551, 1554 и 1564 гг., так как именно с этих изданий были сделаны интересные нас переводы на восточнославянские языки.²⁰¹

В издании 1551 г. «Хроники всего света» за посвящением польскому королю Сигизмунду II Августу следует «Космография», включающая краткое географическое описание Европы, Азии, Африки, а также сведения о морях, величайших горах, земном рае. После «Космографии» начинается собственно хроника. В начале ее излагается библейская история и древняя, заканчивающаяся пророчествами Сивилл и сообщением о рождении девы Марии и Иоанна Крестителя. Далее следуют христианские времена: жизнь Иисуса, апостолов, хроника пап, императоров, некоторых французских королей и немецких князей вместе с историей Мухаммеда; изложение событий доводится до года написания «Хроники» (1550) и завершается известием об избрании в этом году папы Юлия III. И дохристианская история, и христианская в «Хронике всего света» излагается очень кратко, но последняя все же подробнее, чем первая. За перечисленными частями «Хроники всего света» следуют добавления: «Об итальянских землях», «О немецком народе и крае», «Об Испании», «О Татарах», «Об Амазонских женщинах, татарских женах», «О королях турецких», «О Валахах» и затем две хроники — венгерская и чешская. Заканчивается издание «Хроники всего света» 1551 г. польской хроникой, повествующей об истории Польши до смерти Сигизмунда I в 1548 г.²⁰²

Второе издание «Хроники» Марцина Бельского (1554 г.) состоит из четырех частей — «книг». Книга первая содержит изложение дохристианской истории, обнимающей пять возрастов — «веков» человечества (к. 1—125 v.);²⁰³ книга вторая — изложение христианской истории («шестого века»), доведенной до 1550 г. (к. 126—181), книга третья включает «Космографию» (к. 182—304 v.), книга четвертая — разделы о морях, горах, земном рае, а также о плаваниях Христофора Колумба, Америго Веспуччи и других великих мореплавателей конца XV—начала XVI в. (к. 305—324 v.). Таким образом, подготавливая второе

²⁰¹ В Библиотеке Академии наук СССР и в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеются экземпляры изданий 1554 и 1564 гг., которыми мы пользовались. Издание 1551 г. было описано в специальной литературе. Об изданиях же 1562 и 1582 гг. никаких сведений, кроме упоминания их Л. Финкелем, в литературе нет.

²⁰² *Chrzanowski I. Marcin Bielski, s. 61; Sobieszczański F. M. O życiu i pracach piśmiennych Marcina i Joachima Bielskich.* — В кн.: *Joachima Bielskiego dalszy ciąg kroniki polskiej.* Warszawa, 1851, s. XXV—XXX.

²⁰³ Во втором и в третьем изданиях «Хроники всего света» в правом верхнем углу каждого листа, перед цифрой, обозначающей его порядковый номер, напечатано слово *list*. Но мы будем обозначать листы, как это принято в польской литературе, буквой «k» (от польского *karta* — лист).

издание своей «Хроники», Марцин Бельский по-новому компоновал материал. Второе издание отличается от первого и расширением материала путем включения новых сведений, а иногда и целых разделов. Так, во втором издании «Хроники всего света» дохристианская и христианская история (книга первая и вторая) излагаются подробнее, чем в первом издании. В «Космографии», включенной во второе издание в третью книгу (в первом издании Марцин Бельский с нее начинал свой труд), появились новые разделы: о славянских землях, о Галлии, о Британских островах и др. В третью книгу Бельский перенес и находившиеся в первом издании в последней его части разделы «О Валахах», «Об итальянских землях», «Об Испании», а также венгерскую, чешскую и польские хроники. Четвертая книга второго издания, помимо перепечатанных из первого издания рассказов о морях, горах, земном рае, содержит совершенно новый и очень важный раздел о великих географических открытиях.²⁰⁴

В издании 1564 г. «Хроника всего света» делится на десять частей: книга первая — библейская и древняя история, «I — V века» (к. 1—137 v.), книга вторая — история христианского времени («VI века») от рождения Христа до 1544 г. (к. 138—192 v.), книга третья — обзор истории Реформации (к. 193—239), книга четвертая — о турках и о Скандербеге (к. 239 v. — 262), книга пятая — о космографии (к. 263—295 v.), книга шестая — о Венгерском королевстве (к. 296—317 v.), книга седьмая — о Чешском королевстве (к. 317 v.—332), книга восьмая — о Польском королевстве (к. 333—425 v.), книга девятая — о княжестве Московском (к. 426 v.—440), книга десятая — о Новом свете (к. 440 v.—462 v.). В издании 1564 г. Марцин Бельский ввел по сравнению с изданием 1554 г. два новых раздела — о Реформации и о княжестве Московском (обычаи, история, география), кроме того, сделал ряд добавлений в разделы, имевшиеся в первых двух изданиях.²⁰⁵

Выпуская новые издания «Хроники всего света», Марцин Бельский не просто повторял предыдущие, а каждый раз существенно их перерабатывал. Переработка шла, с одной стороны, по линии расширения и обогащения содержания, а с другой — усовершенствования структуры произведения, более четкого выделения его составных частей.

В первом издании «Хроники всего света» Марцин Бельский в качестве источников своего труда называет упомянутые выше хроники Якопо Филиппо Фореста из Бергамо, Науклера, Сильвия, Карiona, а также хроники чешскую, венгерскую, польскую, немецкую и историков Ксенофонта, Орозия, Иосифа Флавия,

---

²⁰⁴ *Chrzanowski I. Marcin Bielski*, s. 61—62; *Kronica wszytkiego świata...*, Kraków, 1554.

²⁰⁵ *Chrzanowski I. Marcin Bielski*, s. 62—63; *Kronika to jest historia świata...*, 1564.

Юстина, Прокопия Кесарийского, Юстиниана, Сабеллико и других. В последующих изданиях Бельский указывает, что раздел о Реформации он заимствовал из труда Слейдана (см. с. 242—243), повесть о Скандербеге — у Барлетия,²⁰⁶ описание Руси — у Герберштейна и т. д.; кроме того, он ссылается на Берозия, Страбона, Лактанция, Кранца и др. Иногда о своих источниках Марцин Бельский говорит в общей форме, не называя авторов, например «Хроника венгерская», «Хроника чешская». И. Хжановский считает, что число источников, называемых Марцином Бельским, нужно, с одной стороны, сократить, так как Марцин Бельский не всегда использовал тех авторов, о которых он говорит, а с другой — увеличить, ибо польский историк в ряде случаев черпал сведения из сочинений, им не упоминаемых (например, трудов Мюнстера, Джовио и некоторых других).²⁰⁷

Основным источником Марцина Бельского была всемирная хроника Науклера. Вслед за Науклером и Якопом из Бергамо Бельский разделил историю человечества на шесть возрастов («веков»): 1) от Адама до Ноя, 2) от Ноя до Авраама, 3) от Авраама до Давида, 4) от Давида до разорения Вавилона Киром и Дарием, 5) от пленения евреев и разорения Иерусалима Навуходоносором до рождения Христова, 6) от рождения Христова до Судного дня. Из «Всемирной хроники» Кариона Бельский заимствовал периодизацию по четырем монархиям: халдейской, персидской, греческой и римской. Таким образом, периодизация истории выдержана у Бельского в духе средневековой историографии. С ее традициями соединяет Бельского и отсутствие у него критического отношения к своим источникам, вера в легенды, чудеса.²⁰⁸

Но в то же время Марцин Бельский использовал в своей хронике сочинения ряда гуманистов — Энея Сильвия, Сабеллика, Герберштейна, Симона Гриннеуса. Благодаря сочувствию Марцина Бельского Реформации его труд был связан с идеологической борьбой, происходившей в Европе в XVI в. И в этой борьбе польский историк был не в стане католической церкви, детища средневековья. Первая всемирная хроника, вышедшая в Польше, была написана, как уже отмечено, на польском языке, и это делало ее доступной не только для узкого круга аристократии мысли, но и для широких читательских кругов. «Хроника всего света» раздвигала их умственный горизонт и представляла задушеваться над некоторыми аспектами современной им общественно-политической действительности. О культурно-просветительном значении «Хроники всего света» для польского общества и

²⁰⁶ *Barletius M. Historia de vita et gestis Scanderbegi Epirotarum principis. Roma [1508—1510].* — Мартин Барлетий, младший современник Скандербега, автор названной его биографии, получивший широкую известность.

²⁰⁷ *Chrzanowski I. Marcin Bielski, s. 63—64.*

²⁰⁸ *Chrzanowski I. Marcin Bielski, s. 65, 85—87.*

ее идейном звучании красноречиво говорит тот факт, что, выдержав в XVI в., в период польского Возрождения, несколько изданий, труд Марцина Бельского позже, когда в Польше возобладала контрреформация, был внесен в список запрещенных католической церковью сочинений наряду с произведениями А. Моджевского²⁰⁹ и Коперника. Как отмечает К. Будзык, Марцин Бельский никогда не поднимался до уровня этих великих представителей польского Возрождения, но он пытался своими примитивными средствами содействовать реализации их целей — целей общественного прогресса.²¹⁰

Большое культурно-просветительное значение имел труд Марцина Бельского и для восточнославянских народов благодаря переводу его на белорусский, украинский и русский языки.

Сведения о времени и обстоятельствах перевода «Хроники всего света» на восточнославянские языки имеются в некоторых списках ее русского перевода. Наиболее подробная запись, сохранившаяся в списке ГПБ, Ф. IV. 162, гласит, что по повелению польского короля Сигизмунда II Августа «Хроника», написанная Марцином Бельским, была переведена с польского языка на русский шляхтичем Великого княжества Литовского Амброжем Брежевским. Далее в записи сообщается, что «списана сия книга в царствующем граде Москве в лето 7092, а в польских числах в лето от парождения божия в 1584 генваря в 5 день».²¹¹ В других списках русского перевода «Хроники» указывается лишь, что она была переведена с «полскаго на российский на Москве» в 1584 г. 5 января.²¹²

На основании приведенных записей исследователи считают, что по повелению польского короля Сигизмунда II Августа (умер в 1572 г.) шляхтич Амброжий Брежевский перевел «Хронику всего света» на белорусский язык, а в 1584 г. в Москве она была переведена на русский (великорусский) язык.²¹³

Обследование двух других рукописей, сохранивших переводы «Хроники» Марцина Бельского на восточнославянские языки, рукописи ГПБ (Ф. IV. 688) и рукописи Библиотеки им. Чарторыйских в Кракове (1273.1), позволило исследователям установить, что первая представляет собой перевод издания «Хроники» 1554 г. на белорусский язык,²¹⁴ а вторая — западноукраинскую

²⁰⁹ Польский публицист и государственный деятель А. Моджевский (1503—1572) выступал против существовавших в Речи Посполитой порядков и подвергал критике феодально-крепостнический режим.

²¹⁰ *Budzyk K. Marcin Bielski*, s. 172.

²¹¹ ГПБ, Ф. IV. 162, л. 1317—1318 об. — Текст записи напечатан А. Поповым (Обзор хронографов русской редакции, вып. II, с. 94).

²¹² БАН, Арханг. С. № 135, л. 1; БАН, Арханг. Д. № 422, л. 1.

²¹³ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 53—54.

²¹⁴ *Пташицкий С.* Западнорусские переводы Хроник Бельского и Стрыйковского. — В кн.: Новый сборник статей по славяноведению. СПб. 1905, с. 372—380.

хронографическую компиляцию, в основе которой лежит перевод на украинский язык издания 1564 г.²¹⁵

Что касается великорусского перевода 1584 г., то он был сделан, как это установил еще А. Попов, с издания «Хроники всего света» 1564 г.²¹⁶

Некоторые исследователи считают, что, помимо перевода 1584 г., существовали более ранние русские переводы «Хроники» Марциана Бельского. Так, А. И. Соболевский, ссылаясь на известие Описи Царского архива о нахождении в 217-м ящике архива «перевода с летописца польского и перевода с космографии»,²¹⁷ высказал мысль, что при митрополите Афанасии был выполнен перевод «Хроники» Бельского на русский язык.²¹⁸ Предположение А. И. Соболевского об идентичности «перевода с летописца польского и космографии», хранившегося в Царском архиве, переводу «Хроники» Марциана Бельского (напомним, что «Хроника всего света» включала и «Космографию») представляется вполне убедительным (если это действительно было так, то Иван IV читал труд Марциана Бельского, поскольку в Описи Царского архива над словом «перевод» написано между строками: «отдан к государю»). Что касается второго предположения А. И. Соболевского — о датировке перевода временем пребывания на митрополитской кафедре Афанасия (1565—1568), — то для такого приурочивания известные Описи Царского архива не дают никаких оснований. Единственное соображение, которое можно высказать о датировке перевода, заключается в том, что в 60-е годы (точнее, после 1563 г.) этот перевод уже существовал, так как в 217-м ящике Царского архива, в котором он хранился, находились и «списки обиходу архиепископа казанского и архиепископа полотцкого», а Полоцк был возвращен под русскую власть в 1563 г. Но что представлял собой русский перевод «Хроники всего света», хранившийся в 60-е годы в Царском архиве, на этот вопрос нельзя дать никакого ответа.

Более плодотворным для исследования вопроса о русских переводах «Хроники» Мартина Бельского, предшествовавших пере-

²¹⁵ Шапов Я. Н., Лимонов Ю. А. История Руси в западноукраинской хронографической компиляции XVI в. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1975. М., 1976, с. 196—202; Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики, ч. I. Составитель Я. Н. Шапов. М., 1976, № 26. — С. Иташницкий рукопись, принадлежавшую Чарторыйским, считал переводом «Хроники» на белорусский язык (Иташницкий С. Западнорусские переводы...). В. Лев пересмотрел это определение и доказал, что рукопись Чарторыйских написана на украинском (Лев В. Український переклад хроніки Мартина Бельського. — Праці Українського наукового інституту, т. XXIX, серія фільмолог., кн. 4. Варшава, 1935).

²¹⁶ Попов А. Обзор хронографов русской редакции, вып. II, с. 93—94.

²¹⁷ ААЭ, т. I, с. 353; Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г., с. 41.

²¹⁸ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 54.

воду 1584 г., является предположение, высказанное С. П. Розановым в связи с изучением «Хронографа западнорусской редакции». Рассматривая его состав, С. П. Розанов отметил, что находящееся в Хронографе извлечение из «Хроники всего света» Марциана Бельского, не сходясь с третьим изданием «Хроники» 1564 г. (ни с его русским переводом 1584 г.), ближе подходит ко второму изданию 1554 г., но и с ним не везде совпадает. Остается предположить, пишет С. П. Розанов, что в руках составителя «Хронографа» была первая редакция (т. е. первое издание. — *Н. К.*) «Хроники» Марциана Бельского.²¹⁹

Чтобы проверить правильность вывода, к которому С. П. Розанов пришел путем логического умозаключения, сопоставим состав находящегося в «Хронографе западнорусской редакции» извлечения из «Хроники всего света» с соответствующими частями ее первого издания.²²⁰

Хроника всего света
(первое издание 1551 г.)

История императоров («Священной римской империи германской нации». — *Н. К.*) и пап.²²¹

- О Włoskich ziemiach.
- О Niemieckim narodzie i kraju.
- О Hiszpaniej.
- О Tatarzech.
- О amazoŋskich niewiastach, tatarskich żonach.
- О królach tureckich.
- О Wałaszech.
- О Węgierskiem królestwie kronika, krótce zebrana wszystkich królów ich.
- О Czeskiem królestwie kronika, do roku 1527 doprowadzona.

Хронограф западной редакции

История императоров и пап, начиная от коронации Карла Великого в 801 г. и кончая избранием папой Юлия III в 1550 г. (с. 207—228).

- О Влосских землях (с. 228—229).
- О немецком народе и уkraine (с. 229—230).
- О Гишпании (с. 230).
- О Татарех (с. 230—231).
- О Амазонских женах татарских (с. 231—232).
- О царех Турецких (с. 232—234).
- О Волосех (с. 234—235).
- О Угорском кролевстве кроника вкратце избрана всех кролей их (с. 235—248).
- О Чесском кролевстве кроника [доведена до 1527 г. — *Н. К.*] (с. 248—266).²²²

Сопоставление полностью подтверждает предположение С. П. Розанова о том, что при составлении «Хронографа западно-

²¹⁹ Розанов С. П. Хронограф западнорусской редакции. К вопросу об его издании. — ЛЗАК за 1912 г. 1913, с. 17—18 и прим. 1.

²²⁰ Ввиду отсутствия в библиотеках Москвы и Ленинграда экземпляров первого издания «Хроники» Марциана Бельского, описание интересующей нас части ее первого издания мы даем на основе описаний, имеющих в работах М. Ф. Соболевского и И. Хжановского (см. с. 231, прим. 202).

²²¹ Заголовка «История императоров и пап» нет ни в описаниях М. Ф. Соболевского и И. Хжановского, ни в «Хронографе». Он дан нами на основе содержания рассматриваемой части «Хронографа» и изложения содержания первого издания «Хроники» Бельского, имеющегося в работах названных польских исследователей.

²²² ДСРЛ, т. XXII, ч. II. Пгр., 1914.

русской редакции» было использовано первое издание «Хроники всего света» 1551 г., переведенное на русский язык. Перевод этот имел место не ранее 1551 г., так как в этом году вышло первое издание «Хроники», и не позднее 1555—1566 гг., времени составления Никоновской летописи, одним из источников которой был «Хронограф западнорусской редакции». Датируя с довольно большой точностью русский перевод первого издания «Хроники» Бельского (в пределах пятилетия), мы не можем в то же время установить объем перевода: был ли это перевод всего текста первого издания «Хроники» Бельского, из которого составитель «Хронографа» взял интересующую его часть, или же специально для «Хронографа» был сделан перевод только части первого издания «Хроники»; возможно и первое, и второе.

Итак, можно с полной определенностью говорить о существовании двух русских переводов «Хроники всего света»: перевода в 1551—1555/56 гг. (полного или частичного) первого издания 1551 г. и перевода издания 1564 г. в 1584 г. Что касается перевода, находившегося, по-видимому, в 60-х годах в Царском архиве, то он мог быть либо списком перевода 1551—1555/56 гг., либо новым неизвестным нам переводом.

Русские переводы «Хроники всего света» Марцина Бельского не были до сих пор предметом исследования. Между тем изучение их представляет собой важную и нужную задачу не только потому, что это была первая западная всемирная хроника, переведенная на русский язык, но и потому, что «Хроника» Марцина Бельского оказала влияние, как мы об этом будем еще говорить, на создание ряда крупных памятников древнерусской письменности. Полное исследование русских переводов «Хроники» требует текстологического сопоставления первого издания «Хроники» с извлечением из нее, находящимся в «Хронографе западнорусской редакции», текстологического сопоставления между собой сохранившихся списков русского перевода 1584 г. с целью установления их архетипа, сопоставления этого архетипа (или близкого к нему текста) с текстом издания «Хроники» 1564 г. Все эти требования могут быть осуществлены только в результате специального, рассчитанного на ряд лет изучения «Хроники всего света» и ее судеб в истории русской культуры XVI—XVII вв. В рамках же настоящей работы, преследующей цель создания общей картины имевшейся в России в XV—XVI вв. информации о Западной Европе, мы рассмотрим лишь некоторые вопросы, связанные с изучением русских переводов «Хроники»: вопрос о составе переводов, о содержании их частей, освещающих историю интересующих нас западноевропейских стран, об источниках этих частей.

«Хронограф западнорусской редакции» восходит, как установлено новейшими исследованиями,²²³ к первому русскому Хронографу 1512 г. Наиболее существенные отличия «Хронографа за-

²²³ Творогов О. В. Древнерусские хронографы, с. 191.

паднорусской редакции» от Хронографа 1512 г. заключаются в исключении раздела, повествующего о ветхозаветной истории (изложение начинается с текста «Александрии», рассказывающей о жизни и деятельности Александра Македонского); в отсутствии разделения на главы; в исключении ряда русских летописных статей; во включении в текст (в последней части) обширного извлечения из «Хроники всего света» Марциана Бельского.²²⁴ Хотя составитель новой редакции «Хронографа» был великорусского происхождения (что доказывается языком памятника), тем не менее наличие в его тексте полонизмов и западнорусизмов позволяет связать возникновение «Хронографа» с Западной Русью. Очевидно, появление «Хроники» Марциана Бельского дало повод одному из русских (великорусских) людей, живших в Западной России, составить новый хронограф, придав ему характер всемирной истории посредством включения в него истории западных католических стран. Возникновение «Хронографа западнорусской редакции» относится, как мы уже говорили, к началу 50-х годов XVI в. Эта датировка опирается на следующие данные: в «Хронографе» использовано первое издание «Хроники» Марциана Бельского 1551 г., сам же «Хронограф» использовался при составлении Никоновского летописного свода в 1555—1556 гг. Следовательно, возникновение «Хронографа западнорусской редакции» приходится на время между этими двумя датами.²²⁵

Извлечение из «Хроники всего света», входящее в состав «Хронографа западнорусской редакции» в качестве его последней части, по своему содержанию делится на несколько разделов (названия их см. на с. 236). Первый раздел, представляющий собой часть истории «шестого века», т. е. христианского времени, начинается, как уже отмечено, в «Хронографе» с известия о коронации в 801 г. «на царство Римское» Карла Великого и заканчивается известием об избрании на папский престол в 1550 г. Юлия III. Этот раздел, поскольку он является частью более обширного раздела «Хроники», в «Хронографе» не имеет названия. Мы предложили назвать его условно «Хроникой императоров и пап», так как изложение ведется по царствованиям императоров и одновременно перечисляются понтификаты всех пап. История Империи и папства, понимаемая в первую очередь как история императоров и пап, составляет стержень рассматриваемого раздела. Но наряду с ее освещением сообщаются факты из истории некоторых других европейских государств, например Франции, Испании, Венгрии, а также борьбы с арабами (крестовые походы, история Иерусалимского королевства) и турками. Приводятся главным образом факты военно-политической и церковной истории. Но иногда со-

---

²²⁴ ПСРЛ, т. XXII, ч. 2, с. 1 (Предисловие С. П. Розанова к изданию «Хронографа западнорусской редакции»).

²²⁵ *Розанов С. П.* Хронограф западнорусской редакции. К вопросу об его издании, с. 16—17.

ставитель «Хронографа», следуя за своим источником — «Хроникой всего света», касается и других сюжетов, например открытия Нового света, Реформации и т. д. О последней кратко сообщается: «Лета от Рождества Христова 1546. Мартин Лутор умре. По нем быша велики распря между курфюрсты и цесарем Карлом и папезжем Павлом о церковных уставах и о прочих».²²⁶ Приведенное известие о Реформации следует считать самым ранним из сохранившихся в русской письменности, поскольку составление «Хронографа западнорусской редакции» относится к началу 50-х годов (в летописях упоминания о лютеранстве начинаются с 1558 г.).²²⁷

Исключительный интерес представляет рассказ извлечения из «Хроники» Мартина Бельского о восстании «хлопов» в 1524 г. Вот его текст: «Того же году хлопи со многих украин немецких и чешских и французских собрашася на своих государей, и бысть их 6 тысяч, хотяще учинити себе волность. Быша же у них вожеве: Халперг, Томас Минчарз, иже их учил и наказовал, поведавая от писания, иже ему бог дал меч, якоже иногда Гедеоу, яко да освободит людие его от работы. И куплю отъяша, которые от своих панов торговали. И привел их к тому, иже им своим государем никаких податей не давати. И уставивша над собою гетмана Берната, с Киннердолфу кравца, и дана ему герб в руку с мечем и в послушание вдашася ему. И начаша грабити костелы и попов и бискупов и своих государей. И только сотвориша напасти, яко в три месяцы погибло людей три тысячи. По сем собрашася на них княжаты: Саско княже, ландъгроф Гески, бискупы и арцыбискупы и шляхты множество, едва начинание их преломили: Минчарза с его помощники на паль вбили, а других постипали».²²⁸

В указателе к «Хронографу западнорусской редакции» упоминаемые в тексте рассматриваемого рассказа «Халперг», «Томас Минчарз» («Минчарз» и в тексте рассказа, и в указателе напечатано с маленькой буквы) определяются как вожди «восстания холопов»,²²⁹ следовательно, и составители указателя, и редактор второй части XXII тома Полного собрания русских летописей С. П. Розанов рассматривали восстание 1525 г., о котором идет речь в «Хронографе», как восстание холопов. Такая интерпретация явилась следствием невнимания к имеющимся в тексте «Хронографа западнорусской редакции» полонизмам. Одним из таких полонизмов является термин «хлопи», означающий по-польски «крестьяне». Следовательно, восстание «хлопов» — это восстание крестьян.

---

²²⁶ ПСРЛ, т. XX, ч. II, с. 227.

²²⁷ Несомненно, известия о Реформации находились также в посольских книгах сношений с Империей за 20—60-е годы XVI в., но в этих книгах есть, как мы уже отмечали, лакуна с 1519 по 1573 г.

²²⁸ ПСРЛ, т. XXII, ч. 2, с. 227.

²²⁹ Там же, с. 286—287.

Мы полагаем, что в анализируемом рассказе речь идет о Крестьянской войне в Германии 1525 г. В пользу этого предположения свидетельствуют и дата восстания — 1525 г., и его территория — «украины немецкие и чешские и французские» («французские» — быть может, испорченное «франконские»), и имена руководителей восстания («Томас Минчарз» — несомненно, Томас Мюнцер, «Халперг» — Гиплер (?)), и ярко выраженная антифеодальная программа восставших, и указание на то, что Томас Мюнцер свои призывы к борьбе с угнетателями обосновывал соответствующей интерпретацией Священного писания, и, наконец, исход восстания, подавленного немецкими князьями.

Краткое повествование «Хронографа западнорусский редакции» о Крестьянской войне в Германии 1525 г., заимствованное из «Хроники» Марцина Бельского,²³⁰ — самое раннее в русской письменности XVI в. известие о величайшей классовой битве в Западной Европе того времени. И в этом его ценность.

Следующий небольшой раздел озаглавлен «О Влосских землях». Он содержит географическое описание Италии с включением некоторых легендарно-исторических сведений. Такого же характера два других раздела — «О немецком народе и украине», «О Гиппании». Последние разделы извлечения из «Хроники» Марцина Бельского, включенного в состав «Хронографа западнорусской редакции», посвящены татарам, туркам («О царях Турецких») и народам Центральной и Юго-Восточной Европы («О Волосех» — валахах, «О Угорском королевстве кроника вкратце избрана всех кролей их», «О Чесском королевстве кроника»). Раздел «О царях Турецких» содержит краткий обзор истории турок и их важнейших завоеваний.

«Хронограф западнорусской редакции» — важная веха в развитии русской хронографии. Если первый русский хронограф 1512 г. был «историческим памятником православного славянства»,²³¹ поскольку всемирная история понималась его составителем как история Византии и православных славянских стран, то в «Хронографе западнорусской редакции» рамки всемирной истории раздвигались и в нее вводилась история латинского Запада. Сделано это было путем обращения к «Хронике всего света» Марцина Бельского.

Полный текст русского перевода «Хроники всего света» 1584 г. известен в трех списках. Самый ранний из них — ГИМ, Синодальное собрание № 113 — середины XVII в. Эта рукопись находилась первоначально в собственной библиотеке патриарха

²³⁰ Сравнить рассматриваемое известие «Хронографа западнорусской редакции» с аналогичным местом из первого издания «Хроники» Бельского мы не смогли ввиду отсутствия экземпляров первого издания в библиотеках Москвы и Ленинграда. Во втором издании «Хроники» интересующее нас известие читается (*Kronika wszytkiego swiata...*, к. 173—173 v.). Очевидно, оно было и в первом издании.

²³¹ Попов А. Обзор хронографов русской редакции, вып. II, с. 76.

Никона и затем была передана им в Воскресенский Новоерусалимский монастырь.

К патриаршей кафедре ведут нити и от двух других списков — ГИБ, F. IV. 162, 1670 г. (к этому году относится написание всего списка либо его начала) и БАН, Архангельское собрание № 135, 1698 г. (двухтомная рукопись).²³²

Первый том рукописи Архангельского собрания № 135, которой мы будем пользоваться при характеристике русского перевода «Хроники всего света», включает перевод первых двух книг «Хроники». Напомним, что первая книга посвящена истории дохристианского времени — «века первый—пятый» (по периодизации Марциана Бельского), вторая книга охватывает историю христианского времени — «век шестой». В оригинале каждая книга делится на главы (*rodzwały*), главы включают более мелкие деления, обозначаемые либо смысловым названием, либо хронологическим указанием: «лето (такое-то) от рождения Христа». В переводе все подразделения текста, и крупные, и мелкие, называются главами, поэтому число глав в переводе больше, чем в оригинале.

Начало второй книги²³³ выделено в рукописи перевода написанным киншварью текстом: «Начинается век шестой от нарождения господина Иисуса...» (л. 402).²³⁴ Основное содержание истории «шестого века» составляет история Империи и папства. За жизнеописанием Иисуса Христа и апостолов следуют описания царствовавших римских цезарей новой эры, известия о разделении Римской империи в IV в. на Восточную и Западную, о царствованиях «цареградских цесарей» — византийских императоров, коронации Карла Великого в 801 г. на «римское цесарство», правлениях последующих германских императоров. Параллельно перечисляются понтификаты пап с включением ряда известий из истории папства, например об Авиньонском пленении. Нить исторического повествования ведется, таким образом, от Римской империи к Священной римской империи германской нации. Специальное внимание уделяется крестовым походам и истории Иерусалимского королевства. По мере приближения ко времени написания «Хроники всего света» изложение насыщается большим числом фактов: освещается международное положение в Европе XVI в., рассказывается об итальянских войнах, о борьбе с турками и т. д. Изложение доводится до 1544 г. По сравнению с извлечением из первого издания «Хроники» Бельского, включенным в «Хронограф западнорусской редакции», перевод рассматривает-

---

²³² Казакова Н. А. Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Марциана Бельского». (Рукопись).

²³³ Содержание первой книги русского перевода мы рассматривать не будем, поскольку она посвящена библейской и древней истории.

²³⁴ В тексте в скобках указаны листы рукописи Архангельского собрания № 135.

мой части третьего издания «Хроники» содержит более богатый (в соответствии с оригиналом) исторический материал.

Второй том рукописи Архангельского собрания № 135 включает перевод третьей—десятой книг «Хроники всего света». В рассматриваемом томе название «книга» сохранено только за третьей и пятой книгами польского оригинала; названия остальных книг (без употребления слова «книга») выделены киноварью. Деление на главы с порядковой нумерацией глав в третьей книге продолжает нумерацию глав первого тома Архангельской рукописи № 135.

Книги, входящие в состав второго тома рассматриваемой рукописи, расположены следующим образом: III²³⁵ — «Книги третие крани[ки] света. О роздвоении веры римской для Мартыновой веры Лютора в Немецкой земли, Французской, в Аглинской, в Угорской и в Ыталиянской, краткими словесы написал Ян Шлейдан. Деялося лета от рождества Христова 1517-го» (л. 6); IV — «Зачало о турских царех, как почалися турскии цари, и о войне Турские земли, и о Скандарбеке княжате Банском...» (л. 154 об.); V — «Книги пятые, всего света Космография, сиречь разделение всея земли» (л. 210); VI — «О Угорском королевстве» (л. 291 об.); VII — Без заглавия (О Чешском королевстве. — *И. К.*) (л. 356 об.); VIII — «Начало польской краники, а в той Польской кранике пишет о Ческом государстве» (л. 422); IX — «Род великих князей Московских русских, а по писанию Жигмонта Ерберсина (Герберштейна. — *И. К.*) от цысарей христианских, который трижды приезжал в посольстве к Москве» (л. 640); X — «О островах морских новых, которых прозывают Новой свет, на восток солнца и на запад, и на полдень, и на полночь, о которых островах и мудрыя философи пишут, что не могли изведать» (л. 677 об.).

В связи с интересующим нас аспектом (Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв.) мы остановимся на книгах III, IV, V и X рассматриваемого списка русского перевода «Хроники» Марциана Бельского.

Как уже упоминалось, третья книга издания «Хроники всего света» 1564 г. представляет собой изложение сочинения И. Слейдана о Реформации. И. Слейдан (1506 или 1508—1556 гг.), немецкий историк и политический деятель, ряд лет прожил во Франции, где, находясь на службе у французского правительства, выступал в качестве посредника между королем Франциском I и немецкими протестантскими князьями. В 1541 г. перешел в лютеранство и затем переселился в Страсбург. В качестве посла Шмалькальдецкого союза (возник в 1531 г.), объединявшего немецких протестантских князей, побывал в Англии и на Тридентском соборе. Наряду с политической деятельностью И. Слейдан успешно подвизался на ученом поприще. Он написал учебник по всеобщей

---

²³⁵ Обозначение книг римскими цифрами принадлежит нам.

истории «О четырех монархиях» («De quator monarchiis»), который до начала XVIII в. выдержал 70 изданий. Исключительный успех учебника объясняется не только его достоинствами, но и репутацией Слейдана, «первого ученого автора монументальной истории Реформации», вышедшей в 1556 г. под названием «Комментарии о состоянии религии и государства при императоре Карле V» («Commentarii de statu religionis et reipublice Carolo quinto Caesare». Argentoratum).

Длительная дипломатическая служба, близкое знакомство с видными политическими и религиозными деятелями дали возможность И. Слейдану собрать богатый материал. При написании своей работы И. Слейдан стремился следовать прежде всего источникам документального характера и избегать собственных оценок. Однако соблюсти до конца принцип объективности автору не удалось. В своей книге он выступает как правоверный последователь Лютера, ревностный сторонник княжеской Реформации, отрицательно относящийся к Великой крестьянской войне. Несмотря на недостатки, книга И. Слейдана представляла для своего времени выдающееся явление. Она выдержала не менее 80 изданий и примерно до середины XIX в. считалась самым авторитетным трудом по истории Реформации.²³⁶

Через посредство «Хроники всего света» Марципа Бельского труд И. Слейдана менее чем через 30 лет после своего опубликования стал известен и в России.

Третья книга русского перевода «Хроники всего света» дает картину развития Реформации, начиная от выступления Лютера в 1517 г. против продажи индульгенций и кончая событиями середины 50-х годов XVI в. Рассказывается о диспутах между Лютером и представителями папы, о проклятии папой Лютера в 1520 г., об имперском «сейме» в Вормсе в 1521 г., на котором Лютер не отрекся от своего учения; о последующем эдикте императора Карла V, запрещающем учение Лютера и ставящем его вне закона; о покровительстве, оказанном Лютеру курфюрстом Саксонским Фридрихом, укрывшим проповедника новой религии в одном из своих замков. Далее сообщается об успешном распространении лютеранства в Германии, несмотря на препоны, которые ставили ему силы католицизма. «Учение и письмо Мартына Лютера силу великую взяло во всех странах Немецкой земли» (л. 32) — такая запись читается среди известий, относящихся к 1525 г. Подробно описываются события Великой Крестьянской войны 1525 г.: первоначальные успехи крестьян, их требования, попытка Лютера выступить в качестве посредника между восставшими и князьями, жестокое подавление восстания. Рассказывается об Аугсбургском «сейме» 1530 г., на котором немецкие князья, примкнувшие к лютеранству, потребовали для своей религии ра-

---

²³⁶ Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография, с. 345—346, 350—353.

вепства, на что император ответил отказом; повествуется о последующей длительной борьбе между императором и католическими князьями, с одной стороны, и протестантскими — с другой; излагается героическая история Мюнстерской коммуны 1534—1535 гг., последнего взлета народной реформации.

Наряду с историей Реформации в Германии (главная тема) освещается реформационное движение и в других странах: распространение учения Цвингли в Швейцарии, конфликт между королем Англии Генрихом VIII и Римом, восстановление позиций католической церкви в Англии после восшествия на престол Марии Тюдор, гонения во Франции на людей «вальденской веры» (так названы французские приверженцы Реформации).

Все повествование проникнуто горячей симпатией к Лютеру, подчеркиваются его личные качества и заслуги. В рассказе о рейхстаге («сејме») в Вормсе в 1521 г. сообщается, что когда Лютер подъезжал к городу, то многие люди говорили, чтобы он не ездил на «сејм», так как с ним поступят, как с Яном Гусом; Лютер ответил, что он поедет, чтобы иметь возможность там выступить и учить людей (л. 18). Папегириком Лютеру звучит некролог, в котором говорится как об огромной заслуге Лютера о переводе им книг (Священного писания) с латинского языка на немецкий. Высоко оцениваются личные качества основоположника новой религии: Лютер «добре крепок был в своей вере, на соборы ездил, хотя его стращали разными смертями, а он не блюлся, лица своего ни от кого не хоронил» (л. 114—114 об.). По-иному рисуются события Крестьянской войны и ее вожди. Восстание крестьян, которые между собой целовали крест на том, что им священников «побивать» и «з неволи выбитися от своих государей», названо восстанием «черни мужицкой», учение Томаса Мюнцера, проповедовавшего, что нет «ни большого, ни малого, вси есмы равны и во всем волны», определяется как «бездельное» (л. 33 об.—35 об.). Отрицательная оценка дается и вождям Мюнстерской коммуны, учившим, что бог «у силного возмет, да меньшому даст» (л. 78 об.). Изложение сочинения Слейдана, попавшее в Россию через посредство «Хроники всего света» Марциана Бельского, сохранило идеологические тенденции своего оригинала.

Содержание четвертой книги русского перевода «Хроники всего света» раскрыто в ее заглавии, которое мы привели выше. Книга содержит обзор истории турок, начиная с царствования Османа, основателя турецкой державы, и кончая походом немецких князей на турецкие владения в Венгрии в 1542 г. Последовательно рисуются расширение турецкой империи и завоевания турок на Балканах, в Юго-Восточной и Центральной Европе и на Средиземном море. Главное место в книге занимает описание героической борьбы против турок албанского народа под руководством национального героя Скандербега, основанное на сочинении Барлетия (см. прим. 206). По сравнению с двумя первыми в русской письменности обзорами истории турок («Сказание брани

венециан противу турецкого царя» и «Хронограф западнорусской редакции») очерк Марцина Бельского богаче фактическим материалом, а главное — показывает возможность сопротивления при условии патристического подъема даже грозным завоевателям.

Пятая книга русского перевода «Хроники всего света» включает «Космографию», содержащую описание трех частей света: Азии, Африки и Европы. Первые две части света описываются кратко (л. 210—232), третья — более подробно (л. 232—290 об.). Описание Европы дается в такой последовательности: О Греции (л. 233 об.), Об Албании (л. 240), О Славянских землях (Иллирия, Далмация, Каринтия, Босния, Хорватия) (л. 241 об.), О Волошской земле (л. 244 об.), Об Итальянских землях (л. 246), О Британских островах, Шотландской земле и Английской (л. 249 об.), Об Испании (л. 252), О Галлии, или Франции (л. 256), О Немецких землях (л. 259). Из состава Немецких земель выделены и описаны под специальными заголовками следующие земли: Швабская (л. 272), Баварская (л. 274 об.), Франкония (л. 277 об.), Паннония (л. 278), Саксония (л. 279 об.), Вестфалия (л. 280 об.), Бранденбург (л. 280 об.), Мекленбург (л. 281), Поморская земля (л. 281).²³⁷ За ними следуют Прусская земля (л. 282), Лифляндская (л. 282), Силезская (л. 282 об.); далее — земли Скандинавские и Финские: Датское королевство (л. 283 об.), Готская земля (л. 285), Норвежское королевство (л. 286), Шведское королевство (л. 287), Финляндия (л. 288), Исландия (л. 289), Лапландия (л. 289 об.), Гренландия (л. 290). О каждой земле и королевстве сообщаются географические сведения (города, реки, моря и т. д.), часто исторические, порой с включением известных легендарного характера, реже экономические (о хозяйственных занятиях жителей).

В основу своей «Космографии» Марцин Бельский положил знаменитую в XVI в. «Космографию» немецкого географа Себастьяна Мюнстера (1489—1552). Она была опубликована на немецком языке в 1544 г. и затем переведена на латинский, французский, итальянский, английский и чешский языки. Современники очень высоко ценили труд Мюнстера и называли его «Страбоном Германии». По своему характеру «Космография» Мюнстера является почти исключительно странноведческой. Показательно, что описанию стран Африки, Азии отведено менее $\frac{1}{5}$ части «Космографии», в то время как свыше $\frac{4}{5}$ всего труда отдано Европе; из европейских стран наиболее подробно описана Германия (немного менее половины всей книги).²³⁸ Марцин Бельский, используя «Космографию» Мюнстера, сильно сокращал содержащийся в ней материал,²³⁹ сохраняя при этом имевшееся у Мюнстера соотноше-

²³⁷ Более подробное географическое деление, встречающееся местами при описании Немецких земель в русском переводе «Хроники» Бельского мы не воспроизводим.

²³⁸ Яцунский В. К. Историческая география. М., 1955, с. 97—98.

²³⁹ Chrzanowski I. Marcin Bielski, s. 66, 83.

ние в описании различных регионов: из стран света наиболее подробно описана Европа, из европейских же стран — Германия.

Последняя часть русского перевода «Хроники всего света», соответствующая десятой книге ее польского издания 1564 г., представляет особый интерес, так как она включает описание великих географических открытий. Состав этой части в польском оригинале и в русском переводе следующий:²⁴⁰

I. O żeglowaniu Krysztofa Kolumbusa (k. 440 v.).²⁴¹

II. Jako Petrus Alonsus znalazł nowe krainy świata nieznajome (k. 443 v.).

III. Jako Pinzonus, towarzysz Kolumbusów, szukał nowych krain na południe (k. 444).

IV. Jako Alberykus Wespucyus, Hiszpan, żeglował do nieznajomych krain (k. 444 v.).

V. Jako Portugalczycy żeglowali na wschód słońca, szukając nowych krain, jeszcze, światu nieznajomych (k. 445).

VI. O żeglowaniu Amerykusa Wespucya (k. 446 v.).

Pierwsze żeglowanie Ameryka Wespucyusa od Ferdynanda, króla Hiszpańskiego (k. 446 v.).

Wtore żeglowanie Ameryka Wespucyusa (k. 447).

Trzecie żeglowanie Ameryka Wespucya od króla Emanuela Portugalskiego (k. 447 v.).

Czwarte żeglowanie Ameryka Wespucyusa (k. 448).

VII. Jako król Portugalski Emanuel parzył maury i wziął niektóre krainy w Indyj (k. 448).

O wyspach Medera i Kanaryjskich (k. 448 v.).

VIII. Jako Aloizyus Kadamastus żeglował do nigrytów, to jest do murzynów, ludu nieznajomego, sam pisze o sobie. Lata pańskiego 1504 (k. 449).

O królestwie Senegae i Azenagijskich ludziech (k. 449 v.).

[O плавании Христофора Колумба]²⁴² (л. 677 об.).

О Петре Алонсусе, как нашел новые стороны и людей, которых мудрецы не писали в своих книгах нигде (л. 689).

О Пизонусе, которой ездил таково же по морю на полдень и нашел места (л. 690 об.).

Альберикус Веспузус, ишпан, таково же ходил в незнакомые страны и нашел стран множество новых и известных (л. 692).

О португальских людех, которые ездили искать новых сторон на восток солнца (л. 693 об.).

О походе Аммерикуса Веспуция (л. 698).

Первой поход Аммерика Веспуция от Фердинанда, короля Ишпанского (л. 698).

О втором походе Америка Веспуция от Ишпанского короля искати новых земель (л. 700).

О третьем походе Веспуция, воеводы, от короля Емануила Португальского (л. 701 об.).

Четвертой поход Аммерика Веспуция от португальского короля искати новой земли (л. 702 об.).

О короле Португальском Мануэле, как он побил мауров и взял некоторых в Индеи (л. 703).

О островах Медийских и Канарийских (л. 704 об.).

В лето от рождества Христова 1504 г. О походе Ягалезнусове с товарищем своим с Марком искати новыя земли (л. 705).

О королевстве Сенегай и о заагийских людех (л. 707).

²⁴⁰ Название десятой книги русского перевода «Хроники» Марциана Бельского см. на с. 242.

²⁴¹ В оригинале «Хроники всего света» перед названием главы указывается: «Раздел такой-то (порядковый номер. — Н. К.) книги десятой». Мы это указание заменили соответствующими римскими цифрами.

²⁴² В русском переводе название этой главы отсутствует.

Ty inie rzeczy inie w Kalekucie
się rodzą ale z inąd przywoza (k. 454).

IX. O pielgrzymowaniu i zę-
lowaniu Ludwiga Wartomannusa
Rzymianina po rozmaitych krainach
świata i przygodach jego, sam o sobie
napierwej pisze (k. 455).

О Калекуцкой земли и о ко-
реньях, которое коренье растет у них
в земли и которое коренье к ним
из иных земель привозят (л. 721
об.).

О походе Людовика Вартоману-
са Римлянина, по кем странам
света кроме городов своих, сам
о себе прежде скажет (л. 722 об.).

И. Хжановский определил, что в качестве источников десятой книги «Хроники всего света» Марцин Бельский использовал вышедший в 1532 г. первым изданием сборник путешествий и отчасти «Космографию» Мюнстера.²⁴³

Сборник путешествий эпохи великих географических открытий, впервые опубликованный в Базеле в 1532 г. под названием «Novus orbis regionum ac insularum veteribus incognitarum», был первым в Европе сборником подобного рода; в 30—50-х годах XVI в. он несколько раз переиздавался,²⁴⁴ пока не был вытеснен изданным в 1550—1559 гг. знаменитым трехтомным сборником «Delle navigationi et viaggi...» итальянского гуманиста и издателя Б. Рамузио. Сборник «Novus orbis...» составлен немецким теологом Иоганном Гуттихом; предисловие к сборнику написал другой деятель немецкой культуры периода Реформации Симон Гринейус, издатель античных авторов и теолог, являвшийся личным другом Лютера, Меланхтона и Кальвина; опубликовал сборник известный базельский книгоиздатель Иоганн Герваген. В литературе за сборником закрепилось название сборника Симона Гринейуса, но некоторые авторы считают, что это «бесценное собрание» правильнее называть собранием Гуттиха—Гринейуса—Гервагена.²⁴⁵ Себастиан Мюнстер по просьбе Иоганна Гервагена написал предисловие к сборнику и составил к нему карту.²⁴⁶ Впоследствии, работая над своей «Космографией», вышедшей, как мы говорили, в 1544 г., С. Мюнстер широко использовал материалы сборника и заимствовал из него описание ряда путешествий.²⁴⁷

На материалах сборника «Novus orbis...» построены восемь глав десятой книги «Хроники всего света» (главы I—IV, VI—IX), содержащие описание путешествий в Америку, Африку и Азию, и

²⁴³ Chrzanowski I. Marcin Bielski, s. 121.

²⁴⁴ Сборник «Novus orbis...» трижды издавался в Базеле — в 1532, 1537 и 1555 гг.; в 1532 г. он был издан в Париже; в 1534 г. — в Страсбурге в переводе на немецкий язык (Bibliotheca Americana vetustissima. Description of works relating to America published between the years 1492 and 1551. New York, 1886, № 171, 172, 188, 223; Hantzsch V. Sebastian Münster: Leben, Werk, wissenschaftliche Bedeutung. — In: Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, XVIII. Band, № III. Leipzig, 1899, S. 147—148).

²⁴⁵ Bibliotheca Americana vetustissima, p. 292—293.

²⁴⁶ Hantzsch V. Sebastian Münster..., S. 38—39.

²⁴⁷ Там же, с. 62.

лишь одна глава (V), включающая рассказ о путешествии Магеллана, имеет своим источником «Космографию» Мюнстера.²⁴⁸ При написании своего труда Марцин Бельский сильно сокращал тексты названных источников²⁴⁹ (поэтому их статьи попали в русскую письменность тоже в очень сокращенном виде).

Глава об открытиях Колумба русского перевода «Хроники всего света» содержит описание трех экспедиций Колумба (1492, 1493, 1498 гг.). Рассказ начинается с известия о просьбе Колумба к королю Испании Фердинанду разрешить отправиться «за море в дальние страны и изведать и осмотреть места неизвестные». Король дал разрешение, и в 1492 г. экспедиция Колумба в составе трех кораблей отплыла «на запад солнца по морю, которое зовется Атлантикум». После остановки на Канарских островах корабли в течение 32 дней шли по морю, не видя земли. Наконец, показались неизвестные острова, наиболее крупному из которых Колумб дал имя «Испания» (Эспаньола, теперь — Гаити). Описывается природа островов, их обитатели: обнаженные, охотно менявшие золото на безделушки. Во вторую экспедицию Колумб отправился со всяким «запасом» с целью основания в открытых землях колонии; исследовал ряд новых островов и в их числе Кубу. Испанцы привезли с собой указ короля, объявлявший жителей вновь открытых земель подданными испанского короля и обязывавший их копать на него золото, а где золота нет, давать дань кореньями и сандаловым деревом. Во время третьей экспедиции Колумб приплыл к неведомой стране (Южноамериканскому матерiku), обследовал несколько неизвестных островов, а когда прибыл на Эспаньолу, был схвачен восставшими против него испанскими колонистами и в оковах вместе со своим братом отправлен в Испанию. По распоряжению короля и королевы был освобожден из оков. Рассказ о четвертой, последней, экспедиции Колумба (1503 г.) в русском переводе «Хроники всего света» и ее польском оригинале отсутствует.

Вторая глава десятой книги русского перевода «Хроники» Бельского — об открытиях «Петра Аленсуса» — представляет собой рассказ о плавании «вскормленника» Колумба, участника его первых трех экспедиций испанца Педро Алонсо Ниньо (1499—1500), совершившего высадку в центре жемчужного промысла на острове Маргарита и обследовавшего затем часть прибрежной полосы Южной Америки. Экспедиция Ниньо вернулась в Испанию с огромным количеством жемчуга и драгоценных камней.

Третья глава — о «Пизонусе» — повествует о путешествии Висенте Яньеса Пинсона, участника первой экспедиции Колумба, капитана одного из его кораблей. В 1499 г. Висенте Пинсон и его

---

²⁴⁸ *Chrzanowski I. Marcin Bielski, s. 67, 121—122.*

²⁴⁹ Например, рассказ о путешествиях Колумба занимает в сборнике «*Novus orbis...*» 28 страниц, в «Хронике» — 7 страниц; о путешествии Пинсона — в сборнике 3 страницы, в «Хронике» — 1 страницу и т. д.

брат «своим подъемом», т. е. на собственные средства, организовали экспедицию на Запад, приведшую к открытию Бразилии.

Педро Алонсо Инььо, Висенте Яньеса Пинсона, а также пекоторых других испанских мореплавателей рубежа XV—XVI вв. в специальной литературе называют иногда «соперниками» Колумба, так как они, пользуясь временной немилостью Колумба у испанского короля, получали от последнего разрешения на самостоятельные плавания.²⁵⁰ Это обстоятельство отмечено в русском переводе «Хроники всего света», где сообщается, что «Петр Алексус» решил пуститься в плавание к неизвестным землям, когда Колумб «был в нелюбве от короля своего по оболганию товарищов своих» (л. 689).

Четвертая глава десятой книги русского перевода «Хроники всего света» и ее польского оригинала рассказывает о плавании «Альберикуса Веспузиса», отправившегося по указу португальского короля в 1501 г. из Лиссабона к «полуденным странам» и нашедшего после долгого плавания по бурному морю новые земли с живущими там красивыми, нагими людьми, которые не имели денег и «не знали торго» (л. 692—693 об.). Летопись великих географических открытий не знает мореплавателя с именем Альберико Веспуччи, но зато хорошо известен Америго Веспуччи, путешествиям которого посвящена шестая глава — «О походе Аммерикуса Веспудья» — десятой книги рассматриваемой нами рукописи. Невольно встает вопрос: не об одном и том же лице идет речь в четвертой и шестой главах десятой книги «Хроники» и не представляет ли собой рассказ о путешествии Альберико Веспуччи модификации описания одного из плаваний Америго Веспуччи, возникшей, может быть, вследствие того, что в основе четвертой и шестой глав десятой книги «Хроники всего света» лежали разные источники? Конечно, ответ на этот вопрос может быть дан в результате прежде всего исследования источников сборника «*Novus orbis...*», к которому восходит рассматриваемая часть «Хроники всего света» и в котором также имеются отдельные главы о плавании «*Alberici Vesputii*» и «*Americi Vesputii*».²⁵¹

В шестой главе описанию путешествий Америго Веспуччи предпослано небольшое введение, где, в частности, читаем: «Америкус прозван именем от великого острова Америка. А тот остров мочно прозвать за четвертую часть света».²⁵² Несмотря на имеющуюся в тексте ошибку (Америго Веспуччи получил свое имя от вновь открытой земли, а не наоборот, как это имело место в действительности), он интересен как первое в русской письменности известие, ставящее знак равенства между Америкой и Новым светом.

За введенным следует повествование о четырех «походах» Аме-

²⁵⁰ Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1957, с. 148—153.

²⁵¹ *Novus orbis...* Basileae, 1537, p. 122—130, 154—183.

²⁵² Также у Марциана Бельского. См.: *Kronika, to jest historia świata...*, 1564, k. 446 v.

риго Веспуччи: первые два — 1497 и 1499 гг.²⁵³ — были совершены, когда Америго Веспуччи находился на службе у испанского короля Фердинанда, последние два — 1501 и 1503 гг. — по поручению португальского короля Мануэля. Во время первого похода Америго дошел «до земли западной» и расположенных там островов, жители которых «большого у себя государя не имеют, а до казны не вельми охочи», живут «в жены место» и с сестрами, и с племянницами (л. 698—698 об.). По их просьбе испанцы вступили в сражение с обитающей на других островах «самоядью» — каннибалами, взяли в плен 35 человек и, возвратившись в Испанию, «тот полон свой продали» (л. 699 об. — 700). Рассказ о первом путешествии Америго интересен своими наблюдениями над жизнью коренного населения Америки — индейцев, которые находились на стадии первобытнообщинного строя, а также известием о продаже в Испании пленных: великие географические открытия сопровождались развитием работорговли. За кратким изложением событий второго и третьего путешествий следует известие о неудачно завершившемся вследствие бури четвертом плавании Америго Веспуччи.

В основу соответствующей главы сборника «*Novus orbis...*», к которому восходят через «Хронику» Бельского рассматриваемые статьи русской рукописи, были положены, по-видимому, письма Америго Веспуччи, сообщавшие о четырех путешествиях автора. Исследователи берут под сомнение содержание писем Веспуччи и считают рассказ о «первом» путешествии дубликатом действительно имевшего место «второго» путешествия, когда Америго Веспуччи в 1499 г. плывал к берегам Южной Америки под начальством испанца Охеды.²⁵⁴ Но если Веспуччи и не совершал первого путешествия, то это не ставит под сомнение его наблюдения над жизнью и бытом индейцев, которые мореплаватель мог сделать во время последующих путешествий.

В пропущенной нами пятой главе десятой книги русского перевода «Хроники» Бельского (л. 693—698) содержится описание путешествия Магеллана, заимствованное, как считает И. Жяношский, из «Космографии» Мюнстера и восходящее в конечном счете к письму Максимилиана Трансильвана — первому в Европе печатному известию о первом кругосветном путешествии. Поскольку о письме Максимилиана Трансильвана, переведенном на русский язык в 20-е годы XVI в., мы уже говорили, постольку на содержании пятой главы десятой книги перевода «Хроники» Бельского мы не будем останавливаться. Отметим лишь, что в русском переводе «Хроники» Бельского, как и в ее польском оригинале, рассказ о путешествии Магеллана значительно сокращен по сравнению с текстом письма Максимилиана Трансильвана.

²⁵³ Дата второго похода добавлена нами; в рукописи ее нет.

²⁵⁴ Магидович П. П. Очерки по истории географических открытий, с. 148—153.

Седьмая глава повествует об организованной португальским королем Мануэлем экспедиции к городу Малакке под начальством «воеводы Альфонса» (Альфонса д'Альбукерка), завершившейся утверждением там португальцев (это событие произошло в 1511 г.). Любопытно описание большого торгового центра, куда съезжались как христианские, так и нехристианские купцы (л. 703 об.—704 об.).

В восьмой главе десятой книги русского перевода «Хроники всего света» соединены, как мы полагаем, рассказы о разновременных событиях: во-первых, о плаваниях к берегам Западной Африки в середине XV в. венецианского купца Альвизе де Кадамосто (он находился на службе у португальского принца Генриха Мореплавателя, вдохновителя и организатора португальской экспедиции в Африке),²⁵⁵ во-вторых, о португальской экспедиции начала XVI в. в Индию. В заголовке восьмой главы (см. выше) путешествия Кадамосто ошибочно отнесены к 1504 г., а в тексте главы экспедиция в Индию приурочена к 1505 г.

Альвизе де Кадамосто (в русском тексте он фигурирует как «Ягалезнус», «Кадамастус») посетил ряд областей в Западной Африке, в том числе королевства, расположенные по рекам Сенегал и Гамбия. Путешественник живо описывает природу Африки: безводную пустыню на северо-западе и земли с пышной растительностью к югу от нее, обитателей этих районов — арабов («мауров») и африканцев («нигриотов»), кочевой образ жизни первых и ценность в связи с этим для них верблюдов (за одного верблюда давали десять человек), примитивное земледелие вторых (копали землю мотыгами и лопатами), меновую торговлю без встречи продавцов и покупателей, когда товары обе стороны оставляли в определенном месте и затем забирали их (л. 705—707).

В рассказе о португальской экспедиции в Индию сообщается, что в 1505 г. португальский король Мануэль послал большую эскадру под начальством «Петра Альяреса Барилуса», которая, пройдя Канарские острова, приблизилась к неведомому острову. Там обитали люди «не само черны», выпекавшие хлеба из «коренья», высекавшие огонь из камней, спавшие на «сетях» (гамаках). «Изведав их чин и житие», начальник экспедиции приказал эскадре из одиннадцати кораблей плыть к «Голове доброй надежды» (мысу Доброй Надежды). Там страшная буря раскидала корабли по морю, погибло 4 корабля. Оставшиеся обогнули мыс Доброй Надежды и после длительного плавания прибыли в Калькутту, где имела место стычка с арабскими купцами. Посетив еще некоторые города Индии, флотилия вернулась с богатым грузом в Португалию. Заканчивается рассказ описанием пряностей («кореньев»), которые растут в «Калекуцкой земле» и которые туда привозят из иных земель (л. 714 об.—722 об.).

²⁵⁵ Хенниг Р. Неведомые земли, т. IV. М., 1963, с. 164—168; Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий, с. 100—102.

Мы полагаем, что в изложенном рассказе описывается португальская экспедиция под начальством Педру Альвариша Кабрала 1500—1501 гг., которая от Канарских островов взяла курс слитком на запад, попала к бразильскому берегу Южной Америки (участники экспедиции думали, что к острову), затем повернула на юго-восток и, обогнув мыс Доброй Надежды (где из 11 кораблей потонуло четыре вследствие бури), достигла Калькутты (во время пребывания в которой действительно имел место вооруженный конфликт с арабскими купцами) и других индийских городов.²⁵⁶

Несмотря на путаницу в именах и датах, восьмая глава десятой книги русского перевода «Хроник всего света» освещала основные моменты экспедиций двух крупных путешественников середины XV и начала XVI в. — Альвизе де Кадамосто и Педру Альвариша Кабрала, чьи имена занимают видное место в летописи великих географических открытий.²⁵⁷

Девятая глава повествует о «походе Людовика Вартомануса Римлянина» — римского патриция Лодовико Вартемы, совершившего в начале XVI в. длительную поездку по странам Африки и Азии. Во время своего путешествия, «одного из самых обширных из всех вообще известных путешествий», Лодовико Вартема побывал в Египте, Сирии, Аравии, Иране, Индии, Индонезии. Он был первым европейцем, достигшим священных городов мусульманского мира — Мекки, где жил Мухаммед, и Медины, где он был похоронен.²⁵⁸ Вартема выдавал себя за мамелюка, был опознан и спасен от верной смерти лишь благодаря тому, что пригласился жене египетского султана. Возвратившись на родину, Лодовико Вартема описал свои удивительные приключения, и его сочинение, впервые изданное в 1510 г., стало своего рода бестселлером XVI в. Оно было включено в сборник «Novus orbis...», а из него через посредство Марциана Бельского в сильно сокращенном виде попало в русскую письменность.²⁵⁹

---

²⁵⁶ *Верн Ж.* История великих путешествий. Открытие земли. Л., 1958, с. 214—220; *Магидович И. П.* Очерки по истории географических открытий, с. 181—183.

²⁵⁷ В польском оригинале «Хроник всего света» в заголовке восьмой главы десятой книги, сообщающем, что глава посвящена путешествиям Альвизе де Кадамосто, стоит та же ошибочная дата, что и в русском переводе, — 1504 г. (*Kronika, to jest historia świata...*, к. 449). Что касается плавания Кабрала, то в польском оригинале оно датировано правильно 1500 г., но имя путешественника искажено (к. 452 v.).

²⁵⁸ *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. М., 1950, с. 215—216.

²⁵⁹ За названными главами десятой книги в русском переводе «Хроник всего света» находятся следующие: Описание морям (л. 741 об.), О горах больших (л. 742 об.), О реках больших (л. 742 об.), О островах морских больших (л. 743), О короле великом в Африке (л. 744 об.), О рае (л. 746 об.), о мукe (л. 748), О Людифере (л. 749), Об Антихристе (л. 749 об.), О судном дне (л. 750 об.). Сопоставление этих глав с рассмотренными нами первыми девятью главами десятой книги «Хроник»

Русский перевод «Хроники всего света» Марцина Бельского отражал сложный и противоречивый характер своего оригинала. В «Хронике всего света» в соответствии с мировоззрением ее автора переплетались черты старого и нового. Традиционная для средневековья, построенная на богославской основе периодизация истории, некритически воспринятые легенды и рассказы о чудесах — все это тянуло назад, к средним векам; положительное отношение к Реформации, внимание к великим географическим открытиям, не только расширявшим горизонт человечества, но и подрывавшим основы богословских представлений о мире, связывали труд Бельского с новой культурой — культурой эпохи Возрождения и Реформации.

«Хроника всего света» была переведена в России во второй половине XVI в. Выше мы характеризовали этот период в истории русской культуры как время усиления духовной «цензуры» со стороны церкви и государства, вытеснения из литературы светского беллетристического начала и борьбы с идеологическими течениями, противостоящими ортодоксальному православию. Как же могло случиться, что «Хроника всего света» с ее протестантскими тенденциями и в известной мере гуманистическими мотивами была переведена именно в это время?

Думается, что перевод «Хроники всего света» был обусловлен в первую очередь практическими политическими потребностями официальных кругов Москвы: в связи с Ливонской войной и усложнением дипломатических сношений русского правительства со странами Запада возникла потребность в книге, которая давала бы о нем систематические, как исторические, так и географические, знания. Именно такой книгой был труд Марцина Бельского, неоднократно издававшийся в соседней Польше и написанный на родственном русскому польском языке.²⁶⁰ Весьма возможно, что перевод «Хроники всего света» был осуществлен по заданию русского правительства. В пользу этого предположения говорят наличие в 60-х годах XVI в. экземпляра «Хроники» в Царском архиве и затребование его царем.

Но если труд Марцина Бельского был действительно переведен по заданию правительства и скорее всего переводчиками Посольского приказа, то он вышел затем за стены правительственных канцелярий и стал достоянием читающих кругов русского общества. Для них перевод «Хроники всего света» имел очень

ярко иллюстрирует характерное для духовного облика Марцина Бельского сочетание черт средневековья и нового времени. Любопытна глава «О короле великом в Африке», излагающая распространенную в Западной Европе XIII—XVI в. легенду о находящемся в Африке христианском государстве во главе со священником Иоанном; об этой легенде см.: *Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий*, с. 66—68, 97, 108—109.

²⁶⁰ Ср.: *Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII в.* Л., 1969, с. 39.

Wsięgi Dziesiache Kroniki

Wijnsticco Swara.

Q wyspach morskich nowo na

leżonych / które mogą być rzeżone świat notop / i
nie były znane nigdy starym ludzom / zeglarzom / kupcom / al-
bo też / Astronomom / tak na wschod Słońca / i / o / na zachod-
ną pulnocy / także na południe : przez : meze / na / w / o / d / i / e / s / t / r / a-
nie / biegle / w / S / m / i / a / r / d / a / r / s / t / i / c / h / n / a / u / k / a / / f / i / t / o / r / z / y / b / y / l / i : / V / i / a / p / i / e / r / u / s /
Krytykoff / Kolumbus / Pinjonus / Alozyus / Petrus Alonsus /
Kadamustus / Amerykus Wespucyus / Andornitus Wianomán-
nus / Portugalcycy / Lusytani / i / drudzy . Też o Balcu-
cie wielkim Poście na wschod Słońca / i / o / i / n / n / y / c / h
Krócinach w Indycy .

Rozdział Pierwszy Księg Dziesiątych / o żegl-
waniu Krzysztofa Kolumbusa.

[illegible]

**Bendryc albo
Sottanare.**

Задание 1

[illegible]

du Glorin

Рис. 10. «Хроника всего света» Марциана Бельского (начало раздела о Новом свете).

Краков, 1564, л. 443 об.

Що стосовно морщини нові, то вони
з'являються новий раз тільки на постійній
змішці, і на запалі, і на поодиноких
ночах. Щоправда, і старі морщини
дуже філософи пишуть, що ніколи
не з'являються.

[illegible]

Рис. 11. Русский перевод «Хроники всего света» 1584 г.
(начало раздела о Новом свете).

большое культурно-просветительное значение: русские книжники и читатели впервые получили систематический очерк истории всей Европы, познакомились с географическими особенностями европейских стран и имели возможность узнать о двух величайших феноменах истории Европы в канун нового времени — Реформации и великих географических открытиях (см. рис. 10, 11).

Место перевода «Хроники всего света» в истории русской культуры не ограничивалось познавательным значением самого перевода. Он оказал влияние на создание ряда крупных и важных памятников русской историографии XVI—XVII вв.: «Хронографа западнорусской редакции» (о чем уже говорилось), «Хронографа второй редакции» (1617 г.),²⁶¹ «Хронографа третьей редакции» (после 1620 г.), «Скифской истории» Лызлова.²⁶² «Хроника всего света» послужила также одним из источников «Синописа», составленного и изданного в 1674 г. Иннокентием Гизелем, архимандритом Киево-Печерской лавры. На основе переработок отдельных частей «Хроники всего света» возникли такие литературные произведения, как «Повесть о Скандербеге», рассказывающая о героической борьбе албанского народа против турок,²⁶³ «История о Бохеме», излагающая сюжеты из чешской истории и восходящая через «Историю Европейской Сарматии» Александра Гваньини (польский историк конца XVI—начала XVII в.) к «Хронике всего света».²⁶⁴

«Хроника всего света» Марциана Бельского оставила, таким образом, значительный след в развитии русской культуры XVI—XVII вв.

---

²⁶¹ А. Попов установил, какие именно статьи «Хронографа редакции 1617 г.» были заимствованы из «Хроники всего света» (Попов А. Обзор хронографов русской редакции, вып. II, с. 96—111).

²⁶² *Chrzanowski J.* Marcin Bielski, s. 102; *Чистякова Е. В.* «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. — ТОДРЛ, т. XIX, 1963, с. 357.

²⁶³ *Повесть о Скандербеге.* Подгот. Н. И. Розов и Н. А. Чистякова. М., 1957.

²⁶⁴ *Панченко А. М.* Чешско-русские литературные связи XVII в., с. 41—62.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявленный в результате настоящего исследования комплекс сведений о Западной Европе в русской письменности XV—XVI вв. был бы более объемным, если бы до нас дошли все ее памятники. К сожалению, часть их (имеются в виду касающиеся нашей темы) безвозвратно утеряна. Так, утеряны находившиеся еще в начале XVII в. в Посольском приказе, согласно Описи его архива 1614 г., «цесарские книги» за 1521—1571 гг., «книги папы римского» за 1485—1527 гг.,¹ а также названные Н. Н. Бантыш-Каменским в его «Обзоре внешних сношений России» английские дела до 1581 г.² Мы можем полагать, что исчезли и некоторые литературные произведения, связанные с интересующей нас проблемой. Если бы все эти источники сохранились, то, повторяем, картина отражения жизни Западной Европы в русской письменности XV—XVI вв. была бы более насыщенной.

Конечно, если сравнить имевшуюся в русском обществе рассматриваемого времени информацию о Западной Европе с той, какой располагала любая из входивших в ее состав стран, то сравнение будет не в пользу русской стороны. И это объясняется не только географической отдаленностью Русского государства. Сказались ослабление связей с Западом в столетия ордынского ига и явившееся его следствием временное культурное отставание русского народа.

Однако фактический материал, включенный в предлагаемую читателям книгу, показывает, как нам кажется, что в России XV—XVI вв. о Западной Европе знали много больше, чем это считалось до сих пор — тем самым еще раз подтверждается вывод советских исследователей об отсутствии в сфере культурной жизни

¹ Описи Царского архива XVI века и Архива Посольского приказа 1614 г., с. 113—115.

² Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России, ч. I. М., 1896, с. 93—94.

пресловутой «стены» между Русским государством и Западом. Фактический материал свидетельствует о наличии в определенных слоях русского общества живого интереса к Западу. Русские послы в статейных списках давали не только обязательные отчеты о выполнении порученных им миссий, но и сообщали о западноевропейских городах, их достопримечательностях, быте и т. д. Несмотря на языковый барьер — русские послы (за редкими исключениями) не знали западноевропейских языков и пользовались услугами толмачей, — они обладали достаточным кругозором и политическим чутьем, чтобы разобраться в сложных перипетиях политической жизни западноевропейских стран, основные аспекты которой в статейных списках отражены правильно. Русских книжников интересовали самые различные стороны жизни Запада: события политические и идейные, путешествия и географические открытия, стихийные бедствия.

Отметим, что предвзятое отношение к предмету изложения наблюдается лишь в произведениях религиозной полемики — антикатолической и антипротестантской, но эти произведения составляют лишь незначительную часть источников, сообщающих о Западной Европе. Во всех остальных памятниках, содержащих сведения о ней, нет ни враждебности, ни религиозной или национальной нетерпимости в отношении западного мира. Чувствуется лишь пытливость авторов и стремление запечатлеть и донести до читателя сведения о Западе, с которым Россию все больше связывали проблемы международной жизни и развивающиеся культурные контакты.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией.
- БАН — Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР.
- ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.
- ГИМ — Отдел рукописей Государственного Исторического музея.
- ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- ДРВ — Древняя Российская вифлиофика.
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
- ПДСДР — Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными.
- ПИ — Проблемы источниковедения.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абрамович Д. И. 51
 Август Благочестивый, герцог Саксонский, курфюрст 169
 Августин, епископ 229
 Авраамий Суздальский, епископ 12, 14, 21, 22, 26, 33, 34, 37, 55—63
Адрианова-Перетц В. П. 27
 Алевиз 105
 Александр VI, папа 69, 129, 133
 Александр, великий князь Литовский 105
Алексеев М. П. 6, 70, 71, 126
 «Аленсус Петр» ** см. Ниньо Педро Алонсо
Алпатов М. А. 6, 70, 71
 Альберт, брат Рудольфа II 181, 183
 Альбо Фр. 136
 Альбукерк, Альфонс д', «Альфонс, воевода» 251
 «Альпини», султан 152
Альтамира-и-Кресеа Р. 182, 185, 187, 200, 203
 «Амурат» см. Мурад II
 «Аммурад» см. Мурад I
 Ангелов Мануил 98, 102, 103, 105, 107
 Англериа, Педро Мартир де, «Петр Мученик» 133, 136, 139
 Андрей Морейский см. Андрей Палеолог
 Андрей Палеолог, Андрей Морейский 95—98, 101, 107, 121, 123
 Андрей Родосский, епископ 64
 Анкопа д' 60

* Указатели составлены И. С. Шарковой.

** В кавычках даны древнерусские написания имен и географических названий.

Анна, дочь Ярослава Мудрого, французская королева 4
 Анна Бретонская 80, 81
Аннинский С. А. 152
 Антоний, новгородский архиепископ 131, 132
 Антонин, флорентийский архиепископ 229
 Антониу дон, приор де Крату 185, 202, 203
 Аньезе Баттиста 70, 143
 Аристотель см. Фьораванти Аристотель
 Аро, Кристобаль де 133, 136
 Арсений Солунский 51
 Артемий Троицкий, игумен 223
 Архан см. Орхан, сын Османа
Арцизовский А. В. 217
 Арцыбашев А. 168, 170, 174, 175, 178, 181, 189—191
 Афанасий, митрополит 235
 Ахмат, Ахмет, хан Золотой Орды 93, 121
 Ахмед IV, правитель Марокко 205

Баязин В. Н. 82
Баянши-Каменский И. Н. 195, 257
 Барбаро Иосафат 70
 «Барилус Петр Альярес» см. Кабрал Педро Альваринш
 Барлетий М. (Barletius M.) 233, 244
Барчугова А. В. 207
 Баус Джером 198, 204, 205
Бауэр В. 78, 86
 Башкин Матвей 222
 Баязид I, «Козанд», «Пезант», султан 148, 149, 152
 Баязид II, «Баиссет», «Марнет» 146, 148, 152, 153

Бейкер Дж. 252
 Бекман Роман 196, 198—203, 206, 211
 Бельский Иоахим 231
 Бельский Марцин 50, 152, 219, 227—250, 252—254, 256
Берг Л. С. 130
 Берли Уолтер 228
Бернадский В. Н. 48
 «Бернат с Киннердолфа» 239
 Берозий 233
 Большаков Т. Ф. 218
 Борис Федорович Годунов, боярин, затем царь 167, 175, 177, 203, 204
 Борисов Семен 140
 Брежевский А. 234
Брикнер А. Г. 70, 71
 Бродерик, епископ 228
 Брунеллески Филиппо 36, 61
 Бруно Вюрцбургский 141
Будзык К. (Budzuk K.) 228, 234
Будовиц И. У. 132
 Булев Николай 150, 151, 159
 Бургшталлер Мориц, «Маврец» 117, 118
Буркхардт Я. 61
Бычков И. А. 131, 132, 147, 154

Вайнштейн О. Л. 229, 230, 243
 Валуа, династия 170, 173, 183, 211
 Вальдземиллер 70
 Ваповский Б. 70, 228
 Варкоч Николай 176, 177, 187
 Вартема Лодовико, «Вартоманус Людовик» 247, 252
 «Вартоманус Людовик» см. Вартема Лодовико
 Василий, купец 21
 Василий II Темный, вел. князь 48, 64—66, 94, 120
 Василий III, вел. князь 79, 90, 92, 140, 142, 146, 150, 156, 158, 159
 Васильев Т. 168—170, 179, 183—186, 189—192
 «Васка», писарь 163
 Вассан, архимандрит 22
 Вассан Кошка, старец 219
 Вацлав, германский император 114
Веллер Э. (Weller E.) 219, 220
 Вельяминов М. И. 179, 188, 189
 Венцель, Венцеслав, «Венцлав», брат Рудольфа II 168, 181, 183
Верн Ж. 252
 Веселовский А. Н. (Wesselofsky A.) 60
 Веспуччи Америго, «Веспузнус Альберкус» 231, 246, 249, 250
 «Веспузнус Альберкус» см. Веспуччи Америго

Вид Антоний 70
Викторов А. Е. 15
Вилинский С. Г. 223
 Виссарион Никейский, митрополит, позднее кардинал 64, 93, 95
 Владимир Мономах 4
 Владислав, король Неаполитанский 114
 Владислав Ягеллон, король Чешский и Венгерский 73, 76—80, 82, 86, 87, 97, 99, 102, 113
 Владислав III Варненчик, «Володислав», польский король 40, 41, 149, 152
 Влас, толмач 140, 141
 Власьев А. 169, 177, 179, 188—190
 Волосатый Андрей 118
 Волинский А. П. 56
Востоков А. 53, 56, 57

 Габсбурги, династия 69, 74—84, 86, 88, 102, 113, 146, 165, 166, 168, 170, 172, 173, 175—179, 182, 183, 187—189, 191, 192, 205, 211, 224
 Гаральд, англосаксонский король 4
 Гастальди 70
 Гастингс Мэри, «Мария Хартис» 196, 208, 209
 Гваньини Алессандро 256
 «Гвиза» см. Генрих I Гиз
 Геннадий, новгородский архиепископ 125, 126, 141, 221
 Геннинг Шарпенберг, рижский архиепископ 41
 Генрих IV, германский император 4
 Генрих I, французский король 4
 Генрих II, французский король 187
 Генрих III (Генрих Анжуйский), французский король 170, 171, 173, 174, 182, 186, 197, 201
 Генрих IV (Генрих Наваррский), французский король 171, 186—188, 204
 Генрих VII, английский король 180
 Генрих VIII, английский король 244
 Генрих Анжуйский см. Генрих III, французский король
 Генрих Мореплаватель, португальский принц 251
 Генрих Наваррский см. Генрих IV
 Генрих I Гиз, герцог, «Гвиза», «Свейза» 186, 200, 201
 Георгий Бранкович, сербский деспот 39, 41
Гераклитов А. А. 154
 Герасимов Дмитрий 118, 141—145
 Герберштейн Сигизмунд, «Жигмонт Ерберсин» 70, 82—84, 107, 108, 118, 141, 142, 158, 233, 242
 Гераген Иоганн 247

Геродот 138
 Геронтий, митрополит 91
 Гизель Иннокентий 256
 Гизы 181, 201
 Гиплер (?), «Халперг» 239, 240
 Гита, жена Владимира Мономаха 4
 Глинский Михаил, князь 79
 Гойгель Гейнрих 175
Голлвизигер Г. (Gollwitziger H.) 116
Голенищев-Кутузов И. И. 228
Горский А. 9, 16, 141
 Григорий, архидиакон 22, 25
 Григорий VIII, папа 167
 Григорий XIII, папа 182, 184, 192, 195
 Гринеус Симон 233, 247
 Гусев Владимир 122
 Густав Ваза, шведский король 112
 Гуттих Иоанн 247

Даниил, игумен 15, 51, 58
 Дантискус 140
 Дарий 233
 Дарнли, Генрих Стюарт, лорд 180
 «Деколла Френчюшко» см. Колло, Франческо да
 Делатор Георгий см. Турн
 Делатор Юрий см. Турн
Делекторский Ф. И. 11, 12, 18, 20, 21, 33, 34, 63, 66, 67
 Джованна (Иоанна) II 114
 Джовио Паоло (Иовий Павел) 70, 142, 143, 233
 Джотто 36
 Дионисий Звенигородский, епископ 164
 Длугош Я. 228
Дмитриева Р. П. 158, 163, 164, 219
 Дмитрий, брат Иоанна VIII Палеолога, деспот 33, 41, 64
 Дмитрий Грек 96
 Дмитрий Шемяка 48
 «Доглосей» см. Селим I
 Дон Карлос 182, 186
 Дорофей Митиленский, митрополит 64
 «Драк, капитан» см. Дрейк Френсис
 Дрейк Френсис, «Драк, капитан» 201—203
Дунаев Б. И. 147, 156
 Дунс Скот 228

Евгений IV, «Евгений», папа 7, 33, 37, 41, 54, 64—67, 94, 119
 Евпраксия, внучка Ярослава Мудрого 4
 Евсевий Памфил, епископ 229

Евфимий, новгородский архиепископ 63, 64
 Евфросин, писец 158, 159, 162, 163
 Екатерина Медичи, французская королева 201
 Елена Волошанка 121
 Елизавета I, «Елисаяет», английская королева 180, 181, 184, 196—198, 202—208, 217
 «Елизарьев Роман» см. Якоби Роберт
 «Емануил Португальский» см. Мануэль
 «Ендрик» см. Генрих
 Ермолай Еразм, Ермолай Прегрешный 221, 225
 Ермолай Прегрешный см. Ермолай Еразм
 «Евгений, папа» см. Евгений IV
 Евфимий см. Евфимий

«Жигизмунд» см. Сигизмунд
 «Жигимонт» см. Сигизмунд

Забелли И. Е. 61, 62
 Заболотский Алексей 107, 118
 Заборовский Я. 179
 Замоиский Ян 176
 Засекин Иван 118, 140
 «Запа Еронимус» 193
Зимин А. А. 150
 Зиновий Отенский 222
 Зиновьев И. 204—210
 Зосима, митрополит 125

«Иаким, генерал» 129
 Иван III, вел. князь 74, 77, 80—82, 85, 87, 89, 92, 93, 95, 98—101, 103, 105, 118, 120, 121
 Иван IV Грозный, царь 69, 167, 169, 171—175, 192, 195, 196, 198, 206, 208, 213, 214, 217, 219, 221—226, 235
 Иван Молодой, сын Ивана III 102
 «Иван Галис», германский «князь» 205
 «Иван из Свабии», гонец 78, 81
 «Иван Ярустрей» см. Хуан Австрийский
Иванов А. И. 150
 Иванев Дмитрий 217
 Игнатий, последователь Феодосия Косого 223
 Игнатий Смольянин 51, 62
 Иероним 229
 Изабелла, инфанта 187
 Изабелла Валуа, жена Филиппа II, испанского короля 187
 Изабелла Кастильская 112

- Изенберг Е. 167
 Иконошкова В. С. 141, 222
 Иларион, митрополит 4
 Иоанн VII Палеолог, византийский император 7, 33, 37, 38, 41, 54, 64, 65, 124
 Иоанн Бологский, епископ 64
 Иоанна см. Джованна
 Иовий Павел см. Джовиньо
 Иоганн (Юхан) III, шведский король 226
 Иона, митрополит 8, 48, 64, 66, 120
 Иосиф, константинопольский патриарх 33, 34, 41, 54, 64
 Иосиф, константинопольский патриарх 214
 Иосиф Флавий 232
 Исидор, митрополит 8, 9, 22—29, 34, 35, 37, 39, 40, 53, 56, 61—65, 93—95, 100—103, 105, 106, 119, 120
 Истома Григорий 140
 Иулиан, кардинал см. Чезарини Джулиано
 Йохимсен П. (Joachimsen P.) 229
 Йорга Н. (Jorga N.) 152, 153

 Кабрал Педру Альвареш, «Барилос Петр Альварес» 251, 252
 Кадамосто, Альвизе де, «Ягалезиус», «Кадамастус» 246, 251, 252
 Казикова Н. А. 15—17, 24, 31, 43, 48, 49, 51, 55, 57, 67, 110, 112, 113, 117, 126, 127, 132, 141, 143, 148, 241
 Казимир, великий князь Литовский см. Казимир IV Ягеллончик
 Казимир IV Ягеллончик, польский король 40, 41, 77, 99
 «Калапин», султан 148, 149, 152
 Калуйн, царь см. Иоанн VIII Палеолог
 Кальвин Жан 223, 247
 Кампезе Альберто 70
 Кантингер Юстус, «Едок Кантингер» 79, 87
 Карачаров Митрофан 105—107
 Карге П. (Karge P.) 22, 23
 Карлон Иоганн 230, 232, 233
 Карл Великий 236, 238, 241
 Карл IV, германский император 85, 191
 Карл («Карол») V (Карл I, испанский король), германский император с 1519 г. 83, 87, 116, 131, 135—137, 140, 215, 239, 243
 Карл VIII, французский король 79—81, 185
 Карл IX, французский король 172, 174
 Карл I, испанский король см. Карл V, германский император
 Катушкина Л. Г. 132, 138, 145
 Катярев М. П. 176
 Кауфман А. (Kaufmann A.) 114
 Кашианов С. М. 101
 Квашин Ждан 178, 181, 182, 189
 Килингворс Георг 215
 Кир 233
 Клибанов А. И. 126
 Климент VII, папа 69, 118, 142, 144
 Клосс Б. М. 109, 147
 Ключевский В. О. 5
 Кляник Михаил Еропкин 73, 77, 78, 80, 81, 87, 90, 96, 98, 107
 Кмита Петр 227
 Кобенный Ганс 174
 «Козавт» см. Баязид I
 Козьма Индокоплов 62
 Колло, Франческо да, Колла, Францеск де, «Френчонко Деколла» 82, 83, 90, 108, 118, 122, 158
 Коломна (Союмна), кардинал 162
 Колумб Христофор 130, 231, 246, 248, 249
 Константин, император 52, 115
 Контарини Амброждо 70
 Конти, Антонио де 87, 108, 122
 Коперник Николай 234
 Косой Феодосий 222, 223
 Краиц Альберт 233
 Крейзенач В. (Creizenach W.) 31
 Ксенофонт 232
 Кукушкина М. В. 154
 Кулшин Василий 75, 76, 80, 86, 89, 96, 97
 Курбский Андрей 218, 219, 221, 223, 227
 Курицын Иван Волк 96, 98, 107
 Кьерикатт, епископ Абруцкий 143, 144

 Лактаций 233
 Лантев В. В. 118
 «Ларевы» см. Ралевы
 Ласницкий Я. 224
 Ласкарев Дмитрий 107, 117
 «Ласлов», король Венгерский см. Владислав
 Лев В. 235
 Лев X, папа 69, 142, 144
 Леон, лекарь 102
 Леонид, архимандрит 16, 115, 225
 Леонтьев А. К. 71
 Лимонов Ю. А. 235
 Лира де 141
 Лихачев Д. С. 3, 100, 213, 221, 225, 226

Лодыгин Шарап 119
 «Лудовик, воевода» 163
 Луиж, сын Мануэля I, португальского короля 185, 202
 Лурые Я. С. 6, 15, 70, 71, 87, 91—95, 100—104, 106, 122—124, 126, 158—160, 162, 163, 168, 171, 172, 195, 208, 221, 222
 Лызлов А. И. 256
 Львов-Ярославский, князь 63
 Любич-Романович В. 226
 Люблинская А. Д. 6
 Людат Г. (*Ludat H.*) 13, 27, 28
 Людовик XII, французский король 185
 Людовик, сын Владислава Ягеллона 113
 Лютер Мартин, «Лутор» 213, 218, 221—224, 226, 238, 242—244, 247

 Маалеев Е. В. 31
 «Маврец» см. Бургшталлер Морин
 Магеллан, Фернан де 43, 132—140, 144, 146, 202, 250
 Магидович И. И. 249—253
 Макарий, повгородский архиепископ 141
 Максим Грек 126—130, 140, 141, 145, 147, 150, 151, 156, 157, 221, 222, 225
 «Максимиа» см. Максимилиан
 Максимилиан I, «Максимиа» Габсбург, римский король, затем германский император 73—82, 84—90, 96—99, 102, 107—110, 118, 142, 150, 151, 191
 Максимилиан II, германский император 167, 168, 171—175, 178, 191
 Максимилиан, эрцгерцог Австрийский, брат Рудольфа II 167, 168, 175—177, 181, 183, 190
 Максимилиан Трансильван 43, 131—141, 144—146, 250
 «Максимиан» см. Максимилиан
 Малинин В. 12, 13, 53, 54, 159, 160, 163
 Малый Алексей см. Щекин Алексей Малый
 Малый Истома 84, 89, 90
 Мамырев Давида 98, 102, 103, 105, 107
 Мануил Палеолог 95
 Мануэль I, «Эмануил Португальский», португальский король 185, 202, 246, 250, 251
 Маргарита, датская королева 114
 Маргарита, дочь английского короля Генриха VII 180

Маргарита Австрийская, дочь Максимилиана I 80
 Маргарита Валуа, жена Генриха Наваррского 171
 Мария I Стюарт, шотландская королева 180, 181
 Мария I Тюдор, английская королева 197, 215, 216, 244
 Мария Бургундская, жена Максимилиана I 79, 80
 Марк Эфесский, митрополит 64, 65
 Маркс К. 128, 129, 228
 «Марнет» см. Баязид II
 Мартин, король Арагона 114
 «Марцин из Опавы» 228
 Матвей, «Матнас», «Матняш», брат Рудольфа II 168, 181—184, 193
 Матвей Лапг, зальцбургский архиепископ 135, 137
 Матьяш Корвин, венгерский король 74—78
 «Махмет» см. Мехмед II
 Махмет, хан Золотой Орды 118
 «Махомет» см. Мехмед I
 Медоварцев Михаил 145
 Меланхтон Филипп 223, 230, 247
 Мерик Джон, «Иван Ульяпов» 207
 Меркатор 50
 Мехмед I, «Махомет», «Махумет», султан 148, 149, 152
 Мехмед II, «Махмет», «Махомет», султан 146, 148, 152
 Меховский Матвей 70, 152, 228
 Мецкерский И. А. 157
 «Миколай Радзивилович» 163
 Микула, валахский посол 33
 Микулин Г. И. 70, 204—210
 Миллер А. Ф. 152
 «Мпнчарз Томас» см. Мюнцер
 Моджевский Анджей 234
 «Моисей», султан см. Муса
 Молвянинов Я. 168—170, 179, 183—186, 189—192
 «Морес, капитан» 201
 Морозов И. С. 147
 Морозов П. О. 57, 60, 63
 Мошинская Н. В. 13—16, 18, 21, 22, 63, 67
 Мурад I, «Аммурад», «Омурат», султан 7, 148, 152
 Мурад II, «Аммурад», «Амурат», султан 7, 39, 41, 148, 149, 152
 Муса, «Моисей», султан 148, 152
 Мухаммед 231, 252
 Мухаммед-Гирей, крымский хан 150
 Мухат, волошский посол 73, 77
 Мюллер Г. А. (*Müller G. A.*) 31
 Мюллер Л. (*Müller L.*) 13, 27, 28, 30, 221, 223—225

- Мюнстер Себастьян 137, 233, 245, 247, 248, 250
 Мюнцер Томас, «Минчара Томас» 239, 240, 244
 Навуходоносор 233
 Насонов А. И. 23, 49, 91, 92, 103, 104, 106, 117, 119, 122, 123
 Науклер Иоганнес 230, 232, 233
 Наумов Е. И. 112—116
 Невоструев К. А. 16, 141
 Немилов А. И. 6
 Непея Осип, Непея Вологжанин 195, 215—217
 Нестор Искандер 115, 116, 157
 Неусыжин А. И. 86, 114
 Николо да Поите, «Николай, венецианский князь», венецианский дож 184
 Николо Трон, венецианский дож 93
 Никон, патриарх 241
 Ниньо Педро Алонсо, «Петр Аленсус» 246, 248, 249
 Нифонт Кормилицын, игумен 164, 219
 Новикова И. И. 9—12, 20, 21, 56
 Новосельцев А. И. 4
 Новосильцев Л. 179, 186, 189—191
 Ногарола Леонард, «Леонард Откомит» 118
 Одерборн П. 224
 «Омурат» см. Мурад I
 Орозий Павел 232
 «Орхан», султан 148, 152
 Орхан, сын Османа, султан 7, 148, 151, 152
 Осипин Иван 118
 Ослер Якоб, «Яков, доктор» 117, 118
 Осман, «Отоман», «Отуманн», султан, 7, 148, 151, 152, 244
 Откомит Леонард см. Ногарола
 «Отоман» см. Осман
 «Отуманн» см. Осман
 Офонасьев Иван 216
 Охеда, испанец 250
 Павел II, папа 93
 Павел III, папа 239
 Павел Русдорф, магистр Тевтонского ордена 23, 25
 Павлов А. 9—12, 21, 22, 56, 63
 Павлов Лукаш 177
 Палеологи, династия 101
 Палл Ф. (Pall F.) 136
 Панченко А. М. 253, 256
 Парфений Уродивый 225, 226
 Паули Магнус 167, 171—173, 181
 Пахомий Серб 66
 Паццото В. Т. 3, 4
 Пезант см. Баянд I
 Пересветов Иван 221
 Першин Федор 217
 Петр I 5
 «Петр Мученик» см. Англерна де
 Петров Н. И. 150, 162, 163
 Пигафетта Антонио 136, 144
 «Пизонус» см. Пинсон
 Пий II (Энеа Сильвио Пикколомини), папа 116, 120, 147, 157, 232, 233
 Пилат см. Понтий Пилат
 Пимен, новгородский архиепископ 213
 Пинсон Висенте Яньес, «Пизонус» 246, 248, 249
 Пирени А. 182, 188
 Пирлинг П. 95, 144
 Писемский Ф. И. 70, 195—198, 204, 208—211
 Племянников Владимир Семенов 84, 89, 90, 108
 Погодин М. П. 15—17, 42, 43, 56—60, 225
 Погорелов Федот 217
 Подобедова О. И. 217
 Полидам Валентин 228
 Понтий Пилат 30, 31
 Попов А. И. 56, 57, 66, 225, 234, 235, 240, 256
 Поппель Николай 74, 85, 86, 97, 103
 Поссевино Антонио 192, 195
 Потемкин П. И. 70
 Принц Д. 174
 Прокопий Кесарийский 233
 Прокофьев И. И. 13, 14, 28, 36, 56—58
 Прочинский Ян 176
 Пташицкий С. 234, 235
 Пыпин А. Н. 12
 Радзивиллы 163
 Райцес В. И. 70
 Ралев Дмитрий 97, 101, 102, 105—107, 118
 Ралев (Раль) Иоанн 101
 Ралев Мануил 97, 101, 118
 Ралевы, «Ларевы» 98, 101, 102, 107, 119
 Раль см. Ралев
 Рамм Б. Я. 64
 Рамузно Джованни Баттиста 137, 143, 247
 Расмуссен К. (Rasmussen K.) 71
 Резанов Афанасий 169, 176, 178, 179, 182, 183, 185, 187, 189, 193

- Ржиза В. Ф. 127, 147, 150
 Розов А. Н. 228
 Розанов С. П. 109, 236, 238, 239
 Розов Н. Н. 4, 154, 256
 Рокита Ян 224—226
 Романов Ф. П., боярин 187
 Рудольф II, германский император 167—169, 175—177, 182, 183, 186, 187, 191—193, 197
 Рузский Н. В. 15
 Румянцев Н. П. 53
 Рупрехт, германский император 114
 Рутенбург В. И. 6, 34
 Рыбаков Б. А. 143
 Рюриковичи, династия 3, 166
- Сабеллико Маркантонио 229, 233
 Савваитов П. И. 131, 132, 147, 154
 Савонарола 126—129
 Сагиб-Гирей, казанский хан 156
 «Саламан» см. Сулейман
 Самуил Евреин 141
 Сазаров И. 9—13, 16
 «Свейза, арцух» см. Генрих I Гиз
 Себастьян, португальский король 185, 202
 Седельников А. Д. 125, 126
 Селим I, «Доглосей», «Самглишах», «Селимбег» 146, 148, 152—154, 156
 Селимбег см. Селим I
 Семенов Владимир см. Племянников Владимир Семенов
 Сербина К. И. 92, 103, 106
 Сергей Радонежский 64
 Серрап Хуан, «Серан Иван» 134
 Сесиль Роберт, «Сысель Роберт» 206
 Сигизмунд Венгерский см. Сигизмунд Люксембургский
 Сигизмунд, «Жигизмунд», Люксембургский, венгерский король 114, 115, 149
 Сигизмунд, великий князь Литовский 23, 25
 Сигизмунд I Старый, польский король 82, 231
 Сигизмунд II Август, польский король 170, 174, 213, 215, 224, 231, 234
 Сигизмунд III Ваза, польский король 175—177, 190
 Сидор см. Исидор
 Сикст IV, «Систюсь», папа 95
 Сильвий см. Пий II
 Симеон Суздальский, Симеон Суздалец, перей 8—12, 14, 16, 22, 34, 51, 55, 56, 61—67, 94, 95
 Симои П. 159—161
 Сипицына Н. В. 145
- Скандербег 110, 232, 233, 242, 244, 256
 Скиндер, турецкий посол 156
 Скобелевич Константин 167, 173, 178, 180, 181, 189
 Скржинская Е. Ч. 101
 Скрипиль М. О. 16, 115
 Слейдан И., «Шлейдан Ян» 233, 242—244
 Смирнов Н. А. 156
 Смывалов Тимофей 217
 Собещаньский Ф. М. (Sobieszczański F. M.) 231, 236
 Соболевский А. И. 5, 114, 131, 132, 140, 141, 147, 163, 164, 219, 220, 234, 235
 Соловьев С. М. 171
 Софья (Зоя) Палеолог 92, 93, 95—97, 99, 100, 103, 105, 120—122
 «Степан Батора» см. Стефан Баторий
 Степанов Н. В. 28
 Стефан, волошский воевода 73, 77
 Стефан Баторий, «Степан Батора», септградский воевода, затем польский король 174, 192
 Стефан Новгородец 51
 Страбон 233, 245
 Стрыйковский М. 234
 Сугорский З. 168, 170, 174, 175, 178, 181, 189—191
 Суков Елизар 107, 117
 Сулейман, «Саламан», султан 148, 152
 Сулейман I Кануни 146, 147, 156
 Сыроечковский В. Е. 115
 «Сысель Роберт» см. Сесиль Роберт
 Сэквилл Томас, «лорд Саквелд» 205
- Таминс В. (Tumins V.) 225
 Тарле Е. В. 84
 Твердинов Степан 217
 Творогов О. В. 217, 218, 237
 Тимур 7, 115
 Титов А. А. 218
 Тихонраов Н. С. 56—58, 60, 218
 Толбузин Семен 96, 100—103, 105, 117, 120, 121
 Траверсари Амброжо, епископ 64
 Траханиот Юрий 73, 75—78, 80, 81, 86, 87, 89, 90, 96—98, 103, 107
 «Тревиан Иван» (Джан Баттиста Тревиан) 93, 95, 96, 120
 Триволлсы, род 126
 Трофимов С. 118
 Трусов Еремей 119
 Турн, Георг фон, «Юрий Делатор» 74—76, 80, 81, 89, 90, 96, 97, 125, 126, 221

Уваров А. Ф. 62, 218
Уласло II см. Владислав Ягеллон
Ушаков Никон 167, 178, 179, 181

Фабр Иоганн 70, 140
Федор Борисович, царевич 167
Федор Иванович, царь 167, 171,
175, 176, 187, 192, 198, 203
Фео Белькари (Feo Belcari) 60
Феодосий, митрополит 66
«Феофил Дедеркин» 158—160, 162,
163

Фердинанд I, эрцгерцог Австрий-
ский, король Чешский и Вен-
герский, германский император
с 1556 г. 118, 140, 215, 226

Фердинанд V Католик, король Ара-
гона, испанский король с 1512 г.
112, 113, 246, 248, 250

Фердинанд I Кастильский 113, 114
Филипп II, испанский король 181—
188, 193, 197, 200, 202, 215, 216
Филипп I, эрцгерцог Австрийский,
король Кастилии и Леона 87
Филипп, митрополит 214
Филофей, старец 12, 53, 54, 159,
160, 163

Финкель Л. (Finkel L.) 230, 231

Флетчер Е. 198, 199

Флоря В. И. 175, 176

Фома, тверской посол 22, 33

Фома Палеолог, деспот 93, 96, 100
Фореста Якопо Филиппо 229, 232,
233

Франциск I, французский король
242

Франциск II, французский король
180

Франциск, герцог Алансонский, гер-
цог Анжуйский с 1574 г. 184

Франциск, епископ Скаренский 118,
143

Фредерик см. Фридрих

Фридрих I Барбаросса, германский
император 26

Фридрих III Габсбург, германский
император 73—75, 89, 96, 97, 110

Фридрих IV Габсбург, германский
император 32

Фридрих III, герцог Саксонский,
курфюрст 243

Фрязин Иван (Джан Баттиста делла
Вольпе) 93, 95, 103, 120

Фрязин Онтон (Антонио Джисларди)
93, 95, 96

Фьораванти Аристотель 96, 100, 103,
105, 120, 121, 123

Фюрстенберг, магистр Ливонского
ордена 215

«Халперг» см. Гиплер

«Хантис Мария» см. Гастингс Мэри

Ханцш В. (Hantzsch V.) 247

Хенниг Р. 251

Хжановский И. (Chrzanowski I.) 227—

233, 236, 245, 247, 250, 256

Ховралев Неудача 195—198, 208—
210

Хонтер Ян 228

Хуан Австрийский, «Иван Яустрея»
193

Цветаев Д. М. 221, 222, 224

Цвинглин Ульрик, «Цвинглин» 223,
244

Целепи Л. И. 56, 57, 61

«Чаплич Кодиян» 223

Чезарини Джулиано, кардинал 64,
149

Ченслер Ричард, «Рыцерт» 166, 215—
217

Чентурнионе Паоло 142, 144

Черепнин Л. В. 64, 65

Черри Френсис, «Фряичик Иванов»
207

Чирка, русский гонец 73

Чистякова Е. В. 256

Шахматов А. А. 91

Шевринг Истоме 179, 192—195

Шедель Хартманн 230

Шель Михаил 188

Шенер Иоганн 137

Шефер Г. (Schäfer H.) 203

Шиллер Ф. 186

«Шлейдан» см. Слейдан

Шляпкин А. И. 225

Шмура Е. 106

Шнитценшпаумер Георг 107

Шомберг Николай 150

Штёкль Г. (Stöckl G.) 5, 13, 23,
27—30, 32, 34, 35, 37—39, 53,
66, 94, 112

Шапов Я. И. 235

Шекин Алексей Малый 107, 118

Щелкалов Андрей 187

Щербина А. Д. 11—13, 15, 16,
18, 21, 63, 67

Эль Кано Себастьян 136

Энеа Сильвио Пикколомини
см. Пий II

Энгельс Ф. 129, 228

Эразм Роттердамский 227
Эрик VIII, датский король 114
Эрнст, брат Рудольфа II 168, 170,
172, 174, 181, 183, 186, 188
Эссекс, граф, «эрл Эксетцкой» 206--
208, 210
Эстрейхер К. (Estreicher К.) 230

Юберсбергер Г. (Uebersberger И.)
140, 171, 174
Юлий III, папа 231, 236, 238
Юстин 233
Юстиниан, византийский импера-
тор 32, 233
Юрий Грек 93, 95, 97
Юрий Лугвеньевич, смоленский
князь 63

«Ягалеэпус» см. Кадамосто, Аль-
визе де
Ягеллоны, династия 69, 74, 75, 77,
82, 83, 99, 102, 170
Якоби Роберт, «Роман Елизарьев»
195
«Яков доктор» см. Ослер Якоб
Яков VI, шотландский король
181, 204
Якопо из Бергамо см. Фореста
Ян Гус 244
Ян-Ольбрахт, польский король 76,
77
Янош Заполье 79
Янош Корвин 75, 77
Януш, мазовецкий князь 227
Ярмолинский А. (Yarmolinsky А.)
130
Ярослав Мудрый 4
Яцунский В. К. 245

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аббация, «Обатша» 34
 «Аверса» 160
 «Авспрок» см. Лугсбург
 Австрия, «Австрьская земля» 77,
 78, 99, 166, 167, 189
 — Нижняя 76
 «Австрьская земля» см. Австрия
 Адрианоуполь 7
 Адриатика см. Адриатическое море
 Адриатическое море, «Белое море»,
 «Ферацкое море» 18, 19, 33, 37,
 38, 194
 Адриатическое побережье 41
 Азия, «Асия» 82, 83, 116, 231, 244,
 252
 — Юго-Восточная 143, 144
 Азов, Тана 38, 146
 Азорские о-ва 202
 «Аламания» см. Германия
 «Аламанская земля» см. Германия
 Южная
 Албания, Албаниа, «Трасия» 83,
 109—112, 146, 245
 «Алуга» см. Луго
 Альпы, Альпийские горы 32, 33,
 44—46
 — Тирольские, «Полопиные горы»
 32
 «Амборх» см. Гамбург
 Америка, Американский материк,
 «Новый свет» 130, 133, 137, 232,
 238, 242, 249, 250, 253
 — Южная 133, 146, 248, 250, 252
 Амударья, р. 144
 «Англия» см. Англия
 Англия, «Аглинская земля», «Англи-
 лия», «Английская земля», «Са-
 мобритинийское королевство» 4, 6,
 71, 109, 111, 112, 165—167, 180,
 181, 184, 186, 188, 193—211,
 215—217, 242, 244, 245
 Антверпен, «Антроп» 216, 217
 «Антроп» см. Антверпен
 Апеннины 35
 Арабского востока страны, «Сра-
 чпы» 38
 Аравия 83, 252
 Арагон, «Аррогоньское королевство»
 109, 112—114
 Арджента, «Ржента» 34
 «Арквиныя» (Аргонда), область 83
 Арно, «Рна», р. 35, 36
 «Аррогоньское королевство» см. Ара-
 гон
 Арта 126
 Архагельск 190
 «Арыяну», «Аврыанум» 160
 «Арыяпса», «Арыаньска» 160
 «Асия» см. Азия
 Астрахань 146
 Аугсбург, «Авспрок» 29, 32, 40,
 44, 46, 189
 «Афинсаы» (Афины) 83
 Афинское герцогство 146
 Афонские, «Святогорские» монастыри
 62
 «Афрат» см. Эрфурт
 Африка, «южная страна» 82, 83,
 130, 135, 144, 202, 231, 251—253
 — Западная 251
 — Северная 185, 202, 245
 Ахен 114
 Бавария, «Баварская земля» 31,
 162, 245
 Базель 7, 22, 137, 247
 Балканский полуостров 7, 149
 Балканы 4, 7, 244
 Балтийское море 26, 69, 90, 106,
 109, 166, 215
 Бамберг, «Бемибверег» 29—31, 44
 Бамбергское епископство 30
 «Баморская земля» см. Померания
 «Барбарские острова» 83
 «Барвык» см. Бервик
 «Батмер» см. Магдебург
 «Белагород», «Белый Город», «Белый
 град» см. Секешфехервар

- Белград 156
 «Белое море» см. Адриатическое море
 Белоозеро 121
 «Бембъверег» см. Бамберг
 Берберия 83
 Бервик, «Барвик» 209
 Бергамо 229, 232, 233
 «Береца» 35
 «Бертания» см. Бретань
 «Бертанская земля» см. Бретань
 «Биско» (Страна Басков) 126
 Ближний Восток 7, 22, 144
 «Боатики» (Беотия), область 83
 «Бова» 160
 Богемское королевство см. Чехия
 «Бока» 161
 Болгария 7, 83
 Болонья 37
 Борго ди Битано, «Бряга» 35
 «Босна» см. Босния
 Босния, «Боспа» 82, 83, 245
 «Брабанская земля» см. Брабант
 Брабант, «Барабанские земли», «Брабанская земля» 182, 198, 202
 Бразилия 249
 Бранденбург 189, 245
 Брауншвейг, «Брунзвиг» 29, 30, 190
 Брауншвейг, герцогство 29, 44, 46
 Брест 223
 Бретань, Бретонское герцогство, «Бертанская земля», «Бертания» 79—81
 Бретонское герцогство см. Бретань
 Брунзвиг см. Брауншвейг
 «Бряга» см. Борго ди Битано
 Буда, «Будин» 9, 11, 12, 14, 17—20, 39, 42, 45, 75—77, 156
 «Будин» см. Буда
 «Бунмское королевство» см. Чехия
 Бургундия, Бургундское герцогство, «Галлия броката» 79, 108
 Бургундское герцогство см. Бургундия
 «Бургунрия» 153
 Вавилон 233
 Валахия 7, 83, 98, 153
 Вальядолид 136
 «Варгава» см. Вардегуз
 Вард^д, о. 209
 Вардегуз, «Варгава» 209
 «Варенемом» 160
 Варна 149, 152
 Варшава 189
 «Ведна» см. Вена
 Великая, р. 23
 «Великая Греция» 109
 «Великий Новград» см. Новгород
 Великое княжество Литовское, Литва 8, 23, 25, 39, 40, 68, 69, 71, 74, 77, 80, 84, 90, 166, 172, 174, 175, 177, 178, 189, 213, 214, 222, 223, 227, 234
 Великое княжество Московское см. Москва
 Вена, «Ведна», «Виенна» 76, 82—84, 89, 99, 156, 166, 172, 181, 183, 184, 186, 189
 Венгерское королевство см. Венгрия
 Венгрия, Венгерское королевство, «Оугорское королевство», «Панонское королевство», «Угорская земля», «Угорское королевство», «Угры» 3, 9, 17—19, 39, 74—80, 86—88, 99, 102, 106, 109, 111—113, 146, 149, 156, 164, 166, 180, 183, 186, 187, 193, 232, 236, 238, 240, 242, 244, 245
 Венецианская республика см. Венеция
 Венеция, Венецианская республика 17, 37—42, 63, 70, 84, 85, 93, 95, 96, 98—103, 105—107, 117, 118, 120, 121, 123, 133, 146, 147, 153, 154, 157, 166, 167, 178, 180, 183—186, 188, 189, 191—194
 «Вепша» см. «Вепшин»
 «Вепшин», «Вепша» 18, 19
 Верона 84, 85
 Веспрем 76
 Вестфалия 245
 «Виенна» см. Вена
 Византийская империя см. Византия
 Византия, Византийская империя 3, 7, 32, 38, 41, 124, 240
 Вильню (совр. Вильнюс) 40, 189
 Висмар 25
 Висмарская земля, «Висмертьская земля» 25
 «Висмертьская земля» см. Висмарская земля
 «Витюланум» 160
 «Вландерская земля» см. Фландрия
 «Влосские земли» см. Италия
 Волга, р. 144
 Волпи 25
 Вологда 190
 Володимир град см. Вольмар
 Волоколамский монастырь 164, 219
 Волочек (Выпнный Волочек) 23
 «Волошская земля» 245
 Волхов, р. 47
 Вольгаст 25
 Вольмар, «Володимир град» (совр. Валмпера) 24
 Вормс 243, 244
 «Вороп» 161
 Воскресенский Новонерусалимский монастырь 241

Восток 8, 38, 194, 217
Вьени 31
Вязьма 40

«Гадир» см. Гибралтар

Галисия 109

Галич 40

Галле 90

«Галлинское королевство» см. Франция

Галлия 31, 128, 232, 245

«Галлия броката» см. Бургундия

«Галлия коммата» см. Фландрия

«Галлия тогота» см. Франция западная

Гамбия 251

Гамбург, «Амборх» 202

Ганаа 69

Гданьск, Данциг, «Даниск», «Даньск» 81, 87, 189, 202

Гевуя 144

Германия, «Аламания», «Немецкая земля» 4, 13, 26, 28, 29, 31, 32, 38, 78, 81, 85—87, 89, 90, 106—108, 113—115, 135, 137, 149, 150, 154, 165, 168, 169, 173, 180, 186, 190, 195, 229, 230, 240, 243—246

— Северная 26, 29, 31, 32

— Южная, «Аламанская земля» 31, 32, 37, 44, 46

Гибралтар, «Гадир» 129

Гималаи 144

«Гипшпания» см. Испания

Голландия, «Голанская земля» 182, 200

Готланд, «Готская земля», «остров Свйтскылих», о. 26, 189, 245

«Готская земля» см. Готланд

Гранада, «Гранадское королевство» 109

«Гранадское королевство» см. Гранада

Грейфсвальд 25

Гренландия 245

Греция, «Греческая земля» 82, 101, 126, 130, 219—221, 245

«Греческая земля» см. Греция

«Гурмыз» см. Ормуз

«Далматская страна» см. Далмация

Далмация, «Далматская страна» 82, 83, 245

«Даниск» см. Гданьск

Дания, «Датская земля», «Датское королевство» 69, 102, 109, 111, 114, 141, 166, 167, 189, 195, 197, 209, 215, 245

Данциг, «Даниск» см. Гданьск

«Даньск» см. Гданьск

«Дарава», «Дьрага», р. 18, 19

Дарданеллы 7

«Дарданники», область 83

«Датское королевство» см. Дания

Двина, р. см. Северная Двина

Дерпт, «Юрьев» (совр. Тарту) 22—24, 42, 44, 79, 94, 95

Дерптское епископство 23

«Дингпн» 196

Доброй Надежды, мыс, «Голова доброй надежды» 251, 252

Дорогобуж 40

Древнерусское государство см. Киевская Русь

Древняя Русь см. Киевская Русь

Дрезден 190

Дунай, р. 18, 19, 32, 39

«Дюды» 18, 19

Европа, «Европия», «Европская страна» 4, 5, 32, 43, 67, 68, 70, 71, 74, 82, 111, 112, 114—116, 119, 124, 128, 130, 135, 142—144, 146, 149, 154, 156, 158—160, 165, 167, 171—173, 181, 190, 193, 194, 198, 199, 211, 212, 231, 233, 241, 245—247, 250, 256

— Западная, Запад 4—8, 13, 25, 38, 41—43, 45, 50, 60, 63, 68, 70, 73, 79, 82, 87—89, 91, 92, 98, 99, 102—105, 107, 108, 116—119, 122—127, 131, 137, 144—146, 150, 151, 159, 164, 165, 168, 177—179, 181, 183, 187—189, 192, 193, 199, 200, 203, 209—213, 217, 219, 221—223, 227, 229, 237, 240, 242, 253, 257

— Северная 3, 169

— Центральная 6, 68, 79, 156, 177, 240, 244

— Юго-Восточная 3, 4, 240, 244

«Европская страна» см. Европа

Египет 51, 83, 146, 156, 252

«Елева река» см. Эльба

«Енос», о. 83

«Енпрон» (Эпир), область 83

«Ерусалим» см. Иерусалим

«Еубока» (Евбея), о. 83

«Ефес» 153

«Жемотская земля» см. Жмудь

Жмудь, «Жемотская земля», «Самогития» (Жемайтия) 25

«Жунбрюк» см. Инсбрук

«Жунская земля» см. Штральзундская земля

Загреб 18—20, 39, 40, 76
Задунавье 76
«Закош град» 18, 19
Запад см. Европа Западная
Зеландия, «Зеландская земля», «Селланская земля» 182, 199
Зеленого Мыса, «Еспирикне», о-ва 133
«Змира», о. 83
Золотая Орда 93, 95, 96, 115

«Иасигия» 83
Ивангород 89
«Идерлянская земля» см. Нидерланды
Иерусалим, «Ерусалим» 38, 62, 63, 194, 233
Иерусалимское королевство 238, 241
«Испанское королевство» см. Испания
«Иллирики», область см. Иллирия
Иллирия, «Иллирики» 82, 245
«Ильмерь озеро» (Ильмень озеро) 47
«Иляши» 18, 19
Империя, Священная Римская империя германской нации, «Цесарская земля», «Цысарена земля» 6, 69, 70, 73—75, 77, 79—85, 87, 88, 90, 96, 97, 99—102, 104, 105, 108, 111, 116, 123, 125, 146, 154, 158, 165—170, 178—186, 189, 193, 197, 198, 205, 211, 215, 236, 238, 239, 241
Инд, р. 144
Индия 129, 133, 135, 144, 251, 252
Индонезия 146, 252
Инсбрук, «Жюнбрюк» 29, 32, 33, 84, 89, 189
Иосифо-Волоколамский монастырь 147, 219, 221
Иран 252
Ирландия, «Кибирская земля» 196, 197, 200, 206
«Ирнець, р.» 35
Испандия 245
Испания, «Гипшания» «Испанское королевство», «Испанская земля» 6, 108, 111—114, 126, 132—136, 140, 144, 146, 150, 154, 165, 166, 180, 182—189, 193, 197, 198, 200, 202—205, 211, 216, 231, 232, 236, 238, 240, 245, 248, 250
«Испанская земля» см. Испания
Истрия, п-ов 39
«Италийская земля» см. Италия
«Италийские страны» см. Италия
Италия, «Влосские земли», «Италийская земля», «Италийские страны», «Фрязская земля», «Бтальянская

земля» 6, 9, 28, 29, 33/39, 41, 61, 63, 64, 70, 71, 83, 92—96, 99—107, 113, 115, 116, 119, 123—126, 129, 130, 143, 144, 149, 150, 154, 159, 161—164, 185, 186, 190, 191, 194, 195, 219—221, 229, 236, 240, 245
— Южная 162
Иудея 31, 83

Кавказ 83, 149
Казанское ханство 156
Казань 146, 166
Калабрия 87
«Калекуцкая земля» см. Калькутта
Калькутта, «Калекуцкая земля» 133, 247, 251, 252
«Канарийские о-ва» см. Канарские о-ва
Канарские о-ва, «Канарийские острова» 133, 246, 248, 251, 252
Кандия 184
Капренно, «Кравешна» 37
Карельский перешеек 69
Карибское море 130
Карибия 245
Карфаген 129
Каспийское море 144
«Кастелское королевство» см. Кастилия
Кастилия, «Кастелское королевство» 109, 112, 113, 126
Каталония 126
Кафа 83, 94, 146
Квинборо, «Квинборк» 210
«Кеза» см. Кюджа
Кёльн 131, 137, 139
Керкира см. Корфу
«Керсонсаны» (Херсонес, г. во Фракии) 83
«Кесеп» 76
Кеслин 25
«Кибирская земля» см. Ирландия
Киев 3, 4, 163
Киево-Печорская лавра 256
Киевская Русь, Древнерусское государство, Древняя Русь, Киевское государство 3, 4, 14
Киевский Михайловский Златоверхий монастырь 160, 163
Киевское государство см. Киевская Русь
Кирилло-Белозерский монастырь 51, 163, 214, 219
Кириллов монастырь см. Кирилло-Белозерский монастырь
Китай, «Китайское царство» 62, 133, 143
«Китайское царство» см. Китай

- Кола 197
 «Колмогоры» см. Холмогоры
 Кольберг 25
 «Колывань» см. Ревель
 Консепшю, «Селжа» 34
 Константинополь, «Царьград» 7, 8, 38, 39, 62, 82, 93, 94, 100, 101, 103, 115, 116, 131, 132, 146, 147, 150, 151, 157, 194
 Копенгаген 189
 «Копрыница» 18, 19
 «Корешедь» (Корешдь) 18, 19
 Коринф, «Коринфаны» 83, 153
 «Коринфаны» см. Коринф
 «Корший» см. Скарперия
 Корсика, «Корсига», о. 126
 «Коруна польская» см. Польша
 Корфу, «Карцыра», «Корфун», о. 184
 «Коспир» см. Фербек
 «Костер», замок см. Фербек
 «Кохоль» (Бохоль), о. 134
 «Кравенна» см. Капренно
 Краков 40, 106, 174—176, 227, 234
 «Криж» 18, 19
 Крит, о. 184
 «Кротопеники», область 83
 Крым 115
 «Ктолики», область 82
 Куба, о. 129, 248
 Курляндия, «Курская земля» 25
 «Курская земля» см. Курляндия
 Кыджа, «Кеза» 37, 38, 41
- Ладожское, «Ладоское», озеро 47
 «Лампзинвоус» 160
 «Латриа» 160
 Лапландия 245
 «Ласедомоники», область 82
 «Левъогинское королевство» см. Леон
 Лейпциг, «Липес» 29, 30, 44, 46, 190
 Ленинград 15, 57, 236, 240
 Леон, «Левъогинское королевство» 109
 Лепанто 193
 Лех, р. 32
 Ливия 116
 Ливония, Лифляндия, «Лифляндская земля» 8, 23, 24, 26, 39, 40, 69, 90, 106, 141, 174, 189, 198, 213—215, 226, 227, 245
 Ливонский орден 25, 69, 166
 Лион 31
 «Липес» см. Лейпциг
 Лиссабон 202, 203, 249
 Литва см. Великое княжество Литовское
 Лифляндия, «Лифляндская земля» см. Ливония
 «Локренсавы» (Локрида), область 83
- Лондон, «Лунда», «Люнда» 56, 57, 166, 199, 202, 205—211, 216
 Луго, «Алуга» 34
 «Лузитанское королевство» см. Португалия
 «Лунда» см. Лондон
 «Луньбрег» см. Люнебург
 Львов 40
 Любек, «Любок» 13, 17, 25—30, 35, 41, 44—46, 73, 75, 77, 78, 81, 85, 87, 89, 90, 95, 170, 189, 190
 «Любия» 160
 «Люблев» 39, 41
 «Любок» см. Любек
 «Люзитанское королевство» см. Португалия
 Люнебург, «Луньбрег» 29, 44—46, 190
- Магдебург, «Батмер», «Мальброк», «Махдеборх» 29, 30, 44, 46, 169, 190
 Магелланов пролив 202
 Мадрид 140
 Майнц 31
 Македония 83
 Малакка 251
 Малакка, н-ов 133
 Малая Азия 7, 83, 149
 «Мальброк» см. Магдебург
 «Мавна» 160
 Мантуя 189
 «Мара» (Мортир), о. 134
 Маргарита, о. 248
 Марокко 205
 «Мартомвашерь» 18
 Матап, «Маутан», о. 134
 «Матфиана» (Маккийн) о. 134, 135
 «Махдеборх» см. Магдебург
 «Медва река» см. Мидуей, р.
 «Медиапан» см. Милан
 Медина 252
 «Медрайские о-ва» 246
 Мекка 252
 Мекленбург 189, 245
 Мельн 28, 29, 190
 Месопотамия 83
 Мидуей, «Медна», р. 210
 «Мизия большая» (Мезия верхняя) 83
 «Мизия меньшая» (Мезия нижняя) 83
 Милан, «Меднапан», «Меднален» 70, 84, 98, 101, 118, 185
 «Митилина» (Митилена), о. 83
 Можайск 40
 Молдавия 146, 153
 «Моллизия, папство» 160
 «Молукитские» острова см. Молуккские острова

Молуккские, «Молюкиди остров»,
«Молюкитские острова», о-на 129—
135, 137, 138, 145

Морея 146

Москва, г., великое княжество,
см. также Русское государство
5, 8, 10, 15, 17, 20—22, 40, 44,
46, 48, 49, 57, 62, 70, 73, 74, 76,
77, 80, 82, 86—91, 93—98, 100—
107, 115, 116, 118, 120, 121, 123,
125—127, 140—144, 146, 150, 154,
156, 158, 166, 174—177, 181,
186—189, 192, 193, 195, 196, 198,
199, 202, 203, 211, 216, 218, 223,
224, 232, 234, 236, 240, 242, 253

Московия см. Русское государство
Московская Русь см. Русское го-
сударство

Московское государство см. Рус-
ское государство

Московское княжество см. Москва
Мохач 166, 180, 228

Мста, р. 23

«Мутила» (Бакьян?), о. 134

«Наваржское королевство» см. На-
варра

Наварин 153

Наварра, «Наваржское королевство»
109, 114

«Наполия» см. Неаполитанское ко-
ролевство

Нарва, «Ругодив» 213

«Неапуль» см. Неаполь

Неаполитанское королевство, «На-
полия», «Неонолское королевство»,
«Скиллийское королевство» 87, 109,
111, 113, 161, 185, 194

Неаполь, «Неапуль», «Неополи»
109, 112, 160, 163, 164

Нейгаузен, замок 23

Неополи см. Неаполь

«Переберх» см. Нюринберг

Нидерланды, «Идерлянская земля»,
«Недерлинская земля» 6, 79, 165,
181—184, 186, 188, 193, 198, 211

Никополь, «Скиллах» 149

Новгород, «Великий Новаград»,
«Повград» 4, 15, 17, 23, 26, 44—
49, 63, 64, 89, 91, 94, 95, 102,
104, 105, 125, 126, 141, 189, 220

«Повград» см. Новгород

Новый свет см. Америка

Норвегия, «Норвежское королев-
ство» 209, 245

«Нурбек», «Нурбех» см. Нюринберг
«Нутеры» 161

Нюринберг, «Переберх», «Ниринберг»,
«Нурбек», «Нюрборк» 12, 29, 31,
32, 41, 44, 46, 76, 80, 86, 90, 169

«Обатна» см. Аббация
Ока, р. 68

Океания 146

«Олинтяны» (Олинф, г.) 82

«Омовжа река» см. Эмбах

Ормуз, «Гурмыз», о. 217

«Ортоменнаны» (Орхомен, г.) 83

Османская империя см. Турция

Османское государство см. Турция

Осор, «Осора» (итал. Оссеро) 39, 41

«Осора» см. Осор

Оттоманская империя см. Турция

«Оугорское королевство» см. Вен-
грия

«Павда» см. Падуя

«Падулос» 160

Падуя, «Павда» 33

Палестина 38, 146, 156

«Папонское королевство» см. Венг-
рия

Паренцо см. Пореч

Париж, «Паризия», «Парис» 128,
172, 174, 187, 201, 247

Пернау (совр. Пярну) 189

Перу 202

«Пестосолнет», «Пестолнет» 160

«Печера» см. Пореч

Пиренейский полуостров 183

«Платесаны» (Платея, г.) 83

Пльзень 177, 190

По («Пова, река»), р. 34, 37

«Пова река» см. По

Подолля 153

Пожонь (совр. Братислава) 73, 74,
76—78, 80, 99

«Пола» см. Пула

«Полонинные горы» см. Альпы Тир-
рольские

«Полопоменская страна» (Пелопон-
нес) 83

Полоцк 213, 235

Польское королевство см. Польша

Польша, «Сараматское королевство»,
Польское королевство, Речь Пос-
политая 3, 39, 40, 63, 69, 71,
73—75, 77, 80, 82, 84, 90, 106,
108, 109, 111, 149, 152, 153, 157,
158, 166, 170—178, 180, 187, 189,
190, 192, 195—197, 215, 223, 224,
229, 231—234, 253

Померания, «Баморская земля»,
«Поморская земля» 25, 245

«Поморская земля» см. Померания

«Понт», «Поитенск» см. Форхгейм
Поптесье 35

Пореч, «Печера» (итал. Паренцо) 39

«Порни» (Борнцо), о. 134

Порта см. Турция

«Португалийское королевство» см. Португалия
 Португалия, «Льезитанское королевство», «Португалийское королевство» 109, 111, 133, 135, 144, 146, 183, 185, 193, 194, 202, 203, 211, 251
 «Португалия град» см. Портус-Гале
 Портус-Гале, «Португалия град» (совр. Оporto) 109
 Прага 174, 189, 191
 Прибалтика 82, 87, 144, 166, 189, 196
 Причерноморье 149
 Пруссия, «Прусская земля» 23, 25, 189, 245
 Псков 4, 17, 23, 44, 46
 Псковский Елизаветин монастырь 163
 Псковское озеро 23
 Пуатье 183
 Пула, «Пола» 39, 41
 «Раковц, Раковиц» 18, 19
 «Ратция» 153
 Равель, «Колывань» (совр. Таллин) 73, 76—78, 81, 87, 89, 90, 95, 220, 221
 Регенсбург 4, 170
 Рейн, «Рена», р. 85
 «Рена, река» см. Рейн
 Речь Посполитая см. Польша
 «Ржента» см. Арджента
 Риббениц 25
 Рига 17, 24—26, 44, 46, 173, 189
 Рим, г., Папское государство 7, 15, 17, 48, 52—55, 69, 70, 87, 93, 95, 96, 100, 101, 103, 105—107, 118, 120, 121, 124, 129, 137, 142—146, 158, 180, 182, 185, 186, 188, 189, 193—195, 197, 211, 244
 Римская империя 241
 «Рна» см. Арно
 Родос, о. 147, 156
 Рославль (Вроцлав) 77
 Россия см. Русское государство
 — Западная см. Русское государство — Запад
 — Северная см. Русское государство — Север
 — Северо-Западная см. Русское государство — Северо-Запад
 Росток 25, 189
 Ротенбург, «Родомберх» 169
 «Ругодив» см. Нарва
 Русская земля см. Русское государство
 Русский Север см. Русское государство — Север
 Русское государство, Московия,

Московская Русь, Московское государство, Россия, Русская земля, Русское централизованное государство, Русь 3—8, 23, 26, 31, 32, 37—40, 43, 45, 48, 50, 57, 61, 63—77, 79, 82, 84, 86—88, 90—92, 94—102, 105—108, 116, 117, 119—124, 126, 127, 131, 138—141, 143—147, 150—154, 156, 160, 162—164, 166—168, 170—173, 181, 189—192, 195—199, 203, 206, 211, 213—217, 219, 221—224, 227, 228, 233, 235, 237, 243, 244, 253, 257
 — Запад, Западная Россия, Западная Русь 157, 238
 — Север, Северная Русь, Северная Россия 15, 143
 Северо-Восток, Северо-Восточная Русь 24
 — Северо-Запад, Северо-Западная Россия 26
 — Юг, Южная Русь 163
 Русское централизованное государство см. Русское государство
 Русь см. Русское государство
 — Западная см. Русское государство — Запад
 — Север см. Русское государство — Север
 — Северо-Восточная см. Русское государство — Северо-Восток
 — Южная — см. Русское государство — Юг

Саксония 30, 245
 «Салмигноус» 160
 Салоникки, «Солонихий» 220
 «Самия» (Самос), о. 83
 «Самобританийское королевство» см. Англия
 Самогития см. Жмудь
 «Самовидина», о. 83
 Савлис 81
 «Сараматское королевство» см. Польша
 Сардиния, «Серденна» 126
 Сармация 83
 «Свитских остров» см. Готланд
 Свицкая земля см. Швеция
 «Святогорские монастыри» см. Афонские монастыри
 Священная Римская империя германской нации см. Империя
 Себу, «Субусф», о. 134
 Северная Двина, р. 143, 166, 215
 Северный Рейн-Вестфалия 5
 Севилья 137
 «Сегисты» см. Шегезд

Секетфехервар, «Белагород», «Белый Город», «Белый град» 18—20, 76, 87, 99
 «Селанская земля» см. Зелацния
 «Селжа» см. Конселиче
 «Сена» см. Сень
 «Сенегай, королевство» см. Сенегал
 Сенегал, «Сенегай, королевство» 246, 251
 Сень, «Сена» (итал. Сенья) 21, 39
 Сербия, «Сербская страна» 7, 39, 82, 83, 146, 153
 Сербская страна см. Сербия
 Сибирь 62
 «Сикилийское королевство» см. Неаполитанское королевство
 Силезия, «Силезская земля», «Слезская земля» 77, 189, 245
 Сирия 146, 156, 252
 Сицилия, о. 185
 Скандинавия 141
 Скандинавский полуостров 190, 198
 Скарборо, «Скарбар» 209
 Скарперна, «Корпий» 37
 «Скиллах» см. Никополь
 «Скопия» 83
 «Скура» 160, 161
 Славония, «Славонская страна», «Словенская земля» 18, 76, 82
 «Славонская страна» см. Славония
 «Слезская земля» см. Силезия
 «Словенская земля» см. Славония
 Смоленск 40, 68, 84, 85, 176, 189
 «Солонхий» см. Салоники
 «Солуский берег» (Сулу, архипелаг) 134
 «Спропия» 83
 «Срачины» см. Арабского востока страны
 Средиземное море, «Шнанское море» 21, 166, 194, 244
 Средиземноморье 147, 149
 «Сталимина» (Саламин), о. 83
 «Стод» см. Штаде
 Страсбург 242, 247
 Суздаль 9, 11, 12, 14, 15, 17—21, 40, 42, 45, 55
 Суматра, о. 133
 «Суруж» (Судак) 115
 «Сутерим» 153
 Съеве, р. 35
 Тана см. Азов
 «Тарапти» (Тарнати) о. 134
 Тверское княжество 91
 Тверь 22, 23
 «Тебаны» (Фивы, г.) 83
 Тевтонский орден 23, 25, 82
 Темза, «Темзь», р. 206, 209, 210

«Тенедоп» (Тенедос), о. 83
 Теночтитлан, «Теноктик» 133
 Теплое озеро 23
 «Тесалия» (Фессалия), область 83
 Тибр («Тивер»), р. 52
 «Тивер» см. Тибр
 Тидор, «Федора», о. 134, 135
 «Тиск», р. 30
 Тихий океан 134, 202
 Тордесильяс 133
 Торжок 23
 Торунь, Торн 81
 Траве, р. 26, 29
 «Трасия» см. Албания
 Тренто, «Фреанда» 33
 Трентов 25
 «Троа», «Трара» 161
 Троице-Сергиев монастырь, Троице-Сергиева лавра 64, 123, 219, 223
 Троицкий монастырь см. Троице-Сергиев монастырь
 Тропик Козерога 139
 Троя 129
 Турецкая империя см. Турция
 Турция, Османская империя, Османское государство, Оттоманская империя, Порта, «Турьская земля», Турецкая империя 7, 38, 69, 70, 82, 93, 109, 146—148, 152—154, 156—158, 166, 172, 173, 177—180, 182—184, 186, 188, 189, 192, 195, 198, 203, 205, 211, 220, 242
 «Турьская земля» см. Турция
 «Туспенканы», область 83
 «Тфеодория» 153
 «Тфеодосия» 153
 «Тыязум», «Тыанум» 160
 Тюбинген 140
 «Угорская земля» см. Венгрия
 «Угорская земля» см. Венгрия
 «Угорское королевство» см. Венгрия
 Угра, р. 121
 «Угры» см. Венгрия
 Фаенца, «Фенза» 35
 «Фара» см. Феррара 37
 «Федора» см. Тидор
 «Фенза» см. Фаенца
 «Ферацкое» море см. Адриатическое море
 Фербек, «Коспир», «Костер» замок 23, 44
 Феррара, «Фара» 8, 17, 21, 28, 29, 33, 35, 37, 41, 43, 47, 52—55, 64, 65

«Филандрия» см. Фландрия
Фишляндия, «Финская земля» 245
Фиренцуола, «Флоренц» 37
Фландрия, «Вландерская земля»,
«Галлия комата», «Филандрия»
79—81, 87, 108, 182
Флессинген, «Флессинге» 199
«Флессинге» см. Флессинген
«Флоренза» см. Флоренция
«Флорентия» см. Флоренция
«Флоренц» см. Фиренцуола
Флоренция, «Флоренза» «Флорен-
тия» 8—17, 20—22, 26, 27, 31,
34—37, 40, 41, 43—47, 49—55,
57—61, 63—65, 128, 129, 189,
220
Форхгейм, «Попт», Понтенск 29—
31, 44, 46
Фракля 7
«Франза» см. Франция
Франкония 245
Франкфурт 189
Франция, «Галлийское королевство»,
«Франза», «Францовское королев-
ство», «Французская земля» 4,
6, 31, 70, 79—81, 84, 85, 108,
111, 113, 128, 149, 150, 154, 165, 166,
171—174, 178, 180—184, 186—
189, 194, 197, 198, 200—203, 205,
211, 238, 242, 244, 245
— Западная, «Галлия тогота» 108
«Фреанда» см. Тренто 33
«Фряжская земля», «Фряжская
земля» см. Италия
«Фунды» 160

«Хион» (Хиос), о. 83
Холмогоры, «Колмогоры» 197, 209,
211
Хорватия, «Хорватская земля»,
«Хорватская страна» 39, 78, 82,
245
«Хорватская земля» см. Хорватия

Царьград см. Константинополь
«Цесарская земля» см. Империя
«Цикаля» 161
«Цинуция» 153
«Цихриа великая» 160
«Цихриа малая» 160

«Цысарева земля» см. Империя
Чернигово-Северское княжество 68
Черное море 33
Чехия, «Бунмское королевство», Чеш-
ское королевство 3, 99, 102, 109,
111—113, 149, 183, 186, 189, 230,
232, 236, 240, 242
Чешское королевство см. Чехия
Чили 202
«Чиргов», «Чиргу» 18, 19
Чудов монастырь 119
Чудское озеро 23

Швабия, «Швабская земля» 245
Шведская земля см. Швеция
Швейцария 30, 244
Швеция, «Шведская земля», «Швед-
ское королевство» 4, 12, 69, 112,
166, 196, 215, 245
«Шгарбария» см. Шимбория
Шегезд, «Сегисть», «Шегезяд» 18
«Шимбория», «Шгарбария» 220
Шконская земля см. Штральзундская
земля
«Шкотцкая земля» см. Шотландия
Шлаве 25
Шопрон 76
Шотландия, «Шкотцкая земля» 180,
181, 209, 210, 216, 245
«Шпапское» море см. Средиземное
море
Штаде, «Стод» 169
Штеттин (совр. Щецин) 189, 190
Штольн 25
Штральзунд 25
Штральзундская («Кунская», Шкон-
ская) земля 11, 12, 25

Эгейское море 146
Эльба, «Елева», р. 29
Эмбах, «Омовжа река» (совр.
Эмайыг), р. 23
Эрфурт, «Афрат» 29, 30, 41, 44, 46
Эспаньола (совр. Гаити), о. 248

Юрьев см. Дерпт

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Западная Европа в русской письменности середины XV в. Произведения флорентийского цикла: Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг. (с. 8); Заметка о Риме (с. 52); Исхождение Авраамия Суздальского (с. 55); Повесть о восьмом соборе Симеона Суздальского (с. 63).	7
Глава II. Западная Европа в русской письменности конца XV—начала XVI в. . . . . Посольские дела: книги сношений России с Империей (с. 70); летописи: летописные своды XV (с. 91) и XVI вв. (с. 104); памятники русской оригинальной литературы: Речи цесарева посла (с. 125); известия о Парижском университете, реформах Савонаролы, открытии Нового света в сочинениях Максима Грека (с. 128—130); памятники переводной литературы: Письмо Максимилиана Трансильвана о путешествии Магеллана (с. 131); произведения турецкой темы (с. 146); сообщения о стихийных бедствиях в Западной Европе (с. 158).	68
Глава III. Западная Европа в русской письменности середины и второй половины XVI в. . . . . Посольские дела: книги сношений России с Империей (с. 167), Италией (с. 185), Англией (с. 195); летописи (с. 212); памятники русской оригинальной литературы: рассказ о землетрясении в Италии и в Греции в 1542 г. (с. 219); произведения антипротестантской полемики (с. 221); памятники переводной литературы: «Хроника всего света» Мартина Бельского: личность автора и история создания «Хроники» (с. 227); вопрос о числе русских переводов «Хроники всего света» и извлечение из нее в Хронографе западнорусской редакции (с. 237); списки перевода 1584 г. и его состав (с. 240).	165
Заключение	257
Список сокращений	259
Указатель имен	260
Указатель географических названий	269

Наталья Александровна Казакова
ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА
В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XV—XVI ВЕКОВ
(Из истории международных культурных
связей России)

Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства *Р. И. Пазэле*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Г. М. Алхмова, М. Ю. Гордеева*
и *Э. Г. Рабинович*

Сдано в набор 14.03.80. Подписано к печати
29.08.80. М-11007. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага
типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Печ. л. 17¹/₂+4 вкл. (1¹/₂ печ. л.)=
18 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 21.32. Тираж 3100.
Изд. № 7324. Тип. зак. № 1250. Цена 2 р. 30 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164 Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

2 р. 30 к.

Б. М. Е. М. Е. М.